Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

На правах рукописи

Киндеркнехт Анна Сергеевна

Языковая личность медиатора: дискурсивные аспекты, ценностные ориентиры, речевая практика

5.9.8 – Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант: доктор
филологических наук, профессор
Карасик Владимир Ильич

Москва – 2024

Оглавление

Введение 4–27
Глава 1 Языковая личность медиатора в фокусе современной дискурсологии 28–99
1.1 Дискурс медиации как актуальный вид социальной и коммуникативной практики 28–42
1.2 Специфика институционального дискурса медиации 42–58
1.3 Реализация языковой личности медиатора в дискурсе медиации 58–70
1.4 Профессиональный статус языковой личности медиатора 70–99
1.4.1 Экспликация профессиональной помощи языковой личности медиатора 72–82
1.4.2 Становление языковой личности медиатора в профессиональном дискурсе 82–99
Выводы по главе 1 99–101
Глава 2 Ценностно-регулятивные координаты языковой личности медиатора 102–203
2.1 Ценности медиации в современной России 102–124
2.1.1 Контексты актуализации ключевых слов медиации 102–116
2.1.2 Агнонимичность слова «медиация» для потенциальных клиентов медиатора 116–124
2.2 Доминантные регулятивы языковой личности медиатора 124–144
2.3 Принципы медиации как аксиологические ориентиры языковой личности медиатора 145–181
2.3.1 Принцип конфиденциальности 146–153
2.3.2 Принцип беспристрастности и независимости медиатора 154–166
2.3.3 Принцип добровольности 166–171
2.3.4 Принцип сотрудничества и равноправия сторон 171–181
2.4 Объективация ценностных смыслов медиатора в моделях и стилях медиации 181–203

Выводы по главе 2 204–205
Глава 3 Речевая характеристика языковой личности медиатора 206–359
3.1 Стратегии и тактики медиатора на разных этапах медиации 206–276
3.1.1 Коммуникативные стратегии и тактики языковой личности медиатора 206–212
3.1.2 Введение в процесс медиации 212–234
3.1.3 Презентация сторон 234–243
3.1.4 Дискуссия по выработке вопросов 244–250
3.1.5 Кокус 250–265
3.1.6 Дискуссия по выработке предложений 266–269
3.1.7 Подготовка проекта соглашения 269–272
3.1.8 Выход из медиации 273–276
3.2 Арсенал коммуникативных техник медиатора 276–301
3.3 Тезаурус языковой личности медиатора 302–337
3.3.1 Специфика словаря медиатора 302–316
3.3.2 Структура тезауруса медиатора 316–337
3.4 Речевая практика языковой личности медиатора за рамками медиации 337–359
Выводы по главе 3 360–361
Заключение 362–366
Список использованной литературы 367–430
Приложения 431–461
Приложение А. Список иллюстративного материала 431–436
Приложение Б. Фрагмент части тезауруса «Алфавитный указатель ключевых слов с дефинициями» 437–446
Приложение В. Текст Федерального закона о медиации 447–455
Приложение Г. Образцы документов медиатора 456–461

Введение

Диссертационная работа посвящена изучению языковой личности медиатора как специального независимого посредника, привлекаемого конфликтующими или спорящими сторонами для помощи в урегулировании конфликта или спора.

Тема исследования продиктована обнаруженным **противоречием** между неугасающим интересом к теории языковой личности в современном языкознании и лакунарностью в собственно лингвистическом освещении деятельности медиатора как представителя относительно недавно появившейся и активно развивающейся помогающей профессии.

Медиация – это регулируемая правом деятельность по альтернативному разрешению споров, особым образом организованные переговоры с участием специального посредника – медиатора, который содействует устранению разногласий и достижению соглашения, отвечающего интересам сторон. Медиация представляет собой определенную сферу современной общественной жизни [Носырева, 2012], это «универсальный светский и гражданско-общественный способ урегулирования конфликтов» [Стребков, 2016, с. 19]. В настоящее время медиатор социальных конфликтов – это популярная профессия социального направления. В «Атласе профессий будущего», разработанном группой специалистов Агентства стратегических инициатив и Московской школы управления Сколково, медиация рассматривается как одна из социально ожидаемых профессиональных областей в обозримые десятилетия. Отмечается, что медиатор – это «специалист, помогающий решать ненасильственным путем конфликты, возникающие между социальными группами на имущественной, культурной, национальной, религиозной и др. почве» [Атлас новых профессий, веб, с. 132; Атлас новых профессий 3.0, 2020, с. 247].

В нашей стране медиация начала системно развиваться на рубеже XX–XXI веков. Для России это относительно новая институциональная сфера, толчком к всестороннему развитию которой в 2010 году стало принятие Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника

(процедуре медиации)» [Об альтернативной процедуре, веб] (далее – Закон о медиации). Как объект исследования медиация находится на пересечении интересов различных наук: юриспруденции, конфликтологии, психологии, менеджмента, политологии, дипломатии, философии, лингвистики, каждая из которых «формирует тематическую и практическую совокупность знаний о медиации» [Куликова, Прохорова, 2016, с. 100].

Актуальность исследования. Изучение языковой личности медиатора связано с объективной потребностью в адекватном лингвистическом освещении новой коммуникативной деятельности и «необходимостью осмысления всего комплекса проблем, включенных в континуум “язык – профессиональная самореализация человека”» [Мыскин, 2013, с. 151].

В последние десятилетия развивается «не только коммуникационная (технические носители сообщения), но и коммуникативно-дискурсивная (содержательная) сферы глобализации», обращается внимание на роль дискурсивных практик в поддержании социального порядка и социальных изменений в обществе [Дискурсивные практики…, 2015, с. 12; 9–10]. На российском рынке труда появляются новые специальности, представляющие интерес для лингвистики с точки зрения особого «сегмента речевой действительности», коммуникативной реальности, которая «проявляется не только в функциональном наборе языковых средств (как универсальных, так и специальных), но и в пакете коммуникативных установок, позволяющих реализовывать коммуникативные цели в связи с конкретной профессиональной (социальной) деятельностью» [Хватов, 2013, с. 72]. Такой новой специальностью, каким бы спорным ни представлялся ее профессиональный статус, является медиация. Накопление опыта коммуникативных практик медиации, стратегий поведения медиатора и способов эффективного ведения медиативных переговоров требует осмысления не только в рамках философии, социологии, юриспруденции и психологии, но и в рамках лингвистики.

Главная особенность развития медиации в России заключается в том, что она прежде всего сформировалась не как социальный, а как правовой институт: «право

регулирует отношения, которые еще не сложились в обществе как фактические» [Носырева, 2012, с. 6]. Эта особенность отвечает актуальной «необходимости приспособления национального языка к обслуживанию всех множащихся потребностей государства» [Костомаров, 2005, с. 7]. Актуальность настоящего исследования связана с активной работой российских медиаторов по выбору адекватных языковых и речевых средств для осуществления своей профессиональной деятельности.

Актуальность работы определяется также соотнесенностью рассматриваемой темы с приоритетными направлениями исследований в современной лингвистике:

– *Профессиональный дискурс* как «институциональное общение людей, получивших специальную подготовку для выполнения определенной трудовой деятельности» [Бейлинсон, 2009, с. 5], вербальная опосредованная коммуникация, «процесс контролируемого взаимодействия субъектов профессиональной деятельности, характеризующийся определенным комплексом норм, стереотипов мышления и поведения» [Голованова, 2013, с. 32]. Интерес к профессиональному дискурсу обусловлен целым рядом обстоятельств, связанных с социокультурной динамикой общества: «формируются качественно иные принципы организации жизни и деятельности людей, на первый план выходят вопросы социальной активности, гибкости, способности адаптироваться к быстро меняющимся условиям социальной среды» [Цвык, 2003, с. 258], появляются новые специальности со своими коммуникативными целями и установками, от работников требуются профессиональная мобильность и готовность быстрого освоения конвенций общения в рамках определенных трудовых функций.

Исследование коммуникативного поведения представителей определенных профессиональных групп становится актуальным в связи с пониманием того, что «коммуникативные процессы в любой профессиональной деятельности выступают наиважнейшим фактором ее эффективности» [Монжиевская, 2015, с. 37]. Изучение функционирования языка в различных сферах человеческой деятельности рассматривается как необходимая составляющая изучения профессионального

опыта как «опыта, который не передается генетически, который не может быть воспринят бессознательно, автоматически» [Дудиков, 2009, с. 63].

Актуальность изучения дискурса медиации обусловлена новизной и активным развитием профессиональной сферы медиации в Российской Федерации. Президент Национальной организации медиаторов Ц.А. Шамликашвили отмечает лингвистику среди других научных областей, представляющих потенциальный интерес для формирования научного знания о медиации; лингвистика, согласно автору, относится к кругу научных отраслей, способных дать адекватное аналитическое обеспечение медиативному урегулированию споров [Шамликашвили, 2014 (б)].

– *Дискурсивная персонология* как подход к «анализу человека в языке с позиций того или иного дискурса, в котором человек участвует» [Карасик, 2007, с. 79]. Лингвистическое изучение основного участника дискурса – медиатора – имеет приоритетное значение для развития теории и практики медиации. Медиатор – независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредника в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора [Об альтернативной процедуре…, веб], это профессиональный помощник в переговорах конфликтующих сторон, который «ведёт и направляет процесс взаимодействия сторон» [Шамликашвили, 2017 (б), с. 14], создавая условия для самостоятельной выработки ими вариантов решения проблемы.

Медиация – это «новая коммуникативная практика разрешения конфликтов» [Аллахвердова, 2006, с. 31]. Медиатор должен владеть «эффективными коммуникативными инструментами работы с конфликтом», обладать определенными коммуникативными компетенциями для правильной организации взаимодействия сторон, так как «коммуникация в конфликте <…> – это *общение в квадрате*» [Иванова, 2008, с. 5–6], коммуникативные компетенции медиатора здесь являются «вопросом критической важности», характер общения медиатора со сторонами и управление информацией, полученной в рамках коммуникации, «решают судьбу медиативного процесса» [Дронзина, 2015, 120].

Языковая личность медиатора еще не была объектом всестороннего лингвистического анализа. Актуальным представляется также анализ коммуникативных практик медиатора для осуществления эффективного институционального взаимодействия людей в ситуации конфликта.

Степень разработанности темы. Несмотря на растущую популярность медиации в мире и у нас в стране, лингвистические исследования, посвященные профессиональному дискурсу медиации, немногочисленны. Анализ публикационной активности российских авторов по теме «Дискурс медиации» за последние 20 лет показал, что проработка и оформление теоретического знания по теме начинаются с 2008 года [Киндеркнехт, 2020 (а)].

Далее, с принятием Закона о медиации, отмечается повышение исследовательского интереса к дискурсу медиации: выявляется дискурс медиации как новая разновидность институционального типа дискурса [Баребина, 2012], обосновывается междисциплинарная специфика медиации как объекта исследования, дается определение медиации в дискурсивном измерении – «коммуникативное взаимодействие, которое обусловлено конфликтным потенциалом» [Куликова, Прохорова, 2016], рассматриваются этапы развития данного типа дискурса [Прохорова, 2016], анализируются конститутивные и системообразующие признаки дискурса медиации [Концептуальная систематика аргументации, 2016; Куликова, 2019 (а); Прохорова, 2017], рассматриваются основные лингвистические параметры дискурсивной модели медиации, создается электронная база данных терминологии медиации [Моногарова 2017 (б), 2017 (в), 2018; Моногарова, Кобышева, 2016; Чернышенко, 2013, 2014 (а), 2014 (б), 2015 (а), 2015 (б), 2015 (в), 2015 (г), 2015 (д), 2015 (е), 2015 (ё); Чернышенко, Алимурадов, 2014] (А.Г. Чернышенко и А.Г. Моногарова здесь – одна и та же исследовательница). Исследования проводятся по большей части на материале английского языка, на основе открытых для лингвистического анализа материалов, не учитываются опыт и особенности формирования русскоязычного дискурса медиации.

Анализ научных достижений в выбранной области показывает, что интерес лингвистов к профессиональному дискурсу медиации наблюдается в следующих тематических аспектах проблемы:

1. Терминология рассматриваемой профессиональной сферы, определение термина «медиация» и отграничение его от слова «посредничество», обоснование применения заимствованных слов и конструкций, отмежевание терминологии медиации от юридической терминологии, вопросы перевода и дефиниции основных терминов [Вьюшкина, 2018; Кинова, Кондрашова, 2017; Ланкина, 2018; Моногарова, 2017 (а), 2017 (б), 2017 (г), 2017 (д); Чернышенко, 2015 (а), 2015 (б), 2015 (в); Чернышенко, Алимурадов, 2014; Vyushkina, Khizhnyak, 2017]. Исследование терминологии ведется преимущественно на материале английского и русского языков, основная проблема в изучении терминов медиации – это создание единой системы понятий и обеспечение единства терминологии медиации. Отмечается, что в силу того, что медиация – относительно новое явление в российской правовой действительности, профессиональная терминология медиации – это «молодое негомогенное образование, не отвечающее всем критериям системности, однородности и однозначности» [Чернышенко, 2015 (в), с. 284]. В лингвистических исследованиях пока не рассматривалось значение терминологии для собственно речевой практики медиатора в ходе работы медиатора со сторонами конфликта.

2. Дискурс медиации как отдельный вид дискурса, определение дискурса медиации. Согласно одному из определений, дискурс медиации – это «процесс, в котором стороны конфликта прибегают к процедуре медиации, чтобы посредством языковой коммуникации и с помощью медиатора управлять ситуацией и изменять ее, переходя от конфликтного взаимодействия к кооперативному» [Баребина, 2012, с. 6]. В данной тематической группе публикаций изучаются этапы развития дискурса в исторической ретроспективе, определяются цели и основные участники дискурса медиации (медиатор и стороны конфликта), характеризуется структура дискурсивной модели медиации с определением этапов процесса медиативных переговоров, осуществляется поиск междисциплинарных и межтематических

взаимосвязей дискурса с другими видами социальной коммуникативной реальности [Баребина, 2012; Куликова, 2019 (б); Моногарова, 2017 (б); Чернышенко, 2013, 2015 (б)]. В существующих исследованиях дискурс медиации пока рассматривается в целом как самоорганизующаяся система и общий процесс взаимодействия медиатора и медиантов, при этом роль и статус медиатора в медиации четко не выделяются и не интерпретируются. Кроме того, в лингвистических исследованиях наблюдается смешение понятий медиации и модерации, медиации и переводческого посредничества [Атаев, 2015; Курицын, 2016; Статеева, 2014 (б); Татаурова, 2019]. Наш анализ использования термина «медиация» в современных научных исследованиях по переводу [Киндеркнехт, Колада, 2022] показывает, что зачастую в области переводоведения медиацию нередко путают с медиатизацией, а сам термин «медиация» не всегда употребляется в связи с конфликтными ситуациями межкультурного взаимодействия.

3. Дискурсивные практики реализации медиации: основные приемы организации речи медиатора, обусловленные правилами и принципами процедуры медиации, доминантные стратегии и тактики медиатора [Моногарова, 2017 (б), 2017 (в), 2018; Моногарова, Кобышева, 2016 (б); Прохорова, 2017; Чернышенко, 2014 (а), 2014 (б); Чернышенко, Головченко, 2013]. Исследователи отмечают, что «речевое поведение в медиации – это (в большинстве случаев) заранее составленный план со стратегическими ориентировками, актуализирующимися через определенный набор стратегий» [Моногарова, Кобышева, 2016 (б), с. 16]. В определении дискурсивных практик медиации мы обнаруживаем некоторые неточности. Здесь, на наш взгляд, требуют уточнения отдельные стратегии и тактики медиатора, так как наблюдаемые в исследованиях персуазивные тактики, стратегии инструктирования сторон и совместного обсуждения проблем, а также тактика выдвижения медиатором идеи компромисса должны быть подвергнуты критике с точки зрения функций медиатора в дискурсе медиации, так как объединение медиатора со сторонами и директивность его поведения в ходе процедуры медиации не являются допустимыми паттернами его

коммуникативного поведения. Выявляемые неточности, главным образом, связаны с тем, что изучение дискурса медиации ведется с исследовательской позиции «извне», поэтому остаются нерассмотренными основные акценты в профессиональной деятельности медиатора и связанные с ними стратегии и тактики медиатора.

4. Медиация как языковое/культурное посредничество – лингвистические аспекты профессиональной деятельности медиатора, выступающего одновременно в роли переводчика, юриста и знатока культур, обладающего компетенциями в области психологии и социальной сферы, работающего по примеру культурных медиаторов Европейского союза [Атабекова, 2011 (а), 2011 (б); Атаев, 2015; Белоусова, 2019; Вьюшкина, 2018; Колосова, 2012; Косарева, 2011; Курицын, 2016; Ланкина, 2018; Лингвокультурная и транскультурная медиация…, 2018; Петрова, Статеева, 2014; Статеева, 2013, 2014 (а)]. Рассматриваются вопросы актуальности успешного посредничества в ситуациях конфликта между клиентами, говорящими на иностранных языках, и институтами, предоставляющими услуги в различных сферах, а также проблемы межъязыкового и межкультурного образования профессиональных медиаторов. Данная тема является точкой бифуркации в развитии теории профессионального дискурса медиации и представляет собой хаотические попытки обнаружения и описания организации эффективных способов взаимодействия людей, имеющих разные мнения, взгляды и говорящих на разных языках. В данном аспекте медиация может рассматриваться как одна из посреднических функций, соотносимых с «уровнем развития межкультурной чувствительности и культурным интеллектом» [Брагина, 2022, с. 25].

5. Медиатор как основной участник медиации: эта тема неизбежно затрагивается в вышеупомянутых аспектах исследования профессионального дискурса медиации, однако языковая личность медиатора еще не была предметом отдельного рассмотрения, особенно в русскоязычном сегменте дискурса медиации.

Объект исследования – дискурс медиации как актуальный профессиональный дискурс, связанный с практикой урегулирования конфликтов и оптимизацией социальных взаимосвязей.

Предмет исследования – языковая личность медиатора как ключевого участника дискурса медиации.

Теоретической основой исследования стали научные концепции, разработанные в рамках следующих научных направлений: социолингвистика (В.М. Алпатов, В.Г. Костомаров, Л.П. Крысин, Н.Б. Мечковская, О.Б. Сиротинина, А.Д. Швейцер и др.), когнитивная лингвистика и лингвокультурология (Н.Д. Арутюнова, О.Г. Бараева, Е.Ю. Ильинова, О.И. Калинин, Е.С. Кубрякова, О.А. Леонтович, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин, В.И. Шаховский и др.), прагмалингвистика (М.А. Бабушкина, И.Н. Борисова, О.Я. Гойхман, А.В. Голоднов, Г.П. Грайс, В.А. Данилов, О.С. Иссерс, В.Б. Кашкин, Е.В. Клюев, И.Э. Клюканов, Л.Р. Комалова, Н.Н. Кошкарова, Е.В. Малышева, Т.М. Надеина, Н.Н. Николаева, Т.В. Шмелева, и др.), теория дискурса и коммуникативная аксиология (Н.Д. Арутюнова, Н.А. Ахренова, Л.С. Бейлинсон, М.В. Беляков, В.В. Дементьев, Т.В. Дубровская, В.И. Карасик, Е.А. Кожемякин, М.Л. Макаров, Л.Н. Синельникова, Т.А. Ширяева и др.), лингвоперсонология (Г.И. Богин, Й.Л. Вайсгербер, В.В. Виноградов, Н.Д. Голев, Е.В. Иванцова, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, Т.В. Кочеткова, В.П. Нерознак, К.Ф. Седов, А.П. Седых, И.В. Сентенберг, О.Б. Сиротинина и др.), теория профессиональной языковой личности (Л.С. Бейлинсон, Л.М. Бузинова, Е.В. Волкова, Е.И. Голованова, Н.А. Лемяскина, С.В. Мыскин, М.Н. Панова, М.И. Солнышкина, М.А. Черкасова и др.), исследования языковой личности медиатора и дискурса медиации (О.А. Алимурадов, Н.С. Баребина, И.Ф. Головченко, Е.И. Кобышева, Л.В. Куликова, М.Н. Лату, А.Г. Моногарова (Чернышенко), Е.С. Петрова, О.А. Прохорова, Е.В. Статеева).

Социолингвистическое описание условий и особенностей реализации языковой личности медиатора в актуальном дискурсе медиации базируется на научных исследованиях практикующих в России медиаторов: А.Н. Азарновой, О.В. Аллахвердовой, Ю.А. Дубининой, Е.Н. Ивановой, Л.М. Карнозовой, А.Д. Карпенко, А.Ю. Коновалова, Р.Р. Максудова, И.И. Маниной, Е.В. Морозовой, Е.И. Носыревой, Ц.А. Шамликашвили, Ю.А. Яковлевой и др.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что речевая практика медиатора и его дискурсивные проявления во взаимодействии со сторонами обусловливаются и во многом определяются аксиосферой медиации. Медиатор структурирует диалог сторон в соответствии с ценностными координатами дискурса медиации, коммуникативное поведение медиатора диктуется аксиологическими основаниями его профессии.

Цель диссертационной работы – комплексное исследование языковой личности медиатора в современном русскоязычном дискурсе медиации.

Задачи исследования:

1) охарактеризовать дискурс медиации как актуальный вид социальной и коммуникативной практики;

2) дать определение языковой личности медиатора как основного участника дискурса медиации;

3) обозначить статус медиатора в субъект-субъектной коммуникации помогающей профессии;

4) выделить аксиологические доминанты коммуникативного поведения медиатора;

5) описать диверсификацию ценностных подходов в коммуникативной практике медиации;

6) выделить и описать коммуникативные стратегии и тактики медиатора на каждом этапе в структуре медиативной сессии;

7) рассмотреть арсенал коммуникативных техник медиатора;

8) охарактеризовать тезаурус языковой личности медиатора;

9) раскрыть специфику «встроенного» медиатора как особой формы самомоделирования языковой личности в дискурсе.

Методы исследования:

– методы теоретического описания: наблюдение, сравнение, обобщение, библиометрический анализ для оценки степени разработанности темы и определения приоритетных направлений лингвистических исследований дискурса медиации, публикационный и статистический методы для аналитического обзора

динамики публикаций по медиации и для анализа эволюционной эпистемологии конфликта в научных исследованиях.

– методы эмпирического познания: лингвистическое наблюдение и комплексное коммуникативно-лингвистическое описание, используемые в отборе языковых и речевых явлений в соотнесении с целями коммуникации на разных этапах медиации; этимологический анализ и элементы корпусной методики для выяснения истоков происхождения и закономерностей семантизации ключевых терминов медиации; метод инференции для восстановления семантического пространства языка на основе ситуативных аспектов высказывания, связанных с правилами, принципами и опытом общения в медиации (коммуникативная импликатура по Г.П. Грайсу); моделирование коммуникативных ситуаций для описания стретегий и тактик медиатора в конкретных условиях общения в речевой ситуации в ходе медиативной сессии.

Основополагающим для методологической базы исследования является рефлексивно-ценностный подход, устанавливающий взаимосвязь между требованиями к профессиональной подготовке медиатора и стремлением соответствовать установленным требованиям в коммуникативном поведении в ходе осуществления профессиональной деятельности в медиации. Значимыми для методологии исследования являются также интроспективные методы исследования, валидные для изучения языковой личности в частично закрытой от общественности профессиональной сфере, в частности, применяется дискуссионный в современных лингвистических исследованиях метод самонаблюдения (интроспекции) [Тимофеева, 2015; Вайнштейн, 2016; Мазилов, 2017; Киндеркнехт, 2019 (а), 2019 (г)].

Понимание субъекта в научном знании в XX веке претерпевает ряд изменений, в результате которых становится возможным формирование «понятия наблюдателя, которое объединяет в себе субъектные и предметные характеристики» [Маркова, 2011, с. 86]. Как пишет М.С. Милованова, «в современном обществе существует тенденция актуализации субъекта познания <…>: *субъект* познания становится одновременно и *объектом*, предметом

изучения» [Милованова, 2022, с. 148]. Самонаблюдение (интроспекция) начинает освещаться в лингвистических исследованиях: разрабатывается понятие интроспекции персонажа художественного произведения [Федотова, 2009], изучается возможность анализа лингвистом собственных текстов [Копытов, 2011], методом самонаблюдения анализируются отдельные аспекты динамического сосуществования различных языков в одной языковой личности [Дебренн, 2015], наблюдаются собственные реакции на смысловые сегменты в другой лингвокультуре [Брагина, 2015], подробно рассматриваются дискуссионные вопросы метода интроспекции в лингвистике и языке [Тимофеева, 2015].

В лингвоперсонологии метод самонаблюдения рассматривается как возможный метод для сбора и анализа языковых фактов. Например, Е.В. Иванцова относит метод самонаблюдения к специфическим методам, синтезирующим приемы сбора фактических данных и их первичного анализа в исследовании языковой личности [Иванцова, 2008]. Исследовательница отмечает, что «самонаблюдение позволяет получить уникальную информацию, недоступную из других видов источников», признавая, что «принципы изучения носителя языка находятся в стадии формирования, и их выработка будет способствовать появлению высокоинформативных аналитических работ о “человеке говорящем” во всем многообразии его реальных проявлений» [Иванцова, 2008, с. 41].

Медиация не является публичным процессом и, согласно закону, при проведении процедуры медиации сохраняется конфиденциальность всей относящейся к данной процедуре информации. Без согласия сторон медиатор не вправе разглашать информацию, ставшую ему известной во время процедуры; запрещается аудио-, видеосъемка и стенографирование материалов в ходе медиации. К материалам, свободным для непосредственного изучения, относятся лишь письменные соглашения, выходящие за рамки процедуры медиации, между тем результаты медиации в виде соглашений могут представлять собой устные договоренности между сторонами, которые также не могут фиксироваться сторонним наблюдателем. Допустимым для изучения реального проявления языковой личности медиатора является исследование «изнутри», когда

исследователь становится одним лицом с испытуемым, например, когда исследователь (наблюдающий субъект) для изучения медиатора (наблюдаемого объекта) сам обучается данной профессиональной области.

Отдельными способами сбора информации для исследования является внутрипрофессиональное общение с медиаторами-информантами и анализ публикаций практикующих медиаторов, однако для этого также необходима сопричастность к дискурсу медиации. Материалом для анализа здесь будут не непосредственно наблюдаемые языковые явления и коммуникативная практика медиатора, а ретроспективная рефлексия самих медиаторов, анализируемая исследователем, что, по сути, представляет собой то же наблюдение за своей собственной речевой практикой в рамках профессии, интроспекцию своего коммуникативного поведения.

В сфере медиации метод интроспекции будет отличаться от метода «включения в языковое существование говорящего» [Иванцова, 2002, с. 25], используемого диалектологами при изучении языка отдельных личностей. Отличие заключается, прежде всего, в условиях включенности, которые предполагают длительное наблюдение и установление психологического контакта между исследователем и информантом. В исследовании дискурса медиации такие условия практически не достижимы при изучении группы информантов-медиаторов. Ограничением метода включенного наблюдения является к тому же конфиденциальность процедуры медиации, в связи с чем невозможна любого рода запись материалов цельных фрагментов коммуникации для последующего их анализа и интерпретации, не разрешается также присутствие исследователя в ходе проведения медиативных переговоров. Источником актуальной информации могут выступать записи обучающегося медиатора, самонаблюдение за речевыми действиями в квазиреальных ситуациях тренинга и интроспекция медиатора, эпизодически опрашиваемого лингвистом-исследователем. В последнем случае самонаблюдение позволяет анализировать собственное коммуникативное поведение с точки зрения его приемлемости/неприемлемости в процедуре

медиации и отслеживать соответствующие и недопустимые для целей медиативной коммуникации слова, конструкции, формулы, фразы.

К самонаблюдению как методу сбора и анализа, по сути, уникального материала близок прием саморегистрации медиатора. «Саморегистрация подразумевает наличие лингвистических знаний» [Иванцова, 2002, с. 26], что как раз соответствует совмещенной роли субъекта и объекта исследования в наблюдении за языковыми фактами. Самонаблюдение является здесь валидным методом с точки зрения отслеживания языковой самокоррекции при формировании специфической языковой компетентности медиатора. Ведение записей тренинга, необходимых медиатору для дальнейшего самообучения, включает также запись ошибок в речи медиатора для предотвращения конфликтогенных ситуаций в ходе процедуры медиации, исходящих от самого медиатора.

Итак, источником информации могут выступать записи обучающегося медиатора, самонаблюдение за речевыми действиями в квазиреальных ситуациях тренинга и интроспекция профессионального медиатора, эпизодически опрашиваемого лингвистом-исследователем. Указанные особенности доступа к информации в профессиональной сфере медиации определили выбор эмпирической базы исследования.

Материалом исследования послужили рефлексии и саморефлексии практикующих медиаторов о коммуникативных практиках медиации и о роли медиатора в медиации, представленные в статьях, общий объем которых составляет 3500 страниц. В качестве единицы анализа рассматривались дискурсивно релевантные речевые комплексы, понимаемые нами, вслед за К.Л. Улановой, как структурные единицы, функционирующие в речи и основывающиеся «на речевой ситуации избирательности и коррективности» [Уланова, 2016], значимые для коммуникативной практики медиатора и варьируемые в дискурсе медиации в зависимости от конкретных стратегий медиатора. Дискурсивно релевантные речевые комплексы записывались автором вручную во время прохождения программы повышения квалификации «Медиация: базовый курс» (26 октября – 26 ноября 2018 г.), а также в результате

интервьюирования медиаторов и в ходе ретроспективного анализа проведенных автором медиаций с 2019 по 2024 год. Для выявления типовых характеристик устной речи медиатора в ходе процедуры медиации привлекались материалы учебников, учебно-методических и учебных пособий по медиации, отобранных по критерию участия автора (авторов) в практике медиации. Всего было проанализировано 1300 речевых комплексов.

Источником материала исследования послужили также нормативные тексты по медиации: текст Закона о медиации, кодексы этики медиаторов, нормативно-правовые документы в деятельности служб медиации, профессиональные стандарты и другие документы практикующих медиаторов. В качестве дополнительных источников при анализе материала привлекались видеообращения профессиональных медиаторов, видеоинтервью, ресурсы вебинаров, курсов повышения квалификации, видеозаписи учебных медиаций, общий объем звучания – 73 часа (см. «Приложение А»). Специальное внимание уделялось блогам практикующих медиаторов на платформах ВКонтакте и Rutube (рассматривалось 20 блогов). В работе также использовались материалы Национального корпуса русского языка и данные анкетирования в исследовании ключевых для медиации слов.

Достоверность привлекаемого материала исследования и верификация полученных результатов обеспечиваются включенностью автора в профессиональную сферу медиации:

– прохождение программы повышения квалификации по медиации в необходимом объеме (152 часа) и в соответствии с требованиями ст. 16 Федерального закона 193-ФЗ РФ для осуществления деятельности медиатора на профессиональной основе;

– личное участие в обучающих семинарах, вебинарах, курсах повышения квалификации: семинар-тренинг «Служба школьной медиации. Особенности взаимодействия с подростками при подготовке “группы равных”» (И.И. Манина, Е.В. Морозова, АНО ДПО «Центр переговоров и урегулирования споров (медиации)», г. Анапа, 5 мая 2019 г.), семинар «Применение медиации и

медиативных технологий при работе с семьями в практике специалистов органов опеки и попечительства» (Е.В. Морозова, АНО ДПО «Центр переговоров и урегулирования споров (медиации)», г. Анапа, 6 мая 2019 г.), мастер-класс «Медиация – переговоры, которые открывают новые возможности» (Т. Беляева, Центр медиации и переговоров, г. Минск, Белоруссия, 28 октября 2020 г.), мастер-класс «5 ошибок, приводящих к трудовым конфликтам» (А. Пухова, И. Козич, Центр медиации и переговоров, г. Минск, Белоруссия, 3 ноября 2020 г.), онлайн-вебинар «Особенности онлайн-медиации» (A. Uzqueda, Италия, 27 ноября 2020 г.), онлайн-вебинар «Mediation like never before – transformative approach» (R. Brzobohaty, Чехия, 4 декабря 2020 г.), онлайн-семинар для медиаторов «Феномен доверия в медиации» (О.К. Шульга, г. Гродно, Белоруссия, 17 декабря 2020 г.), авторский вебинар «Как сгладить свои внутренние углы» (Е.Н. Иванова, Институт мира и исследования конфликтов, г. Санкт-Петербург, 24 мая 2021 г.), авторский вебинар «Влияние родителей на конфликты детей в школе. Что делать?» (Е. Горшенина, Институт мира и исследования конфликтов, г. Санкт-Петербург, 23 сентября 2021 г.), семинар-тренинг «Особенности этнокультурной медиации» в рамках проекта «Применение института медиации для разрешения социальных вопросов и сохранения стабильности и согласия в обществе» (г. Нур-Султан, Республика Казахстан, 30 сентября 2021 г.), тренинг для медиаторов «Медиативные стили» (Т.А. Дронзина, г. Нур-Султан, Республика Казахстан, 26 октября 2021 г.), мастер-класс «Медиация – переговоры, которые открывают новые возможности» (А. Пухова, Центр медиации и переговоров, г. Минск, Белоруссия, 28 апреля 2022 г.); «Евразийский марафон медиации 2023: Кыргызстан» (Г. Кожоярова, Ж. Ниязова, Л. Власова, Кыргызстан, 30 апреля 2023 г.);

– проведение медиативных консультаций в вузе как опыт, накопленный в процессе деятельности, совмещаемой с медиацией;

– обращения с уточняющими вопросами к профессиональным медиаторам, в том числе к тренерам медиаторов, и возможность проверки материалов, выложенных в открытом доступе, на достоверность и соответствие реалиям

профессиональной деятельности в непосредственном общении с профессионалами в сфере медиации, написание статей в соавторстве с медиаторами;

– стенографирование докладов на конференциях медиаторов, наблюдение за компетентными медиаторами, известными в России и за рубежом, такими как М. Быкова, Т. Беляева, Е. Горшенина, Т. Дронзина, Т. Еремеева, Д. Иванова, Е. Иванова, А. Коновалов, И. Лысенко, Р. Максудов, И. Манина, Т. Марголина, Е. Морозова, Н. Надегина, А. Птаха, В. Расторгуев, Л. Соболева, Я. Стюф, И. Терещенко, С. Тюльканов, Ц. Шамликашвили, О. Шульга, Ю. Яковлева и др.

Научная новизна исследования заключается в следующем: впервые осуществляется комплексное изучение языковой личности медиатора со стороны участника закрытого для непосредственного научного наблюдения институционального дискурса медиации. Раскрывается специфика русскоязычного профессионального дискурса медиации и определяются формы развития русского языка медиации. Уточняются роль, коммуникативный статус и стратегии коммуникативного поведения медиатора. Определяется специфика словаря языковой личности медиатора. Создается модель реализации языковой личности медиатора в конвергентных и дивергентных направлениях дискурсивного пространства. Выделяются аксиологические основания коммуникативного поведения медиатора в ходе медиативной сессии и вне процедуры медиации.

Личный вклад заключается в построении теории языковой личности закрытого институционального дискурса. Изучение языковой личности медиатора осуществляется силами профессионального медиатора с учетом аксиологической системы координат дискурса медиации.

Теоретическая значимость исследования заключается в лингвистическом освещении профессиональной деятельности медиатора. В лингвистическое поле вводятся вопросы, связанные с исследованием закрытых дискурсивных сообществ. Дается коммуникативно-прагматическое обоснование вербального и невербального поведения медиатора, определяется социолингвистический статус медиатора, комплексно осмысливается применение речевых практик языковой личности медиатора.

Практическая значимость проведенного исследования состоит в возможности использования полученных результатов при разработке спецсеминаров по теории языковой личности, в преподавании вузовских курсов по русскому языку и культуре деловой речи, межкультурной коммуникации и межкультурной медиации, на практических занятиях по социальному переводу и этике делового общения.

Диссертационное исследование вносит вклад в просветительскую работу для продвижения идей и практик медиации в стране. Противоречие между потребностью в популяризации деятельности медиаторов и принципами медиации, изложенными в Законе о медиации, в частности принципом конфиденциальности, делает невозможной непосредственную рекламу медиации. В связи с этим диссертационное исследование медиатора, соблюдающего принципы медиации и действующего в соответствии с Законом о медиации, – это один из допустимых способов популяризации идей медиации в Российской Федерации. Практическая ценность исследования заключается также в приобщении филологического сообщества к развитию медиации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Медиация – активно развивающийся в России тип общения и социального взаимодействия людей в потенциально конфликтных ситуациях, связанных с альтернативным урегулированием споров. В дискурсе медиации четко разделяются роли участников: медиатора и сторон конфликта, которые реализуют свои возможности в статусно-неравноправных отношениях со специфическим сочетанием горизонтального и вертикального типов коммуникации.

2. Дискурс медиации – институциональный профессиональный дискурс, который в его стандартном и внутреннем модусах необходимо включает такие характеристики, как закрытость, жесткость и недирективность. Указанные черты характеризуют дискурс с позиции его институционального статуса, с учетом взаимодействия агентов дискурса (медиаторов) между собой и взаимодействия агентов и клиентов (медиатора и сторон). Закрытость дискурса касается конфиденциальности всей информации, относящейся к медиации. Жесткость

дискурса связана с конвенциональной обусловленностью и институционально закрепленной формой переговоров в медиации. Недирективность дискурса определяется как невмешательство медиатора в содержание конфликта, в интересы и решения сторон.

3. Медиатор – ключевой участник дискурса медиации, это нейтральный посредник в переговорах конфликтующих сторон. Медиатор является групповой, коллективной, элитарной языковой личностью, цель которой – повышение договороспособности сторон. Медиатор обеспечивает канал для коммуникации сторон, которые не могут договориться без посредника. Медиатор содействует сторонам в организации и проведении переговоров, сознательно применяя свои коммуникативные умения и навыки для улучшения взаимодействия сторон и в конечном итоге для возможности общения сторон без медиатора.

4. Дискурсивный аспект проявления языковой личности медиатора связан с ценностно-регулятивными координатами, которые определяют и структурируют взаимодействие медиатора с потенциальными и реальными клиентами. Коммуникативное поведение медиатора определяют доминантные регулятивы, отраженные в нормативных текстах и пособиях для подготовки медиаторов. В ценностно-регулятивных координатах медиатора первостепенное значение имеют принципы медиации: принцип конфиденциальности, принцип беспристрастности и независимости медиатора, принцип добровольности, принцип сотрудничества и равноправия сторон. Директивная установка на следование принципам медиации – один из конвенциональных компонентов речевого и невербального поведения медиатора в ходе его взаимодействия со сторонами конфликта/спора.

5. В зависимости от сферы применения медиации складываются конвергентные формы дискурсов, в которых языковая личность медиатора проявляется в роли основного участника: школьная медиация, восстановительная медиация, этномедиация и онлайн-медиация. Ценности каждой конвергентной модели выступают регулятором взаимоотношений сторон и определяют специфику коммуникативного статуса медиатора.

6. В континууме дискурса медиации выделяются стили медиации, которые объединяются в четыре группы: классическая медиация, оценивающая медиация, трансформативная медиация, нарративная медиация. В каждом из выбранных стилей медиации медиатор как обученный специалист с помощью особого арсенала коммуникативных техник помогает сторонам урегулировать разногласия в разного рода конфликтных ситуациях.

7. Медиатор организует контролируемое взаимодействие сторон в форме структурированного процесса – процедуры медиации. Процедура медиации протекает в рамках одной или нескольких медиативных сессий. Медиативная сессия представляет собой коммуникативное событие, организуемое медиатором и происходящее в коммуникативной ситуации дискурса медиации. Каждая медиативная сессия планируется как ряд последовательных шагов, каждый из которых представляет собой жанр коммуникативного события: 1) введение в процесс медиации; 2) презентация сторон; 3) дискуссия по выработке вопросов для обсуждения; 4) кокус; 5) дискуссия по выработке возможных предложений; 6) подготовка проекта соглашения; 7) выход из медиации. Для каждого жанра коммуникативного события в медиации характерны определенные коммуникативные стратегии и тактики медиатора.

8. На каждом этапе процедуры медиации медиатор реализует коммуникативные цели в зависимости от характера спора, особенностей медиантов, сферы применения медиации, практикуемого стиля и выбираемой модели медиации. Речевое поведение медиатора – это совокупность его конвенциональных речевых поступков, которые совершаются не просто с учетом медиантов, а в тесной связи с их речевыми поступками навстречу медиатору и навстречу друг другу на разных стадиях в процессе медиации.

9. Развитие дискурса медиации в России сопровождается развитием специфического языка медиатора, который формируется на основе русского языка по примеру английского языка медиации. Формирование русского языка медиации осуществляется в соотнесении с российской референтной сферой медиации. Степень терминологизации речи медиатора повышается по мере приближения к

теоретическому полюсу внутреннего общения медиаторов между собой и понижается по мере приближения к профессиональному полюсу общения медиаторов со сторонами.

10. Аксиология дискурсивного проявления медиатора заключается в том, что медиатор следует конвенциям дискурса и подчиняется нормативным ориентирам, но в своей речевой практике медиатор не оперирует ценностно-оценочными комплексами, оставаясь нейтральным посредником для конфликтующих сторон. Аксиологическая функция не свойственна речи медиатора, но коммуникативная функция аксиологически обоснована и ограничена институционально. Дискурсивно релевантной характеристикой языковой личности медиатора является также переход внешних ценностей в аксиологической картине мира медиатора во внутренние ценности, обусловливающие дискурсивную профессиональную трансформацию медиатора.

Апробация работы. Основные положения диссертации, ее результаты и материалы были изложены в докладах и сообщениях на научных конференциях: всероссийская научная конференция с международным участием «Философия современности» (Омск, 05 ноября 2013 г.), VIII Международная научно-методическая интернет-конференция «Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы» (Москва, 2013 г.), IX Международная научно-практическая конференция «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 18–20 апреля 2018 г.), VII Международная научно-практическая конференция «Человек и мир: миросозидание, конфликт и медиация» (Ижевск, 5–7 апреля 2018 г.), всероссийская научно-практическая конференция «Формирование гуманитарной среды в вузе, техникуме, школе: инновационные образовательные технологии» (Пермь, 23 апреля 2013 г., 25–26 апреля 2016 г., 25–26 апреля 2018 г., 24–25 апреля 2019 г., 24–25 апреля 2020 г., 22–23 апреля 2021 г.), международная научно-практическая конференция «Образование и наука: современное состояние и перспективы развития» (Тамбов, 31 августа 2015 г.), международная научно-практическая конференция «Индустрия перевода» (Пермь, 6–8 июня 2016 г., 4–6 июня 2018 г.,

13–15 июня 2019 г.), международная научно-практическая конференция «Новейшая филология: итоги и перспективы исследований» (Омск, 15–16 февраля 2019 г.), VI Международная конференция «Культура русской речи» (Гротовские чтения, Москва, 21–23 февраля 2019 г.), III Международная научно-практическая конференция «Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода» (Пенза, 24–26 апреля 2019 г.), II, III Международные практические конференции «Медиация: опыт настоящего. Перспективы будущего» (Анапа, 6–7 мая 2019 г., 17–18 сентября 2020 г.), II Международная научно-практическая конференция «Медиация в современном образовательном пространстве» (Москва, 28 октября 2019 г.), всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Филология и образование в поликультурном мире» (Пермь, 24 декабря 2019 г.), X Международная научная конференция «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 1–3 октября 2020 г.), гуманитарная секция всероссийской научно-практической конференции «Агротехнологии XXI века: стратегия развития, технологии и инновации» (Пермь, 20 октября 2020 г.), VI Международная очно-заочная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы переводоведения в XXI столетии» (Горловка, Украина, 3 марта 2021 г.), всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Развитие медиации как инструмента формирования корпоративной культуры и гармонизации взаимоотношений в образовательном пространстве» (Дзержинский, 15 ноября 2021 г.), секция «Гуманитарные науки в инженерной сфере» на международной научно-технической конференции «Инженерная наука: проблемы, идеи, перспективы» (ENGENEER-2022) (Пермь, 8 апреля 2022 г.), международная междисциплинарная конференция «Россия и мир: транснациональные коммуникации и взаимопроникновение культур» (Москва, 22 апреля 2022 г.), XII Всероссийская научная конференция «Социокультурная идентичность в контексте глобальных трансформаций общества: история, современность, будущее» (Кострома, 22–23 апреля 2022 г.), X Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные технологии

в современном мире», посвященная памяти профессора О.Я. Гойхмана (Светлогорск, 19–22 мая 2022 г.), всероссийская научно-практическая конференция «Лингвистические и методические аспекты формирования межкультурной компетенции» (Уфа, 20 октября 2022 г.), XI Всероссийская научно-практическая конференция «Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации» (Липецк, 21–22 октября 2022 г.), всероссийская научно-практическая конференция «Стратегии и тактики эффективной коммуникации в вузе» (Пермь, 8 февраля 2023 г.), X Международная междисциплинарная научно-практическая конференция «Понимание в коммуникации» (Москва, 19 апреля 2023 г.).

Основное содержание работы отражено в 45 публикациях общим объемом 48,18 п. л. (авторский вклад – 46,03 п. л.), в том числе в 18 публикациях в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (6 статей – К 1, 7 статей – К 2, 5 статей – К 3). Среди публикаций имеются 4 объемных исследования:

– монография «Аксиология коммуникативного поведения медиатора» [Киндеркнехт, 2023 (а)], посвященная лингвоаксиологическому освещению коммуникативного поведения медиатора, в которой рассматриваются ценностные ориентиры институционального дискурса медиации, стратегии и тактики вербального и невербального поведения медиатора на разных этапах организации диалога сторон, описываются особенности интеграции медиатора в аксиосферу профессионального сообщества медиаторов и специфика автопроектирования медиатора в коммуникативном пространстве дискурса;

– глава в монографии ряда авторов «Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика» – «Медиатор как участник современного миграционного дискурса» [Киндеркнехт, 2020 (б)], посвященная социолингвистическому описанию языковой личности медиатора как социального агента, выполняющего функцию урегулирования конфликтов и оптимизации социальных взаимосвязей между мигрантами и

резидентами, речевая практика которого направлена на ослабление конфликтогенности миграционного дискурса;

– исследование, посвященное одному из прототипов медиации в детском фольклоре, – «Мирилка: фольклорный текст, игра, социальная практика» [Киндеркнехт, 2022 (б)], в котором собраны и проинтерпретированы тексты, в рудиментарной форме содержащие основы медиации, транслирующие принципы участия в конструктивной коммуникации и приобщающие к медиативной культуре;

– учебно-практическое издание «Практикум по межкультурной медиации» [Киндеркнехт, 2024 (е)], которое включает практические задания, способствующие усвоению и проверке знаний по межкультурной медиации как новой дисциплине в рамках подготовки магистров по профилю «Теория и практика переводческой деятельности» и формированию умений и навыков, необходимых для социальной работы переводчика в ситуациях, близких к профессиональной деятельности медиатора.

Теоретические положения исследования прошли апробацию в курсе лекций и практических занятий по дисциплине «Межкультурная медиация» в магистратуре Пермского национального исследовательского политехнического университета в 2020–2022 годах и докладывались на межвузовском научном семинаре «Конструктивный диалог», проводимом на базе Пермского государственного аграрно-технологического университета имени академика Д.Н. Прянишникова с 2020 по 2024 год.

Структура рукописи диссертации включает в себя введение, 3 главы, заключение, список использованной литературы, насчитывающий 615 источников, 4 приложения. Общий объем работы составляет 461 страницу печатного текста.

Глава 1
Языковая личность медиатора в фокусе современной дискурсологии

1.1 Дискурс медиации как актуальный вид социальной и коммуникативной практики

Всестороннее лингвистическое изучение актуального явления невозможно без учета особенностей процесса теоретизации в гуманитарных дисциплинах на современном этапе. Так, современная наука чувствительна к вызовам современного общества и старается дать теоретическое обоснование актуальным антропологическим реалиям, на передний план выдвигаются междисциплинарные и проблемно-ориентированные формы исследовательской деятельности, «комплексные исследовательские программы, в которых принимают участие специалисты различных областей знания» [Степин, 2000, с. 626–627], исследователями отмечаются «усиление внимания к исторической изменчивости бытия» и «ориентация на значимость ценностных факторов культуры» [Колесова, 2016, с. 78], интерес к «человекоразмерным» объектам [Степин, 2000], к проблеме создания «линейных и нелинейных связей людей в процессе решения проблем, предметного содержания и социальных отношений» [Бурмыкина, 2008, с. 134]. Учет так называемого «постнеклассического типа научной рациональности» [Степин, 2000] дает нам понимание того, что общелингвистическое исследование дискурса медиации является адекватным ответом на исторически своевременную потребность описания актуальной «человекоразмерной» практики, возродившейся не так давно в российском обществе и получившей новое развитие с принятием в 2010 году Закона о медиации [Об альтернативной процедуре…, веб].

Медиация (от лат. mediatio – посредничество, medius – середина, mediare – посредничать) – «посредничество в мирном урегулировании отношений, разногласий и т.п.» [Епишкин, 2010], переговоры в ситуации конфликта [Аллахвердова, Карпенко, 2010]. В ряде словарей к слову «медиация» делается пометка, что медиация – это содействие третьей стороны в мирном разрешении

споров, преимущественно в международных отношениях [Большой словарь иностранных слов, 2007; Ефремова, 2010; Крысин, 1998; Ушаков, 2008 и др.], однако в настоящее время значение слова расширилось, так как расширилась область применения медиации.

Медиацию нередко путают с медиатизацией и словами из базовой терминологии медиалингвистики, так как деривационный компонент и отдельно существующий термин *медиа* имеют схожую этимологию – лат. *medium* (средство, посредник), *media* (средства, посредники) [Федоров, 2014, с. 3]. Относительная новизна медиации как актуальной социально-гуманитарной технологии в российском обществе также отчасти обусловливает ложное восприятие слова *медиация* в сторону его интерпретации в аспекте широко распространенного в лингвистических исследованиях интереса к проблемам массовой информации и массового речевого воздействия.

Рассуждая о так называемом «ложном» восприятии медиации, мы имеем в виду значения, не имеющие отношения к посредничеству в конфликтных ситуациях как особой форме взаимодействия людей. По нашим наблюдениям, неконфликтологическое толкование медиации встречается не так уж и редко. Например, Н.И. Наседкина, рассматривая семантически близкие понятия в терминосистеме современной коммуникативистики *медиация*, *медиатизация* и *медиализация*, обращает внимание на значение медиации, «связанное с преображающей деятельностью СМИ», с посреднической функцией массмедиа. Исследовательница ссылается на ряд работ, в которых медиация трактуется как активное преобразование, видоизменение и даже искажение действительности с помощью массмедиа, специальная обработка информации для ее успешного усвоения аудиторией в планируемых коммуникативно-прагматических целях [Наседкина, 2018, с. 133]. Примечательно, что изучение соотношения указанных терминов в научном, профессиональном и массмедийном дискурсах в упоминаемой работе так и не выходит на понимание медиации как беспристрастного посредничества третьего лица в конфликтных переговорах. Конфликт упоминается только в связи с информацией, которую массмедиа

выявляет и фильтрует. Безусловно, здесь мы имеем дело с межотраслевой омонимией в пределах теории коммуникации, находящейся еще «в процессе формирования» [Фотиева, 2014, с. 289]. Отметим, что, по нашим наблюдениям, в массмедийном дискурсе термин *медиация* не получает широкого терминологического распространения. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением Н.И. Наседкиной относительно того, что «лексемы с корнем медиа- продолжают расти в словарном составе русского литературного языка количественно и прочно входят в речевой обиход его носителей» [Наседкина, 2018, с. 133].

Во избежание путаницы в производных определениях *медиационный*, *медиативный* применительно к термину *дискурс* с устоявшейся терминологией медиадискурса (медийного/массмедийного дискурса) считаем важным использование в настоящей работе терминологического обозначения ***дискурс медиации*** (не *медиационный/медиативный дискурс*), учитывая, что уже существует традиция терминологического обозначения *дискурс медиации* в лингвистических исследованиях [Баребина, 2012; Куликова, 2019 (б); Моногарова, 2017 (б), 2017 (в), 2017 (г), 2018; Прийма, 2023; Прохорова, 2016, 2017, 2019; 2022; Федорова, 2023; Prokhorova, 2019], поддерживаемая автором настоящей работы.

Дискурс медиации определяется исследователями как «процесс, в котором стороны конфликта прибегают к процедуре медиации, чтобы посредством языкового общения и с помощью медиатора управлять конфликтной ситуацией, переходя от конфронтационного взаимодействия к кооперативному» [Баребина, 2012, с. 9], «управление процессом когнитивной, вербальной и эмоциональной трансформации субъектов конфликтного общения в рамках континуума от коммуникативного диссонанса к коммуникативному консенсусу» [Куликова, Прохорова, 2016, с. 100–104]. Отмечается, что медиация как технология разрешения конфликтов – это «новое течение в дискурсивной практике», изучение которого требует дальнейшего исследования [Прохорова, 2016, с. 312].

Медиация как востребованная в современном обществе социально-гуманитарная технология и инновационный метод разрешения конфликтов и

споров – это «коммуникативное взаимодействие, которое обусловлено конфликтным потенциалом» [Куликова, Прохорова, 2016, с. 100], тип коммуникации, обусловленный конфликтным потенциалом» [Жбанкова, Прохорова, 2017, с. 83]. В современном обществе, как пишет С.В. Мыскин, «конфликтогенность общения проявляется наиболее отчетливо» в связи с событийной неустойчивостью, социальным одобрением манипулятивных технологий, смещением ценностей коммуникации в сторону воздействия, влияния [Мыскин, 2021, с. 12]. По словам исследователя, «полимотивированность участников общения позволяет утверждать, что общение всегда конфликтно», а «культурное, социальное, личностное разнообразие людей потенциально создает дополнительные риски общения: информационные, эмотивные, смысловые и другие» [Мыскин, 2021, с. 13]. Как пишет президент Национальной организации медиаторов Ц.А. Шамликашвили, в последние годы «разногласия, потенциально способные перерасти в конфликт, возникают постоянно и касаются самых разных областей человеческой деятельности» [Шамликашвили, 2014 (б), с. 5–6], а «в условиях повышенной конфликтогенности среды большое значение имеет не только качественное разрешение уже явственно проявившихся конфликтов, но и их предотвращение, умение предупреждать запуск триггеров конфликта и его развитие» [Шамликашвили, 2018, с. 312]. Российские медиаторы отмечают, что медиация, «как и многие другие инструменты гуманитарных наук», является современным социально значимым методом, отвечает на запрос общества, связанный с потребностью человека в более комфортных с социальной точки зрения и безопасных условиях жизни, необходимостью сохранять самобытность и собственную идентичность в условиях глобализированного мира [Шамликашвили, Харитонов, 2017, с. 31].

Дискурсивный подход обеспечивает «включение в интерактивное пространство дискурса культурной, исторической, социальной информации» [Синельникова, 2019, с. 134]. Так, анализ развивающегося в России дискурса медиации необходимо начинать с интерпретации социологического, исторического и культурологического материала.

Социальный контекст

Медиация сегодня представляет собой определенную сферу общественной жизни [Развитие медиации в России…, 2012, с. 2], активно развивается как эффективная технология урегулирования социальных противоречий, которые в той или иной степени охватывают все стороны жизни общества: образование, здравоохранение, ЖКХ [Актуальные вопросы применения медиации…, 2018; Яковлева, 2014].

Применение медиации не ограничивается сферой международной политики. О.В. Аллахвердова и А.Д. Карпенко пишут об обширном опыте применения медиации в самых разных сферах конфликта: в социально-экономической и политической, производственной, торгово-финансовой и государственно-административной сферах, в сфере межличностных взаимоотношений, а также в ситуациях, «когда необходимы улучшение взаимодействия, интеграция интересов или координация процесса взаимодействия» [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 83–86]. Вот лишь некоторые сферы применения медиации, определенные в 2022 году более детально: честь, достоинство, деловая репутация, семейные отношения; воспитательно-образовательная сфера; система социального обеспечения и здравоохранения; корпоративные: внутрикорпоративные и межкорпоративные споры; экономическая сфера; интеллектуальное, публичное право; система страхования; финансовая и банковская сфера; индустрия туризма и отдыха; недвижимость, строительство, проектирование; инженерия, промышленность; уголовные дела частного обвинения [Игнатович, Попов, 2022, с. 104].

Медиацию относят к одному из «испытанных, в том числе и в горячих точках, ненасильственных способов разрешения конфликтов, которые можно с пользой применять во всех сферах совместной жизни людей и особенно в социальной» [Бесемер, 2004, с. 11]. Медиация – это альтернативный способ урегулирования споров (альтернативное разрешение споров – АРС, в англоязычной версии – alternative dispute resolution, ADR). Под альтернативой понимается, прежде всего, альтернатива традиционной системе правосудия (судам).

О разнице между разрешением конфликтов в суде и их разрешением с помощью медиации детально написано в работе известного специалиста по медиации в России О.В. Аллахвердовой «Медиация – новая коммуникативная практика в разрешении конфликтов» [Аллахвердова, 2006]. Сокращенный вариант этой разницы – семь самых основных отличий суда от медиации – циркулирует в научных статьях, учебных пособиях и Интернете в виде таблицы (таблица 1).

Таблица 1 – Отличия процедуры медиации от судебного разбирательства

Суд	**Медиация**
Процесс может начаться и вопреки воле одной из сторон	Процедура медиации подразумевает добровольность
Судья назначается	Медиатор выбирается
Решение принимается в строгом соответствии с буквой закона	Решение принимается с учетом интересов сторон, но в рамках закона
Суд наделен властными полномочиями	Медиатор не имеет властных полномочий и лишь способствует выработке решения
Длительная и формализованная процедура (годы)	Ускоренная и неформальная процедура (недели, день)
Публичность процесса	Конфиденциальность
Состязательность сторон	Сотрудничество сторон

Одна из исследовательниц дискурса медиации в лингвистике А.Г. Чернышенко (Моногарова) расставляет акценты, отличающие медиацию от суда следующим образом: медиация ориентирована на перспективу, так как «имеет дело не только с правовыми претензиями, связанными с прошлым, но и помогает конфликтующим сторонам определить пути для нормализации отношений в будущем»; «в отличие от судебного процесса, медиация направлена на эмоциональную сторону конфликта и личные отношения между его участниками»; «среди неоспоримых плюсов медиации следует выделить конфиденциальность и возможность достижения «генерального» компромиссного решения, которое

удовлетворяло бы обе стороны и охватывало все проблемы, касающиеся дальнейших отношений сторон конфликта» [Чернышенко, 2014 (а), с. 139].

Преимуществами медиации, которые можно выделить для сторон конфликта, являются: согласование интересов, примирение или урегулирование разногласий (медиация – это не всегда примирение), сохранение или улучшение отношений между участниками спора, конструктивный совместный поиск взаимовыгодного решения. Помимо пользы для участников конфликтной ситуации у медиации есть и социальная польза – это, прежде всего, снижение нагрузки на суды. Внедрение медиации позволяет активизировать в гражданском обществе урегулирование споров вне рамок судопроизводства, что способствует «уменьшению нагрузки на судебную систему Росийской Федерации и соответственно повышению ее эффективности» [Овчаренко, 2010, с. 187]. К социальной пользе можно отнести экономию денег (например, судебных издержек), эмоциональных сил и времени. Наконец, медиация является «социальным инструментом, имеющим неоценимое прикладное значение» [Шамликашвили, 2014 (б), с. 14] – развитие человеческого капитала и улучшение качества общественных отношений [Шамликашвили, 2017 (а)]. Так, медиация все чаще рассматривается не только как метод разрешения споров, но и как способ социального взаимодействия: перспективными направлениями в развитии медиации является интеграция медиативных практик в корпоративную и организационную деятельность, в систему образования и воспитания, «в такие социально значимые сферы деятельности, как здравоохранение, социальная помощь населению, различные виды правовой помощи, в систему государственного и муниципального управления, взаимодействия общества и власти» [Шамликашвили, 2014 (б), с. 6–11].

Наряду с медиацией альтернативными суду видами разрешения и урегулирования споров являются переговоры, арбитраж (третейское разбирательство), международный коммерческий арбитраж, судебное примирение, досудебный (претензионный) порядок урегулирования споров [Котлярова, 2021, с. 15]. В последние годы, как пишет Ц.А. Шамликашвили, «прослеживается устойчивая тенденция к расширению спектра востребованных способов

разрешения споров», и, поскольку стороны имеют возможность выбора наиболее адекватного и оптимального для конкретного спора подхода, аббревиатура АРС «все чаще расшифровывается как адекватные способы урегулирования споров» [Шамликашвили, 2017 (б), с. 9–10].

Медиация принципиально отличается от других видов АРС социальной ролью и функциями участников, а также характером принятия решений в ходе разбирательства. В *переговорах* урегулирование конфликта происходит без привлечения независимой третьей стороны, конфликт урегулируется «сторонами непосредственно или при содействии своих доверенных лиц» [Котлярова, 2021, с. 19]. Указанное отличие от медиации (как одно из самых основных) характеризует и *досудебный порядок урегулирования споров* – попытку урегулирования спора до обращения в суд, предполагающую самостоятельное разрешение разногласий без участия посредника [Котлярова, 2021, с. 59–60]. *Третейское разбирательство гражданских дел (арбитраж)* – «форма частно-правового способа защиты гражданских прав» [Котлярова, 2021, с. 39], при которой процесс разрешения спора и принятие решения происходят не на основе добровольного согласия сторон, а при участии арбитра (арбитров), который выносит арбитражное решение, обладающее свойствами обязательности и исполнимости [Бигарова, Малтабар, 2020]. *Судебное примирение*, как и медиация, может осуществляться «с участием третьего независимого лица, не наделенного полномочиями принимать обязательное для сторон решение», однако судебный примиритель «не ограничивается лишь содействием коммуникации между сторонами, а обладает дополнительными полномочиями (предлагать свой вариант решения по делу, проводить допрос лиц, осуществлять осмотр места происшествия, информировать стороны о своей оценке дела и имеющихся фактах, давать свои рекомендации или даже предлагать свой вариант решения по спору и т.п.)», а также «примирение развивается исключительно в рамках закона, в то время как медиация не всегда подвергается (как минимум, непосредственно) влиянию закона» [Сенен, 2017, с. 112–113].

Исторический контекст

На практике медиация применялась еще до принятия Закона о медиации [Об альтернативной процедуре…, веб], «история становления института медиации так же длительна и сложна, как и история зарождения и развития конфликтов между сторонами» [Кулапов, 2013, с. 165]. Историческая ретроспектива посреднических процедур для урегулирования разного рода конфликтных ситуаций рассматривается в целом ряде работ [Аллахвердова, 2006, 2012 (а); Аллахвердова, Иванова, 2007; Кулапов, 2013; Медиация, 2016, с. 21–59; Пономарева, 2018; Смирнов, Бочкарева, 2015; Томильцева, Красавин, Вагнер, 2013 и др.]. В рамках настоящего исследования мы не будем подробно рассматривать историографию вопроса. Ограничимся лишь некоторыми аспектами, дающими понимание о формировании социальной и коммуникативной практики медиации в России.

В работе О.В. Аллахвердовой «Обучение медиаторов и формирование компетенций» отмечается, что опыт урегулирования споров с участием третьей стороны сложился с давних времен, к процессу опосредованного разрешения споров обращались «как внутри крестьянской общины, так и в “высшем обществе”», однако ведению переговоров или урегулированию конфликтов не было необходимости специально обучаться: «посредничеству стали обучать только советских дипломатов, работающих в сфере урегулирования политических и экономических споров в международных отношениях» [Аллахвердова, 2012 (а), с. 51] (отметим, что здесь и далее в работе приводятся, обобщаются, интерпретируются и анализируются как примеры мнения, точки зрения, если не лингвистов, то исследователей медиации, являющихся одновременно практикующими профессиональными медиаторами). О.В. Аллахвердова продолжает: «Возможности рядовых граждан жаловаться и “получать неформальный суд” для урегулирования своих проблем были ограниченными. Такие функции регулирования споров выполняли профсоюзы и партийные органы, используя институт конфликтных комиссий, осуществляя третейские функции и разрешая многочисленные конфликты в быту и на производстве. При этом конфликты, как правило, урегулировались в пользу интересов коллектива, а не

отдельной личности. <…> Таким образом, к моменту изменения социально-экономической и идеологической системы Советского Союза институт медиации в том легитимном виде, в каком он был развит в США в 1970-е, а в западной Европе в 1990-е годы, в России отсутствовал. Однако с появлением в России в начале 1990-х годов права частной собственности на средства производства и свободы личности возникло множество противоречий, что привело к лавине конфликтов между отдельными людьми и различными группами. К этому не было готово бывшее советское общество. На государственном уровне была признана необходимость изучения феномена конфликтов и поиска новых способов их урегулирования. Россия обратилась к мировому опыту» [Аллахвердова, 2012 (а), с. 51].

Как институт разрешения споров в нашей стране медиация начинает свое развитие в 1990–1993 годах с появлением междисциплинарной научной дисциплины «Конфликтология» (Санкт-Петербургский государственный университет), началом практики медиации по примеру опыта зарубежных коллег и разработки учебной программы медиации. 27 июля 2010 года в России был принят Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Об альтернативной процедуре …, веб], который фактически дал толчок к развитию новой профессиональной области. Со вступлением в силу Закона о медиации была принята Федеральная программа подготовки медиаторов, в 2013 году был разработан профессиональный стандарт «Специалист в области медиации. Медиатор» [Об утверждении профессионального стандарта…, веб].

Рассматривая особенности развития медиации в разных странах, директор Центра развития переговорного процесса и мирных стратегий Санкт-Петербургского государственного университета, профессиональный медиатор А.Д. Карпенко пишет об общей модели развития медиации: «1) создание правовых основ появления медиации и деятельности медиаторов; 2) просвещение и пропаганда медиации; 3) создание института медиации; 4) создание и развитие профессиональных объединений медиаторов; 5) распространение медиации через

сетевые объединения медиаторов; 6) развитие многосторонней и международной медиации» [Карпенко, 2017, с. 239–240; Карпенко, Меренкова, 2014]. Согласно медиатору и исследователю медиации А.Д. Карпенко, Россия на 2017 год завершала стадию № 2, находилась на стадии № 3 и переходила на стадию № 4 [Карпенко, 2017, с. 240].

На наш взгляд, в настоящее время можно уверенно говорить о стадии № 5. Ускорению процесса социальных преобразований, в том числе переходу к пятой стадии развития медиации, поспособствовала серия самоизоляций 2020 года. Как отмечают В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин, пандемия стала «главным культурогенным событием наших дней», «катализатором и/или лакмусовым индикатором» многих социальных трансформаций [Карасик, Слышкин, 2021, с. 16]. А.Д. Карпенко пишет о создании и проблемах сетевых организаций медиаторов в России, а также о последней стадии развития отечественной медиации, отмечая опыт в отдельных регионах [Карпенко, 2017, с. 242–244].

Культурный контекст

Прослеживая истоки зарождения медиации с древности, исследователи чаще всего говорят о процедуре примирения, однако изучение понятий «примирение» и «медиация» показывает их нетождественный характер [Дубровин, 2011].

Примирение – действие по глаголам «примирить», «примирять» и «примириться», «примиряться»; примирить, мирить – «восстановлять согласие или мирные отношения между враждующими»; «заставлять, позволять мириться», вызывать терпимое отношение к кому-либо или к чему-либо [Ушаков, 2008]. Это одна из базовых категорий философии, религии и общественной жизни в целом, обозначающая установление гармонии между конфликтующими сторонами [Вихлянцев, 2020], «корректное цивилизованное согласование разнородных социальных притязаний, погашение конфликтов и нахождение взаимоприемлемых способов разрешения спорных ситуаций» [Чернышова, 2010, с. 117].

Примирение сторон – совместная деятельность потерпевшего и обвиняемого по достижению приемлемого результата для обеих сторон в рамках уголовного

дела, закрепленного в соглашении между ними, выраженного в возмещении вреда потерпевшему обвиняемым в обговоренной форме и в отказе потерпевшего от требования привлечь обвиняемого к уголовной ответственности [Дубровин, 2011, с. 91]. Примирение, согласительная процедура – разрешение конфликтов путем выработки соглашения, приемлемого для всех сторон; конфликт может разрешаться как самими заинтересованными сторонами, так и беспристрастным посредником» [Блэк, 2000]. Судебное примирение и медиация – это отдельные механизмы защиты прав и интересов граждан в гражданском судопроизводстве [Сенен, 2017, с. 109]. Медиацию фактически отождествляют с примирением в уголовно-правовых конфликтах [Марковичева, 2009, с. 114–116], однако здесь медиация лишь дополняет механизм применения института примирения сторон и осуществляется только в рамках процедуры примирения сторон для исключения «формальной возможности проводить медиацию по уголовным делам по тяжким и особо тяжким преступлениям» [Дубровин, 2011].

Понятие посредничества как основополагающего для медиации признака, отличающего ее от других способов альтернативного урегулирования конфликтов, также нельзя приравнивать к понятию медиации. В России, как отмечается в «Азбуке медиации», «слово “посредничество” не в чести»: в 90-х годах XX века посредниками называли людей, которые делают деньги из воздуха [Азбука медиации, 2011, с. 5]. Вероятно, поэтому для обозначения новой социальной практики было и заимствовано англоязычное слово «mediation», а такое же многозначное слово «посредничество» не прижилось. Д.И. Салимгареев пишет по этому поводу, что «социальная память по отношению к посредникам урегулирования конфликта необъективна: бытуют стереотипы о посредничестве как некоем факте обогащения на проблеме спорящих» [Салимгареев, 2019, с. 58]. Ц.А. Шамликашвили особо подчеркивает: «…понятие медиации ни в коем случае не может быть исчерпывающе описано словом “посредничество”. С одной стороны, оно подразумевает лишь частный случай посредничества – при разрешении споров и конфликтов. Но, с другой стороны, оно значительно шире и

глубже. Медиация – это сложный и гибкий инструмент разрешения споров» [Шамликашвили, 2017 (б), с. 16].

Ц.А. Шамликашвили отмечает, что развитие медиации «напрямую связано с традиционно сформировавшимися способами реагирования на конфликт, и предполагает изменение культуры поведения в конфликте» [Шамликашвили, 2017 (в), с. 15]. О.В. Аллахвердова вербализует эти традиционные способы следующим образом: 1) с позиции силы – военные действия, административные приказы, использование авторитета и власти; 2) с позиции закона/права – урегулирование в суде, арбитраже или третейском суде и 3) переговоры с позиции взаимного согласования интересов [Аллахвердова, 2007, с. 151]. Медиаторы отмечают, что в России «со свойственными ей культурными традициями и менталитетом» разрешение конфликта обычно обеспечивалось не путем переговоров сторон, а «через давление авторитетом, властью» [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с.11], и в современном опыте урегулирования конфликтов «преобладающим все еще является административно-силовой метод» [Аллахвердова, 2008, с. 114].

Оценивая медиацию как переговоры с позиции взаимного согласования интересов сторон, медиаторы отмечают, что это едва ли не единственный доступный способ интеграции интересов сторон «в ситуации, когда правовой или силовой путь разрешения конфликта не позволяет справиться с противоречиями» [Яковлева, 2014, с. 332], медиация – когнитивная технология изменения социальной реальности [Аллахвердова, 2016], феномен социальной инженерии, способствующий «оестествлению» так называемых «искусственных» процессов, понимаемых как «идеалы, проекты, ценности, являющиеся источником инновационных проектов и программ» [Максудов, 2020, с. 5]. Так называемое «оестествление» происходит в процессе специфической коммуникативной практики, в ходе особого вида переговоров. Главными составляющими медиации являются «переговоры как процесс, медиатор, выполняющий определенную профессиональную роль, и стороны, находящиеся в ситуации конфликта» [Аллахвердова, 2006, с. 37].

Как видим, дискурс медиации обусловлен социальными, историческими и культурными явлениями, которые образуют фон для осмысленного анализа того, «как люди риторически используют дискурсивные ресурсы в социальном взаимодействии», то есть для интерпретации содержания дискурса [Йоргенсен, Филлипс, 2008, с. 235].

Дискурс медиации – это определенный «модус человеческого существования», объективированный в речи [Карасик, 2004, с. 193]. Медиация – это «процесс общения между людьми, которые по той или иной причине не могут общаться напрямую» [Азимов, Щукин, 2009, с. 133]. Медиация считается уместной, когда по различным причинам люди не могут решить свой конкретный вопрос друг без друга, а также «когда по каким-либо другим или этим же причинам у них не получается в процессе общения между собой решить этот вопрос самостоятельно», и тогда стороны могут обратиться за помощью к незаинтересованному в существе спора третьему лицу – медиатору [Игнатович, Попов, 2022, с. 105].

Практика медиации объективируется в особым образом организованной коммуникации медиатора и сторон конфликта или спора. Дискурс медиации, как любой другой дискурс, – это речь, рассматриваемая как «целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова, 1998, с. 136–137]. В изучении дискурса медиации первостепенное значение имеет речь ее ключевого участника – медиатора.

Следуя терминологии В.И. Карасика, медиацию можно отнести к деловой (утилитарной) коммуникации, назначение которой – «ориентировать человека в реальном мире; здесь важны цель и истина для адекватного представления образа реальности и полезного, эффективного действования в ней» [Карасик, 2004, с. 193].

Реальность дискурса медиации связана с ситуацией конфликта и непонимания, возникающими в связи с тем, что «различные цели, мотивы, ценности участников коммуникации часто не совпадают» [Куликова, Прохорова, 2016, с. 100]. В определении медиаторов цель медиации – «помощь

конфликтующим сторонам в самостоятельной выработке взаимоприемлемого жизнеспособного решения, снижение повышенной эмоциональной отягощенности конфликта, прояснение истинных интересов сторон» [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 76]. В рассматриваемой цели четко выделяется ключевой участник медиации – медиатор, призванный эффективно действовать в реальности конфликта. В лингвистическом определении цель дискурса медиации – «менеджмент процесса развития кооперации, направленной на разрешение конфликта» [Прохорова, 2017, с. 120]. В результате медиации участники должны перейти из конфликтного дискурсивного пространства (зоны несогласия) в кооперативное дискурсивное пространство (зону согласия) [Куликова, Прохорова, 2016, с. 102]. Совершить этот путь стороны могут с помощью медиатора в рамках института медиации.

Итак, дискурс медиации – объект комплексной исследовательской программы, в которой лингвистическая теория занимает не последнее место. Распространение лингвистического знания на сферу медиации позволяет осветить актуальную форму коммуникации в социокультурной реальности и отграничить терминологию медиации от терминологии медиадискурса. Дискурс медиации следует рассматривать как тип коммуникации, который осуществляется в конфликтном взаимодействии людей, это одно из направлений человекоразмерной дискурсивной практики, которое может быть осмыслено в социальном, историческом и культурном контекстах.

1.2 Специфика институционального дискурса медиации

Медиация является социально регламентированной практикой взаимодействия людей, это форма общественного устройства, определенный социально-культурный механизм урегулирования споров, поэтому «при рассмотрении комплекса вопросов и проблем, связанных с развитием медиации, часто используют словосочетание “институт медиации”» [Медиация, 2016, с. 66]. Вместе с тем, как особым образом организованная коммуникация, «речь,

погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1998, с. 136–137], дискурс медиации относится к институциональным дискурсам.

Институциональный дискурс является предметом рассмотрения многих исследований, число которых практически необозримо. Во введении к параграфу «Социолингвистические типы дискурса» В.И. Карасик перечислят 66 имен исследователей, осуществляющих лингвистическое описание институциональных дискурсов в разных стратах [Карасик, 2004, с. 250].

За последние два десятилетия количество работ, посвященных институциональному дискурсу, значительно увеличилось, защищены научные исследования, в том числе докторские диссертации, предлагающие инновационные научные теории по частным направлениям теории институциональных дискурсов: академический дискурс [Водяницкая, 2022; Казанцева, 2020], дидактический [Олешков, 2007], научный [Какзанова, 2011; Мишанкина, 2010; Ракитина, 2007], деловой [Мкртычян, 2012; Стеблецова, 2015; Ширяева, 2008], рекрутинговый [Агеева, 2016], маркетинговый, PR-дискурс, рекламный дискурс [Гусейнова, 2009; Кочетова, 2013; Малыгина, 2020; Мощева, 2019; Селезнева, 2018], административный [Евтушенко, 2019], дипломатический [Беляков, 2023], судебный [Дубровская, 2010; Палашевская, 2012; Федулова, 2020]; политический [Гаврилова, 2005; Грушевская, 2019; Ларионова, 2023; Левенкова, 2011; Павлова, 2010; Савельева, 2022; Терехова, 2011; Усмонов, 2012; Шейгал, 2000], медицинский [Жура, 2008; Мишланова, 2003], фармацевтический [Бурова, 2008], спортивный [Бобырева, 2022; Малышева, 2011].

В таксономии видов дискурсов с позиции социолингвистики институциональный дискурс (статусно-ориентированный) противопоставляется персональному (личностно-ориентированному) дискурсу и представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений [Карасик, 2000], «речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития» [Карасик, 2004,

с. 232]. Социальная потребность выступила одним из необходимых условий появления института медиации. Социальный институт здесь мы будем понимать, вслед за М.Л. Макаровым, как «культурно-специфическую нормативно-организованную конвенциональную систему форм деятельности, обусловленную общественным разделением труда, а также предназначенную для удовлетворения особенных потребностей общества» [Макаров, 2003, с. 131].

Медиация – конвенциональная система форм деятельности, частные модели которой «закрепляются в отдельных законодательных актах, в которых регламентируются общие положения о медиации как альтернативной процедуре, раскрываются принципы, устанавливаются правовые гарантии института медиации, определяются требования, предъявляемые к медиаторам и организациям, оказывающим помощь в урегулировании споров посредством медиации» [Комментарий к Федеральному закону…, 2012, с. 6–7]. Культурная специфичность медиации в России заключается в том, что практика медиации в том виде, в котором она сейчас существует, складывается вслед за ее правовым регулированием, то есть медиация сформировалась изначально как правовой институт, а потом как социальный институт: «Право регулирует отношения, которые еще не сложились в обществе как фактические» [Носырева, 2012, с. 6]. Для сравнения: во многих государствах, как отмечают медиаторы, «первоначально развивалась и складывалась практика медиации, происходило ее внедрение экспериментальным путем, и лишь затем, с учетом накопленного опыта, выявления потребностей, осуществлялось правовое регулирование» [Медиация, 2016, с. 69]. Российская же особенность развития медиации – внедрение и санкционирование медиации «сверху», «за счет активного использования административного ресурса и без анализа или учета реальных потребностей российского социума в процедуре медиации» [Вечерина, Путалова, 2020, с. 51–52]. Некоторыми медиаторами подобное начало медиации рассматривается «менее эффективным, чем осознанное восприятие ее обществом, понимание преимуществ этой процедуры, потребности в ней, признание не только юридическим сообществом, но и гражданами страны» [Морозова, Емтыль, 2017, с. 88]. В самом деле, «очень сложно создавать основу

правового регулирования, не имея опоры в виде хотя бы отчасти сложившейся практики», «во многих случаях правовое регулирование не имеет принципиального значения для развития медиации» [Шамликашвили, 2017 (г), с. 15]. Однако анализ российских социокультурных особенностей, в частности, способности россиян (в сравнении с гражданами других стран) договариваться и принимать решения на основе согласия, уровень сутяжничества и проявлений агрессии, дают основание полагать, что медиация – это «социально конструируемый институт, который должен быть поощряем государством и обществом, особенно в России <…>», поэтому привитие культуры медиации «сверху» рассматривается как оптимальный путь для ее развития в нашей стране [Шамликашвили, 2017 (г), с. 17].

Дискурс медиации относится к институциональным дискурсам, это «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик, 2004, с. 234].

Согласно В.И. Карасику, модель институционального дискурса включает следующие типы признаков: «1) конститутивные признаки дискурса; 2) признаки институциональности; 3) признаки типа институционального дискурса; 4) нейтральные признаки» [Карасик, 2004, с. 355]. Следуя этой модели, охарактеризуем основные признаки модели дискурса медиации.

Конститутивные признаки дискурса медиации определим, вслед за Н.И. Леоновым, следующим образом: «конфликтующие стороны вступают в переговоры друг с другом, кроме конфликтующих принимает участие третье лицо, переговоры сторон построены на основе специальной технологии» [Леонов, 2019, с. 518]. В определении условий общения в дискурсе медиации обратимся к этому же автору: условия применения медиации – «для сторон самым важным является не “история”, не то, что связано с прошлым, а будущее – будущие потребности, отношения, для сторон значимы длительные отношения друг с другом, стороны желают разрешить вопрос конфиденциально, не публичным образом» [Леонов, 2019, с. 518].

Обратим здесь внимание на то, что концепт БУДУЩЕЕ является ценностно значимым для дискурса медиации. Осуществляя переход «из конфликтного дискурсивного пространства (зоны несогласия) в кооперативное дискурсивное пространство (зоны согласия)» [Куликова, Прохорова, 2016, с. 102], стороны в медиации при помощи медиатора переориентируются «с пребывания в прошлом на настоящее и будущее за счет вентиляции эмоций, отработки обид и их переформулирования в задачи» [Иванова, 2021 (г), с. 5], «медиация особенно эффективна в тех случаях, когда нужно восстановить отношения между людьми, взаимодействие которых должно быть сохранено в будущем» [Аллахвердова, 2006, с. 36]. Отметим, что в одной из немногих лингвистических работ, посвященных дискурсу медиации, ориентированность на перспективу выделяется как один из факторов, определяющих структуру и содержание прагматического сценария коммуникации в медиации [Моногарова, 2016 (б), с. 37]. В медиации считается важным поиск так называемых «жизнеспособных» решений, то есть устойчивых, реалистичных. Вместе с тем содержательная определенность концепта БУДУЩЕЕ – это не прогностическая, а контактосберегающая ориентация. В хронотопе дискурса медиации БУДУЩЕЕ выступает тем самым «оестествлением» (по терминологии Р.Р. Максудова [Максудов, 2020, с. 5]) идеалов, проектов, ценностей, потребностей, интересов.

Признаки институциональности заключаются в том, что дискурс медиации поддерживает институт медиации как «новый негосударственный институт защиты прав и интересов граждан», возникновение которого детерминировано «потребностью людей в гуманном урегулировании споров и конфликтов, которые постоянно и регулярно возникают и будут возникать в любом социуме по разнообразным причинам» [Игнатович, Попов, 2022, с. 103, 120]. Медиация рассматривается «в качестве социального института минимизации, урегулирования и разрешения конфликтов», а институционализация медиации – как «процесс превращения спонтанно возникающих, конвенциональных практик гармонизации социальных отношений в ценностно-нормативно организованные социальные практики» [Чхартишвили, 2018, с. 16].

Институционализация – это «официальное закрепление, фиксирование, подтверждение какого-либо процесса, явления общественной жизни» [Медиация. Новый подход…, 2009, с. 113], оформление социального института, его признание, узаконивание. Институт медиации получил свое законодательное оформление с принятием 27 июля 2010 года Закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Об альтернативной процедуре…, веб]. По приказу № 93 Министерства образования и науки Российской Федерации от 18 февраля 2013 года был создан ФГБУ «Федеральный институт медиации», который, по словам известного российского конфликтолога Н.И. Леонова, «смог в значительной мере интегрировать накопленный эмпирический опыт медиации в разных странах и начал разработку ее теоретических и практических аспектов» [Леонов, 2017, с. 183].

Как пишет Е.А. Кожемякин, особенностью институционального дискурса является «конструирование социальных смыслов; дискурс выступает не в качестве инструмента отражения, выражения, означивания, а в качестве «режима работы», или способа бытия института» [Кожемякин, 2007, с. 98]. Интерпретируя эту особенность в дискурсе медиации, мы можем заключить, что социальные смыслы, конструируемые институционализирующейся медиацией, подразумевают «коммуникативную культуру, нормы разрешения конфликта в русле сотрудничества и гармонии, а не противоборства и взаимного разрушения» [Чхартишвили, 2018, с. 17], «позитивное осознанное взаимодействие», культуру сосуществования в равноправном диалоге, культуру договороспособности, «прагматичные отношения, опирающиеся на гуманитарные ценности» [Шамликашвили, 2017 (а), с. 10–23].

Признаки типа общественного института медиации, на наш взгляд, не сводятся к одному концепту, а последовательно обусловливаются рядом ключевых слов и словосочетаний: *посредничество*; *примирение* (здесь важно отметить, что термин не покрывает всех случаев медиации, а зачастую и антонимичен медиации, так как «примирение ориентировано на прекращение конфликтных действий (в том числе и под давлением)», а медиация ориентирована «на разрешение конфликта

посредством налаживания конструктивного взаимодействия, результатом которого может быть взаимовыгодное соглашение (сугубо добровольное)» [Кузьмин, 2017, с. 8]); *урегулирование конфликта/спора*; *переговоры с участием нейтрального посредника*; *«потребность в гуманном решении»* [Игнатович, Попов, 2022, с. 120]; *«гармонизация социальных отношений»* [Чхартишвили, 2018, с. 11]. Считаем, что затруднения в определении ключевого концепта связаны с тем, что в нашей стране медиация находится в стадии институционального оформления. Так, по утверждению А.Д. Карпенко, в отношении медиации до сих пор «существует много интерпретаций и мифов, связанных с попытками ее отраслевой приватизации, ограничения области ее применения только судебными органами или сведению ее исключительно к школьной медиации» [Карпенко, 2017, с. 244].

Нейтральные признаки институционального дискурса медиации – строевой материал дискурса, «личностно-ориентированные фрагменты общения и те моменты институционального дискурса, которые характерны в большей степени для других институтов» [Карасик, 2004, с. 356], – нередко ставят под сомнение соотнесение некоторых явлений с медиацией. Приведем в пример современное переводоведение, где использование термина «медиация» «довольно часто является своеобразной попыткой сказать нечто новое о переводе как посреднической деятельности», при этом связь с медиацией в конфликтологическом аспекте не всегда прослеживается (основанием для данного утверждения является анализ более 400 актуальных работ по переводоведению, в которых встречается слово *медиация* [Киндеркнехт, Колада, 2022, с. 39; Киндеркнехт, 2024 (д)]).

Несмотря на актуальность и растущую популярность медиации как социальной практики взаимодействия людей, следует признать, что изучение институционального дискурса медиации с позиций лингвистики еще только начинается. Немногочисленность, единичность исследований отмечается в ряде лингвистических работ [Исаева, Зубарева, 2019; Киндеркнехт, 2020 (а); Куликова, Прохорова, 2016; Чернышенко, 2015 (а), 2015 (б)]. В приближении к медиации в рамках конфликтного урегулирования акцент чаще делается на межкультурный

медиативный процесс [Атаев, 2015; Куликова, 2019 (б); Курицын, 2016; Лингвокультурная и транскультурная медиация…, 2018; Статеева, 2014 (а), 2014 (б); Valero-Garcés, 2018; Martín, Phela, 2010; Wang, 2017].

Во избежание путаницы с обозначениями других видов посредничества в исследованиях часто требуется специальная оговорка: *конфликтная медиация* [Куликова, 2019 (б)] – данное обозначение не является тавтологичным для исследователей, интерпретирующих социальное взаимодействие между разными собеседниками при участии переводчика, так как термин медиация нередко рассматривается в одном ряду с такими терминологическими единицами, как *межкультурное посредничество*, *межъязыковое* и *культурное посредничество*, *языковое и интеграционное посредничество*, *коммунальный перевод*, *устный перевод для государственных и муниципальных нужд*, например в работе [Плеханова, Степанова, 2018]. Однако следует признать, что понимаемая в таком ключе медиация не относится к специальному социальному взаимодействию в ситуации конфликта с участием нейтрального посредника. Здесь мы являемся свидетелями размывания интитуционального статуса дискурса, выхода за пределы социально-правового института медиации.

Экстраполируя на дискурс медиации идею Т.А. Ширяевой относительно институционального делового дискурса, мы можем заключить, что институциональность является системообразующим признаком дискурса медиации и представляет собой «комплекс лингвокогнитивных моделей, стратегий, образцов, схем и т.п., которыми участники делового сообщества обмениваются в разных профессиональных интеракционных плоскостях» [Ширяева, 2008], однако в отличие от делового дискурса в дискурсе медиации четкое разделение ролей типовых участников коммуникации не позволяет рассматривать представленные компоненты в целом как характеризующие весь институциональный дискурс. Например, требуют дополнительного анализа кооперативные и конфронтационные стратегии медиации, а также стратегия совместного поиска альтернативного решения [Моногарова, 2016 (б), с. 38–39],

выделяемые для сторон и медиатора без уточнения, с каким коммуникантом соотносятся выделенные прагматические интенции.

В существующих определениях дискурса медиации в лингвистических исследованиях не всегда отмечается ведущая роль медиатора в осуществлении конструктивных переговоров. В определении Н.С. Баребиной дискурс медиации – это «процесс, в котором стороны конфликта прибегают к процедуре медиации, чтобы посредством языковой коммуникации и с помощью медиатора управлять ситуацией и изменять ее, переходя от конфликтного взаимодействия к кооперативному» [Баребина, 2012, с. 6]. Помощь медиатора здесь явно эксплицируется, но, на наш взгляд, не рассматривается как основополагающая для характеристики медиации. В определении Л.В. Куликовой и О.А. Прохоровой роль медиатора выражается имплицитно, согласно исследователям, дискурс медиации – это «менеджмент процесса когнитивной, вербальной и эмоциональной трансформации субъектов конфликтного общения в рамках континуума от коммуникативного диссонанса к коммуникативному консенсусу» [Куликова, Прохорова, 2016, с. 102]. В кратком определении Л.В. Куликовой дискурс медиации представлен как «мультимодальная практика дискурсивной обработки конфликтной ситуации в триадическом формате» [Куликова, 2019 (б), с. 247]. В исследовании дискурса медиации акцентируется дискурсивный профиль медиатора как центрообразующего фактора в поле конфликтного общения [Куликова, 2019 (б)], но в определении дискурса медиации нет размежевания функций участников медиации.

Как видим, в существующих определениях дискурса медиации характеризуется весь процесс дискурсивной обработки информации и трансформации субъектов конфликтного общения. Управление ситуацией – это управление диалогом сторон, которое осуществляется в рамках определенной процедуры. Преобразование ситуации – обеспечение перехода участников из конфликтного взаимодействия и неспособности общаться в конструктивное взаимодействие, в котором стороны становятся договороспособными. Однако заметим, что стороны сами могут управлять диалогом и осуществлять переход от

конфликтного взаимодействия к кооперативному, например в ходе обычных переговоров.

Ядром дискурса медиации является речевое взаимодействие, как минимум, трех участников: двух сторон конфликтной ситуации и медиатора – независимого посредника, который помогает сторонам найти решение, основанное на их взаимных интересах. Медиатор выступает как агент дискурса медиации, играющий активную роль в институциональном общении, а стороны относятся к клиентам, это «те, кто вынужден обращаться к агентам и выступает в качестве представителей общества в целом по отношению к представителям института» [Карасик, 2004, с. 266]. Участники дискурса медиации – медиатор и стороны – реализуют свои возможности в статусно-ролевых отношениях. Активная роль медиатора заключается в конструктивном ведении переговоров сторон.

В толковом словаре слову *переговоры* даются два значения: 1) *офиц.* обсуждение каких-либо вопросов между официальными сторонами с целью выяснения позиций сторон и заключения возможного договора; 2) обмен мнениями с целью договориться о чем-либо; разговор [Большой толковый словарь русского языка, 2000]. *Конструктивный* – создающий основу для дальнейшей работы; плодотворный, результативный [Там же]. Переговоры часто рассматриваются сквозь призму юридической конфликтологии и определяются как «целенаправленное и осознанное общение между людьми, для разрешения существующего разногласия сообразно интересам участников» [Худойкина, Миронова, 2015, с. 67]. Н.А. Баландина определяет переговоры как «особую форму социального взаимодействия, в которую вовлечены, по крайней мере, два субъекта, при этом предполагается наличие общей проблемы, различий в подходах и оценке способов ее решения, непосредственного личного контакта между участниками и вербального способа коммуникации, четкой структуры и протокола осуществления переговорной деятельности» [Баландина, 2004, с. 7]. В медиации участники не могут обсуждать вопросы и выяснять позиции без участия посредника, самостоятельно в силу того, что «в конфликтных ситуациях нарушается способность к диалогу и конструктивному взаимодействию» [Мета, 2009, с. 39],

препятствием для конструктивных переговоров являются «сильные эмоции, враждебность, тактика противостояния, принципы, различия в положении» [Вишневская, 2009, с. 10–11].

Массивный анализ рефлексий профессиональных медиаторов о медиации дает нам четкое понимание основных черт институционального дискурса медиации: мы считаем необходимым обратить внимание на его принципиальную недирективность, закрытость и жесткость. Выделяя указанные черты как характеризующие дискурс медиации, приходится отчасти полемизировать с уже опубликованными лингвистическими исследованиями по медиации.

Недирективность. Медиация «альтернативна любому директивному способу разрешения споров, когда спорящие стороны лишены возможности влиять на исход спора, а полномочия на принятие решений по спору делегированы третьему лицу» [Леонов, 2017, с. 183]. Основным отличием медиации от других видов разрешения споров является ее недирективность. Под недирективностью в медиации понимается невмешательство в интересы и решения сторон. Здесь речь идет главным образом об экспертной директивности – «уровень вмешательства медиатора» в область предмета спора [Иванова, 2014, с. 82].

В связи с невмешательством медиатора в содержание спора и невозможностью внесения медиатором своих предложений по урегулированию конфликта вызывает сомнение и требует уточнения выделяемая Л.В. Куликовой прагматическая персуазивная техника как «общий поведенческий паттерн медиатора» в контексте межкультурного взаимодействия [Куликова, 2019 (а), с. 251]. В теории персуазивной коммуникации персуазив представляет собой «прототипический образец, за которым конвенционально закреплена персуазивная иллокутивная сила побуждения реципиента к совершению/отказу от совершения определенного посткоммуникативного действия в интересах адресанта» [Голоднов, 2003, с. 5]. Адресантом здесь выступает медиатор, однако у медиатора не может быть своего интереса в споре. Вместе с тем выделение персуазивной стратегии в коммуникативном поведении медиатора справедливо, если мы имеем

в виду побуждение сторон к конструктивному диалогу, безотносительно от его содержания.

Недирективность медиации эксплицирована в тексте Закона о медиации, так, «медиатор не вправе: 1) быть представителем какой-либо стороны; 2) оказывать какой-либо стороне юридическую, консультационную или иную помощь; 3) осуществлять деятельность медиатора, если при проведении процедуры медиации он лично (прямо или косвенно) заинтересован в ее результате, в том числе состоит с лицом, являющимся одной из сторон, в родственных отношениях; 4) делать без согласия сторон публичные заявления по существу спора» [Об альтернативной процедуре…, веб]. В толковании недирективности дискурса медиации обратимся к работе Ц.А. Шамликашвили, в которой автор определяет, чтó медиатор не должен делать: медиатор «НЕ выносит решения по спору; НЕ выясняет, кто прав, кто виноват; НЕ оказывает давления на участников конфликта; НЕ навязывает сторонам своего мнения по поводу путей разрешения конфликта; НЕ раскрывает информацию, полученную во время процедуры медиации; НЕ консультирует стороны по правовым вопросам; НЕ оказывает сторонам психологическую помощь» [Шамликашвили, 2017 (б), с. 55–56].

Жесткость. О медиации следует говорить как о жесткой разновидности институционального дискурса. Деятельность медиатора нормативно организована и конвенционально обусловлена. Конструктивное ведение переговоров, которое обеспечивает медиатор, заключается в рамки определенной процедуры – процедуры медиации, которая определяется как «способ урегулирования спора, предполагающий привлечение профессиональной помощи медиатора, но при этом не дающий медиатору прав и полномочий на вынесение решения по спору, оставляя стороны “собственниками” конфликта и полноправными авторами решений» [Шамликашвили, 2017 (б), с. 10].

Процедура медиации – институционально закрепленная форма переговоров в медиации [Об альтернативной процедуре…, веб, ст. 2]. Процедура медиации является структурированной и формализованной [Игнатович, Попов, 2022, с. 108], представляет собой определенный ритуал, состоящий из нескольких компонентов.

Под компонентами медиации понимаются «ее составные части и комплекс организационных мер для ее осуществления» [Медиация, 2016, с. 196].

Коммуникативная деятельность медиатора опирается на ряд принципов, отражаемых в Законе о медиации [Об альтернативной процедуре…, веб] и называемых принципами медиации: принципы добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора. Принципы медиации неукоснительно соблюдаются, без наличия и выполнения принципов медиация «не может состояться» [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 22]. Несоблюдение принципов медиации негативно отражается на эффективности процедуры медиации и сказывается на репутации медиатора.

Базовые принципы медиации являются «мощными ограничителями деятельности медиатора» [Иванова, 2015 (б), с. 135]. Для примера обратимся к работе Т.В. Дубровской «Судебный дискурс: речевое поведение судьи» [Дубровская, 2010]. Исследовательница отмечает, что в различных ситуациях в ходе судебного процесса языковая личность судьи имеет несколько граней: судья-рефери, судья-участник драматического действа, судья-лингвист, судья-обычный человек [Дубровская, 2010, с. 7]. Сравним эти роли с ролью медиатора. Опуская рассмотрение яркого случая недирективной для медиатора грани «рефери», обратимся к роли обычного человека. Т.В. Дубровская пишет, что «судья-обычный человек проявляет эмоции и личное отношение к участникам процесса, закону, принятым ранее судебным решениям» [Дубровская, 2010, с. 7]. Что касается медиатора, то в рамках процедуры медиации в процессе общения со сторонами конфликта/спора проявление эмоций, симпатий и антипатий к сторонам медиации является нарушением принципа нейтральности. Принцип нейтральности «распространяется не только на поведение медиатора, но и на процедурную часть подготовки проведения переговоров, а также на работу с содержанием» [Медиация, 2016, с. 196]. Пристрастность медиатора, его личное отношение к одной из сторон в институциональной обстановке лишает его независимости в организации диалога в медиации и приводит к утрате доверия сторон. Нельзя сказать, что у языковой личности медиатора нет грани «обычный человек», но не в ходе медиации.

Эмоциональное присоединение в медиации является строгим табу [Киндеркнехт, 2023 (б)]. Медиатор остается при этом эмпатичным человеком, но ни в речи, ни в невербальном поведении не проявляет своих эмоций, личного отношения к участникам процедуры медиации, личного отношения к обсуждаемым проблемам и т.п. Более того, почувствовав свою пристрастность, медиатор сам вправе прекратить процедуру медиации.

Определение дискурса медиации как разновидности жесткого институционального дискурса противоречит положениям других авторов относительно жесткости/нежесткости дискурса. Например, Н.С. Баребина относит медиацию к нежестким типам институционального дискурса [Баребина, 2012]. Автор апеллирует к нежесткому регламенту проведения медиации, к добровольному участию в сессии медиации, однако сравнение медиации с судебным разбирательством не является в этом смысле убедительным, в том числе с учетом примера сравнения, описанного выше.

Думается, что разведению исследовательских позиций и обоснованию справедливости каждого из концептуальных подходов будет способствовать теория Л.С. Бейлинсон, которая выделяет в институциональном дискурсе три модуса общения: «общение между агентами (внутренний институциональный дискурс), общение агента с клиентом (стандартный институциональный дискурс) и общение между клиентами в связи с их потребностями, которые должен удовлетворить институт (внешний институциональный дискурс)» [Бейлинсон, 2009 (в), с. 143]. Интерпретируя данную теорию отметим, что в стандартном институциональном дискурсе, чаще представленном классической медиацией, о нежесткости говорить не приходится. Вместе с тем резонно говорить о жесткой медиации со стороны самого медиатора. Ограничения, накладываемые на его коммуникативное поведение, строгое соблюдение правил и требование соблюдения этих правил другими участниками дискурса характеризуют языковую личность медиатора. С позиции сторон, в сравнении с судом, есть много преимуществ и послаблений, позволяющих причислять медиацию к нежесткому

типу институционального дискурса. В известном смысле исследователи медиации – потенциальные стороны медиации.

Закрытость институционального дискурса медиации связана с одним из ее основополагающих принципов – принципом конфиденциальности. Согласно принципу конфиденциальности, «медиатор не вправе разглашать информацию, относящуюся к процедуре медиации и ставшую ему известной при ее проведении, без согласия сторон», «при проведении процедуры медиации сохраняется конфиденциальность всей относящейся к указанной процедуре информации, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами, и случаев, если стороны не договорились об ином» [Об альтернативной процедуре…, веб]. Данный принцип «касается как самого медиатора, который работает в рамках защиты и сохранения информации, доверенной ему сторонами, так и организационного обеспечения сохранения конфиденциальности сторонами во время медиации» [Медиация, 2016, с. 196].

Конфиденциальность должна соблюдаться не только по отношению к информации, относящейся к содержанию процедуры медиации, но и по отношению ко всем внешним проявлениям этого содержания, что, в частности, выражается в запрете на стенографирование, аудио- и видеозапись медиативных переговоров, в связи с чем «можно утверждать, что медиация – это весьма замкнутая система функционирования устной речи (письменная речь здесь представлена разного рода соглашениями, заявлениями и другими документами, которые могут становиться открытыми в ходе дальнейшего судебного/третейского разбирательства, выходя за рамки процедуры медиации)» [Киндеркнехт, веб].

Конфиденциальность является одним из преимуществ медиации по сравнению с государственным правосудием, где действует принцип гласности и открытости [Полиева, 2009]. Медиация – это не публичный процесс, «режим конфиденциальности процедуры медиации является необходимым условием для ее проведения и принятия решения в обстановке доверия и безопасности» [Конфиденциальность…, веб].

Закрытость институционального дискурса осложняет рекламу медиации. Медиаторы задаются вопросом об изменении ситуации с узнаваемостью и применимостью новой посреднической услуги, но сталкиваются с тем, что «пропагандировать и рекламировать медиацию с эффективным результатом» сегодня практически невозможно, и одним из препятствий выступает противоречие между рекламной деятельностью и принципами медиации, прописанными в Законе о медиации: «Законы рекламы рынка услуг требуют “горячих” и громких дел, а принцип медиации – соблюдение конфиденциальности!» [Капштык, веб].

Закрытость всей информации, связанной с медиационными сессиями, запрет на видео- и аудиофиксацию материалов создают определенные сложности не только в рекламе медиации, но и в ее научном исследовании. Так, материалом исследования дискурса медиации не могут быть скрипты записей медиационных сессий, то есть реальное коммуникативное взаимодействие сторон в институциональной обстановке недоступно. Размещение скриптов медиации в открытом доступе в Интернете или архивирование записей медиатора невозможны в силу Закона о медиации. Если такие документы становятся открытыми, то мы имеем дело с нарушением профессиональной этики медиатора. Здесь даже не идет речь об утечке информации, поскольку сама возможность выхода информации из стен помещения, где проводится медиация, не допустима. Если же профессиональная этика медиатора не нарушена, то в публичном доступе можно взять только учебные видео якобы «проведенных» процедур медиации, – в этом случае видео являются постановочными, а «скрипты» представляют собой вторичные тексты, специально подготовленные для анализа в учебных целях, а потому обработанные, сглаженные.

Итак, институциональность является системообразующим признаком дискурса медиации. Медиация – это конвенциональная система форм деятельности, социально регламентированная дискурсивная практика взаимодействия людей, конструирующая коммуникативную культуру позитивных осознанных переговоров и направленная на организацию диалога, который необязательно ведет к примирению. Анализируя модель институционального

дискурса медиации, мы можем заключить, что дискурс медиации – это институциональный закрытый жесткий недирективный дискурс с четким разделением ролей типовых участников. Прагматический сценарий коммуникации в дискурсе медиации ориентирован на настоящее и будущее и связан с налаживанием конструктивного взаимодействия конфликтующих сторон. Ведущая роль в институциональном дискурсе медиации принадлежит медиатору – независимому лицу, организующему переговоры сторон таким образом, чтобы стороны пришли к взаимовыгодному решению.

1.3 Реализация языковой личности медиатора в дискурсе медиации

Медиатор – один из типовых участников институционального дискурса, играющий ведущую роль в организации коммуникации сторон в ситуации конфликта/спора. Как нейтральный посредник, привлекаемый сторонами для урегулирования сложившейся между ними проблемной ситуации, медиатор является определенным типом языковой личности, который проявляет себя в статусно-обусловленном дискурсе медиации.

Понятие языковой личности является в лингвистике категориальным, интегративным. Категориальность проявляется в более-менее очерченных границах исследовательского интереса. Так, «последовательная разработка понятия ЯЛ и, соответственно, принципов лингвистического антропоцентризма позволяет не только по-новому – с поправкой на “антропный фактор” – взглянуть на сущность и устройство языка как особой семиотической системы, на универсальные механизмы речевой деятельности и функции языка/речи, но и решать конкретные практико-ориентированные, прикладные задачи, связанные с формированием и развитием языковой способности и коммуникативной компетентности носителей языка, с оптимизацией процессов и результатов речевой коммуникации во всевозможных областях социальной деятельности современного человека» [Языковая личность…, 2015, с. 7]. Языковая личность – это центральная категория антропоцентрической парадигмы современного лингвистического

знания. Интегративность феномена языковой личности связана с синтезирующим характером исследовательского предмета, междисциплинарностью исследований человека, «интеграцией гуманитарных наук, а внутри лингвистики – интеграцией различных ее областей при изучении рассматриваемого явления» [Иванцова, 2010, с. 24]. Языковая личность, как пишет Ю.Н. Караулов, не является «частно-аспектным коррелятом личности вообще, какими являются, например, правовая, экономическая или этическая личность», это «углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще» [Караулов, 2010, с. 38].

Понятие языковой личности было введено в научный обиход Й.Л. Вайсгербером [Вайсгербер, 2004] (с этим именем связывают терминологическое первенство в использовании словосочетания «языковая личность» в 1927 г.), В.В. Виноградовым [Виноградов, 1930] (в отечественной лингвистике), Г.И. Богиным [Богин, 1984 (а)] (в работе [Богин, 1980] дано одно из первых определений языковой личности) и Ю.Н. Карауловым [Караулов, 2010] (книгу исследователя «Русский язык и языковая личность» называют «манифестом российской лингвоперсонологии» [Языковая личность…, 2014, с. 7]). Постепенно в рамках антропологической парадигмы лингвистики формируется теория языковой личности, которая отражается в целом ряде работ [Баишева, 2007; Голев, 2004, 2014; Зеленская, 2000; Иванцова, 2002, 2005; Карасик, 2004, 2014; Кочеткова, 1998, 1999; Лемяскина, 2004; Лютикова, 2000; Максимчук, 2002; Нерознак, 1996; Панова, 2004; Седов, 1999; Седых, 2005; Сиротинина, 1997; Солнышкина, 2005; Тхорик, 2000; Фомин, 2004; Шестак, 2003].

Теория языковой личности активно разрабатывается в современных исследованиях. Согласно информации Сибирской школы лингвоперсонологии, в отечественном языкознании к началу XXI века языковая личность «имеет довольно богатую историю изучения», а библиография работ, посвященных языковой личности, «исчисляется тысячами наименований и продолжает расширяться» [Языковая личность…, 2015, с. 7]. С позиций разных областей лингвистического знания рассматриваются различные типы языковой личности, анализ идентичности которых позволяет решать как многоаспектные теоретические проблемы, так и

практические вопросы по паспортизации языковых личностей, составлению их тезауруса, выявлению их интерпретационного и дидактического потенциала.

Обобщая существующие в лингвистике подходы к изучению языковой личности, В.И. Карасик выделяет психологический, социологический, культурологический, собственно лингвистический (или коммуникативный) аспекты исследования, отдельно предлагая дискурсивный (прагмалингвистический) подход к анализу человека в языке [Карасик, 2007, с. 78–79]. В исследовании языковой личности медиатора нам не избежать сочетания всех перечисленных подходов, так как в противном случае мы получим весьма редукционистскую теорию, которая лишит нас возможности дать комплексную характеристику медиатора в современном дискурсе медиации. Так, психологический аспект изучения языковой личности медиатора может дать представление о когнитивных и эмоциональных процессах, отслеживаемых медиатором в ходе медиации, психологический анализ касается также психологической самоподготовки медиатора, в частности, «оттачивания главного инструмента медиатора – его личности, отработки собственных проблем» [Иванова, 2021 (а), с. 346]. Социологический анализ представляет языковую личность медиатора с точки зрения его роли в группе людей, идентифицирующих себя в качестве нейтральных посредников, и с позиции его статуса в диалоге с конфликтными сторонами. Культурологический анализ обрисовывает еще одну внеязыковую грань языковой личности медиатора – позволяет приблизиться к пониманию национальных особенностей развития института медиации и специфики формирования русского языка медиатора. Лингвистический аспект позволяет описать стратегии и тактики коммуникативного поведения языковой личности медиатора. Дополнительный, дискурсивный анализ, выделяемый в исследовательских целях, наряду с описанными выше аспектами раскрывает логику перехода от конфликтного взаимодействия сторон к кооперативному.

Учитывая внелингвистические направления в изучении языковой личности, мы признаем, что языковая личность «должна быть *реконструирована* на основании анализа языкового материала», в процессе «моделирования

закономерностей пользования языком в ходе коммуникации» [Беляевская, 2017, с. 41]. Не вдаваясь в детальную проработку толкования термина в лингвистической персонологии, остановимся на определениях основателей теории языковой личности. Согласно Г.И. Богину, языковая личность – это человек, «рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин, 1984 (б), с. 3]. Как пишет Ю.Н. Караулов, языковая личность – это «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [Караулов, 2010, с. 245].

Приведенные толкования имеют достаточную объяснительную силу для осмысления феномена языковой личности медиатора как человека, рассматриваемого с точки зрения его готовности производить речевые поступки в организации общения конфликтующих сторон, принимать речевые произведения от других участников медиации, то есть быть способным выслушать стороны, это совокупность и результат реализации способностей к созданию и восприятию речевых произведений разной степени структурно-языковой сложности в определенных ситуациях для достижения целей коммуникации в дискурсе.

Для обоснования реализации языковой личности медиатора в дискурсе медиации необходимо определиться с целью коммуникации в дискурсе и с ролью медиатора как типового представителя дискурса медиации, играющего ведущую роль и ориентированного на достижение этой цели. В лингвистических исследованиях цель коммуникации в институциональном дискурсе медиации определяется по-разному: «менеджмент процесса развития кооперации, направленной на разрешение конфликта» [Куликова, Прохорова, 2016, с. 102; Прохорова, 2017, с. 120]; «конфликтующие участники должны из конфликтного дискурсивного пространства (зоны несогласия) перейти в кооперативное (зону согласия)» [Куликова, Прохорова, 2016, с. 102]. Выделяется так называемая «главная цель» дискурса медиации – «разрешить спор конфликтующих

участников» [Прохорова, 2017, с. 124], рассматривается «глобальная цель» – достижение компромисса и примирение сторон [Моногарова, 2016 (б), 2017 (б), 2018; Моногарова, Кобышева, 2016 (б); Чернышенко, 2014 (а), 2014 (б)].

Отметим здесь, что весьма сложно дать одно непротиворечивое определение медиации, которое бы соответствовало всему множеству денотативных ситуаций в связи с разнообразием видов и моделей медиации в зависимости «от специфики политической и экономической организации страны, и от традиций, сложившихся у конкретного народа, и от сферы, в которой применяют указанную процедуру» [Кулапов, 2014, с. 119], от ситуации конфликта, от характера спора, наконец, от самого медиатора и психологических особенностей сторон. Вместе с тем в указанных определениях цели медиации нельзя не обратить внимание на ряд неточностей, искажающих суть медиации как актуальной коммуникативной практики и социального института. Для понимания специфики дискурсивного проявления медиатора принципиально важным является использование того или иного слова в дефиниции медиации и в определении цели медиации. Так, на курсах повышения квалификации для медиаторов уже опытные практикующие медиаторы нередко задаются вопросом, что есть медиация, и поправляют друг друга в отношении неправильно подобранных слов, которые могут увести от понимания медиации и создать неверные стереотипы, которые потом тиражируются в статьях.

Прежде всего, как показывают источники, следует осторожно относиться к так называемому *«разрешению»* конфликта как цели медиации, так как есть определенная разница между разрешением и урегулированием ситуации. Конфликтологи обращают внимание на разную смысловую нагрузку терминов *завершение*, *урегулирование*, *разрешение*: под завершением понимается всякое окончание, прекращение конфликта; урегулирование конфликта – «приведение конфликтного взаимодействия в русло примирения путем переговоров, участия посредников или арбитражного вмешательства», но это еще не завершение конфликта; разрешение конфликта «предполагает его завершение по доброй воле самих оппонентов, достижение ими совместно найденного решения по разделившей их проблеме», разрешение может быть полным или частичным

[Ворожейкин, 2004, с. 99]. Частичное разрешение, к которому относят «урегулирование конфликта» [Дмитриев, 2000, с. 306], «выражает только внешнее изменение конфликтного поведения при сохранении внутреннего побуждения к продолжению противоборства» [Ворожейкин, 2004, с. 138].

Нетрудно заметить, что термин *разрешение конфликта* характеризует медиацию, скорее, как со стороны медиатора, играющего ведущую роль в медиации, так и со стороны клиентов. Термин *урегулирование конфликта* в большей мере отражает участие посредника и его организующую роль в налаживании диалога сторон. По словам медиаторов О.В. Аллахвердовой и А.Д. Карпенко, «цель медиатора в ряде конфликтов не столько разрешить конфликт, сколько снизить напряжение и привести стороны к переговорам» [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 91]. Медиаторы больше склонны использовать термин *урегулирование конфликта*. В теории конфликта с урегулированием конфликтов связывают ограничение, локализацию и преобразование конфликтов в другие, более приемлемые формы, тогда как термин *разрешение* предполагает полную ликвидацию конфликта [Король, Малимонов, Рахинский, 2015, с. 13–14], а это не всегда достигается в медиации.

Возражению подлежит также идея компромисса в определении медиации. С позиции сторон, возможно, достижение согласия видится как компромисс. Х. Бесемер, автор книги, которая в начале 90-х годов XX века открыла медиацию как социальное явление всей немецкоязычной Европе, пишет по этому поводу: «В обычном понимании “переговоры” часто сводятся к “компромиссу”. Люди двигаются внутри заданных границ, вместо того, чтобы разрабатывать новые. Вести друг с другом переговоры, – это, конечно, лучше, чем спорить друг с другом, но есть альтернативы и получше» [Бесемер, 2004, с. 35]. Этот же автор отмечает: «Для медиатора и сторон спора важно, что они хотят найти не компромиссное решение, а решение на основе консенсуса. Решение должно принести не одинаковые недостатки для всех сторон, а по возможности много преимуществ для всех. Оно не обязано быть посередине первоначальных позиций, а может лежать на совершенно новом уровне» [Бесемер, 2004, с. 100].

В компромиссе каждой стороне приходится поступиться частью своих интересов, то есть стороны остаются в чем-то ущемленными, а это может привести к новому конфликту. Ц.А. Шамликашвили пишет, что поиск компромисса между сторонами «позволит в лучшем случае выработать очень ограниченные, хрупкие договоренности», при этом остаются непроясненными глубинные мотивы и корни конфликта» [Шамликашвили, 2017 (б), с. 71]. Компромиссное решение таит в себе «потенциал нового витка конфронтации» [Шамликашвили, 2017 (б), с. 74]. Медиация же ориентирована на стратегию не компромисса, а сотрудничества. Медиатор Ю.А. Дубинина так описывает эту стратегию выхода из конфликта: «Сотрудничество подразумевает активное участие в разрешении конфликта. Вы отстаиваете свои интересы, но стараетесь учитывать интересы другого человека. Он делает то же самое. Сотрудничество требует более продолжительной работы, но и более эффективно» [Дубинина, 2021, с. 47].

Наконец, медиация – это не всегда примирение. Начнем с того, что примирение – это один из отдельных способов завершения конфликта, причем без вмешательства третьей стороны [Котлярова, 2021, с. 11]. Вместе с тем примирение может осуществляться и с помощью посредника, например в судебном примирении [Лисицын, 2015]. Основное отличие примирения от медиации заключается в процедуре соглашения между сторонами: «медиатор не вмешивается в принятие решения сторонами, а примиритель может предлагать решения» [Журавлевич, 2023, с. 16–17]. Программа примирения рассматривается в восстановительной медиации, результатом которой являются действия, которые помогают исправить последствия конфликтной ситуации: извинение, прощение, стремление искренне загладить причиненный вред [Медиативные технологии…, 2020, с. 6]. Относительно примирения Ц.А. Шамликашвили отмечает, что в тех случаях, когда примирение рассматривается как необходимость, «стороны могут испытывать давление, которое помешает им самостоятельно найти взаимовыгодное решение» [Шамликашвили, 2013, с. 15], а это противоречит переговорам в стиле «выигрыш-выигрыш». Не случайны в связи с этим номинации институциональных помещений, где примирение и медиация сополагаются, если

не противопоставляются: *комнаты примирения и медиации*. Следует все же признать, что отождествление медиации с примирением в бытовой сфере функционирования существует наряду с размытостью представлений о медиации как о новой коммуникативной практике и методе урегулирования споров.

Как видим, в определении медиации существенным является его институциональное и неинституциональное понимание. Для выведения цели медиации мы считаем необходимым четкое разведение обыденного понимания, бытующее в неинституциональном дискурсе, представителями которого являются стороны конфликта, и понимание о медиации во внутреннем и стандартном институциональном дискурсе (по Л.С. Бейлинсон [Бейлинсон, 2009 (в), с. 143]).

С позиции сторон цель медиации может рассматриваться как примирение с помощью нейтрального посредника, разрешение конфликта, учитывая, что внимание к словам «примирение» и «разрешение» здесь может быть нерелевантным. Но с позиции медиатора цель медиации – это урегулирование споров при содействии нейтрального посредника – медиатора «на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения» [Об альтернативной процедуре…, веб]. Именно добровольное согласие сторон и достижение взаимоприемлемого решения подчеркиваются медиаторами в ходе общения с потенциальными клиентами, в так называемом стандартном институциональном дискурсе. Во внутреннем институциональном дискурсе при общении медиаторов между собой значимой становится цель, подчеркивающая роль самого медиатора в процессе медиации – «помощь конфликтующим сторонам в самостоятельной выработке взаимоприемлемого жизнеспособного решения, снижение повышенной эмоциональной отягощенности конфликта, прояснение истинных интересов сторон» [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 76]. Помощь здесь рассматривается как трансформация когнитивных установок сторон, меняющих представление о конфликте, и повышение договороспособности, то есть упомянутый ранее «менеджмент процесса развития кооперации».

Языковая личность медиатора является групповой, коллективной языковой личностью, так как представляет определенную типологическую группу людей. В

теории языковой личности «коллективная языковая личность» – «некое сообщество людей, говорящих на данном языке» [Иванцова, 2010, с. 28] – «совокупная» языковая личность [Сентенберг, 1994, с. 15], противопоставляемая «индивидуальной языковой личности», в социолингвистике это «обобщенный тип», в отличие от «конкретного представителя социума» [Карасик, 2004, с. 84]. Оппозиция коллективного и индивидуального выводится из содержания термина «языковая личность», дающего знание об индивидууме «со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками» и о «типовом представителе данной языковой общности и более узкого входящего в нее речевого коллектива, совокупном или усредненном носителе данного языка» [Русския язык. Энциклопедия, 1997, с. 671].

Библиография изучения типовой языковой личности весьма обширна. Нас интересуют исследования языковых личностей, выделяемых по типу деятельности, такие, например, как языковая личность переводчика [Бушев, 2010; Гуреева, 2014], государственного служащего [Панова, 2004], политического деятеля [Алексеев, 2021 (б); Гавриш, 2022; Нестерова, 2021; Тхакушинова, 2010; Цуциева, 2019], врача/виртуального врача [Волкова, 2021, 2022; Гагарина, 2016], пожарного [Бондаренко, 2019], моряка [Солнышкина, 2005], педагога [Сергеева, 2013], преподавателя высшей школы [Бузинова, 2020], телевизионного ведущего [Беспамятнова, 1994; Канчер, 2002; Касимханова, 2015], спортивного комментатора [Косякин, 2014] и др. Языковая личность медиатора тоже и таким же образом выделяется по типу деятельности, направленной на реализацию определенной цели.

Помимо цели медиации, которая диверсифицируется в зависимости от роли участников, существует мотивационная основа деятельности медиатора, одинаково понимаемая в дискурсе, независимо от модуса общения во внутреннем, стандартном и внешнем институциональном дискурсе медиации. Медиация является одним из способов социального реагирования на конфликтную ситуацию, и деятельность медиатора напрямую связана с конфликтом. Именно конфликт во всех его разновидностях выступает мотивационной основой дискурса медиации.

Ранее мы пытались выделить основные концепты, к которым сводится медиация как тип общественного института: *посредничество*, *примирение*, *урегулирование конфликта/спора*; *переговоры с участием нейтрального посредника* и др. Выделенные ключевые слова и словосочетания репрезентируют суть деятельности медиатора в ответ на мотивационную основу, которая представлена разного рода конфликтными ситуациями.

Для сравнения приведем в пример профессию врача, в которой мотивационной основой является болезнь, ее лечение и профилактика. В качестве мотивационной основы профессии учителя можно рассматривать объективную потребность ученика в познании и развитии. Для профессии социального работника мотивационной основой выступают социальная незащищенность определенных слоев населения, плохие материальные и бытовые условия проживания. Мотивационной основой профессии юриста являются неосведомленность населения и отдельных лиц в своих правах и незнание норм права и закона (юрист – специалист, который знает законы и защищает права людей). Для профессии психолога основанием деятельности выступают трудные жизненные события – депрессии, фобии, разного рода зависимости, проблемы во взаимоотношениях с коллегами по работе и с близкими людьми. Мотивационной основой деятельности переводчика является лингвокультурный барьер, спортивного комментатора – необходимость в звуковом сопровождении трансляции спортивного мероприятия, пожарного – неконтролируемое возгорание/горение, причиняющее материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан и т.д. В настоящем исследовании мы считаем, что мотивационная основа определяет мотивационный (прагматический) уровень (из трехуровневой структуры языковой личности Ю.Н. Караулова [Караулов, 2010, с. 238]) реализации языковой личности в дискурсе и обусловливает коммуникативное поведение медиатора по отношению к другим участникам медиации.

В медиации задействованы, как минимум, три участника: медиатор и две стороны. Медиатор и стороны конфликта не принадлежат к группам равного ранга, так как медиатор – это все же лицо, уполномоченное для осуществления

коммуникации, эксперт по методам разрешения конфликтов, специалист, который помогает сторонам «переключиться на будущее и построить конструктивный выход из сложившейся ситуации» [Программы восстановительного правосудия..., 2009, с. 57]. Здесь может сложиться ложное впечатление о «вертикальном» типе коммуникации, которому соответствует привычная модель «специалист – клиент». Характерная черта данной модели «определена культурно-установленным различием в позициях участников: с одной стороны, авторитетная позиция «знающего» – специалиста, с другой – позиция «познаваемого» (клиента)» [Карнозова, 2013, с. 153]. Однако недирективность институционального дискурса медиации заставляет нас сомневаться в «вертикальности» коммуникативного взаимодействия медиатора со сторонами. Вместе с тем вызывают сомнения и попытки соотнесения медиации с горизонтальным типом коммуникации. Очевидно, что в горизонтальной плоскости протекает общение сторон дискурса медиации, в то время как позиция медиатора не равноценна позициям сторон.

Изучение коммуникации в сфере социальной практики медиации в дискуссии с профессиональным медиатором Л.А. Соболевой позволило осуществить поиск вертикального и горизонтального типов коммуникации в медиации и выявить особый характер коммуникативных процессов [Киндеркнехт, Соболева, 2019]. Вертикальная коммуникация чаще всего рассматривается как коммуникация между людьми, стоящими на различных ступеньках социальной иерархии, это коммуникация субординации. Наиболее распространенный пример вертикальной коммуникации – это коммуникация между начальником и подчиненным. Беседу медиатора со сторонами весьма трудно отнести к данному типу в чистом виде, медиатор не является начальником со всеми присущими ему элементами коммуникативного поведения. В связи с этим справедливо утверждение тренера по медиации и автора многочисленных трудов по восстановительному правосудию Л.М. Карнозовой относительно горизонтального подхода в медиации [Карнозова, 2013, с. 154]. Медиатор не стоит выше сторон по положению, он не навязывает решений, не дает советов.

Однако медиатор не является участником общения, он – внешняя нейтральная сторона, которая помогает осуществлять горизонтальную коммуникацию. Рассматривая условия успешной коммуникации, А.И. Гринюк пишет, что «в случае если участники коммуникативного процесса располагают различными кодами, для общения «им потребуется посредник, владеющий обоими кодами и способный преобразовывать сообщение из одного кода в другой без искажения смысла» [Гринюк, 2013, с. 13]. Именно таким посредником, на наш взгляд, и выступает медиатор, организуя коммуникацию людей с их болью, чувствами, переживаниями, что предполагает наличие у него «определенных представлений, схем и техник перехода от эмоциональной стороны взаимодействия к рациональной» [Программы восстановительного правосудия..., 2009, с. 44–45], тем самым обеспечивая общий код общения.

Рассуждая о помощи медиатора в осуществлении горизонтальной коммуникации, следует признать, что медиация не представляет собой в чистом виде горизонтальный тип по направлению потока информации, так как: а) медиатора трудно вписать в структуру горизонтальной коммуникации, поскольку он представляет собой внешнего эксперта; б) есть своя специфика относительно обмена информацией: медиатор не обменивается данными со сторонами конфликта, он инициирует обмен информацией; в) в решении проблем медиатор участвует как ведущий переговоров, а проблемы решают сами стороны [Киндеркнехт, Соболева, 2019, с. 257].

Детальное изучение вертикальной коммуникации в общей теории коммуникации и поиск элементов «вертикальности» в институциональном дискурсе медиации позволяют утверждать, что медиация не относится в чистом виде и к вертикальному типу коммуникации, медиатор не стоит выше сторон и не образует четко выраженную вертикаль общения. Элемент вертикальности здесь проявляется в экспертно-диагностическом подходе на подготовительном этапе, на этапах организации встреч и при отслеживании медиатором динамики развития диалога сторон, «чисто горизонтальная коммуникация может рассматриваться здесь только в интерпретации общения сторон, но эта горизонтальная

коммуникация невозможна без помощи медиатора, в задачи которого входит обеспечение дальнейшего общения сторон без медиатора» [Киндеркнехт, Соболева, 2019, с. 258].

Итак, языковая личность медиатора – обобщенный тип языковых личностей, проявляющих себя в институциональном дискурсе медиации. Это групповая, коллективная языковая личность, выделяемая по типу деятельности, связанной с урегулированием конфликта/спора между сторонами в клиентоориентированной сфере медиации. Медиатор играет ведущую роль в переговорах сторон как нейтральный посредник, цель которого связана со снижением конфликтного напряжения и повышением договороспособности сторон. Медиатор организует горизонтальную коммуникацию сторон, невозможную без посредника, и представляет собой внешнего эксперта, который инициирует обмен информацией и обеспечивает общий код общения сторон.

Для комплексной характеристики медиатора в современном дискурсе медиации необходимо сочетание психологического, социологического, культурологического, собственно лингвистического и дискурсивного подходов, дающих представление о когнитивных и эмоциональных процессах, проявляющихся и отслеживаемых в ходе медиации, о роли медиатора в группе людей, идентифицирующих себя в качестве нейтральных посредников, о его статусе в диалоге с конфликтующими сторонами, о национально-культурной специфике языкового проявления медиатора, о стратегиях и тактиках его коммуникативного поведения в дискурсе.

1.4 Профессиональный статус языковой личности медиатора

Профессиональный регистр дискурса медиации – один из признаков его институциональности. При рассмотрении профессионального статуса языковой личности трудно избежать социологического подхода в ее изучении, например, нельзя обойти вниманием вопрос о медиации как профессии социального направления.

В рамках профессионального стандарта профессия «медиатор» не определена как специальность, то есть остается без образовательного стандарта, специалисты говорят об «отсутствии кода общероссийского классификатора специальностей по образованию (ОКСО) в профессиональном стандарте медиатора» [Вечерина, Путалова, 2021, с. 4–5].

В тексте Закона о медиации также сказано, что «деятельность медиатора может осуществляться как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе» [Об альтернативной процедуре…, веб, ст. 15, п. 1]. Исследователями отмечается, что возможность осуществления медиации непрофессиональными медиаторами и «весьма поверхностный перечень требований» к данной категории медиаторов значительно расширяет круг медиаторов и сказывается на результатах медиации, в связи с чем предлагается усовершенствовать законодательство в данной области и исключить пункт о деятельности непрофессиональных медиаторов [Малышок, Свойкина, 2017, с. 87]. Как пишут М.Н. Садовникова и А.С. Анищенко, «вопрос о существующем разделении медиаторов на действующих на профессиональной основе и профессиональных медиаторов является спорным и одним из самых обсуждаемых» [Садовникова, Анищенко, 2019, с. 116]. В настоящей работе мы не склонны строго обособлять медиаторов с точки зрения их вовлеченности в профессиональную деятельность, считая непрофессиональных медиаторов такими же субъектами профессиональной деятельности, как и профессиональных медиаторов. В фокусе положений современной лингвистики «профессиональной может считаться лишь та деятельность, которая совершается в интересах людей, то есть носит общественно-полезный характер»: так, в номинации *медиатор* мы можем оформить «выделение, обособление отдельной сферы деятельности» [Голованова, 2004, с. 10] – медиации.

Не рассматривая проблемы, обсуждаемые в сложившемся в России профессиональном сообществе медиаторов относительно переопределения профессии медиатора и актуального статуса профессии медиатора, определим реализацию языковой личности медиатора в профессиональном дискурсе в актуальном синхронном срезе.

1.4.1 Экспликация профессиональной помощи языковой личности медиатора

Медиатор – ключевая фигура институционального профессионального дискурса медиации. Профессиональный дискурс в современной лингвистике определяется как «институциональное общение людей, получивших специальную подготовку для выполнения определенной трудовой деятельности» [Бейлинсон, 2009 (а), с. 5]. Это род социально-ориентированного дискурса, «вербальная опосредованная коммуникация как процесс контролируемого взаимодействия субъектов профессиональной деятельности, характеризующийся определенным комплексом норм, стереотипов мышления и поведения» [Голованова, 2013, с. 32], «особая коммуникативная среда, порождаемая целеполаганием субъектов, специфичная по тематике, оформляемая в соответствии с условиями общения и наполненная определенными языковыми единицами разного уровня обобщения, позволяющими успешно реализовать поставленные коммуникативные цели» [Галич, Клёстер, 2018, с. 28].

Одна из основных целей медиатора – помощь сторонам конфликтной ситуации. В «Этических стандартах профессиональной ответственности медиатора» в преамбуле написано: «Медиация – процесс, при котором незаинтересованный, беспристрастный, квалифицированный человек помогает сторонам, вовлеченным в конфликт, достичь взаимоприемлемого урегулирования. Медиатор помогает сторонам прийти к соглашению, облегчая и направляя коммуникацию между ними, помогая получить соответствующую информацию и сделать правильный выбор» [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 105]. Идея помощи реализуется в приведенном контексте три раза, однако в простом определении, в отрыве от контекста профессионального дискурса с рассмотрением всех функций медиатора и характеристик типа коммуникативных связей медиатора и конфликтующих сторон, помощь как ряд действий по участию в чьей-либо работе, по содействию и поддержке может интерпретироваться амбивалентно, в частности, может сложиться представление о директивном характере помощи медиатора.

Во многих определениях медиации, которые дают сами медиаторы, идея помощи явно эксплицируется, не случайно медиацию относят к помогающим профессиям [Ершова, 2016; Карнозова, 2013; Соловьева, 2016; Шамликашвили, 2017 (б)]. Помогающие (или социономические) профессии – это «профессии, предполагающие в процессе деятельности общение типа “человек – человек” (например, продавец, учитель, менеджер, юрист и т.д.)» [Сорокоумова, Исаев, 2013, с. 186], в основе таких профессий – оказание разных видов помощи [Бачурина, 2011, с. 214]. Так же, как и в других помогающих профессиях, медиатор при непосредственном взаимодействии со сторонами, обратившимися за помощью, «осознанно и целенаправленно применяет специальные знания и навыки» «с целью оказания физической, социальной и психологической помощи» для улучшения качества их жизнедеятельности [Сорокоумова, Исаев, 2013, с. 187–189].

Ссылаясь на ряд исследований, Н.И. Влах выделяет следующие особенности помогающих профессий: инструментом осуществления профессиональных функций является личность субъекта труда; преобладают субъект-субъектные взаимодействия; характерны интенсивность, продолжительность и сложность межличностных контактов; разный возраст клиентов, острота их проблем, нерегламентированность рабочего дня и т.д. [Влах, 2015, с. 96]. Проинтерпретируем проявление этих особенностей в деятельности медиатора.

Инструментом осуществления профессиональных функций медиатора является сам медиатор как лицо, уполномоченное для осуществления коммуникации в непростой эмоциональной ситуации, в потенциально агрессивной среде, когда стороны конфликта/спора не могут самостоятельно конструктивно вести диалог. Медиатор – профессиональная языковая личность с определенным набором специфических личностных характеристик, которые позволяют ему эффективно осуществлять свою деятельность. Субъект-субъектный тип взаимодействий в медиации – это взаимодействие медиатора как субъекта труда и сторон как субъектов отношений, которые добровольно участвуют в процедуре медиации. Коммуникативное взаимодействие участников медиации отмечено сложным совмещением вертикального и горизонтального типов коммуникации.

Интенсивность, продолжительность и сложность межличностных контактов в медиации объясняются общей ситуацией столкновения оппонентов в конфликтном дискурсе. В отличие от других социономических профессий трудовая деятельность медиатора напрямую связана с конфликтом. Медиатор работает в потенциально агрессивной среде, в которой сталкиваются оппоненты конфликтного дискурса. Как нейтральный посредник медиатор направляет стороны в трансформации коммуникативного пространства из конфликтного в кооперативное, так как согласие на переговоры с медиатором — это первый шаг к интеракции, свидетельствующий о готовности к диалогическому взаимодействию.

Процесс трансформации коммуникативных ситуаций в ходе медиации в направлении «конфликт — кооперация» может быть интерпретирован в терминах конфликтного и кооперативного типов дискурса [Кошкарова, 2014 (а), 2014 (б), 2015 (а), 2016; Сейранян, 2012]. Дискурс медиации включает конфликтный и кооперативный типы дискурса как компоненты задачи, где необходимо пройти из пункта «А» в пункт «Б». Реализация этой задачи, то есть интеракция сторон конфликта с осуществлением трансформации субъектов конфликтного общения, собственно, и становится возможной при участии медиатора.

Конфликтный дискурс – «такое речевое взаимодействие собеседников, иллокутивная доминанта которого характеризуется наличием столкновения коммуникативных целей, в результате чего в целом консеквент характеризуется тем, что участники дискурса испытывают различные эмоции благодаря вербальному воздействию друг на друга» [Белоус, 2008, с. 153]. В конфликтном дискурсе, с которым коррелирует дискурс медиации, в системе так называемых «нездоровых отношений» медиатору необходимо найти «здоровые зоны» – «те области коммуникации, где имеются и могут быть возможными взаимодействие, понимание, “точки соприкосновения”, наличие общих ценностей, идеалов, установок и желаний»; для эффективной деятельности медиатору необходимо «быть лингвистически чувствительным, утонченным, уметь использовать подходящие выражения и обороты речи» [Романова Н.М., 2017, с. 28].

Для эффективной работы в ситуации конфликта медиатору необходимо осознавать и понимать собственные эмоции и эмоции окружающих «для управления процессом когнитивной, вербальной и эмоциональной трансформации субъектов конфликтного общения», а именно: создавать и поддерживать благоприятный социально-психологический климат и систематически регулировать психоэмоциональное состояние участников конфликта [Жбанкова, Прохорова, 2017, с. 83–85]. Добавим здесь, что медиатор не должен сам эмоционально вовлекаться в конфликт, так как пристрастность и эмоциональная включенность медиатора могут привести к утрате доверия сторон и к прекращению переговоров, в которых медиатор является переводчиком с языка эмоций на нейтральный язык для установления конструктивного диалога сторон. Интерпретируя установки медиатора в организации диалога сторон, определим специфику языковой личности медиатора как эмотивной личности: эмоциональный компонент языковой личности медиатора проявляется в отслеживании эмоций сторон, их трансформации в системе урегулирования психоэмоционального состояния сторон и в обязательном контроле своих эмоций. Медиация представляет собой эмотивную коммуникацию, в которой медиатор, как профессионал, фильтрует и помогает фильтровать вербальное оформление мысли участников диалога.

В рассмотрении особенностей помогающих профессий по классификации Н.И. Влах применительно профессии медиатора отметим, что гетерогенность возрастных характеристик клиентов, острота их проблем и нерегламентированность рабочего дня также характеризуют деятельность медиатора, более того, являются причинами профессионального выгорания. «Наши медиаторы усердно работают с конфликтами между подростками и родителями, мужьями и женами, преступниками и жертвами, учителями и студентами», – пишут М.С. Бриль и С.О. Пегашова, рассматривая среди специфических факторов профессионального выгорания медиатора нагрузку медиатора, тяжесть случаев и условия труда [Бриль, Пегашова, 2020, с. 52–54].

В структуре профессиональной деятельности медиатор является «носителем определенной профессиональной роли, т.е. совокупности специальных взаимосвязанных паттернов речевого поведения и деятельности индивида, занимающего определенное место в системе коммуникативно-профессиональных отношений» [Мыскин, 2015, с. 97]. Профессия медиатора относится к так называемым «коммуникативным профессиям» [Тимофеев, 1994], от профессионального общения медиатора зависит эффективность его деятельности, а коммуникативные практики медиатора связаны с умением отбирать оптимальные языковые средства для достижения необходимого результата коммуникации в ситуации конфликта. Согласно профессиональному стандарту «Специалист в области медиации (медиатор)» для медиатора общего профиля (не имеющего специализации) [Профессиональный стандарт…, веб], медиатор должен владеть широким спектром знаний в области профессионального урегулирования конфликтов и организации конструктивных диалогов с опорой на правовые и психологические основы коммуникации.

Профессию медиатора, помимо применяемых и востребованных в медиации знаний, отличают характер помощи, заключающийся в целях и преимуществах специфической посреднической деятельности, типы коммуникативного взаимодействия участников дискурса медиации и особенности вербального и невербального поведения, соответствующего профессиональной подготовке субъекта. Обращение к источникам по медиации дает понимание того, что характер помощи в профессиональной деятельности медиатора обусловлен явным невмешательством в интересы и решения сторон. Например, медиатор Т. Дронзина пишет: «Основная роль медиатора – мотивировать стороны, чтобы они приняли участие, и регулировать их взаимодействие, помогая им наладить коммуникацию. Медиатор ответственен и за их безопасность во время встречи, а также и за выработку соглашения» [Дронзина, 2015, с. 226]. Отмечается, что ответственность медиатора не распространяется на поиск взаимоприемлемого решения, так как «стороны полностью контролируют процесс принятия решения по урегулированию спора и условия его разрешения», посредник-медиатор не имеет

консультативных функций [Плотников, 2016, с. 15], медиатор «не “лечит” и не “учит”, он лишь способствует выработке сторонами соглашения, которое стороны будут исполнять» [Коблева, 2018, с. 12–13], медиатор помогает конфликтующим сторонам «трансформировать энергию переживаемых ими негативных эмоций в творческую преобразующую силу, позволяющую им в результате прохождения стадий медиации разрешить конфликт» [Романова Н.М., 2017, с. 24].

Помощь языковой личности медиатора проявляется недирективно. Недирективность как категориальная характеристика институционального дискурса медиации необходимо рассмотреть подробно для непротиворечивого понимания особенностей недирективной помощи медиатора. Под директивностью в медиации понимается «уровень вмешательства медиатора», однако само определение недирективности медиатора требует уточнения.

Директивный – содержащий директиву, обязательное для выполнения распоряжение, не терпящий возражений, категорический [Ефремова, 2010], соответственно недирективный – некатегорический, допускающий возражения, необязательный для выполнения, не содержащий указания. Медиатор является независимым нейтральным посредником, он не советует и не указывает, как поступать сторонам, и не предлагает решение выхода из ситуации, вместе с тем медиатор является ведущим участником медиации, организующим переговоры сторон и следящим за ходом этих переговоров. Недирективность в дискурсе медиации необходимо интерпретировать в зависимости от сферы вмешательства медиатора. Выделяются две области вмешательства медиатора: область предмета спора и сам процесс медиации. В соответствии с этими областями медиатор Е.Н. Иванова выделяет экспертную директивность и уровень процессуальной власти медиатора [Иванова, 2014, с. 82]. В ходе процедуры медиации степень процессуальной директивности может быть высокой: «медиатор может жестко настаивать на соблюдении определенных им правил, апеллируя к необходимости их соблюдения для обеспечения эффективности переговоров» [Иванова, 2014, с. 82]. В интерпретации так называемого «уровня процессуальной власти медиатора», обратимся к известному немецкому теоретику медиации Х. Бесемеру,

который пишет, что медиатор может вмешиваться и быть директивным, когда необходимо сохранить контроль над ходом беседы (не над содержанием), он может заглушить спор, ударить по столу, спросить стороны, есть ли у них желание продолжать медиацию, и если все скажут *«да»*, то продолжать, медиатор может прервать одного из медиантов, если он перебивает других, или если у медианта было достаточно времени, чтобы выразить свою точку зрения, он может прервать или прекратить медиацию [Бесемер, 2004, с. 106]. Как видим, в подобных проблемных случаях медиатор вмешивается в саму процедуру, так как он ответственен за процесс коммуникации. Отметим здесь, что процессуальная директивность соответствует контактоустанавливающей и контакторегулирующей метакоммуникативным функциям, о которых пишет, в частности, М.А. Бабушкина [Бабушкина, 2016].

Е.Н. Иванова отмечает, что, говоря о директивности медиации, «обычно имеют в виду степень экспертной директивности», так как классическая модель медиации не предполагает участия медиатора в решении содержательных вопросов [Иванова, 2014, с. 81]. Установка на недирективное коммуникативное поведение в решении вопросов сторон является, таким образом, директивной. Медиатору, к примеру, следует избегать таких речевых проявлений директивности, как: *«Вы должны…»*; *«Вы неправильно понимаете…»*; *«Вам следует…»*; *«Неужели Вы не можете…»* (примеры взяты из работы медиатора [Иванова, 2014, с. 84]).

Анализ источников по медиации показывает, что в среде медиаторов и исследователей медиации вопрос о недирективности коммуникативного поведения медиатора остается дискуссионным, главным образом, в связи с тем, что мастерство медиатора, как пишет Е.Н. Иванова, «предполагает умение гибко подстраиваться к особенностям ситуаций и специфике сторон в разных сферах применения медиации, выбирать методический инструментарий и свободно владеть техническими возможностями разрешения конфликта между сторонами» [Иванова, 2015 (б), с. 136]. Директивность медиатора допускается, например, «в выработке оценочного мнения, основанного на правовых знаниях медиатора, которое доносится сторонам посредством коммуникативных техник, в том числе

путем постановки вопросов <…>»: *«Как Вы считаете, насколько реально выполнение Ваших требований партнером?»*; *«Достаточно ли проверены другие возможности?»*; *«Действительно ли будут решены проблемы?»* [Якубовская, 2019, с. 442–443]. Обратим внимание на то, что приведенные в пример вопросы не представляют собой активного вмешательства в содержание спора, не касаются внесения медиатором своих предложений по урегулированию конфликта.

Как пишет Ц.А. Шамликашвили, «профессиональный медиатор всегда помнит о том, что именно стороны являются “собственниками” конфликта и обладателями ключа к его разрешению, и руководствуется этим на протяжении всей процедуры медиации» [Шамликашвили, 2017 (б), с. 51]. В конфликте, часто сопровождаемом негативными эмоциями, предубеждениями, страхами, «проще, если некто третий, человек со стороны, не вовлеченный в разбирательство, поможет сторонам придерживаться основных правил обращения друг с другом, будет управлять общением и устранять преграды и барьеры» [Мета, 2009, с. 49].

С недирективностью коммуникативного поведения медиатора тесно связан особый характер коммуникативных процессов во взаимодействии медиатора со сторонами конфликта. Медиация – это «особым образом организованная коммуникация», и коммуникативная компетентность для медиатора является ключевой [Карнозова, 2013, с. 153]. Как пишет О.В. Аллахвердова, «грамотное вмешательство медиатора в переговоры сторон быстро делает возможной эффективную коммуникацию между ними, несмотря на сильные негативные эмоции, что позволяет самим конфликтантам найти взаимовыгодное решение ситуации», медиатор управляет коммуникацией сторон, преодолевает их агрессивность и настраивает на конструктивное взаимодействие [Аллахвердова, 2012 (б), с. 90]. Медиатор здесь является специалистом в клиентоориентированной сфере деятельности, однако отношения медиатора и сторон конфликтной ситуации не являются иерархическими как, например, в профессии юриста или учителя. Рассмотренное нами ранее сочетание горизонтального и вертикального типов коммуникации в помогающей профессии медиатора дополняет неоднозначное

соотношение директивных/недирективных характеристик языковой личности медиатора в зависимости от сферы вмешательства специалиста.

В контексте профессиональной деятельности языковая личность рассматривается в лингвистических исследованиях как профессиональная языковая личность, под которой понимают «совокупность интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отраженных в свойствах его сознания, поведения и деятельности» [Голованова, 2010, с. 73]. Специфика профессионального дискурса медиации сказывается на особенностях проявления языковой личности медиатора и влияет на ее формирование.

Медиатор – профессиональная языковая личность с определенным набором специфических личностных характеристик, которые проявляются в коммуникации. Опираясь на опыт тренеров-преподавателей, обучающих медиации, О.В. Аллахвердова и А.Д. Карпенко выделяют качества успешных медиаторов: умение слушать и анализировать, умение ясно излагать свои мысли, «умение управлять своими эмоциями и не давить на стороны, несмотря на собственный опыт и знания», умение вовремя задать правильный вопрос, настойчивость и терпение в достижении целей, терпимость к критике и способность работать в агрессивной среде, умение и желание учиться и др. [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 75–77]. Согласно этим же авторам, в профессиональной деятельности медиатору «мешает авторитарность поведения, отсутствие гибкости, “зацикленность” на собственном мнении, неумение наладить контакт с людьми, желание всех поучать и уверенность, что он знает, как надо для других» [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 77].

Рассматриваемые специфические психологические характеристики влияют на экспликацию профессиональной помощи языковой личности медиатора. Выделяемые качества медиатора отражаются в его вербальном и невербальном поведении. Так, отмечается, что медиатор разговаривает вопросами: «Технология медиации требует, чтобы медиатор меньше говорил сам, а больше задавал вопросы» [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 77]. Медиатор Ю.А. Дубинина пишет,

что для медиатора вопросы – это магический инструмент, с помощью которого можно прояснить интересы собеседника, направить его внимание на детали разговора, узнать возражения партнера, вернуть инициативу в разговоре, сообщить собеседнику свою точку зрения, построить с собеседником отношения подлинного партнерства, занять в процессе общения более выгодную роль лидера мнений, эксперта, рефери [Дубинина, 2021, с. 33].

Медиатор общается через вопросы разных типов: открытые (*«Почему это произошло?»*; *«Каковы Ваши предложения?*), закрытые (*«Устроит ли Вас, если...?»*; *«Вы готовы ...?»*; *«Вы обиделись на его слова?»*), альтернативные (*«Вы почувствовали гнев, обиду, огорчение или что-то еще?»*), вопросы переформулирования (*«Правильно ли я понимаю, что ...?»*) и резюмирования (*«Я правильно понял, что для Вас важным является…?»*) и др.

«Незацикленность» на собственном мнении находит свое отражение в одном из важных постулатов профессии: «Медиатор должен приходить на медиацию “пустым”!» [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 49]. Данная коммуникативная установка делает невозможными речевые действия, связанные с критикой, поучением, рекомендациями, оценкой, советами.

Умение слушать – личностное качество, необходимое для эффективной работы медиатора, но в медиации умение слушать соотносится с так называемыми «техниками медиатора» – специальными действиям или системами действий, обеспечивающих реализацию его функций при подготовке и проведении медиации» [Медиация, 2016, с. 236]. В медиации выделяют 14 видов слушания [Медиация, 2016, с. 240–242], дробная классификация которых требует рассмотрения в рамках отдельного исследования. С умением слушать медиаторы выделяют другие коммуникативные техники: техника молчаливой поддержки, техника уточнения (эхо-техника), техника отражения чувств, техника резюме, техника постановки вопросов. Поскольку в настоящей работе не ставится цель обучения медиаторов, ограничимся указанием ценности умения слушания для профессиональной деятельности медиатора: согласно А.Н. Азарновой, техники

слушания составляют примерно 85–90 % всего используемого медиатором инструментария [Азарнова, 2015, с. 36].

Итак, медиатор является профессиональной языковой личностью, социально ориентированной на оказание помощи сторонам в конфликтной ситуации. Помощь медиатора эксплицируется недирективно. Недирективность связана с содержательной частью переговоров и не касается метакоммуникативных функций. Характер помощи в профессиональной деятельности медиатора обусловлен невмешательством в интересы и решения сторон. Медиатор помогает сторонам конфликта трансформировать коммуникативную ситуацию в направлении «конфликт – кооперация». Экспликация профессиональной помощи медиатора выражается в организации взаимодействия сторон и поиске здоровых зон коммуникации. В структуре языковой личности медиатора выделяется эмоциональный компонент, который проявляется в отслеживании и трансформации эмоций сторон и контроле своих собственных эмоций.

1.4.2 Становление языковой личности медиатора в профессиональном дискурсе

Интеграция языковой личности в профессиональный дискурс медиации и формирование у нее определенных качеств, присущих людям данного вида деятельности, невозможны без специального обучения, предполагающего трансформацию уровня профессионального сознания, развитие умений профессионального общения и формирование определенного коммуникативного поведения обучаемого.

Языковая личность медиатора интегрируется в профессиональный дискурс посредством получения знаний, взаимодействуя с профессиональными языковыми личностями, принимая и присваивая нормы и стереотипы коммуникативного поведения, нацеливаясь на реализацию общих профессиональных целей. Вслед за М.А. Черкасовой, рассматривающей институциональный дискурс как продукт профессиональной языковой личности [Черкасова, 2013], применительно к

профессии медиатора отметим, что существует коллективное профессиональное сознание медиаторов, в которое заложены стереотипы поведения и построения коммуникативной деятельности, и языковая личность медиатора, становясь членом определенного института, приобретает сложившиеся стереотипы поведения и осваивает профессиональный дискурс, становясь частью коллективного профессионального сознания и, соответственно, профессиональной личностью.

Приобщение к коллективному профессиональному сознанию медиаторов осуществляется в ходе обучения и самообучения медиаторов. Как справедливо отмечает Е. Мешкова, «далеко не все о медиации и правилах ее проведения можно узнать извне» [Мешкова, 2020, с. 125]. Мы также считаем, что необходима интеграция познающего субъекта в профессиональный дискурс медиации, в котором обучающийся взаимодействует с множеством других субъектов, вовлеченных в профессиональную деятельность и решающих общие для этой деятельности задачи. В процессе обучения происходит трансформация уровня профессионального сознания, развиваются умения профессионального общения и формируется определенное коммуникативное поведение обучаемого. Е.И. Голованова по этому поводу пишет: «Профессиональная языковая личность раскрывается в особенностях производимых ею текстов, своеобразии принадлежащего личности профессионального дискурса, подчиненного целям и задачам профессиональной коммуникации» [Голованова, 2010, с. 73].

Профессиональное становление языковой личности обеспечивается следующими аспектами обучения: «получение теоретических знаний, знакомство с основными понятиями данной профессиональной области и усвоение необходимой терминологии; практическое применение теории в условно реальных учебных ситуациях с отработкой профессиональных речевых действий в разнообразии профессиональных жанров; общение с людьми, работающими в данной профессии, и накопление опыта эффективного коммуникативного взаимодействия» [Киндеркнехт, 2019 (б), с. 89]. «Дискурс конструирует идентичность аудитории» [Радюк, Храмченко, 2018, с. 57], формирует профессиональную идентичность специалиста [Фадеева, 2016], в то же время в

статус профессиональной языковой личности языковая личность переходит в результате профессиональной идентификации. Интеграция медиатора в профессиональный дискурс медиации осуществляется через трансформацию аксиологических ориентаций личности, не случайно Ц.А. Шамликашвили говорит по этому поводу, что медиация предполагает глубинное обретение человеком медиативного мировоззрения [Шамликашвили, веб], а Н.И. Башмакова и В.Г. Бондарев пишут, что ядром медиации служит «некое ценностное восприятие социально-правовой действительности, а критерием истинности – общечеловеческие начала, служащие личностным соизмерением медиации» [Башмакова, Бондарев, 2018, с. 43].

Гуманитаризация образования на сегодняшний день подразумевает «создание условий для формирования целостной картины мира, что в контексте профессиональной подготовки означает соотнесение субъектом себя с профессиональной культурой», которое обеспечивает результативность формирования профессионального самосознания [Смолянинова, Иванов, 2022, с. 138]. В настоящее время, как пишет, в частности, Л.П. Разбегаева, в гуманитарной системе в качестве приоритетной рассматривается не целесообразность, а ценностносообразность [Разбегаева, 2005, с. 3]. Аксиологическая среда медиации, таким образом, является формирующим конструктом личности медиатора. Именно ценностная составляющая медиации должна, по мнению Н.И. Башмаковой и В.Г. Бондарева, более полно учитываться при подготовке будущих специалистов, способствуя формированию их профессиональной компетентности и мировоззрения [Башмакова, Бондарев, 2018, с. 42–43]. Перефразируя определение Л.В. Мосиенко, исследующей ценностное самоопределение студентов в пространстве университетской молодежной субкультуры [Мосиенко, 2012, с. 9], сформулируем определение аксиосферы медиации – это интегральная самоорганизующаяся система ценностных отношений, взглядов, идеалов, в которой создаются, функционируют и совершенствуются ценности субкультуры медиаторов, в которой осуществляется

самоопределение медиаторов и обеспечивается выбор индивидуальной траектории развития формирующегося специалиста.

Для развития сообщества медиаторов в России осуществляется обучение медиаторов. С принятием Закона о медиации в России началась профессиональная подготовка медиаторов. 14 февраля 2011 года Министерство образования и науки Российской Федерации издало приказ № 187 «Об утверждении программы подготовки медиаторов» [Об утверждении программы подготовки медиаторов…, веб]. С принятием Закона о медиации «на федеральном уровне и в субъектах Федерации активизировался процесс создания специализированных организаций медиаторов и объединения их в профессиональные ассоциации» [Смирнов, Бочкарева, 2015, с. 117].

Профессиональная подготовка медиаторов сегодня осуществляется «достаточным количеством вузов и профильных центров», «курсы медиации и переговоров включены в образовательные программы юристов, государственных и муниципальных служащих, менеджеров, социальных работников» [Яковлева, 2019, с. 96]. По программе подготовки к данной трудовой деятельности чаще всего обучаются и проходят переподготовку юристы, социальные работники, психологи, педагоги. В данном исследовании мы не будем рассматривать проблемы профессиональной подготовки и переподготовки медиаторов и детально изучать образовательные программы, равно как и содержание курсов повышения квалификации медиаторов, ограничимся здесь лишь основными аспектами формирования корпуса профессиональных медиаторов в той мере, в которой это будет необходимо для социолингвистического описания.

Согласно Закону о медиации, «осуществлять деятельность медиатора на профессиональной основе могут лица, достигшие возраста двадцати пяти лет, имеющие высшее образование и получившие дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации» [Об альтернативной процедуре…, веб, ст. 16, п. 1]. Возраст здесь является важным стартовым показателем, который отражает необходимый уровень профессиональной зрелости, рассматриваемый психологами. Так, в онтогенетической периодизации

жизненного и трудового пути по Д. Сьюперу 25–44 года – это период ранней взрослости, которому соответствует стадия консолидации, проявляемой в терминах «стабилизация», «закрепление», «достижение успеха» [Цит. по: Поваренков, 2022, с. 156]. Обучающийся на медиатора должен быть, безусловно, взрослым человеком, имеющим какой-то жизненный опыт, который позволит ему стать ведущим в медиативных переговорах. Фактор возраста отмечается значимым в структуре управленческих ролей [Селезнева, Трифонова, Чирковская, 2021].

Выбор возрастного ограничения в профессии медиатора требует дополнительных исследований, по большей части в области психологии. Мы можем строить гипотезы относительно готовности индивида к работе в сфере медиации. Известно, например, что сенсорный оптимум, когда зрительная, слуховая, кинестетическая чувствительность достигает своего максимального развития, приходится на 25-летний возраст [Обозов, Щекин, 1990]. Рассуждая о готовности к включению в сферу медиации, ряд исследователей пишут о «неспецифической универсальной компетенции в составе профессиональной компетентности представителей гуманитарных профессий»: психологов, педагогов, лингвистов, филологов, журналистов, отмечая, что готовность к медиации интегрирует когнитивный, эмоционально-оценочный и побудительный компоненты [Готовность к медиации…, 2018, с. 226]. В отношении сформированной чувствительности, например, для медиатора необходимо в рамках когнитивного компонента разпознавать и прогнозировать эмоциональные состояния участников медиации, в рамках эмоционально-оценочного компонента – ориентироваться на «антирепрессивный характер взаимодействия», в рамках побудительного компонента – у медиатора должна быть развита способность к взаимодействию и др. [Готовность к медиации…, 2018, с. 226].

По вопросу о возможности или невозможности освоения профессии медиатора в студенческом возрасте, то есть до 25 лет, обратимся к исследованию Е.В. Ковалевской, отмечающей, что для успешного выполнения помогающей профессии «специалист должен демонстрировать наличие выраженного социального интереса, ответственности, зрелого подхода к построению

межличностных отношений» [Ковалевская, 2018, с. 982]. В результате диагностики уровня личностной зрелости у студентов, осваивающих помогающие профессии, выяснилось, что интегральный показатель личностной зрелости выражен лишь у 14 % студентов, и менее всего выражена самоэффективность в трудной жизненной ситуации и принятие других [Ковалевская, 2018]. Вероятно, поэтому для ведения медиативной деятельности на профессиональной основе необходимо достижение возраста 25 лет, когда предполагается развитие на высоком уровне таких свойств личной зрелости, как стремление к саморазвитию, самоэффективность в трудных жизненных ситуациях, планирование собственной жизни, социальный интерес, гибкость, принятие неудачи и самодетерминация, показатели которых у студентов, то есть людей до 25 лет, выражены на среднем уровне.

Наличие высшего образования – также значимый критерий для получения профессии медиатора. Для поступления на курсы медиаторов диплом о высшем образовании является необходимым документом. Высшее образование наряду с возрастным цензом предполагает достижение кандидатом определенного уровня социальной зрелости. Учитывая, что для получения специальности медиатора необходимо и для начала достаточно обучения в объеме от 120 часов, то есть многолетнее обязательное обучение не предусматривается, социальная зрелость должна уже быть сформирована. Ц.А. Шамликашвили, характеризуя медиатора, пишет: «Медиатор – это, прежде всего, человек, который умеет слушать, поддерживать внимание на протяжении нескольких часов процедуры. При этом с пониманием относиться к происходящему и уметь дистанцироваться от своих суждений, создавая пространство для равноправного диалога между участниками конфликта. Для медиатора важно умение не навязывать свое собственное видение ситуации, воспринимать разные точки зрения и быть чувствительным к культурным различиям. То, что одним кажется само собой разумеющимся, для других совсем не так очевидно, и медиатор – это такой человек, который способен работать в контексте культурных различий, содействуя сторонам в формировании общего, взаимопонятного языка взаимодействия. Кроме того, медиатор – это человек с хорошо развитым социальным интеллектом, коммуникативными

навыками, он умеет быть естественным, создавать рабочую атмосферу, а если нужно – разрядить обстановку уместной и своевременной шуткой <…>» [Шамликашвили, веб]. Исследователи выделяют особенности личностных характеристик, делающих их носителей непригодными для работы медиатором: низкая креативность, малая стрессоустойчивость, неспособность быть беспристрастным, эгоцентризм, склонность к авторитарному поведению [Романова, 2019; Вечерина, Путалова, 2021].

Дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации, как правило, состоит из трех образовательных программ:

1. Медиация. Базовый курс;

2. Медиация. Особенности применения медиации;

3. Медиация. Курс подготовки тренеров-медиаторов.

Программы определяют траекторию профессионального становления языковой личности медиатора, так, окончание базового курса позволяет работать медиатором на профессиональном уровне и является обязательным условием для обучения на последующих программах. Здесь мы можем привести инвариант базового курса подготовки медиаторов, который состоит из трех блоков, обеспечивающих процедуру медиации. Например, О.В. Аллахвердова, описывая базовую программу обучения медиаторов в Санкт-Петербургском государственном университете, пишет, что «процедура (алгоритм) собственно 1) медиации есть 2) переговоры, строящиеся на 3) коммуникации сотрудничества. Именно поэтому базовый курс подготовки медиаторов состоит из трех обязательных тренингов: тренинга эффективной коммуникации, тренинга переговоров с установкой на сотрудничество и тренинга собственно медиации» [Аллахвердова, 2012 (а), с. 53–54]. Приведем в пример наполнение этих блоков в программе курса медиаторов в Пермской торгово-промышленной палате (г. Пермь): *«Блок 1. Технология коммуникации в переговорах и конфликте: установление контакта; прием и передача информации; алгоритм передачи информации; коммуникативные нарушения в конфликте; барьеры коммуникации и их преодоление (игра); налаживание контакта (игра); эффективная работа с*

информацией; повышение достоверности информации в ситуации конфликта; невербальное и вербальное поведение; виды и установки слушания; техники вербализации; техники выявления скрытой информации (ролевая игра и последующий анализ); технология обратной связи (упражнения на отработку навыков); преодоление сопротивления и эффективная аргументация (игра); нейтрализация агрессии (упражнение); регуляция психологической атмосферы и работа с эмоциями; виды поведения в конфликте; ведение групповых дискуссий. Блок 2. Переговорный процесс: переговоры как основа посредничества (игра); основные составляющие переговоров; стили поведения в переговорах; содержательная составляющая переговорного процесса (интересы – потребности); планирование на основе информации подготовительного этапа, взаимное уточнение интересов, точек зрения, концепций и позиций; алгоритм подготовки к переговорам; процедурное соглашение, его функция и роль; перерыв в переговорах; критерии выбора стратегии поведения в ходе переговоров и основные подходы к разрешению проблем; формирование повестки переговоров, анализ переговорной стратегии (потребности – интересы – повестка – предложения); способы интеграции интересов; соглашение (требования к нему). Блок 3. Медиация – посредничество в разрешении конфликта: понятие конфликта; факторы возникновения конфликта и способы разрешения конфликта; интересы и позиции, анализ конфликта; участники конфликта; стадии и динамика развития конфликта; постконфликт и способы его предотвращения; стили поведения людей в конфликте; медиация – переговоры с участием третьей стороны; преимущества медиации как способа урегулирования конфликта; принципы медиации; правовое регулирование медиации; стадии медиации; процедура медиации и ее значение; вступительное слово медиатора, процедурные соглашения, представление участников; дискуссия, отработка эмоций; кокус в медиации; выработка соглашения, заключение соглашения и выход из медиации; требования к личности медиатора» [Курсы повышения квалификации…, веб]. Проинтерпретируем эти блоки образовательного алгоритма, привлекая рефлексии профессиональных медиаторов (выделяемые курсивом).

Содержательное наполнение блоков может варьироваться, но триада «коммуникация – переговоры – медиация», как правило, сохраняется. Согласно О.В. Аллахвердовой, *«главная цель эффективной коммуникации – выработать навыки общения, обучить конструктивным техникам ведения беседы, научить понимать невербальное поведение других людей, определять скрытые мотивы и интересы, эффективно вести себя в ситуации стресса и владеть своим эмоциональным состоянием»* [Аллахвердова, 2012 (а), с. 54]. Ю.А. Яковлева обращает внимание на значение коммуникации в профессии медиатора: *«Основная задача посредника – наладить между сторонами коммуникацию, поскольку коммуникация – это первое, что страдает, когда люди находятся в конфликте. Как правило, они не могут друг с другом разговаривать, тем более не могут понимать и объективно видеть ту проблему, которая их привела к медиатору. В результате процедуры медиации удается сохранить отношения <…>»* [Юлия Яковлева о медиации, веб]. Блок коммуникации ценностно значим для медиатора в связи с тем, что именно медиатор в медиации организует коммуникативное пространство, в котором становится возможным установление взаимопонимания между участниками конфликта, которое находит отражение *«в системе кодирования и декодирования знаков, содержании сообщений; в целенаправленном взаимодействии субъектов и коммуникативного пространства; в выработке механизмов, которые способствуют или не способствуют взаимопониманию между субъектами; во взаимовлиянии коммуникативного процесса и коммуникативного пространства; в вызревании противоречий между участниками коммуникативного процесса и коммуникативным пространством в случае отсутствия в последнем условий для эффективного обмена информацией, налаживания взаимопонимания и диалога»* [Голуб, 2015, с. 464].

Блок переговоров является таким же важным в подготовке медиатора, как и блок коммуникации. Определение цели тренинга переговоров по О.В. Аллахвердовой: *«дать знания об основных компонентах переговоров и стадиях их ведения, обучить анализировать и разделять на практике потребности, позиции, интересы сторон, научить формулировать темы для*

переговоров и предложения по урегулированию спора, дать навыки подготовки к переговорам, научить интегрировать интересы и понимать, каким образом можно сделать соглашение реалистичным и устойчивым», *«обсуждаются также эффективные стратегии и тактики ведения переговоров, причины возникновения постконфликтов, различные сложности, которые могут возникать в переговорах»* [Аллахвердова, 2012 (а), с. 54].

Медиация как специальным образом организованные переговоры не может обойтись без теории и практики переговорного процесса. Переговорами называется «процесс, в котором участвуют две или более стороны, с целью выработки договора по вопросу, представляющему интерес для всех сторон» [Базовый курс медиации…, 2011, с. 38]. Это «процесс интерактивной коммуникации, которая имеет место, когда мы хотим получить что-то от кого-то и/или кто-то хочет получить что-то от нас» [Трымбовецкий, 2022, с. 10].

Обучающийся медиатор как будущий организатор переговоров в данном блоке программы обучения медиации приобщается к культуре переговоров, которая понимается как совокупность ценностей, понятий, категорий, обычаев и приемов устного делового общения. Переговорный процесс включает в себя, согласно В.А. Данилову: «поиск соглашения между людьми, имеющими различные интересы; обсуждение различий в позициях сторон для принятия приемлемого решения; дискуссию между двумя или более сторонами для преодоления несовместимых целей; обмен уступками, в ходе которого уступка одной стороны выступает прямым и просчитанным ответом на предшествующую уступку другой стороны; продолжительное общение между сторонами с различающимися и пересекающимися интересами, в ходе которого они либо достигают согласия или не достигают его в зависимости от ожидаемых ими последствий» [Данилов, 2018 (а), с. 9–10].

В курсе обучения медиаторов основы переговорного процесса объективируются в темах, которые медиатор А.Д. Карпенко рассматривает следующим образом: определение переговоров, основные содержательные понятия переговорного процесса, объективация и структуризация переговорного

процесса [Карпенко, 2010]. Выделяются особенности переговоров в отличие от других типов взаимодействий (например, беседы, дискуссии): наличие проблемы; прямое общение сторон; совместное решение проблемы; взаимозависимость коммуникантов *(«первостепенно и значимо, чтобы стороны понимали свою взаимозависимость, иначе они будут стараться совершать односторонние действия»*); противоречивость, проявляющаяся в частичном совпадении и частичном расхождении интересов сторон; неоднородность (наличие стадий); индивидуальность; игра/борьба *(«исторически и культурально переговоры воспринимаются людьми как игра, в основе которой лежит мужская культура с ее состязательностью, борьбой и силовыми приемами»*) [Карпенко, 2010, с. 5–6]. По словам Е.Н. Ивановой, теория интегративных, ориентированных на сотрудничество переговоров, лежит в основе медиации; *«переговорные навыки, способность различать позиции и интересы, составлять список вопросов для обсуждения, определять процедурные соглашения, формулировать предложения, не вызывающие сопротивления, формировать работающее долгосрочное соглашение и многие другие базовые возможности являются постоянно пополняемым ресурсом медиации»* [Иванова, 2021 (а), с. 347].

Наконец, третий блок программы курса медиаторов, к которому логично подводит содержание первых двух блоков, – медиация как посредничество в разрешении конфликта, как особым образом организованная коммуникация конфликтующих сторон, а также как один из видов переговоров с участием нейтрального, независимого посредника. О.В. Аллахвердова относительно данного блока программы пишет: *«В тренинге медиации обучающиеся осваивают основные принципы медиации, стадии ее ведения и функции медиатора. Всё обучение проходит в интерактивном режиме с включением всех участников либо в роли медиаторов, либо в роли конфликтующих сторон. Это позволяет обучающимся вырабатывать навыки медиатора, а также получать опыт переживаний, которые будут испытывать их клиенты в будущем. Именно в позиции «клиента» будущий медиатор не только ясно видит, но и чувствует, чего не должен делать медиатор и какие действия медиатора способствуют*

снижению негативных эмоций и возникновению готовности вести переговоры с противоположной стороной» [Аллахвердова, 2012 (а), с. 54].

Обратим внимание на то, что в интерпретации блоков образовательного алгоритма медиаторы апеллируют к ценностно значимому для дискурса медиации концепту БУДУЩЕЕ: *сохранить отношения*; *формировать работающее долгосрочное соглашение*; *сделать соглашение реалистичным и устойчивым*. Медиаторами отмечается когнитивный и эмоционально-оценочный компоненты готовности медиатора к профессии: *понимать невербальное поведение других людей*; *определять скрытые мотивы и интересы* / *анализировать и разделять на практике потребности, позиции, интересы сторон* / *способность различать позиции и интересы*; *эффективно вести себя в ситуации стресса*; *владеть своим эмоциональным состоянием*.

Как видим из примера плана обучения, подготовка медиаторов осуществляется далеко не в лекционной форме: в программе курса предусмотрены практические задания, упражнения, дискуссии, игры. По мнению специалистов, обучение медиации должно носить именно интерактивный характер, «его имеет смысл проводить преимущественно в форме тренинговых занятий» [Бюллетень Федерального института медиации, 2013, с. 135]. Сертифицированный тренер в области подготовки медиаторов и практикующий медиатор Р.Р. Максудов придерживается мнения, что *«передача текстов только в форме лекций или презентаций не служит освоению роли медиатора для дальнейшей практической работы»*, тренинг здесь представлен как *«набор учебных ситуаций, пройдя которые участники смогут усвоить и в дальнейшем использовать полученные знания – знания как навыки и знания как понятия и представления»* [Максудов, 2013, с. 121]. Российский конфликтолог, социолог и философ Л.Н. Цой в книге «Практическая конфликтология» пишет, что тренинг представляет собой экспериментальную площадку, на которой возникает реальная возможность выявить коммуникативные способности и возможности исследователей [Цой, 2001]. Тренинговые технологии, по выражению С.Д. Шабалиной, являются «мощным средством коммуникативной подготовки», так как участие в тренингах

даже в образовательных ситуациях, не связанных с медиацией, «позволяет расширить поле профессиональной подготовки, способствует оптимизации поведения в конфликтных, проблемных ситуациях, повышает стрессоустойчивость и эмоциональную стабильность, снижает дискомфорт, неуверенность, корректирует Я-концепцию каждого участника, формирует ее адекватность» [Шабалина, 2016, с. 158].

Тренинг в обучении медиации является «существенно более эффективным и быстрым инструментом приобретения профессиональных умений и навыков, а также изменений самой личности, ее сознания», используются, например, так называемые «case-study», ориентированные не на овладение готовыми знаниями, а на их выработку, отмечается, что «интерактивность при обучении медиации может привести к непредсказуемым результатам, и при разрешении ситуации нужно будет вырабатывать новое знание на основе того, что получилось» [Соловьева, 2019, с. 177]. Обучение обычно проходит в небольшой группе, оптимальное число участников – 12, причем «в идеале число участников кратно трем, так чтобы они легко разделялись на медиаторские тройки» [Медиация, 2016, с. 393].

Кейс представляет собой сценарий, в котором прописана информация для медиатора и для участников конфликта. Кейсы разрабатываются на основе реальных медиаций с соблюдением принципа конфиденциальности. В отработке кейсов обучающиеся могут выступать в роли медиатора или играть роли сторон конфликта, включаясь в квазиреальную ситуацию как участники. А.Н. Азарнова дает следующую преамбулу к кейсам, используемым в практике обучения медиации: *«В процессе работы с кейсом осуществляется симуляция медиативных переговоров: два человека выступают в качестве сторон конфликта, третий – в роли медиатора (в данной роли могут поочередно выступить несколько участников обучения). В ходе работы может быть симулирована какая-то отдельная часть переговоров (например, вступительное слово медиатора), несколько их фаз (например, вступительное слово плюс презентация сторон плюс дискуссия по выработке тем для обсуждения), либо воссозданы переговоры в их полном объеме. Работа каждого медиатора обязательно должна*

сопровождаться детальным разбором с предоставлением структурированной обратной связи от тренера (тренеров) и группы (если речь идет о групповом обучении), а также игроков – "сторон конфликта"; анализу подвергается не только результат, достигнутый медиатором, но и процесс его работы» [Азарнова, 2015, с. 256]. Отметим здесь, что, в оценке работы обучающейся языковой личности медиатора принимают участие тренер медиаторов и практикующие медиаторы. Оценивается как соблюдение структуры переговоров и следование правилам ведения переговоров в медиации, так и вербальное и невербальное поведение медиатора.

К специфичным формам обучения медиации относятся также мини-лекции (по 10–15 минут), «структурированные упражнения, позволяющие отрабатывать отдельные навыки, в том числе на уровне отдельных операций с помощью прямого "натаскивания" (drilling)» [Медиация, 2016, с. 393]. Примерами упражнений могут выступать трансформация критических фраз в нейтральном конструктивном ключе, уточнение информации, заложенной в манипулятивном высказывании. Для освоения таких базовых положений медиации, как работа с эмоциями, различение позиций и интересов, создание атмосферы доверия и глубокого контакта, тренерами-медиаторами адаптируются и используются инструменты транзактного анализа Э. Берна [Берн, 2017; Иванова, 2021 (в)], используются психологические методики, тесно связанные с коммуникативными стратегиями нейтрального посредника, направленные на осуществление перехода от конфронтационного взаимодействия к кооперативному, например, методика трансформации треугольника насилия в треугольник эмпатии и приемы регулирования уровня интимности Е.Н. Ивановой [Иванова, 2020].

К используемым методам обучения медиаторов относятся метод дискуссии, который «предполагает осуществление ряда обучающих задач, среди которых не только осознание студентами своих мнений, суждений, установок по обсуждаемому вопросу, но и выработка уважительного отношения к мнению, позиции оппонента», так как «взаимоуважение, принятие и сотрудничество – это принципы, на которых строятся процесс медиации и умение дискутировать, уважая

точку зрения другого, – необходимые навыки медиативного подхода» [Соловьева, 2019, с. 178]. Используется также метод «мозговой штурм», когда участники высказывают свои идеи, направленные на разрешение конфликтной ситуации, «метод шести шляп», в соответствии с которым процесс выработки решения разделяется на шесть разных режимов, представленных в виде метафорической шляпы определенного цвета (белая – информационная, красная – шляпа эмоций и чувств, желтая – позитивная, черная – негативная, зеленая – креативная, синяя – формирования целей и подведения итогов) [Соловьева, 2019, с. 178–179].

Интерактивность при обучении медиации подразумевает активность участников и совместное приобретение опыта в группе. При подготовке медиаторов уделяется внимание невербальному поведению обучающихся. Участников в ходе обучения делят на пары, тройки и другие подгруппы для выполнения отдельных заданий. Отмечается, что «важную роль играет возможность перестановки стульев и перемещения в пространстве аудитории и наличие достаточного свободного места для выполнения разнообразных упражнений», важную роль играют технические средства, например флипчарт и видеотехника [Медиация, 2016, с. 393]. В ходе подготовки в интерактивной форме обучающиеся могут получить возможность увидеть себя со стороны. В коммуникативном взаимодействии обучающиеся получают обратную связь от тренера-медиатора и от других участников в анализе реализуемых стратегий медиации, в употреблении отдельных слов, фраз. Стимулируется саморефлексия самого обучающегося относительно своего коммуникативного поведения. Важную роль играет видеорегистрация выполняемых упражнений и фрагментов разыгрываемой медиативной сессии. Отснятое видео сразу уже просматривается и анализируется. Использование видеозаписи способствует осознанию многих особенностей своего коммуникативного поведения, которые «часто не запоминаются и даже не осознаются», просмотр видеозаписи многих нередко приводит в изумление и становится началом осознания и мотиватором личностных сдвигов» [Медиация, 2016, с. 393]. Процесс трансформации языковой личности медиатора в процессе обучения не является легким. Как отмечает Е.Н. Иванова,

требуются специально организованные практики и нелинейное преодоление сложившихся стереотипов, исследовательница пишет: *«Обучение медиаторов оказывается особенно сложным, потому что медиативный подход не совпадает с привычной и кажущейся нормальной установкой на оценивание с точки зрения “хорошо-плохо”, “правильно-неправильно” и принятия ответственности за решение проблемы сторон на себя. Поэтому изменение этой психологической установки студентов становится важнейшей задачей обучения медиации»* [Иванова, 2021 (в), с. 511].

В подготовке медиаторов и в коммуникативном поведении медиаторов вне курсов уделяется большое внимание категории оценочности в коммуникативных проявлениях и в языковом сознании медиатора. Медиатор не оперирует ценностно-оценочными комплексами в речи, он не оценивает содержание высказываний сторон, не оценивает эмоции, поведение, личностные особенности сторон и никак не проявляет свою оценочность по отношению к сложившейся конфликтной ситуации и к сторонам в речи и в невербальном поведении. Однако оценочность в деятельности медиатора ярко проявляется по отношению к своей профессиональной деятельности, к ходу ведения процедуры медиации. Зачастую, когда медиаторы говорят и пишут, что медиатор оценивает эмоциональное напряжение сторон, эмоциональную глубину конфликта, ситуацию переговоров, степень конструктивности предложений, имеется в виду, что медиатор отслеживает и диагностирует, в то же время медиатор оценивает в категориях «хорошо-плохо», «правильно-неправильно» свое коммуникативное поведение, и критерием оценки здесь является эффективность переговоров в медиации.

Присвоение профессиональных норм, развитие дискурсивного мышления и формирование профессионального речевого поведения осуществляется языковой личностью в теории, практике работы и интеракции с профессиональными языковыми личностями, представляющими профессиональный дискурс. Преподавателями в программе подготовки медиаторов являются, как правило, опытные практикующие медиаторы, имеющие хорошую репутацию в профессиональном сообществе и подготовившие большое количество медиаторов.

Знания передаются из опыта, а не из учебников, от медиатора-тренера – медиатору-ученику. В медиации *«единственным источником информации в настоящий момент могут быть тренеры-преподаватели, обучающие медиации и их наблюдения»* [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 76]. В ходе обучения медиаторы используют авторские техники и приемы, делятся своим опытом наблюдений относительно уместности или неуместности использования отдельных слов, фраз. Анализируя выполнение упражнений, просматривая учебные видео и видеозапись обучающихся, медиатор обращает внимание на вербально-знаковые особенности профессиональной коммуникации, учится саморефлексировать, анализировать сказанное и уделять внимание невербальному поведению. В известном смысле рассмотренные здесь аспекты обучения языковой личности медиатора коррелируют с выводами Н.А. Боженковой, П.А. Катышева и П.К. Иванова относительно конституирования общей идиоэтнической принадлежности языковой личности: «Процесс формирования ЯЛ представляет собой развитие коммуникативной компетентности субъекта речи, который через включение в многообразные вербальные интеракции в определенном социетальном пространстве осуществляет дискурсопорождающую деятельность, основанную на сформированном ценностном отношении к ней» [Боженкова, Катышев, Иванов, 2022, с. 84]. В отношении языковой личности медиатора социетальным пространством здесь выступают интерактивные курсы медиаторов с постоянным включением в дискурсивную практику, разыгрываемую и оцениваемую тренером медиаторов.

Итак, интеграция языковой личности медиатора в коллектив профессиональных языковых личностей происходит через взаимодействие с практикующими медиаторами на курсах подготовки медиаторов с учетом требований, предъявляемых к медиатору со стороны профессионального сообщества медиаторов. Одним из требований к языковой личности медиатора является возраст медиатора как показатель его когнитивной и эмоционально-оценочной готовности к профессии. Аксиосфера медиации рассматривается как формирующий конструкт личности медиатора. Профессиональное становление

языковой личности медиатора обеспечивается следующими аспектами: получение теоретических знаний и практическое применение теории в условно реальных учебных ситуациях с отработкой профессиональных речевых действий в разнообразии профессиональных жанров, общение с практикующими медиаторами и накопление опыта эффективного коммуникативного взаимодействия со сторонами конфликта.

Выводы по главе 1

Медиация является актуальным видом «человекоразмерной» практики, требующей лингвистического обоснования. Дискурс медиации рассматривается как целенаправленное социальное действие, направленное на организацию коммуникации сторон в ситуации конфликта посредством третьей независимой стороны – медиатора. Дискурс медиации представляет собой отдельный сегмент коммуникативной реальности, отличный от медиадискурса и других дискурсивных практик с участием коммуникативных посредников.

Дискурс медиации относится к институциональным дискурсам. Медиация – конвенциональная система форм деятельности, регламентированная дискурсивная практика взаимодействия людей, конструирующая коммуникативную культуру позитивных осознанных переговоров и направленная на организацию диалога конфликтующих сторон. Конститутивные признаки дискурса медиации заключаются в специально организованных переговорах с участием третьего независимого лица и направленных на достижение взаимовыгодных договоренностей, ориентированных на настоящее и будущее. Признаки институциональности проявляются в поддержании нового негосударственного института защиты прав и интересов граждан. Признаки типа общественного института обусловливаются рядом ключевых слов и словосочетаний: *посредничество*, *примирение*, *урегулирование конфликта/спора*, *переговоры с участием нейтрального посредника*, *потребность в гуманном решении*, *гармонизация социальных отношений*. Нейтральные признаки

институционального дискурса заключаются в распространении явлений, не связанных с дискурсивными практиками медиации.

В дискурсе медиации четко разделяются роли типовых участников: медиатора и сторон конфликта, которые реализуют свои возможности в статусно-ролевых отношениях. Медиатор выступает как агент дискурса медиации, играющий активную роль в институциональном общении. Определение дискурса медиации в его стандартном и внутреннем модусах необходимо включает такие его характеристики, как недирективность, стандартность и жесткость. Указанные черты характеризуют дискурс с позиции его институционального статуса, с учетом взаимодействия агентов дискурса (медиаторов) между собой и взаимодействия агентов и клиентов (медиатора и сторон). Закрытость дискурса касается конфиденциальности всей информации, относящейся к медиации. Жесткость дискурса связана с конвенциональной обусловленностью и институционально закрепленной формой переговоров в медиации. Недирективность дискурса определяется как невмешательство медиатора в содержание конфликта, в интересы и решения сторон.

Языковая личность медиатора – обобщенный тип языковых личностей, проявляющих себя в институциональном дискурсе медиации. Языковая личность медиатора является групповой, коллективной языковой личностью, цель которой – снижение конфликтного напряжения и повышение договороспособности сторон. Мотивационной основой деятельности медиатора выступает конфликт во всех его разновидностях. Медиатор является главным участником дискурса медиации, агентом в клиентоориентированной сфере, однако ведущая роль медиатора осложнена специфическим сочетанием горизонтального и вертикального типов коммуникации: медиатор не стоит выше сторон и не образует четко выраженную вертикаль общения со сторонами.

Медиатор является профессиональной языковой личностью, социально ориентированной на оказание помощи сторонам в конфликтной ситуации. Помощь языковой личности медиатора эксплицируется недирективно и выражается в организации взаимодействия сторон и поиске здоровых зон коммуникации.

Недирективность связана с содержательной частью переговоров и не касается контактоустанавливающей и контакторегулирующей метакоммуникативных функций медиатора. Медиатор содействует сторонам в организации и проведении переговоров, помогает наладить коммуникацию, трансформируя коммуникативную ситуацию в направлении «конфликт – кооперация». Медиатор сознательно применяет свои коммуникативные умения и навыки для улучшения взаимодействия сторон и в конечном итоге для возможности общения сторон без медиатора.

Становление языковой личности медиатора осуществляется во взаимодействии с практикующими медиаторами на курсах профессиональной подготовки с учетом требований, предъявляемых к медиатору со стороны профессионального сообщества. Аксиосфера медиации рассматривается как формирующий конструкт личности медиатора. Присвоение профессиональных норм, развитие дискурсивного мышления и формирование профессионального речевого поведения осуществляется языковой личностью в теории, практике работы и интеракции с профессиональными языковыми личностями, представляющими профессиональный дискурс.

Глава 2
Ценностно-регулятивные координаты языковой личности медиатора

2.1 Ценности медиации в современной России

Современное научное познание рассматривается «в контексте социальных условий его бытия и его социальных последствий как особая часть жизни общества, детерминируемая на каждом этапе своего развития общим состоянием культуры данной исторической эпохи, ее ценностными ориентациями и мировоззренческими установками» [Степин, 2000, с. 123]. Дискурсивный аспект проявления языковой личности медиатора требует установления глубинных ориентиров в ее объективировании: рассмотрения лингвокультурного контекста и оценки популярности новой институциональной сферы в современном российском обществе.

2.1.1 Контексты актуализации ключевых слов медиации

Признание существования ценности медиации невозможно без анализа контекстов, в которых актуализируются ключевые слова нового институционального профессионального дискурса: *медиация* и *медиатор*. Лингвистический контекст позволяет понять, насколько эти ментальные образования освоены общественным опытом и как это отражается на развитии медиации в стране.

Для оценки актуальности употребления слова *медиация* в значении процедуры (технологии) урегулирования спора (конфликта) мы обратились к справочно-информационной системе по современному русскому языку – Национальному корпусу русского языка [Национальный корпус русского языка, веб] (далее – НКРЯ). Функционал «Портрет слова» позволил нам увидеть шкалу частотности и употребление слова по годам и типам текстов и, в конечном счете, получить представление о функционировании слова в современном русском языке.

Слово *медиация* встречается чаще всего в публицистических и учебно-научных текстах. Из 31 случаев употреблений 20 примеров актуализируют значение международного посредничества, посредничества в мирном урегулировании отношений, разногласий, преимущественно в международных отношениях, мирного способа разрешения международных споров. Например:

*«А может еще он, Мазепа, придумает более «тонкие **медиации**»? Разве эта голова не подавала Варшаве и самым разумным разумные советы?»* (М.П. Старицкий. Молодость Мазепы // Московский листок. 1898).

*«3 (16) мая Маклаков телеграфировал: «Настроение англичан по поводу **медиации** улучшается. В парламенте было отвечено на запрос, что в виду того, что Добрармия успешно защищает Крым, никаких мер к ее эвакуации не предпринимается».* (П.Н. Врангель. Записки (1916–1921)).

*«В то же время приезжали полской конфедерации послы Фома Романовской, подкоморий и маршалок земли Хельмской, Ян Щеглов, Фрезер, бургграбий краковской, секретарь конфедерации, и просили у государя о медиации между королевским величеством и их конфедератами, которую **медиацию** с позволения королевского величества государь принял». (*А.М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721)).

*«Петр принял на себя **медиацию** между королем польским и Речью Посполитою».* (А.С. Пушкин. История Петра: Подготовительные тексты (1835–1836)).

Преимущественная актуализация зафиксированного словарного значения медиации в международных отношениях очевидна в текстах периода XVII–XIX веков. Встречаются контексты, в которых предлагается уладить дело «разумными медиациями», медиация упоминается в связи с заключением мира, например:

*«В бытность швецкого короля в Кракове приезжал к нему цесарской посол Цинцендорф, предлагая ему принцыпала своего **медиацию** к миру».* (А.М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721)).

*«Англичане желали мира между Швецией и Россией, но их **медиация** Меншиковым отвергнута, и он приступил к Штетину, где находилось 3900*

пехоты, 160 драгун, 150 французов да мещан вооруженных 4000». (А.С. Пушкин. История Петра: Подготовительные тексты (1835–1836)).

К этому же периоду относятся примеры лингвистического окружения слова *медиация*, актуализирующие общее значение посредничества как «содействия соглашению, сделке» [Словарь русского языка, 1999; Ушаков, 2008]:

«По возвращении от Куракина сделалась между нами маленькая смутня. Архитектор что-то перенес, эта мелочь везде как моль втирается, нам пересказал княжие слова не так, ему наши иначе, словом, началась было ссора, но скоро прекратилась посредством дружеских изъяснений и ***медиации*** *г. Столыпина, о котором, впрочем, нет нужды здесь рассказывать ни кто, ни что он».* (И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-м году моей жизни / Часть 4 / 1791–1798 (1791–1822)).

Более актуальные тексты актуализируют философско-социологическое значение: «посредничество как метод диалектического разрешения противоречий между единичным и общим, человеком и природой, индивидом и обществом, субъектом и объектом» [Толковый словарь по социологии, веб]:

*«Между же выявленными философской антропологией трансформациями мифолого-архетипических бинарных структур и поведением диалектических антиномий – много общего (****медиация****, мена позициями, нейтрализация и т.д.)».* (Л.А. Гоготишвили. «Эйдетический язык» (реконструкция и интерпретация радикальной феноменологической новации А.Ф. Лосева) (2006)).

*«В идее опосредствования-посредничества-****медиации*** *смыкаются культура, теоретический и экспериментальный миры психологии и подавляющее большинство психологических практик (независимо от того, осознают ли это сами практикующие психологи)».* (В.П. Зинченко. Теоретический мир психологии (2003) // «Вопросы психологии». 21.10.2003).

«Хотя эта идея артикулировалась в античности, затем терялась, возрождалась и вновь терялась, а после Л.С. Выготского стала едва ли не общепризнанной, сам акт опосредствования представляет собой тайну и вызов

психологии, что, впрочем, неудивительно, ибо акты ***медиации*** *суть акты творения субъективного мира человека».* (В.П. Зинченко. Теоретический мир психологии (2003) // «Вопросы психологии». 21.10.2003).

В приведенных выше примерах идея метода диалектического разрешения противоречий смыкается с идеей опосредования, проявляющейся в уточнении «опосредствование-посредничество-*медиация*». Стремление к широкозначному употреблению слова в значении наличия посредника, выполняющего те или иные функции, находим в примере:

«Некоторых, в том числе и меня, понукала по-дружески к словосложению. И не только вербально. Мудрецы говорят, что спонтанности не существует. Если пишешь – нужна ***медиация****, образец сочинителя внутри головы, чтобы мог он кивнуть, погрозить тебе пальцем, похвалить или в нужный момент показать кулак. К счастью, смерть не касается этих материй. Катеринич вела переписку со многими литераторами Сахалина, Камчатки, Приморья. Свою новую профессию она называла "литературным краеведением"».* (Арсений Москаленко. Amor magister optimus. Любовь – лучший учитель // «Дальний Восток». 2019).

Здесь допустима субъективная интерпретация значения, однако можно наблюдать и объективно научное, подтверждаемое синонимами значение медиации как передачи чего-либо в медицинской сфере употребления:

«Первой из них была выделена гамма-аминомасляная кислота – ГАМК (Е. Робертс, 1950 год). Установлено, что она обеспечивает передачу ***(медиацию)*** *тормозных импульсов с одного нейрона на другой приблизительно в 30–50 % нервных контактов в мозгу, а также является обязательным участником многих обменных процессов».* (Валентин Прозоровский. Аминокислоты – пептиды – лекарства // «Наука и жизнь». 2008).

В актуальном значении *медиации* как методе (процедуре) урегулирования споров с участием независимого третьего лица обнаруживаем слово «медиация» только в одном контексте:

«В части развития механизмов внесудебного урегулирования споров в саморегулируемых организациях: – проработка вопросов, связанных с созданием

третейских судов на уровне национальных объединений саморегулируемых организаций строительного комплекса и закреплением на уровне отдельных саморегулируемых организаций процедуры ***медиации****».* (А.В. Демидов. Саморегулируемые организации строительного комплекса: анализ отрасли и тенденции развития // Некоммерческие организации в России. 2011).

Как видим, общий портрет слова *медиация* при первом рассмотрении показывает, что актуальное значение вербализуется только в начале XXI века с распространением идей медиации в стране. Большинство же актуализируемых значений являются зафиксированными в словарной практике: урегулирование разногласий, преимущественно в международных отношениях. Как отмечает Е.В. Исаева, в контексте международных отношений наблюдается базовый семантический состав термина *медиация*: «посредничество, мирное разрешение (международного) конфликта, участие третьей стороны, контроль и воздействие», и в зависимости от области реализации меняется семантический состав термина [Исаева, 2021, с. 28]. Фиксация слова *медиация* в текстах НКРЯ позволяет обнаружить узкие сферы его употребления: медицинские тексты, тексты по психологии, философская публицистика. В интересующем нас аспекте переговоров в конфликтных ситуациях мы обнаруживаем лишь одно использование слова *медиация*.

Обращение именно к функционалу «Портрет слова» в основном корпусе представляется достаточным для определения малоупотребительности слова *медиация* в современном русском языке. Возьмем для сравнения слово *посредничество*, в отношении которого корпус выдает 791 текст и 1155 примеров, тогда как для слова *медиация* осуществлен поиск 15 текстов и 31 примера. В интересующем нас значении необходимы расширение зоны поиска контекстов и фокусировка на современных текстах, имеющих распространение, в том числе через Интернет.

Распространение и активное употребление слова *медиация* в русском языке связаны с распространением практики медиации в России. Здесь следует предположить, что в СМИ в конце XX – начале XXI века встречаемость слова

медиация будет значительно выше. Действительно, при обращении к корпусу «Газетные центральные СМИ» обнаруживаем 162 текста и 401 пример употребления. В графике распределения слова по годам с 2006 по 2021 год мы видим отсутствие явных пробелов в употреблении слова *медиация*, как, например, в основном корпусе, где наблюдались долгие периоды «затишья».

Упоминание о медиации идет в связи с возможностью появления института медиации в России, например:

*«Скоро в России должна появиться новая услуга в области разрешения корпоративных конфликтов – **медиация**, или внесудебное разрешение споров»*. (Бизнесу разрешат договариваться // РБК Daily. 2006.10).

Обсуждается законопроект о медиации (9,9 % контекстов употребления слова *медиация*):

*«О внедрении в России **медиации**, метода внесудебного разрешения споров, речь идет давно».* (Не надо судиться // РБК Daily. 2007.02).

*«Госдума приняла в первом чтении законопроект о **медиации** – процедуре урегулирования споров с участием мирового посредника».* (Госдума одобрила закон об альтернативном урегулировании споров // Коммерсант. 2010.05).

В текстах корпуса обнаруживаем рефлексию над практикой медиации в других странах (3,7 % контекстов):

*«Практика **медиации** уже давно распространена во многих развитых странах, таких как США, Великобритания, Германия».* (Марина Селина. Медиаторы разгрузят Фемиду // РБК Daily. 2007.06).

*«По оценкам экспертов, в США к **медиации** прибегают в 60 % споров, в 80 % случаев такие споры разрешаются успешно».* (Денис Зеликсон. Нотариусы займутся медиацией // РБК Daily. 2010.07).

Рассматриваются преимущества медиации в отношении судебной системы. Обращение к судебной тематике представляется очевидным для представления особенностей института медиации в период его становления, так как институт судебной власти выступает «конкурентным социальным институтом по отношению к медиации» [Чхартишвили, 2018, с. 31]. В общем числе употреблений

слова *медиация* обнаруживаем 43 % контекстов, в которых медиация рассматривается в соотношении с судебной практикой урегулирования или разрешения конфликтных ситуаций:

*«Более того, как отмечает «Российская газета», в условиях возрастающей нагрузки на суды, **медиация** может стать хорошим подспорьем как судьям, так и конфликтующим сторонам».* (Примирением россиян займутся судебные миротворцы // Lenta.ru. 2009.04).

*«Разгрузить судопроизводство помог бы законопроект о **медиации**, который уже четыре года пылится в недрах Госдумы».* (Елена Зиброва. Конвейерное судопроизводство // РБК Daily. 2009.12).

*«В отличие от многих других способов урегулирования, в **медиации** не находится места для коррупции – попросту некому давать взятку ради «правильного» исхода дела».* (Екатерина Григорьева. Спор по доброму согласию // Известия. 2010.05).

*«Но в принципе года через два-три, я думаю, что 20 % споров может просто в себя вобрать **медиация**».* (Российским судьям нашли альтернативу // Vesti.ru. 2010.05).

*«При этом, согласно статистике, после процедуры **медиации** до суда доходит только 6 % обращений».* (Арбитраж на расстоянии // Ведомости. 2019.09).

В 36 % текстов СМИ обсуждаются сферы применения медиации: хозяйственные и налоговые споры, споры между крупным бизнесом и госорганами, конфликты в гражданских, семейных и трудовых отношениях, внутришкольные конфликты, медиация в здравоохранении, в системе ювенальной юстиции и др.:

*«Если **медиация** приживется, отмечают эксперты, эту процедуру можно будет распространить не только на хозяйственные, но и на налоговые споры».* (Фемида идет на мировую // РБК Daily. 2007.10).

*«Причем председатель ВАС Антон Иванов считает, что **медиация** должна стать обязательной процедурой при разрешении споров, например, между крупным бизнесом и госорганами».* (Мириться не обязательно // РБК Daily. 2007.11).

*«По словам детского омбудсмена, сегодня во всех школах созданы так называемые службы примирения (службы **медиации**) для разрешения внутришкольных конфликтов».* («Групповые самоубийства чаще совершают девочки» // Известия. 2016.04).

*«Службы **медиации** для детей, которые совершили правонарушение, но еще не достигли возраста уголовной ответственности, могут быть созданы в России».* (Служба примирителей поможет трудным подросткам // Известия. 2017.08).

*«В Госдуму внесен законопроект о расширении процедуры **медиации** – разводящиеся россияне смогут привлекать к процедуре посредника».* (СМИ: россияне смогут привлекать посредника при разводе // Парламентская газета. 2017.10).

*«Поэтому необходимо развивать практику **медиации** в вопросах, касающихся защиты прав потребителей».* (В регионах могут появиться уполномоченные по правам потребителей // Известия. 2017.10).

*«Предлагается применять **медиацию** не только к спорам, возникающим из гражданских, семейных и трудовых отношений, но также административных».* (Что изменится в судебной системе России // Парламентская газета. 2018.07).

*«А вообще, в будущем, уверен, взаимоотношения врача и пациента должны лежать в плоскости гражданского права, **медиации**, работы страховых представителей».* (Закон о наказании за нападение на врачей могут принять до августа // Парламентская газета. 2019.06).

*«Примирительные процедуры в суде, **медиация**, смогут применяться к гражданским, семейным и трудовым спорам, но не допускаться по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений».* (Условия применения примирительных процедур в суде могут измениться // Парламентская газета. 2019.07).

Принятие Закона о медиации [Об альтернативной процедуре…, веб] отразилось в СМИ в обсуждении закона и его положений, в рассмотрении возможностей расширения процедуры медиации (11,7 % контекстов). Начинается

популяризация медиации, а публикация в СМИ – это один из способов информирования общества о процедуре медиации. Судя по актуальным контекстам НКРЯ, наряду с рассмотрением преимуществ новой для России технологии разрешения спора, в газетных статьях встречаются тексты, в которых высказываются сомнения в работе института медиации, допускается недооценка возможностей медиации в урегулировании разногласий:

*«Все понимают, что **медиация** необходима, однако сейчас развитие этого института топчется на месте».* (Институт медиации в России пока не работает // Парламентская газета. 2013.03).

*«Как отметил Константин Добрынин, в России сейчас существуют и действуют два абсолютно недооцененных правовых института – институт **медиации** и третейское судопроизводство».* (В Совете Федерации обсудили вопросы развития института третейских судов в России // Парламентская газета. 2014.04).

*«Говоря о реформе третейского разбирательства, Константин Добрынин напомнил, что сегодня в России недооценивают возможности институтов **медиации** и третейского судопроизводства».* (Закон о третейских судах поможет бороться с коррупцией // Парламентская газета. 2016.09).

*«Также это недоверие к самой процедуре **медиации**».* (Единый центр альтернативного разрешения правовых споров может появиться в России // Парламентская газета. 2016.11).

*«**Медиация** и мировое соглашение существуют и сейчас, но на деле практически не работают».* (Почему суд так решил, он объяснять не будет // Парламентская газета. 2018.06).

Приведенные примеры дают представление о непопулярности института медиации, которая объясняется целым рядом факторов. Изучая российскую культуру решения конфликтов, А.А. Жиденко пишет, что «российская социальная реальность не соответствует тем институциональным требованиям, которые бы позволили институту медиации стать полноценным социальным регулятором» в связи с низкой культурой решения социальных конфликтов и недостатком доверия

к новому институту [Жиденко, 2020, с. 23]. Обобщая данные разных исследований о способах разрешения конфликтов, О.В. Аллахвердова и М.В. Павлова отмечают, что в 40 % случаев люди обычно молча в напряжении и стрессе живут с конфликтом, в 40 % – «делятся» конфликтом с коллегами для разрядки эмоционального напряжения, в 20 % – докладывают вышестоящему начальству [Аллахвердова, Павлова, 2009, с. 5]. По оценке А.С. Куделиной, «в сознании большинства наших людей прочно сидит вера только в силу решения суда и недоверие к помощи в конфликте постороннего человека, пусть даже профессионала в области медиации» [Куделина, 2018, с. 18]. Неверие в возможности специалистов-посредников в России обусловливается особым стереотипным отношением к конфликту, который «воспринимается как нечто личное, чем можно делиться только с близкими людьми, и очень редко – как урок, требующий личностного роста и изменений в собственном поведении», отсюда, как следствие, – «россияне боятся осуждения соседей, родственников или сослуживцев за “вынесение сора из избы”» [Гилязова, 2014, с. 133].

Недоверие к институту медиации в обществе объясняется существованием следующих барьеров в развитии медиации в социальной сфере: «отсутствие информации у граждан о примирительных технологиях разрешения конфликтов (медиации), отсутствие нормативных актов по применению примирительных процедур в урегулировании конфликтов во внесудебном порядке, отсутствие нормативов оплаты труда медиаторов в бюджетных организациях, преимущественные представления в обществе о конкурентной стратегии поведения в конфликте, недостаток информации о возможности получения образования по направлениям “Конфликтология”, “Медиация”» [Марголина, Суровяткина, 2020, с. 501].

Как видим, в НКРЯ в обнаруженных употреблениях слова *медиация* подтверждаются общие настроения в развитии медиации в России и в исследованиях нового социального и правового института. В контекстах употребления интересующего нас слова, помимо наблюдаемых фактов недооценки

возможностей медиации в урегулировании споров, можно найти примеры оптимистичного отношения и веры в перспективы развития медиации в России:

*«По мнению участников встречи, у **медиации** в России большое будущее».* (В Челябинске стартует программа подготовки медиаторов // Vesti.ru. 2013.04).

*«Это, наверное, самое новое наше направление, рассчитанное на профессию будущего, – **медиацию**».* («Смеясь говорили, что такого у нас никогда не будет» // Lenta.ru. 2019.03).

*«Сегодня службы **медиации** создают в России на разных уровнях».* (Несовершеннолетних преступников хотят отправить к медиаторам // Парламентская газета. 2020.01).

В целом, из всех случаев употребления слова *медиация* в корпусе «Газетные центральные СМИ» из 162 контекстов 153 контекста актуализируют конфликтологическое значение медиации (94 %), что само по себе показательно для понимания ценности медиации как альтернативного способа разрешения споров в современной России. Отметим лишь один случай вербализации значения международного посредничества:

*«Бывшая кандидат в президенты Белоруссии Светлана Тихановская встретилась с президентом Франции Эммануэлем Макроном в Вильнюсе. Об этом сообщает Telegram-канал "Пул Первой". Основной темой разговора станет возможность организации переговоров на тему проведения новых президентских выборов в Белоруссии и возможной **медиации** других стран. <…>».* (Тихановская встретилась с Макроном // Lenta.ru. 2020.09).

Приведем примеры контекстов, актуализирующих другие значения медиации, не связанные с конфликтологией:

*«Открытие выставки даст старт традиционным Дням Эрмитажа в Омске, в рамках которых с 4 по 7 декабря состоятся экскурсии, лекции, арт-**медиации**, будет работать кинотеатр "Эрмитаж" и проект "Театр в театре"».* (В Омске открывается выставка из собрания Государственного Эрмитажа // Vesti.ru. 2020.11).

*«Дизайн как "**медиация** между режиссером и зрителем"; "Чувствуйте себя как дома"».* (Объявлены хедлайнеры фестиваля Telling Stories 2019 // Известия. 2019.05).

В изучении современного употребления слова *медиация* значимым для нашей работы является рассмотрение его однокоренного слова *медиатор*, обозначающего посредника в медиации.

В функционале «Портрет слова» корпус выдает 183 примера в 111 текстах. Поскольку, как и в случае со словом *медиация*, примеры в рамках одного текста реализуют одно и то же значение, осуществим поиск значения слова *медиатор* в аспекте медиации как практики урегулирования споров. В значении международного посредника *медиатор* употребляется только 6 раз, гораздо чаще встречаются тексты, в которых слово широкозначно: реализует значение слов *посредник* (24 текста) и *человек-посредн*ик (16 текстов):

*«Техника есть нечто отрицательное, это связность функций, в которой предметы выступают только в качестве **медиаторов**».* (В.М. Молчанов. Техника убивает природу // Логос. № 10. 1999).

*«Поэтому в этих системах кодов важную роль играют **медиаторы** – знаки или знаковые системы».* (С.С. Неретина, А.П. Огурцов. Пути к универсалиям. Раздел I. Истоки (2006)).

*«Мы – между ними, **медиаторы**, переводчики, толмачи, дефектологи, которые знают, как научить немых говорить, а глухих – слышать».* (Карл Левитин. Изреченная мысль // Знание – сила. 2009).

*«Индивид сам становится источником информации, **медиатором**, дает ей оценку, производит ее отбор, классификацию, каталогизацию».* (Л.В. Баева. Проблемы и перспективы развития открытого дистанционного образования в условиях электронной культуры // Информационное общество. 2017).

Лидирующим по употреблению выступает медицинско-физиологическое значение медиатора как химического посредника нервного управления: «нейромедиатор, биологически активное вещество, участвующее в передаче возбуждения с нервного окончания на рабочие органы (мышцы, железы) и с одной

нервной клетки на др. (в *синапсах*)» [Большой психологический словарь, 2009] – 42 контекста (38 % всех контекстов употребления слова в функционале «Портрет слова»):

*«Это вещество служит **медиатором** двигательных нейронов, которые гибнут при синдроме Паркинсона».* (Новости // Русский репортер. 2013).

*«Особенно важную роль здесь играют **медиаторы** норадреналин, серотонин и дофамин».* (А.Л. Рылов. Злые демоны мозга // Химия и жизнь. 1985).

Частотным значением является также так называемое «музыкальное» значение слова *медиатор*: «тонкая пластинка (костяная, целлулоидная и т.п.) с заостренным концом, служащая для извлечения звуков из некоторых струнных музыкальных инструментов» [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 528] – 20 контекстов (18 % от числа всех контекстов):

*«А палочек-то барабанных, а **медиаторов**, а микрофонов!»* (Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)).

*«Так вот, если заполучить **медиатор** хорошего гитариста, то с ним к тебе переходит часть его исполнительской силы».* (Владимир Савич. Табуретка мира // Ковчег. 2012).

В интересующем нас значении медиатора как посредника в споре/конфликте обнаружено 5 употреблений (из 183) в двух контекстах (из 111), например:

*«Задача **медиатора**, иногда профессионала, иногда общественного добровольца, заключается в том, чтобы поставить правонарушителя и потерпевшего лицом к лицу в рамках тщательно построенной, добровольной и безопасной конфронтации».* (Алексей Муравьев. Компромисс как тактика и стратегия победы // Отечественные записки. 2003).

*«В развитых странах, например, в США, многие судьи, принимая заявление, сразу же откладывают рассмотрение дела на шесть месяцев и рекомендуют обратиться к услугам посредника-**медиатора**».* (С.К. Стручков. Роль арбитражных процессуально-правовых средств в укреплении законности (2003) // Арбитражный и гражданский процессы. 24.02.2003).

Анализ частичной выборки контекстов слова «медиатор» может быть дополнен изучением текстов других корпусов НКРЯ, однако уже на материале функционала «Портрет слова» можно увидеть, что употребление слова в соотнесении с юридико-психологической практикой разрешения споров и «программами примирения» не превалирует среди других значений и представлено небольшим количеством примеров. Наряду с анализом встречаемости в текстах НКРЯ слова *медиация* анализ текстовых фрагментов, в которых обнаруживается слово *медиатор*, свидетельствует о невысокой степени употребительности слов *медиация* и *медиатор* в интересующей нас сфере конфликтологии и практики урегулирования споров.

Обращение к материалам НКРЯ позволяет нам определить значимость для носителя русского языка ключевых слов профессионального дискурса медиации. Частота встречаемости слов *медиация* и *медиатор* в исследуемых значениях в контекстах корпуса иллюстрирует недостаточную распространенность идей медиации в обществе и соответствует этапу становления института медиации в России. Институт медиации, как пишет А.А. Жиденко, находится «в так называемой “мертвой точке”, и «нужен своеобразный толчок, который позволит ему заработать доверие социальных акторов и стать реальным инструментом в решении множества конфликтных ситуаций» [Жиденко, 2020, с. 23].

Развитие института медиации у нас в стране невозможно без популяризации идей медиации. Отмечается важность социальной рекламы, которая направлена в долгосрочной перспективе на выработку новых социальных ценностей [Голуб, 2017; Телегина, 2015; Бодрова, 2014]. Медиаторы задаются вопросом об изменении ситуации с узнаваемостью и применимостью новой посреднической услуги, но сталкиваются с тем, что «пропагандировать и рекламировать медиацию с эффективным результатом» сегодня практически невозможно, и одним из препятствий выступает противоречие между рекламной деятельностью и принципами медиации, прописанными в Законе о медиации: «Законы рекламы рынка услуг требуют “горячих” и громких дел, а принцип медиации – соблюдение конфиденциальности!» [Капштык, веб].

Итак, анализ слов *медиация* и *медиатор* в НКРЯ показывает, что слово *медиация* преимущественно актуализируется в значении мирного способа разрешения международных споров в текстах периода XVII–XIX веков. К этому же периоду относятся примеры лингвистического окружения слова, актуализирующие общее значение посредничества как «содействия соглашению, сделке». Актуальное значение посредничества в конфликтной ситуации становится частотным только в начале XXI века с распространением идей медиации в стране. В контекстах употребления однокоренного слова *медиатор* актуализируется широкозначное значение посредника, лидирующим по употреблению является медицинско-физиологическое и «музыкальное» значения слова. В значении медиатора как посредника в споре/конфликте слово встречается только в 2,7 % употреблений. Анализ лингвистических контекстов в целом показывает, что слова, репрезентирующие институциональный дискурс медиации и именующие ментальные образования, ценностно значимые для существования языковой личности медиатора, еще недостаточно освоены общественным опытом, что связано с продолжающимся этапом становления института медиации.

2.1.2 Агнонимичность слова «медиация» для потенциальных клиентов медиатора

Аксиологическое описание медиации невозможно без обращения к языковому сознанию современного носителя русского языка. С развитием и распространением медиации возникает вопрос о доступности значения слова «медиация» как практики урегулирования спора с помощью третьей, независимой стороны (медиатора). Как мы увидели в текстовых фрагментах НКРЯ, слово *медиация* может актуализировать разные значения, среди которых интересующее нас значение – не самое частотное. Можно предположить, что для большинства носителей русского языка данное слово является малопонятным и не всегда соотносится с особого рода посреднической деятельностью.

Проведенное нами исследование на небольшой выборке русскоязычных респондентов показало, что, несмотря на наличие слова в пассивном словарном запасе, оно по-разному интерпретируется реципиентами, и чаще всего не в исследуемом значении, поэтому слово *медиация* можно с уверенностью отнести к агнонимам [Киндеркнехт, 2021 (а)].

Агнонимы – это слова родного языка, неизвестные, малопонятные или непонятные многим его носителям [Морковкин, Морковкина, 1997]. В отличие от редких слов языка агнонимы могут иметь широкое употребление в речи. Так обстоит дело со словом *медиация*, которое, по нашим наблюдениям [Киндеркнехт, 2018 (а); Киндеркнехт, Колада, 2022], активно используется для обозначения разного рода посреднической, в том числе переводческой деятельности.

Для изучения степени агнонимичности слова *медиация* был проведен опрос 100 респондентов в возрасте от 17 до 22 лет [Киндеркнехт, 2023 (в)]. Целевая аудитория была представлена взрослыми людьми, студентами, которые являются потенциальным объектом PR-менеджмента медиации во всех жанрах массмедиа, в частности, в самом доступном сегменте – Интернете. По замечанию медиаторов, «с каждым днем потенциальные клиенты на медиацию читают о ней именно в социальных сетях и выбирают медиатора в социальных сетях» [SMM для медиатора, веб].

Методологической основой исследования послужила схема критериев агнонимичности, предложенная в работе В.В. Морковкина и А.В. Морковкиной «Русские агнонимы» [Морковкин, Морковкина, 1997]. Респондентам предлагалось обратиться к своему языковому сознанию и оценить свой уровень понимания слова *медиация* по следующим критериям [Морковкин, Морковкина, 1997, с. 106]: 1) совершенно не знаю, что значит слово; 2) имею представление только о том, что слово обозначает нечто, относящееся к определенной весьма широкой сфере; 3) знаю, что слово обозначает нечто, относящееся к определенному классу предметов, но не знаю, чем именуемый предмет отличается от других предметов данного класса; 4) знаю, что слово обозначает определенный предмет, но не знаю конкретных особенностей этого предмета, способов его использования или

функционирования; 5) знаю, что обозначает слово, но не представляю, как выглядит соответствующий предмет; 6) знаю слово в связи с особенностями своего жизненного опыта и своей специальности, но предполагаю, что многие другие люди его не знают или знают недостаточно.

Представленные критерии были напечатаны в таблице, которая раздавалась на индивидуальных листах для анонимного опроса. Респондентам предлагалось проинтерпретировать выбранный уровень понятности слова в определении сферы, к которой относится слово *медиация* (при выборе пункта 2), класса предметов (пункт 3), ассоциаций с предметом (пункт 4), значения слова (пункт 5), подробной характеристики явления, обозначаемого данным словом (пункт 6). Подобное «прямое зондирование и измерение языкового сознания» (по терминологии В.В. Морковкина и А.В. Морковкиной [Морковкин, Морковкина, 1997]) проводилось в очном формате без использования интернет-ресурсов.

В первую очередь для оценки степени агнонимичности слова *медиация* были отобраны анкеты, в которых студенты отмечали, что «совершенно не знают, что означает это слово». Из 100 опрошенных таким образом ответили 59 человек. Проявляя интерес к заданию и добросовестно его выполняя, студенты составили с незнакомым словом предложения (41 из 59 опрошенных), которые подтвердили самооценку языкового сознания: *«Я не имею ни малейшего представления о значении слова “**медиация**”»*; *«Она сказала, что не знает, что такое “**медиация**”»*; *«Я сам бы хотел уточнить о **медиации** у вас»*; *«Я не знаю, что такое “**медиация**”»*; *«Обязательно нужно будет посмотреть в словаре, что такое **медиация**»*; *«”**Медиация**” – слово, которое я никогда не использовала в жизни»* и т.п. Наряду с очевидными подтверждениями агнонимичности слова (в 22 случаях) встречались контексты, в которых незнание выражалось имплицитно, например, в предложениях, где вместо *медиации* могло бы быть любое другое слово: *«**Медиация** – это часть жизни каждого человека»*; *«Слово “**медиация**” используется только в определенной сфере»*; «*Вчера я изучал “**медиацию**”»*; «*Причиной моей неудачи была **медиация**»* и др. Отметим, что указанные примеры

контекстов выдавались респондентами, которые изначально оценили свой уровень понимания слова как «совершенно не знаю».

Далее анализировалось частичное незнание слова *медиация*. Для начала были выделены таблицы, в которых студенты отметили критерий, соответствующий оценке «имею представление только о том, что слово обозначает нечто, относящееся к определенной весьма широкой сфере» (критерий 2). Здесь респонденты определили область употребления слова *медиация*, интерпретируя свой уровень осведомленности в создаваемых ими контекстах. Так, в 11 из 27 таблиц в графе со вторым критерием была отмечена *медиасфера*. Данный ответ свидетельствует о ложной этимологии – стремлении респондентов интерпретировать незнакомое слово по вычленяемому знакомому компоненту *медиа-*, не относящемуся к медиации.

Пять респондентов связали медиацию с музыкой и звуком. Мотивы такой интерпретации можно объяснить одним из значений слова медиатор в русском языке – «тонкая пластинка с заостренным концом, которой приводят в колебание струны щипковых музыкальных инструментов» [Крысин, 1998]. Однако и здесь, в значении, соотносимом с музыкальным медиатором, можно было отметить смутное знание предмета, о котором пишет респондент: *«Моя гитара нуждается в **медиации**»*. Незнание слова в данной группе ответов с очевидностью проявлялось в других контекстах так называемого «музыкального» или «звукового» употребления: *«**Медиация** в музыке – это абсолютно незнакомое явление для многих людей»*; «*Многие изучали процесс **медиации**»*.

Еще пять ответов по второму критерию агнонимичности касались соотнесения медиации с научной сферой: с психологией, медициной, географией, лингвистикой. Здесь наблюдалось и ложное этимологизирование, как в случае с географией, когда респондент привел в скобках пояснение к своему ответу (*медиана*), и типичное ассоциирование наук со сложностью их изучения и витиеватостью научных рассуждений: *«**Медиация** мне давалась с трудом»*; *«**Медиация** в наше время малопопулярна, но активно развивается»*.

Незначительная часть ответов (критерий 2) была посвящена популярным ассоциациям со словом медиация: усреднение (середина) и медитация. Отождествление медиации с чем-то средним было связано с попыткой «интерпретировать медиацию через значение морфем слова “посредничество” как одного из вариантов перевода термина “медиация”» [Киндеркнехт, 2021 (а), с. 231]. Ложная интерпретация слова *медиация* через медитацию раскрывалась в контексте: *«**Медиация** способна увеличить уровень осознанности»*.

Наконец, в определении сферы использования слова *медиация* были отмечены ответы: *цифровые технологии (IT)* и *коммуникация между людьми (умение людей контактировать)*. Однако речевые отрезки, в которые ответившие подобным образом включали слово *медиация*, свидетельствовали о довольно нечетком представлении о сфере его употребления: *«**Медиация** – одна из самых развивающихся сфер»* (о медиации как явлении, связанном с цифровыми технологиями); «*На уроке русского языка преподаватель рассказал нам о **медиации**, после чего это слово вошло в наш словарный запас и стало часто употребляться»* (о медиации как коммуникации между людьми).

В.В. Морковкин и А.В. Морковкина пишут, что «агнонимичность как качество языковой единицы, определяющая меру ее незнания носителем языка, применительно к каждому конкретному слову выражается в разной степени», и критерии, на основе которых отбираются слова-агнонимы, обладают разной разрешающей силой» [Морковкин, Морковкина, 1997, с. 119]. В дальнейшем следовании по критериям в оценке уровня понимания слова *медиация* наблюдались трудности респондентов в самоизмерении языкового сознания. Например, в одном из случаев респондент уверенно заявлял о своей осведомленности в значении слова *медиация*, однако в составленном контексте легко обнаруживалось его заблуждение: *«Занимайтесь **медитациями*** (заметим: медитациями, а не медиациями) *и обретайте гармонию с собой»*.

В других случаях обращения к своей языковой памяти респонденты проявляли частичное незнание слова *медиация*, вместе с тем здесь уже наблюдалось присутствие слова в пассивном словаре опрошенных, например:

«Относится к человеку, который может очень многое решить словами, это третий человек, который разрешает конфликт между двумя людьми»; «*Возможно, процесс, связанный с изменением информации, аналогия с* ***модерацией****»*. По примерам видно, что опрошенные уже что-то знают о медиации, понимают, что это коммуникативная практика, осознают, что в процессе медиации происходит работа с информацией, и соотносят медиацию с конфликтом и необходимостью его урегулирования. Однако примеры употребления слова в свободном контексте демонстрируют его частичное понимание респондентами (или частичное незнание), проявляющееся в неумении построить правильные в семантическом отношении речевые отрезки, где бы актуализировалось значение слова, связанное с формой внесудебного разрешения споров с участием третьей, нейтральной стороны – медиатора: *«Я составил доклад, теперь нужно пройти* ***медиацию****, чтобы его увидели массы»*; *«Сегодня на паре мы пишем анонимно о* ***медиации****»*.

Гораздо проще для респондентов оказалось самоопределение своего языкового сознания в связи с особенностями жизненного и профессионального опыта. Например, в самооценке уровней понимания слова *медиация* 6 человек отметили пункт 6, определив медиацию как *«сферу, связанную с юридическим и психологическим разрешением спора»*, *«юридическую помощь в разрешении спора, в разделе имущества»*, как *«процесс работы с проблемными семьями (примирение)»*, в целом как *«примирение двух враждующих сторон»* и *«разрешение конфликтов между людьми»*. Среди обоснований своего знания приводились следующие: *«Знаю это в связи с тем, что училась на юриста»*; *«Знаю это в связи с тем, что одноклассница делала индивидуальный проект по этой теме»*.

Любопытно, что среди ответов встретилась еще одна актуальная сфера употребления слова *медиация*, распространенная, в частности, за рубежом в сфере искусства и культуры, – сфера культурной медиации как коммуникации с обществом [Синицына, 2019; Коршунова, 2017]. Примером ответа может служить составленное по заданию предложение: *«В Музее пермских древностей работают смотрители-****медиаторы****, которые могут рассказать о выставке более*

подробно». Обоснованием определения медиации как «процесса предоставления дополнительной информации» стало пояснение: *«Знаю это слово в связи с тем, что работала смотрителем-**медиатором** (экскурсоводом)»*.

В итоге «прямого зондирования» языкового сознания 6 ответов по критериям 3–6 свидетельствуют о том, что респондентам слово *медиация* непонятно или малопонятно, 1 ответ соотносится с актуальным, но другим значением слова, а 4 ответа по критерию 6 («знаю слово в связи с особенностями своего жизненного опыта и своей специальности <…>») показывают, что студентам слово *медиация* знакомо и понятно.

В таблице критериев была предусмотрена еще одна графа, в которой можно было отметить свою полную осведомленность в значении слова *медиация*. Только 3 из 100 респондентов записали здесь актуальное значение слова, адекватное для языкового сознания людей, не связанных с профессиональной сферой медиации: *«регулирование спора, решение спора, компромисс»*; *«разбор конфликта между людьми с помощью третьего человека (который не заинтересован в этом конфликте)»*; *«процесс переговоров»*. Контексты, в которые данные респонденты включили слово *медиация*, не вызвали никакого противоречия в оценке понимания исследуемого слова и подтвердили, что слово *медиация* действительно было студентам понятно и знакомо.

В исследовании степени агнонимичности слова *медиация* были получены результаты, которые еще раз подтвердили, что *медиация* – это агноним. В группе респондентов, активно пользующихся Интернетом и имеющим доступ к различным информационным ресурсам, больше половины опрошенных признались в практически полном незнании слова, остальные, как оказалось, имеют смутное представление о медиации как новой профессиональной сфере. Судя по отмеченным графам в таблице опросника, можно выстроить шкалу уровней понимания слова: «совсем не знаю, не понимаю – понимаю, знаком, употребляю». Слово *медиация* находится ближе к левому полюсу, так как 59 из 100 опрошенных совсем не знают слово, 27 человек ложно соотносят медиацию с медиасферой, музыкой, медитацией и рядом наук, большая часть которых никак не

связана с деятельностью по альтернативному разрешению споров, в 7 случаях мы наблюдаем частичное понимание слова, и только 7 человек смогли относительно точно определить значение интересующего нас слова.

Проведенное измерение языкового сознания показывает, что медиация в России – это новая, еще не всем знакомая профессиональная сфера. Учитывая интерес, проявленный к исследованию со стороны самих респондентов, мы можем надеяться, что уровень понимания слова *медиация* среди носителей русского языка со временем все больше будет смещаться к полюсу частичного незнания и полного понимания слова в актуальном значении. Исследование может быть продолжено через определенный промежуток времени, в том числе с привлечением респондентов других возрастных групп, однако выбранную группу респондентов можно считать репрезентативной, так как опрашиваемые: а) являются активными пользователями информационных ресурсов, в которых могут пропагандироваться идеи медиации с учетом ограничений о рекламе медиации в Законе о медиации [Об альтернативной процедуре…, веб]; б) не связаны с профессиональной деятельностью медиатора, то есть предполагалось, что у них a priori нет знаний о медиации и нет никаких стереотипов относительно профессии медиатора; в) не заинтересованы в указании так называемых «правильных» ответов на вопросы, так как анкетирование проводилось анонимно и без использования современных гаджетов, что, в отличие от применения удобных форм опроса онлайн, позволяло исследователю контролировать процесс выполнения заданий, например, контролировать следование установке «не совещаться, не переговариваться, не спрашивать друг у друга».

Итак, подводя итоги параграфа 2.1, отметим, что рассмотренные контексты актуального употребления ключевых слов нового институционального профессионального дискурса и результаты самоизмерения языкового сознания в группе носителей русского языка относительно доступности значения слова *медиация* как практики урегулирования спора с помощью медиатора показывают, что ценности медиации в современной России еще не получили повсеместного распространения. Среди медиаторов и в научных исследованиях по медиации

этому существует рациональное обоснование в виде препятствий для успешного внедрения медиации в нашем обществе. Так, Н.М. Романова в учебнике «Основы медиации» резюмирует характерные для нашей ментальности особенности: бытующие у людей представления о компромиссе как проявлении слабости; консерватизм, иррациональность, эмоциональность, склонность к резкой смене отношений как культурно-психологические особенности россиян; потребность во внешнем императивном регулировании возникающих конфликтов, нежелание брать личную ответственность за поиск решения, несамостоятельность в принятии решений; «склонность наших сограждан к неуступчивости (уступить – значит оказаться слабым, проиграть)»; влечение к победе и доминирование психологии победителя [Романова Н.М., 2017, с. 52–53]. Развитие медиации связано с изменением ценностного мировоззрения и ментальности как отдельных индивидов, так и общества в целом.

Распространение и частотность употребления слов *медиация* и *медиатор*, представляющих уже существующий дискурс медиации, а также степень освоенности важных для языковой личности медиатора концептов показательны для описания субъектов, которых можно условно отнести к потенциальной клиентуре медиатора. Перефразируя и дополняя А.Б. Алексеева, исследующего особенности влияния политического дискурса на формирование языковой личности политика [Алексеев, 2021 (а); Алексеев, 2021 (б)], резюмируем, что какой бы проблемой дискурса медиации ученый не занимался, он имеет дело с субъектом дискурса, то есть с языковой личностью, а в данном случае – с языковой личностью медиатора, включая внешние по отношении к ней данные, релевантные для понимания его ценностно-регулятивных координат.

2.2 Доминантные регулятивы языковой личности медиатора

Аксиосфера медиации касается норм вербального и невербального поведения языковой личности медиатора. Как пишет В.И. Карасик, «важнейшим компонентом любого дискурса выступают ценности – смыслообразующие

ориентиры поведения, определяющие мировосприятие участников общения» [Карасик, 2024, с. 241]. Ценностное содержание коммуникативного поведения медиатора определяется наличием доминантных регулятивов, отраженных в различных нормативных текстах и зафиксированных в пособиях по медиации.

Аксиологической точкой отсчета в системе координат, задаваемых профессиональным сообществом, является текст Закона о медиации (см. «Приложение В») и сопряженные с ним тексты нормативных документов. Как отмечают Н.И. Башмакова и В.Г. Бондарев, «ценность медиации содержательно определяется ценностью закона, содержит ценностный потенциал специфического социокультурного регулятора» [Башмакова, Бондарев, 2018, с. 43]. Российская особенность развития медиации – это внедрение и санкционирование медиации «сверху», «за счет активного использования административного ресурса и без анализа или учета реальных потребностей российского социума в процедуре медиации» [Вечерина, Путалова, 2020, с. 51–52].

Медиация в России сформировалась, прежде всего, не как социальный, а как правовой институт – право было призвано регулировать «отношения, которые еще не сложились в обществе как фактические» [Носырева, 2012, с. 6]. Проблему коммуникации с потенциальными потребителями услуг, с обществом «предполагалось решить средствами пропаганды и агитации» [Вечерина, Путалова, 2020, с. 52], однако для пропаганды и рекламы медиации на практике обнаружился ряд препятствий. Например, грамотная популяризация медиации среди широких слоев населения, по словам Ю. Капштыка, ограничивается самопрезентацией медиаторов на семинарах, конференциях, форумах, а для PR-специалистов необходимы знания о специфике рекламной кампании, иначе неизбежны искажения содержания медиации [Капштык, веб].

Отдельно следует остановиться на ограничениях рекламы медиации, содержащихся в современных законодательных текстах. Два преимущества медиации перед другими формами альтернативного разрешения споров выступают как препятствие для популяризации и пропаганды медиации. Первое преимущество – альтернативность судебной процедуре. В Федеральном законе о

рекламе в последней действующей редакции указано: *«Реклама деятельности медиаторов по обеспечению проведения процедуры медиации не должна содержать утверждение о том, что применение процедуры медиации как способа урегулирования спора имеет преимущества перед разрешением спора в суде, арбитражном суде или третейском суде»* [Федеральный закон о рекламе…, веб, ст. 30.1, п. 3]. Второе преимущество медиации – конфиденциальность переговоров. «Тайна» содержания процедуры и всей информации, которую узнал медиатор, не позволяет ее использовать в рекламных целях, невозможна и реклама медиатора со стороны довольных клиентов, так как *«с целью сохранения таинства все и проводилось»* [Капштык, веб]. В связи с конфиденциальностью медиации затруднителен также мониторинг эффективности применения медиации: данные о широте применения медиации, о положительных и отрицательных ее сторонах могут быть получены только от специалистов-посредников, использующих этот метод [Аллахвердова, Павлова, 2009, с. 7].

Еще одной особенностью развития медиации в России стало формирование правового института «с учетом и на основе ряда международных документов» [Носырева, 2012, с. 7], начало медиации в современном ее виде было положено англоязычными медиаторами в 1989–1990 годах, и фактически профессиональный язык медиации формировался на основе и по примеру английского языка медиации. После семинара с зарубежными специалистами в 1992 году в Санкт-Петербурге *«была создана общественная Российско-американская программа по конфликтологии, которая внесла свой вклад в становление практики медиации в Петербурге», «в рамках этой Программы были обучены первые медиаторы, и в 1993 г. был основан первый в России Центр разрешения конфликтов (ЦРК), где медиаторы начали работать с межличностными конфликтами, адаптируя американские методы медиации к российской (постсоветской) культуре»* [Аллахвердова, Иванова, 2007, с. 76]. Работая по примеру зарубежных коллег, российские медиаторы отталкиваются от англоязычной профессиональной коммуникативной практики, выкристаллизовывая русский язык медиации.

По поводу влияния английского языка на профессиональный подъязык медиации высказывается даже радикальная точка зрения, согласно которой, судя по реализации Закона о медиации, «закон перевели с иностранного языка без понимания сути вопроса, потому как непонятно не только, каким должно быть базовое образование медиатора, но и чему учить медиатора и кто должен учить его в рамках переквалификации» [Распопова, 2022, с. 7–8].

В рамках данной работы мы не будем раскрывать пробелы нормативного регулирования медиации в современной России, обсуждать комплекс мер для повышения эффективности медиации и проблемы формирования спроса на услуги медиатора, оспаривать точки зрения специалистов права и профессиональных медиаторов относительно вопросов подготовки успешных медиаторов. Ограничимся описанием аксиосферы медиации, отраженной в нормативных текстах и в доступных для анализа материалах.

Текст закона определяет основные понятия, предписывает действия и ограничивает функции лица, осуществляющего деятельность медиатора. Основные понятия: *стороны*; *процедура медиации*; *медиатор (медиаторы)*; *организация, осуществляющая деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации*; *соглашение о применении процедуры медиации*; *соглашение о проведении процедуры медиации*; *медиативное соглашение*.

Стороны – субъекты отношений, желающие урегулировать спор с помощью процедуры медиации. **Медиатор (медиаторы)** – независимое физическое лицо (независимые физические лица), *«привлекаемые сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора»* [Об альтернативной процедуре…, веб, ст. 2, п. 3]. Стороны и медиатор являются главными участниками медиации. Стороны в русском языке медиации имеют также обозначение *стороны конфликта/спора*, *участники спора*, *партнеры по конфликту* [Шамликашвили, 2017 (б)], *медианты* (встречается реже, чаще в статьях о медиации [Соловьева, 2019; Особенности использования технологий медиации…, 2020; Реген, 2013]), *конфликтующие стороны*, *конфликтанты* [Аллахвердова, Карпенко, 2005]. Медиатор называется

медиатором-посредником, *профессиональным посредником* или *ведущим* (в восстановительной медиации [Программы восстановительного правосудия…, 2009; Карнозова, 2009]).

Стороны *«являются и остаются "собственниками" конфликта»*, они наделяются силой и властью для выработки и принятия решения [Шамликашвили, 2014 (а), с. 21]. В тексте Закона о медиации указанные сила и власть пропозиционально связаны с активной позицией сторон в медиации: *«если стороны заключили (направили)»*; «*стороны могут применить»*; «*стороны вправе указать»*; «*если стороны не договорились об ином»*. В статье 9 Закона о медиации «Выбор и назначение медиатора» сказано: *«Для проведения процедуры медиации стороны по взаимному согласию выбирают одного или нескольких медиаторов»*. Стороны могут самостоятельно выбрать или сменить медиатора в ходе медиации, «медиатор не может быть им навязан» [Колбина, 2019, с. 11]. Медиатор может быть порекомендован сторонам или назначен только *«в случае, если стороны направили соответствующее обращение в указанную организацию на основании соглашения о проведении процедуры медиации»* [Об альтернативной процедуре…, веб, п. 2]. Медиатор так или иначе в конечном счете привлекается именно сторонами конфликта.

В определении **процедуры медиации** в тексте Закона отмечается, что это *«способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения»* [Об альтернативной процедуре…, веб, ст. 2, п. 2]. Роль медиатора состоит в том, чтобы способствовать переговорам между конфликтующими сторонами, *«поддерживать партнеров по конфликту в поиске совместного решения»* [Шамликашвили, 2017 (б), с. 49]. Согласно закону, *«медиатор не вправе: 1) быть представителем какой-либо стороны; 2) оказывать какой-либо стороне юридическую, консультационную или иную помощь; 3) осуществлять деятельность медиатора, если при проведении процедуры медиации он лично (прямо или косвенно) заинтересован в ее результате, в том числе состоит с лицом, являющимся одной из сторон, в родственных отношениях; 4) делать без*

согласия сторон публичные заявления по существу спора» [Об альтернативной процедуре…, веб, ст. 15, п. 6].

Нормативные предписания отражаются на речевой практике языковой личности медиатора, так, приведенные в пример выдержки из Закона о медиации цитируются медиаторами на этапе премедиации и в ходе самой процедуры медиации, например, медиатор дает определение медиации:

*«**Медиация** – это процедура урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора».*

В раскрытии принципов медиации во вступительном слове медиатора:

*«При проведении процедуры медиации сохраняется **конфиденциальность** всей относящейся к указанной процедуре информации, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами, и случаев, если стороны не договорились об ином».*

«Медиатор не вправе разглашать информацию, относящуюся к процедуре медиации и ставшую ему известной при ее проведении, без согласия сторон».

В обозначении ответственности медиатора:

*«Медиатор не может **быть представителем какой-либо стороны**».*

Положения Закона о медиации объективируются в перифразах, где слова и структуры претерпевают изменения при сохранении смысла, сравните:

– **в тексте закона:** *«Медиатор не вправе <…> осуществлять деятельность медиатора, если при проведении процедуры медиации он лично (прямо или косвенно) заинтересован в ее результате, в том числе состоит с лицом, являющимся одной из сторон, в родственных отношениях»;*

– **в реплике медиатора:** «*Медиатор не заинтересован в разрешении ситуации в пользу той или иной стороны. Я не состою в близких или родственных отношениях ни с одной из сторон».*

Еще пример:

– **в тексте закона:** *«Медиатор не вправе <…> оказывать какой-либо стороне юридическую, консультационную или иную помощь»*;

– **в реплике медиатора:** *«Посредник не предлагает готовых решений, не оценивает и не ищет правых и виноватых»*.

В приведенных примерах медиатор делает юридический язык более понятным, производит прагматическую адаптацию информации для сторон в ситуации конфликта. Употребляя информацию нормативного текста в своей речи, медиатор прибегает к констативам, отстраненно именуя себя «медиатор» или «посредник», или же использует перформативное высказывание с местоимением первого лица единственного числа «я», конструируя реальность и тем самым гарантируя нейтральность переговоров.

Юридизированность текста Закона о медиации не позволяет использовать многие его положения в устной практике медиатора во избежание нарушения коммуникативной ясности и создания дополнительных триггеров для сторон в нарушенной коммуникации. Вместе с тем текст Закона регулирует взаимоотношения медиатора и сторон конфликта, например, определяет порядок проведения переговоров с участием медиатора, сроки проведения процедуры медиации, условия прекращения переговоров и прекращения процедуры медиации и др. Определяются структура, представляющая медиатора, – **организация, осуществляющая деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации** [Об альтернативной процедуре…, веб, ст. 2, п. 4].

В комментарии к Закону о медиации уточняется основная задача медиатора – *«оказать содействие сторонам в выработке решения по существу спора»*, в ходе этой помощи медиатор совершает действия по подготовке к процедуре медиации, организует и проводит медиационную сессию (процедуру медиации); помогает в обсуждении условий медиативного соглашения, в оформлении текста медиативного соглашения [Комментарий к Федеральному закону…, 2012, с. 33]. Коммуникативное поведение медиатора выстраивается в процессе устной коммуникации со сторонами конфликта и в квалифицированной помощи в составлении письменных документов: **соглашение о применении процедуры медиации**, **соглашение о проведении процедуры медиации**, **медиативное соглашение**. В Законе о медиации даны определения этим формам договоренности

в медиации: *«…**соглашение о применении процедуры медиации** – соглашение сторон, заключенное в письменной форме до возникновения спора или споров (медиативная оговорка) либо после его или их возникновения, об урегулировании с применением процедуры медиации спора или споров, которые возникли или могут возникнуть между сторонами в связи с каким-либо конкретным правоотношением»*; *«**соглашение о проведении процедуры медиации** – соглашение сторон, с момента заключения которого начинает применяться процедура медиации в отношении спора или споров, возникших между сторонами»; «**медиативное соглашение** – соглашение, достигнутое сторонами в результате применения процедуры медиации к спору или спорам, к отдельным разногласиям по спору и заключенное в письменной форме»* [Об альтернативной процедуре…, веб, ст. 2, п. 5–7].

К форме соглашений предъявляются определенные требования, которые не входят в зону компетенции сторон конфликта. Языковая личность медиатора помогает сторонам в оформлении текста соглашений. В Законе о медиации прописано основное содержание соглашения о проведении процедуры медиации:

«1. Соглашение о проведении процедуры медиации заключается в письменной форме.

2. Соглашение о проведении процедуры медиации должно содержать сведения:

1) о предмете спора;

2) о медиаторе, медиаторах или об организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации;

3) о порядке проведения процедуры медиации;

4) об условиях участия сторон в расходах, связанных с проведением процедуры медиации;

5) о сроках проведения процедуры медиации».

План соглашения разворачивается в речевой практике медиатора в многостраничный документ, оформленный в установленном порядке, в котором каждый из пунктов конкретизируется в ряде подпунктов. Например, сведения о

предмете спора разворачиваются в пяти пунктах соглашения (полный текст документа приведен в «Приложении Г»):

1. Предмет соглашения

1.1. В целях урегулирования возникшего между Сторонами спора Стороны в соответствии с настоящим соглашением дают свое согласие на участие в процедуре медиации.

1.2. Сторона 1 и Сторона 2 поручают и оплачивают, а Медиатор принимает на себя обязательство оказать услуги по проведению процедуры медиации, целью которых является разрешение существующего спора между Сторонами.

1.3. Предмет и описание спора, который Стороны готовы разрешить с использованием процедуры медиации: Долговые обязательства, возникшие у стороны 2 перед Стороной 1 по договору займа от (дата)*, заключенного между Сторонами.*

Данный спор в настоящее время рассматривается в … суде г. Москвы, дело № …, судья …

Проведение процедуры медиации осуществляется в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника» и Правилами проведения процедуры медиации (название ассоциации профессиональных медиаторов).

1.4. Место и время проведения процедуры медиации: …

1.5. Услуга считается надлежащим образом оказанной Медиатором в случае заключения Сторонами между собой медиативного соглашения в его присутствии, а также в нижеперечисленных случаях:

1) заключения Сторонами медиативного соглашения, меморандума о взаимопонимании – со дня подписания такого соглашения/меморандума;

2) заключения соглашения Сторон о прекращении процедуры медиации без достижения согласия по имеющимся разногласиям – со дня подписания такого соглашения;

3) письменного заявления Медиатора о прекращении процедуры медиации ввиду нецелесообразности ее дальнейшего проведения – в день направления данного заявления;

4) письменного заявления Сторон, направленного Медиатору, об отказе от продолжения процедуры медиации – со дня получения Медиатором данного заявления;

5) истечения срока проведения процедуры медиации – со дня его истечения.

Стороны конкретизируются в шапке документа с указанием имен и паспортных данных, медиатор – с номинацией ассоциации профессиональных медиаторов, которую он (или она) представляет. Подпункт 1.2. предмета спора не исключает раздела «Стоимость услуг и порядок расчета». Информация о порядке и сроках проведения процедуры медиации объективируются в «Правилах проведения процедуры медиации». В целом в приведенном примере Соглашения о проведении процедуры медиации выделяются разделы:

1. Предмет соглашения

2. Представители сторон

3. Обязанности и права сторон

4. Ответственность медиатора

5. Конфиденциальность информации, полученной в результате процедуры медиации

6. Стоимость услуг, порядок расчетов

7. Ответственность сторон и порядок разрешения споров

8. Расторжение и исполнение соглашения

9. Заключительные положения

10. Дополнительные условия

Судя по приведенному примеру соглашения, прописанные в Законе о медиации обязательные разделы по-разному объективируются в текстовых моделях соглашений. Текст закона дает содержательный инвариант документа «Соглашение о проведении процедуры медиации». Рассмотренный вариант – одна из его конкретных модификаций, созданная медиаторами. Каждый формуляр далее

конкретизируется в вариантах с прописанной личной информацией и служит образцом для других соглашений.

Относительно двух других документов – соглашение о применении процедуры медиации и медиативное соглашение – в тексте закона есть соответствующие статьи, ориентирующие языковую личность медиатора в оформлении организационно-правовых документов: статья 7 – *«Условия применения процедуры медиации»* и статья 12 – *«Медиативное соглашение»*. Конкретные примеры соглашений имеют перечень обязательных структурных элементов и обязательных реквизитов. Соглашения представляют собой документы регламентирующего характера, образцы которых имеются в организациях профессиональных медиаторов и приводятся в учебниках по медиации, в основном, для представителей юридических профессий.

Среди применяемых в медиации документов рассматриваются также тексты доверенностей (если сторона действует через представителей), «Правила процедуры медиации», «Медиативная оговорка», «Договор о подготовке к проведению процедуры медиации» (если друга сторона еще не приглашена на процедуру или не дала согласия на участие в процедуре медиации), «Предложение об обращении к процедуре медиации» (от одной из сторон), «Меморандум о взаимопонимании» промежуточный (составляемый между сессиями), «Меморандум о взаимопонимании» заключительный (подписываемый, если стороны не хотят подписывать медиативное соглашение, но, например, достигли согласия по спорным вопросам), «Соглашение о прекращении процедуры медиации без достижения согласия по имеющимся разногласиям», «Заявление о прекращении процедуры медиации» от медиатора, «Заявление об отказе от продолжения процедуры медиации» от стороны, «Обязательство о неразглашении информации», различного рода акты оказания услуг по договору, документы, регламентирующие коммуникацию между медиатором и судом. Лингвистическое интерпретация документооборота в сфере медиации требует отдельного планомерного исследования. Отметим здесь, что для языковой личности медиатора перечень приведенных документов является ориентирующим. Существующие

формуляры регламентируют письменную речевую практику языковой личности медиатора. Количество необходимых документов определяется особенностями конкретной ситуации, сферой применения медиации и намерениями сторон.

Регламентируемые Законом о медиации и приведенные в учебниках и разнообразных пособиях по медиации (главным образом, для юристов) тексты документов, востребованных в практике медиатора, не всегда могут применяться, так как, например, соглашение об участии в медиации (применении процедуры медиации), как отмечают медиаторы, *«чаще заключается устно»* [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 26]. На практике стороны вольны сами решать, в какой форме будут фиксированы результаты медиации: в устной или письменной.

К доминантным регулятивам медиатора относятся источники не обязательно правовой сферы. Работа в конфликтном дискурсивном пространстве требует от медиатора конфликтологических знаний и умений. Медиатор «используют уже имеющуюся в отрасли медиации методологию и инструментарий, построенный на психологических, конфликтологических и иных дисциплинах» [Маврин, 2014, с. 71]. Так, ориентиром в работе медиатора являются различные учебные пособия по конфликтологии. Существующие учебники по медиации в обязательном порядке включают разделы, освещающие конфликтологический контекст деятельности медиатора, например, рассматриваются причинные факторы конфликта [Иванова, 2021 (б)], уровни конфликта и способы обращения с конфликтами [Бесемер. 2004], инструменты конфликтного анализа [Дронзина, 2015]. Здесь, однако, следует внимательно отнестись к разведению специальностей медиатора и конфликтолога.

Методологическое осмысление профессий медиатора и конфликтолога приводит к пониманию того, что «средства медиаторов – это малая часть конфликтологии, которая востребована на этапе постконфликтной ситуации с привлечением технологий переговоров» [Цой, Иванов, 2016, с. 74]. Как отмечают Л.Н. Цой и О.Б. Иванов, конфликтология изучает «природу конфликта, причины, факторы и другие элементы/процессы/связи конфликта как объекта исследования/анализа/диагностики», медиация же с таким объектом дело не имеет

[Цой, Иванов, 2016, с. 73]. Эти же авторы приводят средства-предписания в работе с конфликтом, не нужные для задач медиации, но востребованные в работе конфликтолога: «распознать конфликт на ранних стадиях; выявить проблемы и противоречия; способствовать актуализации конструктивных процессов в конфликте; смоделировать развитие конфликта; выявить деструктивные и конструктивные процессы в конфликте; разработать технологию локализации деструктивных форм конфликтного взаимодействия» [Цой, Иванов, 2016, с. 73–74]. Продолжая осмысление инструментария конфликтолога и медиатора, отметим, вслед за Н.И. Леоновым, что «конфликтологическая компетентность не является синонимичным понятием конфликтной компетентности, она может включать ее, но и иметь свое своеобразие» [Леонов, 2019, с. 520]. В компетентностной модели деятельности медиатора важное место занимает именно конфликтологическая компетентность, которую рассматривают в настоящее время как составную часть общей коммуникативной компетентности [Митяева, 2012; Медведева, 2015]. В аспекте конфликтологической компетенции в процессе обучения медиатора формируются такие качества, как «толерантность или терпимость к конфликту, отсутствие страха перед конфликтом, готовность принять людей такими, какие они есть, четкое понимание, что справедливость – понятие абсолютно субъективное» [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 77]. Определяющим для коммуникативного поведения медиатора является так называемая «позитивная концепция конфликта» [Дронзина, 2015, с. 83] – понимание того, что конфликт является «нормальной частью жизни, которую можно использовать как возможность для учебного и личностного роста» [Евдокимова, 2017, с. 13].

В сознании обычного человека конфликт ассоциируется с целым рядом слов, имеющих преимущественно негативное значение: *противодействие*, *соперничество*, *конкуренция*, *конфронтация*, *война*, *коллизия*, *спор*, *стычка*, *грызня*, *размолвка*, *раздор*, *разлад*, *выяснение отношений*, *разногласие*, *кризис*, *катастрофа*. Как пишет Л.Н. Цой, отрицательное отношение к конфликту является следствием тотального отождествления конфликта с насилием, враждебностью, агрессией, негативными эмоциями, разрушением [Цой (б), веб].

В картине мира русскоязычного человека положительное отношение к конфликту уступает отрицательному отношению. Так, в русском языковом сознании «конфликт ассоциируется с *ссорой*, *раздором*, *распрей*, *столкновением*, *схваткой*, *дракой*, *битвой*, *боем*, *сражением*, *войной*»; конфликт «вызывает у людей *агрессию*, *вражду*, *гнев*, *грубость*, *жестокость*, *негодование*, *протест*, *раздражение*, *тревогу*, *печаль*, *отчаяние*, *смятение*, *шок*, *ярость*»; «конфликт приводит к *бандитизму*, *лжи*, *мятежу*, *насилию*, *кровопролитию*, *недоразумению*, *обману*, *преступлению*, *противоречию*, *схватке*, *ущербу*»; «через конфликт человек проявляет свое отношение к *смыслу жизни*, *смерти*, *счастью*, *злу*»; «в конфликте выявляются такие человеческие качества, как *верность*, *гордость*, *лживость*, *совесть*, *сопереживание*, *стыд*, *страсть*, *тщеславие*, *упрямство*, *цинизм*, *черствость*, *честолюбие*, *честь*, *эгоизм*» [Бараева, 2008, с. 58]. Существующие ассоциации способствуют формированию метафор негативной семантики, так, О.И. Калинин, пишет о структурировании понятия спора через концепт ВОЙНА [Калинин, 2020, с. 105], то есть глубинное структурное понимание слова «спор» меняется в сторону осмысления его через военные действия. Вместе с тем в обществе в последнее время отношение к конфликту как к однозначно негативному явлению меняется, конфликт рассматривается как «клеточка социальной жизни, в которой наиболее отчетливо проявляется социальная напряженность, накапливается энергия деятельности, порождающая социальные изменения и сдвиги разного масштаба» [Здравомыслов, 1993, с. 12]. Изменение отношения к конфликту отражается в эволюционной эпистемологии конфликта (данный вопрос мы осветили в отдельном исследовании [Киндеркнехт, 2022 (д)]).

Вызовы современного мира, связанные с наличием сверхизбыточной информации, усилением хаоса и конкуренции, по словам Л.Н. Цой, обусловливают необходимость «искать средства не просто выживания, а принятия на себя ответственности за свое развитие, за будущее, за качество жизни в этом мире» [Цой (а), веб]. В структуре личности становится важным умение контролировать конфликтный процесс, *«направлять его в желательное русло»* [Кибанов и др., 2006, с. 39]. В конфликтологических исследованиях все больше предпочтительным

становится термин «управление конфликтом», что предполагает *«любые формы воздействия на него, приводящие к запланированному результату»* [Иванова, 2015 (а), с. 15]. Высказываемое таким образом отношение к конфликту в рефлексии медиатора отражает активную позицию языковой личности медиатора в организации конфликтных переговоров, терпимость к конфликту и отсутствие страха перед конфликтом. Готовность к работе в конфликтной ситуации объективируется в следующих высказываниях медиатора: *«Медиатор обычно сталкивается с разрушенной коммуникацией между участниками конфликта, которые действуют, исходя из своего искаженного конфликтом представления о сложившейся ситуации и своем "противнике"»*; *«У людей в конфликте блокируется возможность адекватно понимать свою ситуацию и тем более понимать другого человека. Вероятно, это происходит из-за сильных эмоций, предубеждений, влияния окружающих, СМИ и т.д. Для отстаивания своей позиции конфликтующие могут использовать бойкот, вовлечение в конфликт окружающих, выражение презрения, повсеместное высказывание своего взгляда на произошедшее, написание заявлений в правоохранительные органы, обращение в СМИ и пр. И если конфликт не решается коммуникативным путем, он может перейти в стадию применения силы»* [Коновалов, 2014, с. 175].

Медиаторами осмысливается и описывается то, каким образом медиация может помочь сторонам решить конфликт коммуникативным путем. Например, медиатор Ф.К. Лэйни делится своим опытом: *«Медиатор встречается со сторонами в оговоренном месте и выслушивает, как каждая из этих сторон объясняет историю возникшего конфликта со своей точки зрения. Обычно предпринимаются попытки согласовать различные взгляды или, по крайней мере, призвать стороны к тому, чтобы они прислушались к иному мнению. Медиатор будет задавать вопросы, чтобы проанализировать не только факты, но и то, как каждый человек чувствует ситуацию. После того как список задач находится на столе, медиатор акцентирует внимание на вопросе: «Что вы можете сделать, чтобы попытаться разрешить конфликт?». Стороны застряли в собственном конфликте, и только они сами лучше всего смогут определить, как он должен*

быть разрешен. Стороны разрабатывают и рассматривают идеи, находя те, которые устроили бы обе стороны. <…> После того как они договорились о списке приемлемых условий, медиатор поможет им изложить его в письменной форме, чтобы обе стороны могли быть уверены, что они имеют одинаковое понимание того, что было согласовано, а также увековечить и запомнить детали своего соглашения. <…> медиатор может встретиться индивидуально с каждой стороной и задать вопросы, которые побудят участников спора глубоко задуматься о своей ситуации, ее причинах и возможных результатах. Если сторонам трудно общаться, медиатор может подавить их эмоции и помочь им слушать и говорить по очереди, вынуждая их прислушаться друг к другу, возможно, даже впервые. Если стороны застряли в длительном конфликте, возвращаясь в прошлое, чтобы обвинить друг друга, медиатор может обратить их внимание на будущее и на то, какие дальнейшие действия могут быть предприняты для разрешения проблемы» [Лэйни, веб]. В приведенной рефлексии медиатора видим элементы управления конфликтом *(«встречается»* со сторонами; *«выслушивает»* историю конфликта от каждой стороны; «*может подавить их эмоции и помочь им слушать и говорить по очереди, вынуждая их прислушаться друг к другу»*; задает вопросы, *«которые побудят участников спора глубоко задуматься о своей ситуации»*), переакцентировку диалога с личности оппонента на конфликтную ситуацию (задает вопросы для побуждения сторон *«глубоко задуматься о своей ситуации, ее причинах и возможных результатах»*), нацеливание сторон на будущее их отношений (*«может обратить их внимание на будущее и на то, какие дальнейшие действия могут быть предприняты для разрешения проблемы»*). Подчеркивается невмешательство медиатора в содержание конфликта (медиатор апеллирует к тому, что сами стороны могут сделать для разрешения конфликта, *«стороны разрабатывают и рассматривают идеи»*, *«после того как они договорились о списке приемлемых условий»*, «*только они сами* (стороны) *лучше всего смогут определить, как он* (конфликт) *должен быть разрешен»*). Как видим, медиатор помогает урегулировать конфликт, организуя диалог участников конфликта.

В системе аксиологических координат, задаваемых профессиональным сообществом медиаторов, особое место занимают кодексы этики медиаторов. Принятый Ассоциацией профессиональных медиаторов в 2012 году Кодекс этики медиатора, регулирующий поведение медиатора, следующим образом предписывает обязательства медиатора: *«Медиатор должен постоянно развиваться в практике ведения медиации. Его действия должны быть направлены на подобное развитие. Он должен быть толерантным, уметь уважать разные точки зрения, уважать своих коллег, учиться у них и сотрудничать с ними. Задача медиатора – служить людям с целью разрешать их конфликты»* [Кодекс этики медиатора, веб]. В приведенном примере подчеркивается помогающий характер профессии медиатора и предписывается непрерывное саморазвитие медиатора, которое затрагивает как психологические стороны медиатора, так и его умения в коммуникативном плане.

В Кодексе медиаторов России, утвержденном 28 апреля 2012 года Протоколом № 3 Президиума Союза медиаторов «Альтернативное разрешение споров», прописаны основные нравственно-этические нормы деятельности медиаторов и организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации: *«Кодекс ставит своей целью* ***создание условий****, в которых возможен* ***диалог между спорящими сторонами****, прояснение возникших проблем и спорных вопросов, изложение и согласование различных мнений, определение интересов, предложение, обсуждение и оценка выходов из сложившейся ситуации, выработка договоренностей, основанных на согласии между сторонами по разрешению спора, когда это необходимо и возможно»* [Кодекс медиаторов России, веб]. Выделенные нами ключевые моменты приведенного положения касаются роли медиатора как организатора вербального взаимодействия конфликтующих сторон.

Интерпретируя положения упомянутых кодексов, мы можем выделить два типа общения в рамках статусно-ориентированного дискурса медиации: профессиональный институциональный дискурс, рассматриваемый, вслед за В.И. Карасиком, как осуществление «диалога между представителями социального

института и гражданами, для которых этот институт существует» [Карасик, 2021 (а), с. 34], то есть между медиатором и конфликтующими сторонами, и теоретический дискурс специалистов как диалог, в котором «участвуют только специально подготовленные агенты определенного социального института» [Карасик, 2021 (а), с. 34], то есть диалог между профессионалами-медиаторами.

В кодексах осуществляется ориентация медиатора **в рамках профессионального институционального дискурса**: *«информирование общества и потенциальных пользователей медиативных услуг о медиации»*, *«создание условий»*, в которых возможны *«диалог между спорящими сторонами, <…> изложение и согласование различных мнений, <…> обсуждение…»*. Медиатор разъясняет сторонам характер и смысл своих действий, *«отвечает на любые вопросы, возникающие относительно процедуры медиации при ее подготовке и в ходе ее проведения»*, *«содействует свободному высказыванию сторонами их собственных мнений, видения проблемы, ситуации, принципов, убеждений, ценностей»*, *«не навязывает сторонам процедуры медиации свои личные представления и оценки (моральные, политические, религиозные и иные)»*, *«отвечает за ведение процедуры медиации, соблюдение принципов процедуры, обеспечение безопасности для сторон»*, *«разъясняет сторонам, что они несут ответственность за содержательную часть процедуры, касающуюся спора, а также решения и договоренности, достигнутые в ходе медиации»*, *«избегает оценочных, грубых, резких суждений»*.

Примерами регламентации коммуникативной практики медиатора **в рамках теоретического дискурса специалистов** являются предписания, согласно которым медиаторы *«избегают утверждений и высказываний, которые могут прямо или косвенно принизить деятельность других медиаторов, ценность или авторитет судебной системы»*, *«строят взаимоотношения друг с другом на основе взаимного доверия, уважения, сотрудничества и поддержки»*, *«воздерживаются от действий и высказываний, которые могут нанести урон чести, достоинству, деловой репутации другого медиатора и институту медиации в целом»*. Медиаторы в теоретическом дискурсе специалистов *«не*

должны использовать недобросовестные формы конкуренции, публично принижать компетентность и авторитет других медиаторов», в случае, *«если медиатор видит, что во время медиации ему не хватает квалификации для решения необходимых задач, он может прекратить медиацию или попросить помощи у другого более профессионального медиатора»*. В рекламировании услуг медиации предписывается честность и правдивость, *«медиатор не должен давать какие-либо обещания и гарантии»*, *«медиатору нельзя использовать имена своих клиентов для рекламы без их согласия»*. Среди используемых понятий встречаем: *«провайдеры медиативных услуг – организации, осуществляющие деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации»*; рассматриваются основы взаимоотношений между медиаторами и между саморегулируемыми организациями медиаторов и членами этих организаций [Кодекс медиаторов России, веб]. В Законе о медиации такого рода взаимоотношения не являются предметом рассмотрения, однако Закон о медиации определяет функции, статус, формы и условия существования саморегулируемых организаций медиаторов, условия включения в Государственный реестр [Об альтернативной процедуре…, веб, ст. 18].

В рамках конфликтологической компетентности медиатора ключевому участнику медиации необходимо понимать, в каких случаях медиация невозможна и нецелесообразна. Так, большое значение придается вопросам медиабельности спора – «совокупности признаков конфликта, содержащих показания для обращения к посреднику (не содержащие противопоказаний)» [Хасан, Полещук, 2020, с. 210]. Медиабельность является еще одним конструктом в аксиологической системе координат в медиации.

Как пишут А.Д. Карпенко и Ю.А. Яковлева, медиабельность – это возможность урегулирования конфликта с помощью медиации, *«своего рода диагностика конфликта/спора к применению технологии»* [Медиация, 2016, с. 169]. Ю.А. Яковлева рассматривает следующие критерии медиабельности: ***«Группа 1. Обстоятельства, исключающие возможность применения процедуры медиации:*** *дееспособность и вменяемость сторон; возможность*

разрешения конфликта без вынесения властного акта (например, судебного решения); готовность сторон разрешать конфликт посредством переговоров; возможность работы (выравнивания) с дисбалансом сил. ***Группа 2. Обстоятельства, способствующие примирению сторон:*** *необходимость конфиденциальности; материальные издержки; репутационные риски; положительный опыт разрешения споров с помощью переговоров/медиации; ограниченность сроков исполнения; нежелательность судебного прецедента; заинтересованность представителей»* [Медиация, 2016, с. 171–176].

Представленные критерии дополняют условия медиабельности конфликтов/споров, рассматриваемые в Законе о медиации [Об альтернативной процедуре…, веб, ст. 1]. Обратим внимание на готовность сторон разрешать конфликт посредством переговоров. Неготовность к диалогу рассматривается одной из причин редкого использования медиации в сфере образования [Коршунова, Солдатова, 2022] и не только. В диалоге участвуют две стороны, а медиатор – это *«средство»* переговоров. О роли медиатора как о роли «средства» пишут, например, Б.И. Хасан и Ю.О. Полищук: *«<…> должно создаваться впечатление непосредственного контакта сторон. Предполагается, что функция и назначение медиатора состоят в обеспечении канала, в идеале не искажающего информацию, то есть минимизирующего невозможность или какие-то ограничения, препятствия непосредственного контактирования. Таким образом, медиатор – только средство для организации переговоров, для удержания конфликта в процессе поисков путей его решения в рамках правил, не позволяющих сторонам двинуться по пути эскалации конфликта»* [Хасан, Полещук, 2020, с. 208, 210]. Последовательность рассмотрения возможности и перспективы обращения к медиации *«должна идти* ***не от альтернативы судебному разбирательству, а от альтернативы переговорам без медиатора****»*, то есть медиабельным конфликт считается, если ситуация является переговорной, но без посредника договориться не получается [Хасан, Полещук, 2020, с. 210].

В рассмотрении критериев медиабельности конфликта в медиации наблюдается вариативность, связанная со множеством факторов. Так, Г.А. Юнгус

отмечает, что медиабельность зависит от степени выраженности противостояния сторон и фактически наступивших негативных последствий. «Конфликты, – пишет автор, – обладают медиабельностью либо на ранних этапах зарождения и развития, когда социальная самоорганизация позволяет через переговоры и диалог выйти из сферы противостояния, либо в случаях, когда конфликт в острой фазе лишь незначительно затронул исключительно частные интересы отдельных субъектов и еще возможно мирное соглашение» [Юнгус, 2018, с. 179]. К критериям медиабельности нередко добавляются частные наблюдения, проистекающие из опыта успешных/неуспешных переговоров, например, есть медиаторы, которые не считают медиабельным спор, если одна из сторон испытывает черную зависть: по их наблюдениям, наличие черной зависти влияет на договороспособность сторон и на эффективность результата медиации.

Итак, доминантные регулятивы медиации, отраженные в положениях законов и кодексов медиатора, в параграфах учебников и учебных пособий, в текстах научных статей медиаторов, определяют содержание деятельности независимого посредника. Закономерности становления аксиологического потенциала коммуникативной личности медиатора являются общими для принятия и выражения ценностей любого носителя языка. М.Э. Рябова пишет: «Совокупность ценностных воззрений о реальности, заключенных в значении и смыслах языка, складывается в некую систему взглядов и предписаний, которая транслируется всем носителям языка» [Рябова, 2014, с. 74]. Перефразируя исследовательницу, скажем, что совокупность ценностных воззрений об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) и об основах профессиональной деятельности медиатора, заключенная в авторитетных текстах о медиации, складывается в некую систему взглядов и предписаний, которая транслируется в профессиональном сообществе медиаторов, в диалоге специально подготовленных агентов социального института медиации, и среди всех носителей языка, которые в той или иной жизненной ситуации могут прибегнуть к услугам медиатора.

2.3 Принципы медиации как аксиологические ориентиры языковой личности медиатора

Медиатор опирается в своей деятельности на принципы медиации, которые преимущественно отличают медиацию от других форм урегулирования конфликтов-споров и определяют эффективность медиации. В ценностно-регулятивных координатах медиатора принципы медиации имеют первостепенное значение. В настоящем параграфе дадим лингвистическое обоснование принципам медиации и приведем примеры реализации этих принципов в речевой практике языковой личности медиатора.

В Федеральном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» принципам посвящена отдельная статья: *«Процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов* ***добровольности***, ***конфиденциальности***, ***сотрудничества и равноправия сторон***, ***беспристрастности и независимости медиатора»*** [Об альтернативной процедуре…, веб, ст. 3]. Несмотря на лаконичное указание принципов в тексте закона, их толкование и интерпретация в текстах о медиации, особенно в текстах учебных пособий, ценностно значимы для медиаторов, так как принципы являются аксиологическими доминантами поведения медиатора, в том числе определяют его коммуникативное поведение. Ценность выделяемых постулатов в деятельности медиатора эксплицируется в прескриптивах самих медиаторов. Так, медиаторами отмечается, что принципы медиации необходимо *«неукоснительно соблюдать»* [Шамликашвили, 2017 (б), с. 54], без наличия и выполнения принципов *«медиация не может состояться»* [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 22], принципы медиации представляют собой *«основу саморегулирования медиационной деятельности»* [Комментарий к Федеральному закону…, 2012, с. 43].

2.3.1 Принцип конфиденциальности

Принцип конфиденциальности медиации – это единственный принцип, содержание которого в тексте закона достаточно подробно прописано:

«Статья 5. Конфиденциальность информации, относящейся к процедуре медиации.

1. При проведении процедуры медиации сохраняется конфиденциальность всей относящейся к указанной процедуре информации, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами, и случаев, если стороны не договорились об ином.

2. Медиатор не вправе разглашать информацию, относящуюся к процедуре медиации и ставшую ему известной при ее проведении, без согласия сторон.

3. Стороны, организации, осуществляющие деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, медиатор, а также другие лица, присутствовавшие при проведении процедуры медиации, независимо от того, связаны ли судебное разбирательство, третейское разбирательство со спором, который являлся предметом процедуры медиации, не вправе ссылаться, если стороны не договорились об ином, в ходе судебного разбирательства или третейского разбирательства на информацию о:

1) предложении одной из сторон о применении процедуры медиации, равно как и готовности одной из сторон к участию в проведении данной процедуры;

2) мнениях или предложениях, высказанных одной из сторон в отношении возможности урегулирования спора;

3) признаниях, сделанных одной из сторон в ходе проведения процедуры медиации;

4) готовности одной из сторон принять предложение медиатора или другой стороны об урегулировании спора.

4. Истребование от медиатора и от организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, информации, относящейся к процедуре медиации, не допускается, за исключением случаев,

предусмотренных федеральными законами, и случаев, если стороны не договорились об ином» [Об альтернативной процедуре…, веб, ст. 5].

Суть принципа конфиденциальности сводится к тому, что, как отмечают сами медиаторы, *«всё, о чём говорится или обсуждается в процессе медиации, остается внутри этого процесса»* [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 23]. Вся информация, полученная в ходе медиации медиатором от сторон, должна оставаться тайной. Конфиденциальность должна соблюдаться не только по отношению к информации, относящейся к содержанию процедуры медиации, но и по отношению ко всем внешним проявлениям этого содержания, что, в частности, выражается в запрете на стенографирование, аудио- и видеозапись медиативных переговоров, в связи с чем мы можем говорить о замкнутости, закрытости профессионального институционального дискурса медиации.

Принцип конфиденциальности отличает медиацию от судебного разбирательства, где конфиденциальность невозможна: в суде *«существует обязательный перечень документов, которые должны быть обнародованы»* [Аллахвердова, 2006, с. 35]; «гласность как принцип правосудия обусловливает проведение открытого судебного заседания, где помимо сторон судьи и секретаря суда присутствуют в зависимости от характера спора прокурор, органы опеки, третьи лица и так далее» [Самсонова, Долгушина, 2021, с. 295]; суд – это, «как правило, открытый процесс, любой желающий может присутствовать и следить за ходом судебного разбирательства», а медиация строго конфиденциальна, «стороны сами решают, какую информацию и кому оглашать» [Игнатович, Попов, 2022, с. 122]. При соблюдении принципа конфиденциальности защищается сфера частных интересов, у сторон есть «возможность сохранить в тайне все нюансы своих взаимоотношений (что порой немаловажно не только для сторон спора, но и для их близких, деловых партнеров и окружения)» [Правосудие. Медиация…, 2016, с. 98], «сохранение конфиденциальности сводит к минимуму вред, который может принести придание публичности спору» [Самсонова, Долгушина, 2021, с. 295]. Конфиденциальность медиации интерпретируется следующим образом: *«никаких скандалов, никакой огласки <…>, можно без опасений высказывать те доводы и*

аргументы, которые не предназначены для слуха публики или судей <…>» [Азбука медиации, 2011, с. 33]. У принципа конфиденциальности есть, однако, исключение – это *«полученная в процессе медиации информация о совершенных или готовящихся уголовных преступлениях»*, которая *«не может быть скрыта медиатором от правосудия»* [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 23].

Вербально принцип конфиденциальности проявляется в сообщении сторонам о конфиденциальности процедуры медиации до начала медиации (на этапе подготовки к медиации), во введении в процедуру медиации, в содержании первого этапа медативной сессии вне зависимости от количества медиативных сессий. Например, во вступительном слове медиатор сообщает сторонам:

*«Принцип конфиденциальности. Это означает, что **я гарантирую вам конфиденциальность** со своей стороны, и никакая информация не уйдет за пределы этой комнаты через меня. Гарантировать конфиденциальность между вами я не могу, поэтому, если это необходимо, вы можете это сейчас оговорить, как это сделать».*

Комиссивное перформативное высказывание влечет за собой исполнение принципа конфиденциальности на протяжении всей медиативной сессии. Иллокуция гарантии медиатора – коммуникативная интенция автореферентного соблюдения конфиденциальности, перлокутивный эффект сообщения о конфиденциальности заключается в выстраивании доверительных отношений со сторонами, то есть создание условий, при которых стороны могли бы высказывать свое мнение и давать информацию без опасения для своей репутации. В приведенном примере видим, как медиатор ограничивает свою зону ответственности, сообщая, что он не может *гарантировать конфиденциальность между сторонами*. Далее следует речевое действие, в котором медиатор предлагает сторонам обсудить гарантии конфиденциальности между собой. Вместе с тем в данном речевом акте содержится коммуникативная установка на сохранение конфиденциальности между сторонами. Медиатор как организатор процесса переговоров знакомит стороны с принципами медиации, соблюдает принципы и следит за их соблюдением. Медиатор следит за адекватным

пониманием сказанного и за согласием соблюдения принципа конфиденциальности каждой из сторон, например:

«Гарантировать конфиденциальность между вами я не могу, поэтому, если вам необходимо дополнительно между собой этот вопрос обсудить, у вас есть сейчас такая возможность. Марина, Вам нужно дополнительно обсудить гарантии конфиденциальности? Анна, Вам нужно дополнительно обсудить гарантии конфиденциальности?»

Медиатору важно, чтобы обе стороны ответили на этот вопрос, чтобы продолжить процедуру медиации или чтобы далее обсудить гарантии. При необходимости стороны могут подписать «Обязательство о неразглашении информации» – документ, который медиатор помогает оформить для предупреждения разногласий и споров. В текстовой модели такого документа, например, медиатор, предлагает прописать следующие обязательства сторон и медиатора (в том числе):

«– не разглашать информацию, относящуюся к процедуре медиации и ставшую известной при ее проведении, за исключением случаев, когда на это имеется согласие всех участников процедуры медиации или того требует законодательство Российской Федерации;

– не использовать в судебном, третейском и иных процессах в качестве доказательств или свидетельств высказанные мнения и предложения участников процедуры медиации, аргументацию и любую другую информацию, полученную в ходе процедуры медиации;

– не ссылаться, если все участники процедуры медиации не договорились об ином, в ходе судебного разбирательства или третейского разбирательства на информацию о:

1) предложении одной из Сторон о применении процедуры медиации, равно как и готовности одной из Сторон к участию в проведении данной процедуры;

2) мнениях или предложениях, высказанных одной из Сторон в отношении возможности урегулирования спора;

3) признаниях, сделанных одной из Сторон в ходе проведения процедуры медиации;

4) готовности одной из Сторон принять предложение медиатора или другой Стороны об урегулировании спора;

– не разглашать, не использовать, не распространять все аудио- и видеозаписи, документы, а также иные информационные носители, сделанные или полученные в ходе процедуры медиации, без специального взаимного соглашения всех участников процедуры медиации».

Стороны могут предложить свои гарантии конфиденциальности, устные или письменные. Сообщение сторонам о принципе конфиденциальности может быть расписано более подробно:

*«Я как медиатор обязуюсь **сохранить в тайне** всю информацию, которая станет мне известной в ходе нашей работы. С вашего разрешения, в ходе работы я буду делать пометки в своем блокноте, чтобы зафиксировать важные с точки зрения наших переговоров детали. Эти **записи будут уничтожены** сразу же после окончания процедуры медиации в вашем присутствии. Кроме этого, принцип конфиденциальности означает, что **вы не будете разглашать информацию**, которая станет вам известной в ходе наших переговоров, без согласия друг друга. Вам понятен принцип конфиденциальности, Мария Петровна? Готовы ли Вы соблюдать его? Спасибо. Вам понятен принцип конфиденциальности, Иван Иванович? Готовы ли Вы соблюдать его? Спасибо. Уважаемые Иван Иванович и Мария Петровна, нужно ли вам **письменное соглашение о соблюдении конфиденциальности**? Вам, Иван Иванович? Вам, Мария Петровна?»*.

Медиатор определяет слово конфиденциальность через его контекстуальный синоним: *конфиденциально = **сохранить в тайне***. Медиатор предвосхищает вопросы о записях медиатора в ходе процедуры медиации: *«записи будут уничтожены сразу же после окончания процедуры медиации в вашем присутствии»*. В определении конфиденциальности медиатор констатирует готовность сторон сохранять тайну, вместе с тем в этой констатации скрывается директив: *«вы не будете разглашать информацию, которая станет вам*

известной в ходе наших переговоров, без согласия друг друга» = ***не разглашайте / не рекомендую разглашать***. Медиатор запрашивает информацию о готовности каждой из сторон соблюдать конфиденциальность.

Вербальное проявление принципа конфиденциальности наблюдается в начале и после завершения кокуса – на этапе индивидуальных встреч медиатора с каждой из сторон. Медиатор сообщает:

«На индивидуальной встрече также действует принцип конфиденциальности. Это означает, что все, что будет сейчас обсуждаться, не выйдет за пределы этой комнаты и не будет известно другой стороне, если Вы этого не пожелаете».

В конце кокуса медатор обращается к стороне с вопросом:

«Что из того, что сейчас обсуждалось, не должна знать другая сторона? Что другой стороне можно сообщить, а что сообщать не следует?»

Апеллируя к конфиденциальности, медиатор создает атмосферу доверия сторон по отношению к медиатору и по отношению к процедуре медиации. В ходе процедуры медиации медиатор следит за соблюдением принципа медиации и в случае нарушения этого принципа прямо говорит об этом сторонам:

«Я прекращаю процедуру медиации, потому что не могу обеспечить конфиденциальность».

В соотнесении с речевыми ситуациями на конкретных этапах медиации и в конкретных обстоятельствах взаимодействия сторон и медиатора простые дефиниции конфиденциальности становятся дискурсивно релевантными речевыми комплексами, необходимыми для создания условий для открытого и безопасного диалога в стенах комнаты, в которой проходит медиативная сессия. Медиатор говорит, например:

«Все записи, которые ведет медиатор для заметок в процессе работы, уничтожаются».

И действительно уничтожает записи на глазах сторон в конце медиативной сессии. Ю.А. Яковлева особо подчеркивает на курсах медиации, что у медиатора

нет материалов ни по какому спору: *«Не храним. Максимум – текст соглашения в компьютере. Дела не смотрю».*

Нарушение принципа конфиденциальности имеет последствия для профессиональной репутации медиатора. Законодательством не предусмотрена ответственность недобросовестного медиатора за раскрытие полученной от сторон информации, «при нарушении принципа конфиденциальности стороны могут обратиться в суд для восстановления своих прав, однако для медиатора в его непосредственной деятельности никаких последствий не будет» [Дербишева, 2021, с. 120]. В настоящий момент «санкции за нарушение профессиональной этики могут быть применены только СРО медиаторов в отношении своих членов» (СРО – саморегулируемые организации) [Правосудие. Медиация…, 2016, с. 108]. Разговоры о дополнении законодательства специальной нормой, предусматривающей ответственность в виде штрафа или запрета на осуществление деятельности медиатора, пока ведутся [Дербишева, 2021, с. 120].

В отрыве от правовых нюансов принципа конфиденциальности обратим внимание на невозможность видео- и аудиофиксации всего, что происходит в ходе процедуры медиации, на ограниченный круг (а точнее, треугольник) участников и невозможность стенографирования речей медиатора на медиации для их последующего анализа. В связи с отмеченным возникает вопрос относительно лингвистических исследований медиации по материалам скриптов записей медиационных сессий. Если это реальные видеозаписи, размещенные в свободном доступе в Интернете или взятые из архивов учреждений, то мы имеем дело с нарушением профессиональной этики медиатора. Здесь даже не идет речь об утечке информации, поскольку сама возможность выхода информации из стен помещения, где проводится медиация, недопустима. Если же профессиональная этика медиатора не нарушена, то в публичном доступе можно взять только учебные видео якобы «проведенных» процедур медиации – в этом случае видео являются постановочными, а «скрипты» представляют собой вторичные тексты, специально подготовленные для анализа в учебных целях, а потому обработанные, сглаженные.

Особенности доступа к информации в профессиональной сфере медиации определяют выбор методов и эмпирической базы лингвистического исследования. В сфере, которая не является полностью открытой для общественности, допустимо лишь исследование «изнутри», когда исследователь становится одним лицом с испытуемым. Так, большая часть цитируемых в данной работе исследований – это саморефлексия самих медиаторов (А.Н. Азарнова, О.В. Аллахвердова, Т. Дронзина, Ю.А. Дубинина, Е.Н. Иванова, Л.М. Карнозова, А.Д. Карпенко, А.Ю. Коновалов, Р.Р. Максудов, Т.И. Марголина, Л.А. Соболева Ц.А. Шамликашвили, Ю.А. Яковлева и др.). Материалом исследования могут выступать языковые и речевые единицы, анализируемые в процессе профессиональной подготовки медиаторов (в том числе автором данного исследования), фиксируемые во время конференций, тренингов, слетов, мастер-классов, курсов повышения квалификации и других собраний профессиональных медиаторов. Материалом лингвистического анализа могут быть фрагменты речевой репрезентации профессионального дискурса медиации в Интернете: в блогах, в интернет-сообществах, на личных страничках медиаторов, в видеообращениях, в информационных постах медиаторов. Релевантным для дискурса медиации является сбор информации в результате интроспекции своего коммуникативного поведения в рамках собственной медиативной практики и в рамках тренинга по формированию медиативных речевых компетенций в ситуациях, близких к реальным, но не являющихся конфиденциальными.

Анализ принципа конфиденциальности в коммуникативном поведении медиатора показывает, что соблюдение этого принципа не касается только лишь практики общения участников медиации (медиатора и сторон) между собой в рамках дискурса медиации, но имеет выход за пределы процедуры медиации, в диалог с социумом: широкой общественности нет свободного доступа к информации медиационных сессий.

2.3.2 Принцип беспристрастности и независимости медиатора

Формулировка принципа взята из Закона о медиации [Об альтернативной процедуре…, веб, ст. 3], другим вариантом названия является **принцип нейтральности медиатора**: *«это такое правило, согласно которому медиатор в ходе проведения примирительной процедуры стремится к равному и справедливому отношению к сторонам, а также не находится в организационной, функциональной и (или) иной прямой или опосредованной зависимости от сторон*» [Комментарий к Федеральному закону…, 2012, с. 56].

Многоаспектность принципа отражается в русском языке в выборе номинативных единиц, которые по-разному сочетаются и взаимозаменяются в разных источниках: *«нейтральность и беспристрастность»*, *«независимость и беспристрастность»*, или просто *«нейтральность»*. Рассмотрим аспекты принципа, исходя из семантики описывающих его слов.

Беспристрастность: от «беспристрастный» – чуждый пристрастия, предубеждения, справедливый, непредвзятый. Беспристрастность вербально выражается, например, во вступительном слове медиатора:

«Будучи нейтральным (нейтральной), я выступаю организатором переговоров между Вами, Маргарита Павловна, и Вами, Иван Иванович, так, чтобы вы могли высказать все, что считаете нужным».

«Равноудаленность» прослеживается в одинаковом обращении к обеим сторонам, без каких-либо преференций, сопровождается одинаковыми невербальными средствами: медиатор не изменяет одинаковое пространственное положение по отношению к сторонам, наблюдается одинаковая жестикуляция, а также одинаковая зрительная и кинетическая обращенность к обеим сторонам или к каждой стороне в равной мере.

Независимость: от «независимый» – не находящийся в чьей-либо власти, в чьем-либо подчинении и выражающий самостоятельность в поведении, действиях, не связанный с чем-либо, обособленный. В Законе о медиации прописано, что медиатор не вправе быть представителем какой-либо стороны, оказывать какой-

либо стороне юридическую, консультационную или иную помощь, осуществлять свою деятельность, если он лично заинтересован в ее результате, в том числе если он состоит с одной из сторон в родственных или иных отношениях [Об альтернативной процедуре…, веб, ст. 15, п. 6]. Независимость проявляется вербально на этапе подготовки сторон к медиации, когда медиатор сообщает, что он *«**не состоит в близких или родственных отношениях**»* ни с одной из сторон, *«**не является судьей**»*, то есть не зависим от суда, и «***не принимает решения, кто прав и кто виноват***», что он «***не заинтересован в том, чтобы ситуация разрешилась в пользу одной из сторон***». Высказанные в перформативном ключе положения, касающиеся независимости медиатора, соблюдаются в ходе всей процедуры медиации.

Нейтральность: от «нейтральный» – придерживающийся нейтралитета, не примыкающий ни к одной из сторон. Нейтральность нередко рассматривается как объединяющее понятие, включающее беспристрастность и независимость [Комментарий к Федеральному закону, 2012, с. 60]. Нейтральность чаще всего используется для номинации принципа и, действительно, в интерпретации профессиональных медиаторов трактуется как *«безоценочное принятие ситуации каждой из сторон, их поведения и их видения этой ситуации»*, как *«отсутствие критики и морализирования»*, то есть как «беспристрастность», а также, например, как безэмоциональность, то есть «независимость» от эмоций.

Вербальное проявление нейтральности наблюдается на этапе подготовки сторон к медиации, когда медиатор раскрывает содержание принципа, например:

«Медиатор – не судья, как медиатор я не принимаю решения, кто из вас прав и кто виноват, не оцениваю доказательства. Я не состою в близких или родственных отношениях ни с Вами, Иван Иванович, ни с Вами, Маргарита Павловна. Будучи нейтральной, я выступаю организатором переговоров между Вами, Маргарита Павловна, и Вами, Иван Иванович, так, чтобы вы могли высказать все, что считаете нужным, чтобы вы могли услышать друг друга. Я не заинтересована в том, чтобы ситуация разрешилась в пользу кого-то из вас».

Приведенный пример – образец эксплицитного перформативного высказывания: здесь мы наблюдаем употребление местоимения *я*, перформативных глагольных конструкций, выражающих желаемое (*«я стараюсь организовать встречу»*), предполагаемое (*«я присоединяюсь»*) и существующее (*«не принимаю решения»*, *«не заинтересован»*, *«не состою»*) положение дел. В вербальных действиях медиатора прослеживаются основные характеристики эксплицитного перформативного высказывания по В.В.Богданову [Богданов, 1990, с. 59–61]: медиатор сообщает о характеризующих его в данный момент действиях (эквиакциональность и эквитемпоральность), которые следует принять как данность (неверифицируемость), высказывание отсылает к самому медиатору и к описанию его функций в процедуре медиации (автореферентность и автономинативность), сообщение определяет условия взаимодействия в переговорах (компетентность как наличие условий правомочности у медиатора).

Вербальные проявления нейтральности наблюдаются и в таких фрагментах речи медиатора, которые выражают специальные технологические приёмы медиации: эхо-техника, резюме и развитие идеи. Медиатор внимательно выслушивает стороны (сначала одну, потом другую) и дает обратную связь в виде максимально подробного пересказа фактов конфликтной ситуации с уточнением правильности понятого, например:

«Другими словами, Вы считаете, что при выборе духов очень важны форма флакона и цвет коробки. Это так?»

«Вы требуете разумную оплату за ущерб, да?»

«Правильно ли я вас понимаю, что Вам надо время, чтобы подумать?»

«И вы бы хотели сообщить ему об этом без свидетелей, так?»

Медиатор «возвращает» реплику стороны, не интерпретируя сказанное и акцентируя внимание на фактах. Нейтральность проявляется здесь в выделении объективной информации – того, что действительно произошло:

Сторона: *«Да. Я действительно взяла деньги из сейфа. Дверца была открыта, и когда я увидела тысячные бумажки, то подумала, что они так нужны мне сегодня, а в понедельник будет зарплата, и я их туда положу, так что никто*

ничего не успеет заметить... это было словно затмение, помутнение какое-то... ведь я могла сразу купить маме необходимое лекарство. Я даже не подумала, что это был огромный риск...»

Медиатор: *«То есть вы надеялись, что ваша кража останется безнаказанной, и поэтому взяли деньги?»*

Реплика медиатора состоит из ряда объективных утверждений, репрезентативов, избавленных от обрамляющих их в речи медианта экспрессивов. Лишенное эмоций и домыслов высказывание медиатора звучит нейтрально и не выражает его предвзятости. Медиатор здесь – беспристрастный посредник, пытающийся со стороны извлечь объективную информацию.

Своим пересказом медиатор отделяет факты от эмоций и от субъективной интерпретации сторон. Для обозначения и отработки эмоций медиатор использует конструкции: *«я вижу, вы расстроены», «я вижу, вас это задело», «я слышу, вы обижены тем, что ...»*, давая понять стороне, что ее услышали.

На уровне отдельных фраз нейтральность выражается не только в отработке эмоций конфликтующих, но и в сообщении медиатора о себе и собственном состоянии:

«Мне жаль, что все так сложилось».

К примеру, когда медиатора обвиняют в предвзятости, его реакцией может быть нейтральное сожаление о сложившемся впечатлении сторон относительно его пристрастности:

«Правильно ли я понимаю, что после того, как я сказал (сказала) <...>, у Вас, Маргарита Павловна, сложилось впечатление, что я поддерживаю Ивана Ивановича? Мне жаль, что у Вас сложилось такое впечатление. Давайте решим, сможем ли мы работать дальше».

Когда медиатора стараются привлечь на свою сторону, медиатор напоминает: *«Я являюсь нейтральным»*. Нейтральность в речи медиатора выражается в прямом или косвенном цитировании Закона о медиации:

Сторона: *«Скажите, если я обращусь в суд с иском против него, каковы мои шансы выиграть дело?»*

Медиатор: *«Я понимаю ваше желание ясно понимать, каковы ваши шансы разрешить спор посредством чисто юридических механизмов. Однако вынужден отказать вам в предоставлении этой информации».*

Сторона: *«Но ведь по основной профессии Вы юрист!»*

Медиатор: *«Да, это так. Однако в соответствии с принципами медиации* ***медиатор не имеет права консультировать стороны по юридическим, психологическим и иным вопросам****, какова бы ни была его основная профессия. Поэтому, я полагаю, с этим вопросом вам лучше обратиться к другому юристу».*

Нейтральность позиции медиатора не утрачивается в конструкциях, четко разграничивающих медиатора и стороны: *«вы выслушали друг друга»*, *«вы обозначили темы» / «вам удалось найти»*, *«теперь у вас есть возможность задать друг другу вопросы» / «у меня есть необходимость побеседовать с вами индивидуально»*. В лексическом плане нейтральность в речи медиатора проявляется в использовании нейтральной, межстилевой лексики, лишенной экспрессии, эмоциональных оценок и предназначенной для констатирующего обозначения. В ряде случаев медиатор выступает в роли «переводчика», осуществляя перевод лексики из одного речевого регистра в другой для обеспечения понимания сторонами друг друга:

Сторона: *«Не, проверка через неделю... я очкую».*

Медиатор: *«У вас много опасений в связи с этой проверкой».*

Нейтральность на фонетическом уровне наблюдается в целом ряде так называемых «звуковых вставок» [Богданов, 1990, с. 7], «вокальных жестов» [Шаронов, 2009, с. 5], звуковых реакций, позволяющих отреагировать на реплики сторон безэмоционально и без вмешательства в содержание услышанного. Здесь встречаются сигналы внимательного слушания, выраженные частицами и отдельными словами: *да-да, угу, гм*, причем *да-да* не выражает согласия с репликой стороны, а говорит лишь о поддержании контакта в процедуре медиации, показывает, что медиатор слушает, а не просто молчит. *Угу* также используется в качестве нейтрального звукового жеста и означает здесь «слышу, готов дальше слушать». Наблюдается использование союзов в качестве отдельных реплик,

которые поддерживают говорящего. Такие союзы не вырваны из контекста, их функция заключается в том, чтобы стороны продолжали высказываться: *«и …», «то есть …».* Лингвистический статус рассматриваемых звуковых реакций неоднозначен. В. В. Богданов, к примеру, относит *угу, гм* к невербальным речевым сигналам, которые встраиваются в вербальное общение [Богданов, 1990, с. 7], однако в профессиональном языке медиаторов данные единицы выступают в качестве самостоятельных реплик, несущих определенное значение. Выражаемое звуковыми репликами значение не связано с согласием и поддержкой сторон медиации, то есть нейтрально по отношению к тому, что говорят стороны.

Беспристрастность и независимость медиатора отражаются в его невербальном поведении: в кинетических, зрительных и пространственных сигналах, которые вольно или невольно передаются медиатором в процессе медиации. В первую очередь нейтральность отражается в установлении пространственного положения медиатора и сторон. Медиатор, как правило, сидит за столом перед медиантами, то есть на дистанции. Стороны находятся друг от друга на расстоянии, которое в ходе урегулирования спора чаще всего сокращается по неосознаваемой воле конфликтующих сторон. Пространственное положение трех сторон в процедуре медиации может быть представлено в виде равностороннего треугольника, который становится равнобедренным, где медиатор представляет острый угол, при успешном ходе медиации, когда стороны сближаются. Нейтральность медиатора здесь проявляется в неизменности соблюдаемой дистанции.

Медиатор сидит в естественной открытой позе, с прямой спиной, в меру расслаблен. Голова нередко наклонена набок – в знак внимательного слушания. Руки лежат на столе или направлены к собеседникам – наблюдается скромная сдержанная жестикуляция кистью руки к обеим сторонам медиации или к каждой по отдельности в равной мере, чтобы не показывать преимущественного участия в диалоге одного из медиантов. Здесь принцип нейтральности сочетается с принципом равноправия сторон. Соблюдение обоих принципов наблюдается в таком жесте, как кивок головой в знак предоставления слова каждой из сторон, но

не в знак одобрения сути сказанного, наклон в сторону говорящего медианта, паузы и взгляд, приглашающие продолжать высказываться.

Беспристрастное отношение медиатора к обеим сторонам выражается в зрительных сигналах. Медиатор держит обе стороны во внимании, его взгляд выражает заинтересованность и непредвзятое отношение к той или другой стороне, что отражается в обязательной обращенности медиатора к обеим сторонам в равной степени.

Нейтральность медиатора проявляется в мимических движениях лица. Мимика здесь не является внешним проявлением чувств и эмоций медиатора в процессе общения, не является отражением дополнительных коннотаций и экспрессии медиатора по поводу услышанной ситуации и по поводу его собственного отношения к медиантам, а представляет собой предмет непременного самоконтроля. Нейтральность мимики отнюдь не проявляется в застывшем лице и демонстрации отрешенности – напротив, медиатор выражает заинтересованность и открытость, вместе с тем он абстрагируется от конфликта, чтобы нейтрально управлять ходом переговоров конфликтующих сторон.

В ходе медиации коммуникативное поведение медиатора каждый раз подвергается проверке на соответствие принципу нейтральности, так как стороны в решении своего вопроса нередко пытаются привлечь медиатора в качестве союзника. Здесь важным является **неприсоединение медиатора к сторонам как ценностный ориентир коммуникативного поведения**. Опытные медиаторы на курсах медиации раскрывают базисные идеи нейтральности в ряде запретов:

«Не надо идти на поводу (у сторон), не надо вестись, они (стороны) *захотят сделать медиатора управляемым».*

«Не втягиваться в перепалку, в полемику; как только (медиатор) *втягивается,* (у медиатора) *появляется свой интерес».*

Анализируя примеры в речи медиатора, связанные с проявлением исследуемого принципа, и оценивая собственное коммуникативное поведение в ходе процедуры медиации, мы склонны рассматривать присоединение к сторонам в медиации как «жесткое коммуникативное табу», в терминологии И.А. Стернина

– это «коммуникативная традиция избегать определенных языковых выражений или затрагивания определенных тем общения в тех или иных коммуникативных ситуациях» [Стернин, 2000 (а), с. 7–8].

В теоретическом аппарате коммуникативного поведения выделяются речевые и тематические табу [Стернин, 2000 (а); 2000 (б)]. Однако табу – это все же «не специфически языковое явление»: бывают табу на те или иные акты поведения, контакты с определенными людьми, употребление какой-либо пищи, питья, употребление некоторых предметов и материалов [Языкознание, 1998]. Для табу «присоединения» в профессии медиатора, на наш взгляд, значимыми оказываются не только языковые и речевые нарушения нейтральности, но также невербальные проявления пристрастности и зависимости от сторон (звуки, жесты, мимика), пространственно-временные сигналы нарушения нейтральности медиатором, а также экстралингвистические факторы, относящиеся к организации процедуры медиации и допустимости участия медиатора в конкретном споре.

Обращение к дискурсивно релевантным речевым комплексам в речевой практике языковой личности медиатора и анализ рефлексий практикующих медиаторов позволили нам в рамках данного исследования вывести свою классификацию запретов для коммуникативного поведения медиатора, ориентирующих медиатора в соблюдении принципа беспристрастности и независимости. Так, нарушение коммуникативной нормы нейтральности может быть сформулировано в следующих запретах присоединения к сторонам:

1. Вербальные (языковые и речевые) запреты

Для классической медиации нейтральность речи медиатора проявляется в использовании межстилевой, нейтральной лексики, которая лишена экспрессии, эмоциональной оценки. Запрещены нецензурные, грубые слова, слова-конфликтогены и лексика, находящаяся за пределами литературной нормы. Оговорка «для классической медиации» не случайна, так как, например, в трансформационной медиации медиатором используется коммуникативная техника «отражения», предполагающая «по возможности точное повторение сказанного участником», при этом воспроизводятся «не только слова, но и уровень

энергетики, внутреннего напряжения говорящего» [Гордийчук, 2014, с. 46], однако медиатор здесь избегает отождествления с участником, отражение используется, скорее всего, для демонстрации конфликтующих со стороны.

Табуированными в речи медиатора являются непонятные слова и слова, допускающие множество толкований. Например, в процессе медиации не используется слово *кокус*, а употребляются его более понятные аналоги: *индивидуальная беседа*, *индивидуальная встреча*. В ходе перефразирования реплик медиатором используются более понятные слова, так как в переговорах медиатор фактически является переводчиком с языка одной стороны на язык другой стороны (даже в рамках одного естественного языка) и переводчиком с языка эмоций на нейтральный язык для установления конструктивного диалога сторон.

Вербальные запреты касаются выбора местоимений, глагольных форм и частиц. Например, категорически запрещается использовать местоимение «мы» и формы глаголов второго лица множественного числа: *мы выяснили*, *мы выслушали мнение сторон*, *перейдем к рассмотрению* и пр. Жесткое табу накладывается на употребление модальной частицы *давайте*, несущей значение приглашения к совместному действию. Медиатор не должен присоединяться к сторонам и переставать быть нейтральным даже в своих звуковых реакциях. Например, употребление сигнала внимательного слушания, выраженного дискурсивным маркером *да-да*, может восприниматься как согласие с одной из сторон, а значит, и как потеря нейтральности.

В работе с эмоциями сторон медиатор не может использовать двусмысленные фразы, конструкции в сослагательном наклонении с частицей *бы*, например, *«я хотел бы», «хорошо было бы»,* и фразы, создающие впечатление присоединения к одной из сторон или к обеим сторонам конфликта, например: «*я понимаю ваши чувства»*; «*я бы тоже обиделся (обиделась)»*; «*я согласен (согласна) с Вами»* и пр. Недопустимыми в речи медиатора являются фразы: «*Зачем Вы так ко мне относитесь?*», «*Вы меня обвиняете?*», «*Не надо так со мной обращаться!*».

2. Тематические запреты

В Законе о медиации прописано, что медиатор не вправе оказывать какой-либо стороне юридическую, консультационную или иную помощь <…> [Об альтернативной процедуре…, веб, ст. 15, п. 6]. Табуирование тематики определяется смежными сферами деятельности, влияние которых недопустимо в медиации. Медиатор сообщает сторонам, что он не зависим от суда, не является судьей и не принимает решения, кто прав и кто виноват. Медиатор не советует и не консультирует как психолог и не подсказывает решение как педагог.

Тематическое проявление нейтральности касается безоценочного принятия ситуации каждой из сторон, отсутствия оценки поведения сторон и их видения ситуации, недопустимости критики и морализирования. Тематический запрет касается изменения психологической установки медиатора. Как пишет Е.Н. Иванова, «обучение медиаторов оказывается особенно сложным, потому что медиативный подход не совпадает с привычной и кажущейся нормальной установкой на оценивание с точки зрения “хорошо-плохо”, “правильно-неправильно” и принятия ответственности за решение проблемы сторон на себя» [Иванова, 2021 (в), с. 511].

3. Невербальные запреты (звуковые, мимические, жестовые)

Для медиатора не допустимы звуковые проявления эмоций. Беспристрастность медиатора трактуется, среди прочего, как безэмоциональность [Киндеркнехт, 2022 (в)], независимость от любых эмоций: радости, страха, гнева и пр. «В звучащей нормальной речи современных людей эмоциональная составляющая вполне хорошо заметна» [Звуковой язык эмоций…, 2014, с. 83], однако профессиональное требование нейтральности по отношению к сторонам табуирует эмоциональные сигналы медиатора. Наряду со звуковыми проявлениями эмоций табуируются мимические реакции, а также неравная зрительная обращенность к сторонам, то есть те движения мышц лица, которые могут создать впечатление присоединения медиатора к сторонам спора. Мимика медиатора нейтральна, однако «нейтральность мимики отнюдь не проявляется в застывшем лице и демонстрации отрешенности – напротив, медиатор выражает

заинтересованность и открытость, вместе с тем он абстрагируется от конфликта, чтобы нейтрально управлять ходом переговоров конфликтующих сторон» [Киндеркнехт, Яковлева, 2020, с. 91].

Наблюдения за дискурсивными проявлениями языковой личности медиатора и за оценкой коммуникативновго поведения медиатора со стороны тренеров медиаторов, то есть со стороны представителей профессионального сообщества, показали, что к невербальным запретам относится активная жестикуляция, недопустимым является использование в общении такесических средств, таких как похлопывание по плечу, разного рода динамических прикосновений. Отсюда – следование медиатора негласным директивам, определяющим его невербальное поведение: жесты должны быть в равной мере обращены к двум сторонам; медиатору следует соблюдать одинаковое пространственное положение по отношению к сторонам, должна быть одинаковая кинетическая обращенность к обеим сторонам. В Комментарии к Закону о медиации беспристрастность относится к *«персональному восприятию медиатора участниками спора»; действовать беспристрастно означает «быть объективным и справедливым по отношению к каждой из сторон, быть «равноудаленным» от них; отмечается, что «мерой беспристрастности (как субъективной категории) выступают не столько персональные ощущения медиатора, сколько восприятие сторон»* [Комментарий к Федеральному закону…, 2012, с. 60].

4. Пространственно-временные запреты

Табуируется неравная дистанцированность от сторон, создающая впечатление каких-либо преференций. Медиатор должен соблюдать равноудаленную дистанцию по отношению к сторонам.

Принцип нейтральности касается не только невербального поведения медиатора, но и процедурных аспектов медиации. Так, для обеспечения равноправного участия сторон в переговорах медиатор не должен уделять какой-либо стороне больше времени. В ходе переговоров у сторон должны быть равные временные возможности для высказывания. Примером соблюдения временной

нейтральности является дискурсивно релевантный комплекс: *«У Вас была возможность высказаться, давайте послушаем другую сторону».*

Помимо соблюдения равенства здесь медиатор показывает, что у него нет преференций по отношению к одной из сторон. Вербальной объективацией принципа беспрстрастности и независимости является соблюдение баланса кокусов, когда в ходе индивидуальных встреч время, потраченное на одну сторону, должно быть равно времени, потраченному на другую сторону. Например, медиатор говорит: *«У нас были индивидуальные беседы. С Вами, Ирина, мы были в индивидуальной беседе 20 минут, а с Вами, Петр, мы были в индивидуальной беседе 15 минут. У вас, Петр, есть возможность побеседовать со мной индивидуально еще 5 минут».*

5. Организационные запреты

Организационные запреты присоединения к сторонам касаются прописанных в законе условий осуществления медиатором своей профессиональной деятельности. Медиатор не вправе вносить предложения об урегулировании спора [Об альтернативной процедуре…, веб, ст. 11, п. 5], *«при проведении процедуры медиации медиатор не вправе ставить своими действиями какую-либо из сторон в преимущественное положение, равно как и умалять права и законные интересы одной из сторон»* [Об альтернативной процедуре…, веб, ст. 11, п. 7], медиатор не вправе быть представителем какой-либо стороны, не вправе осуществлять свою деятельность, если он «лично (прямо или косвенно) заинтересован в ее результате» [Об альтернативной процедуре…, веб, ст. 15, п. 6], если состоит с одной из сторон в родственных отношениях или находится «в организационной, функциональной и (или) иной прямой или опосредованной зависимости от сторон» [Комментарий к Федеральному закону…, 2012, с. 56].

Рассмотренные запреты связаны с неприсоединением как аксиологическим ориентиром коммуникативного поведения медиатора. Присоединение медиатора к сторонам отрицательно оценивается профессиональным сообществом медиаторов. В Федеральном законе о процедуре медиации прописано: если в ходе медиации возникают обстоятельства, которые могут повлиять на независимость и

беспристрастность, то медиатор «незамедлительно обязан сообщить об этом сторонам» [Об альтернативной процедуре…, веб, ст. 9, п. 3]. В комментарии к закону отмечается, что при наличии согласия всех участников медиации примирительная процедура может продолжаться [Комментарий к Федеральному закону…, 2012, с. 60]. Однако очевидное присоединение медиатора к разбираемой на медиации проблеме, его эмоциональная вовлеченность влекут за собой императивное требование прекращения процедуры медиации и предложение сторонам выбрать другого посредника.

Соблюдая принцип нейтральности, медиатор не должен быть заинтересован в разрешении ситуации, не должен эмоционально вовлекаться в рассматриваемую проблему и не должен давать никакого намека на присоединение к сторонам. Однако медиатор все же остается человеком, который не может не чувствовать и не иметь своего отношения. В этом противоречии заключается трудность самоконтроля и саморефлексии медиатора как представителя профессионального сообщества. Как пишет медиатор Ю.А. Дубинина, *«сложность для медиатора заключается в том, что он должен остаться нейтральным, при этом безусловно принимать позицию сторон и быть эмпатичным»* [Дубинина, 2021, с. 24].

В результате изучения проявления принципа беспристрастности и независимости в коммуникативном поведении медиатора мы выявили, что неприсоединение к сторонам в их самостоятельном решении конфликтной ситуации – это аксиологическая доминанта, одна из базисных идей профпригодности медиатора.

2.3.3 Принцип добровольности

Согласно принципу добровольности, *«вступление всех спорящих сторон в процесс медиации является добровольным, а медиатор – свободно выбранным <…>»*, никто не может заставить стороны участвовать в медиации, если они этого не хотят по какой-либо причине, *«все решения принимаются только по взаимному*

согласию сторон», *«каждая сторона в любой момент может отказаться от медиации и прекратить переговоры»* [Аллахвердова, 2006, с. 39].

В Комментарии к Закону о медиации отмечено, что действие принципа добровольности проявляется на всех этапах и стадиях медиации и распространяется как на стороны, так и на медиатора. В отношении сторон действие принципа проявляется в следующем: начало медиации осуществляется *«исключительно на основе взаимной договоренности сторон»*; продолжение медиации зависит *«исключительно от волеизъявления сторон, каждая из которых в любой момент вправе прекратить примирительную процедуру»*; *«поиск приемлемых подходов к урегулированию спора осуществляется без какого-либо внешнего давления»*; медиативное соглашение подлежит исполнению на добровольной основе, *«на сегодняшний день российским законодательством не предусмотрены способы принудительного исполнения медиативного соглашения»* [Комментарий к Федеральному закону…, 2012, с. 44–49].

Как отмечают медиаторы, *«если одна из сторон пришла добровольно, а вторая – под давлением, ее заставили, или она не верит в эффективность предстоящего процесса и т.п., прежде чем начинать медиацию, медиатор должен обязательно обсудить вопрос добровольности и постараться добиться последней от второй стороны»*, иначе *«сторона, которая не подтвердила свое добровольное участие в самом начале, в любой момент может вам сказать: “а я и не хочу решать нашу проблему, вы просто меня заставили, и поэтому я здесь сижу”»* [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 22–23]. Обеспечение действия принципа добровольности является одной из профессиональных обязанностей медиатора, «обязательным признаком» и «условием осуществления» медиации [Комментарий к Федеральному закону…, 2012, с. 54–55]. Процесс медиации, как отмечается, *«характеризуется тем, что именно **сами спорящие стороны**, **добровольно участвуя** в процедуре урегулирования, совместными усилиями вырабатывают возможные варианты решения проблемы»*, медиатор никаких готовых решений им не навязывает, *«он лишь ведет и направляет процесс взаимодействия сторон,*

создавая условия для лучшего понимания спорящими как самих себя, так и друг друга» [Шамликашвили, 2017 (б), с. 14].

Со стороны сторон добровольность выражается также в свободном выборе медиатора: *«Для проведения процедуры медиации стороны по взаимному согласию выбирают одного или нескольких медиаторов»* [Об альтернативной процедуре…, веб, ст. 9, п. 1]. По закону, медиатор – независимое физическое лицо, ***«привлекаемое сторонами»*** в качестве посредника [Об альтернативной процедуре…, веб, ст. 2, п. 3]. Добровольно принимаются сторонами «услуги того или иного медиатора на какой-то части процесса или в течение всей процедуры» [Вишневская, 2009, с. 13].

В отношении медиатора принцип добровольности проявляется в праве медиатора отказаться от вступления или от продолжения медиации [Комментарий к Федеральному закону…, 2012, с. 55]. Думается, что желание медиатора отказаться от медиации связано с невозможностью сохранения нейтральности, когда, например, медиатор чувствует, что начинает эмоционально вовлекаться в конфликт сторон, и когда он понимает, что ему трудно будет сохранить нейтральность дальше.

Вербальное проявление принципа добровольности обнаруживается на начальном этапе процедуры медиации во вступительном слове медиатора, когда медиатор знакомит стороны с основными принципами медиации. Так, медиатор сообщает о принципе добровольности участия сторон и поясняет суть принципа добровольности:

«<…> Для того чтобы работа над разрешением конфликта была успешной, важно, чтобы вы пришли на медиацию по доброй воле, без насилия, давления и принуждения. Скажите, пожалуйста, Иван Иванович, Вы по доброй воле пришли сегодня на медиацию?... Спасибо. Вы, Мария Петровна, по доброй воле пришли сегодня на медиацию?... Спасибо. Добровольность участия означает также то, что Вы, Иван Иванович, и Вы, Мария Петровна, свободны в принятии решения о выходе из переговоров и в любой момент медиации можете принять решение о прекращении своего участия в ней. Действие принципа добровольности выхода из

медиации распространяется также и на меня как медиатора: медиатор покидает переговоры в ситуации, когда не видит перспектив ее мирного разрешения в силу неготовности сторон к конструктивной работе. Вам понятно содержание принципа добровольности, Иван Иванович?.. Спасибо. Вам, Мария Петровна? Благодарю вас».

Как видим, здесь медиатор максимально детально дефинирует добровольность для достижения адекватности понимания принципа: *по доброй воле – без насилия – без давления – без принуждения*. Медиатором контролируется добровольный приход на медиацию в запросе информации на добровольность: *«Вы по доброй воле пришли сегодня на медиацию?»* Медиатор объясняет, что добровольность содержательно касается выхода сторон из переговоров: *«свободны в принятии решения о выходе из переговоров и в любой момент медиации можете принять решение о прекращении своего участия в ней»*. Объяснение добровольности касается и участия медиатора в медиации: *«медиатор покидает переговоры в ситуации, когда не видит перспектив ее мирного разрешения в силу неготовности сторон к конструктивной работе»*. Данный содержательный аспект принципа выражается в следующих речевом комплексе:

«Все стороны принимают участие в данных переговорах добровольно. Я также нахожусь здесь добровольно и могу прервать переговоры в том случае, если увижу, что вы пришли сюда не договариваться, а с иными целями. Вы тоже можете прервать переговоры в любой момент без объяснения причин, если что-то, по вашему мнению, пойдет не так».

Первое высказывание представляет собой репрезентатив, это констатация, но со скрытым директивным посылом. Медиатор создает условия для переговоров и контролирует соблюдение этих условий. Во втором речевом акте медиатор оговаривает условия, при которых он может сам прервать переговоры сторон, которые пришли на медиацию, чтобы ***договариваться*** – цель, достижению которой медиатор содействует.

В Комментарии к Закону о медиации обращается внимание на то, что медиатор «обязан удостовериться, что стороны участвуют в медиации

добровольно», так как процедура не может продолжаться, «если есть основания полагать, что одна из сторон участвует в медиации против своей воли» [Комментарий к Федеральному закону, 2012, с. 54–55]. Медиатор контролирует понимание каждого фрагмента содержания принципа добровольности, запрашивая обратную связь у сторон, и, в случае необходимости, дает необходимые разъяснения:

«Вам понятен принцип добровольности, Мария? Вам понятен принцип добровольности, Игорь?»

Медиатор контролирует соблюдение принципа добровольности на протяжении всей процедуры медиации, отслеживает добровольность принятия решений, напоминает сторонам о возможности прекращения медиации, о возможности выбора другого медиатора. Например, отслеживая реакции сторон, медиатор спрашивает:

«Правильно ли я понимаю, что продолжение переговоров Вы считаете нецелесообразным»?

И, в случае положительного ответа, продолжает:

«Переговоры могут быть прерваны по вашему (и моему) желанию/воле…»

Принцип добровольности сторон подчеркивается медиатором в обозначении границ ответственности участников медиации, так, медиатор ограничивает свою зону ответственности:

«Я как организатор переговоров несу ответственность за то, чтобы диалог между вами был конструктивным и соответствовал вашим интересам, а ответственность за то, придете ли вы к соглашению, лежит только на вас. Ответственность за исполнение принятого соглашения также лежит только на вас. Никто не принимает решения за вас».

Самостоятельность в принятии решений сторон подчеркивается в нейтральных репликах медиатора:

«Посоветоваться с медиатором тоже нельзя».

«По закону, медиатор не имеет права консультировать».

«По этому поводу закон говорит следующее: …»

Медиатор контролирует соблюдение принципа добровольности не только в принятии решений сторонами, но и в утверждении правил проведения процедуры медиации:

«Вы готовы работать в соответствии с этим правилом, Мария Ивановна?.. Спасибо. Вы готовы работать в соответствии с этим правилом, Иван Иванович?.. Спасибо».

Контролируя добровольность участия сторон в процедуре медиации и содействуя сторонам в их добровольном принятии решений, медиатор рискует нарушить баланс вмешательства в переговорах сторон, ему, по образному замечанию А.Н. Азарновой, «предстоит пройти между Сциллой излишнего вмешательства в диалог сторон и Харибдой самоустранения» [Азарнова, 2015, с. 169]. С принципом добровольности связана содержательная недирективность коммуникативного поведения медиатора: стороны сами принимают решения, медиатор не рекомендует, не советует, не подсказывает и даже косвенно не подводит стороны ни к какому решению.

2.3.4 Принцип сотрудничества и равноправия сторон

Принцип раскладывается на два принципа, которые чаще всего рассматриваются вместе: «В процессе поиска вариантов урегулирования спора стороны должны содействовать друг другу в достижении конечного результата. Равноправие сторон обеспечивается тем, что ни одна из сторон не имеет преимуществ по отношению к другой, в медиации стороны имеют равные возможности» [О медиации, веб].

Равноправие – обладание равными, одинаковыми с кем-либо правами, равное положение [Большой толковый словарь русского языка, 2000], в медиации понимается как *«равные права при выборе медиатора, процедуры медиации, собственной позиции и средствах ее отстаивания, а также и в оценке приемлемости условий соглашения об урегулировании конфликта»* [Дронзина, 2015, с. 108]. Как пишет О.В. Аллахвердова, *«ни одна из сторон не имеет никаких*

процедурных преимуществ, обеим предоставляется одинаковое право высказывать свои мнения, определять вопросы для переговоров, выдвигать предложения, оценивать их приемлемость, участвовать в составлении соглашения и иметь равное время для индивидуальной работы с медиатором» [Аллахвердова, 2006, с. 39].

В Комментарии к Закону о медиации особенно отмечаются два типа отношений в медиации: отношения между сторонами и отношения между сторонами и медиатором. Принцип равноправия затрагивает только отношения сторон медиации. Медиатор, как отмечается, «не вправе наравне со сторонами выдвигать темы для обсуждения, формировать повестку переговоров, инициировать привлечение иных субъектов, определять условия использования информации, участвовать в выработке условий соглашения», «роль медиатора заключается в управлении переговорным процессом» [Комментарий к Федеральному закону…, 2012, с. 65]. Медиатор, таким образом, следит за соблюдением принципа равенства сторон. Е.Н. Иванова подчеркивает, что *«медиатор обязан обеспечить всем участникам равные возможности для высказывания своей точки зрения, мотивов, позиции, отстаивания своих интересов, выдвижения и обсуждения предложений и участия в формулировании финального медиационного соглашения»* [Иванова, 2015 (б), с. 135].

Коммуникативным проявлением обеспечения равноправия является равная обращенность к сторонам в ходе процедуры медиации. Невербально это выражается в пространственной равноудаленности по отношению к сторонам, равные жестикуляция и зрительная обращенность. В вербальном поведении соблюдается равная обращенность, когда, например, каждую сторону спрашивают и дают возможность быть услышанной в равной мере: медиатор дает высказаться каждой стороне, обеспечивает равное участие в обсуждении проблемы, следит, чтобы продолжительность индивидуальных бесед была одинаковая, при решении процедурных вопросов и во вступительном слове спрашивает одинаковым образом обе стороны конфликта/спора:

«Вам понятно содержание этого принципа, Ольга Геннадиевна?.. Спасибо. А Вам, Мария Павловна, понятно ли Вам содержание этого принципа?.. Спасибо».

«Готовы ли Вы, Мария, соблюдать правила конструктивного общения на медиации?.. <…> Петр, а Вы готовы соблюдать правила конструктивного общения на медиации?»

«Вы присутствуете здесь добровольно?.. А Вы, Вы присутствуете здесь добровольно?»

Медиатор объясняет суть принципа равенства (равноправия) во вступительном слове процедуры медиации:

«<…> Равенство означает, что в процессе нашей работы над конфликтом вы имеете равные права и возможности, ни у Вас, Иван Иванович, ни у Вас, Мария Петровна, нет преимущества друг перед другом – ни по полу, ни по возрасту, ни по имущественному положению или уровню образования, или занимаемой должности, и я как медиатор буду относиться к вам одинаково; вы в равной степени будете иметь возможность высказываться, вносить предложения, обсуждать их, отвергать или принимать. В ходе медиации мы будем искать решения, которые в равной степени устроят и Вас, Иван Иванович, и Вас, Мария Петровна <…>»

Как видим из примера, медиатор подробно расписывает, что понимается под равенством в медиации: равные права и возможности в работе над конфликтом, отсутствие у сторон преимуществ друг перед другом в ходе процедуры медиации, равное право *«высказываться, вносить предложения, обсуждать их, отвергать или принимать»*, поиск взаимовыгодных решений. Отмечается равенство участия сторон в диалоге по отношению друг к другу и одинаковое отношение к медиантам со стороны медиатора. Реализация принципа наблюдается в самом высказывании: медиатор в равной степени обращается к обеим сторонам конфликта: *«и Вас, Иван Иванович, и Вас, Мария Петровна».*

Интерпретируя приведенный фрагмент вступительного слова медиатора, обратим внимание на использование притяжательного местоимения второго лица множественного числа в словосочетании «в процессе *нашей* работы над

конфликтом» и местоимения второго лица «мы» в объединяющей фразе «мы будем искать решения». Как было рассмотрено ранее в изложении принципа нейтральности, подобные словоупотребления могут создать впечатление присоединения медиатора к сторонам. Однако в данной конкретной ситуации медиатор счел допустимым использовать «мы» и «наш», понимая, что в контексте диалога принцип независимости и беспристрастности медиатора не нарушался.

Другой пример фрагмента вступительного слова медиатора:

«Принцип равенства означает, что все решения принимаются по обоюдному согласию. Обе стороны имеют одинаковую возможность в высказывании своей точки зрения, имеют равное право на общение с медиатором в индивидуальном порядке. Продолжительность индивидуальных бесед будет одинаковой. И Вы, Маргарита Павловна, и Вы, Олег Борисович, в равной степени можете предлагать решения по ситуации».

Иногда медиатор ограничивается кратким сообщением, не расписывая принцип подробно:

«Каждый из вас будет иметь равную возможность высказаться и быть услышанным».

Приведенный свернутый речевой комплекс является допустимым в конкретной ситуации на медиации. В отличие от принципа конфиденциальности, гарантирующей безопасность и требующей отдельного объяснения, для принципа равенства свернутое высказывание допустимо в связи с достижением коммуникативной ясности между коммуникантами.

Судя по рассмотренным примерам, принцип равенства сочетается с принципом нейтральности. При нарушении равенства сторон в процедуре медиации может сложиться впечатление о присоединении, эмоциональной вовлеченности медиатора, о его симпатии или сочувствии по отношению к одной из сторон. В результате может утратиться доверие к медиатору как нейтральному, независимому и беспристрастному посреднику. Концепт ДОВЕРИЕ определяет отношение сторон к медиатору и структурирует отношения медиатора со сторонами конфликта. Именно реализация данного концепта, связанная с

особенностями коммуникативного поведения медиатора, которые обусловливаются принципами медиации, делает актуальным обращение сторон к медиации. Концепт ДОВЕРИЕ в научной и методической литературе по медиации раскрывается в следующих контекстах: *повышение доверия к медиатору*, *увеличение доверия к медиатору*, *пользоваться доверием сторон конфликта*, *выстраивать доверие и рабочие отношения между противниками*. Доверие к медиатору связывается со способностью медиатора контролировать ситуацию, со снижением уровня эмоционального напряжения, отсутствие доверия – с ощущением небезопасности, напряжения, агрессии. Доверие расценивается как необходимое качество медиатора: медиатор *«должен вызывать доверие у спорщиков, они должны его уважать»* [Азбука медиации, 2011, с. 45], *«медиатору необходимо завоевать доверие и уважением сторон»* [Колбина, 2019, с. 17], *«медиатор не имеет права терять доверие любой из сторон»* [Брикхилл, 2018, с. 69].

К.А. Шумова, анализируя категорию «доверие» с точки зрения принципа медиации, пишет, что, учитывая формулу медиации «конфликт – диалог – согласие», содержанием медиации является переход взаимодействия сторон из состояния недоверия в доверие: «В процессе медиативного взаимодействия его стороны самостоятельно, исходя из своих интересов, ценностных предпочтений и наличных обстоятельств, осуществляют взаимные услуги и на этой основе устанавливают границы и условия совместного существования <…>» [Шумова, 2014, с. 204]. Установление доверия в медиации (доверия к медиатору и доверия по отношению к другой стороне) является основной предпосылкой сотрудничества сторон.

Сотрудничество – от «сотрудничать», работать, действовать вместе, принимать участие в общем деле» [Ожегов, 2015] – «кооперативная стратегия поведения оппонента в конфликте, заключающаяся в ориентации на совместный поиск решения, удовлетворяющего интересы всех сторон» [Леонов, 2006, с. 171]. Рассматривая медиацию как «особую ситуацию» взаимодействия медиатора со

сторонами, О.В. Аллахвердова определяет медиацию как переговоры, строящиеся на коммуникации сотрудничества [Аллахвердова, 2012 (а), с. 53].

Принцип сотрудничества – *«правило, согласно которому стороны при осуществлении поиска вариантов урегулирования спора должны содействовать друг другу с целью достижения конечного результата»* [Комментарий к Федеральному закону…, 2012, с. 63]. В медиации осуществляется переход от конфликта к конструктивным решениям. Определяя дискурс медиации, Н.С. Баребина пишет, что это «процесс, в котором стороны конфликта прибегают к процедуре медиации, чтобы посредством языковой коммуникации и с помощью медиатора управлять ситуацией и изменять ее, переходя от конфликтного взаимодействия к кооперативному» [Баребина, 2012, с. 6].

В лингвистике определения конфликтному и кооперативному дискурсу даны в работах Н.Н. Кошкаровой [Кошкарова, 2014 (а), 2014 (б), 2015 (а), 2015 (б), 2015 (в), 2015 (г), 2016]. Конфликтный дискурс исследовательница понимает как деструктивную деятельность участников общения, речевое взаимодействие адресанта, адресата и целевой аудитории, совокупность способов речевого воздействия, стратегий речевого поведения, речевых тактик и порождаемых речевых реакций, определяющих эксплицитное и имплицитное содержание конфликтного поведения коммуникантов [Кошкарова, 2015 (б), с. 8]. В дискурсе медиации конфликтный дискурс – это деструктивное взаимодействие сторон конфликта или отсутствие этого взаимодействия.

Кооперативный дискурс, согласно Н.Н. Кошкаровой, – это «речевое взаимодействие агентов коммуникативного акта, характеризующееся позитивной направленностью, реализующееся в наборе кооперативных стратегий и тактик, стремлением участников процесса интеракции к достижению взаимопонимания, реализации координированных и согласованных когнитивных и речевых действий, конструированию толерантного и корректного сценария межличностного и межнационального взаимодействия» [Кошкарова, 2015 (б), с. 8]. В дискурсе медиации кооперативный дискурс – это общение в русле конструктивных переговоров, когда «спорщики не ищут “правого” и “виноватого”, а с помощью

посредника конструктивно обсуждают разные варианты решения конфликта и совместно выбирают из них тот, который они сочтут наилучшим» [Бокова, Рождествина, 2016, с. 12]. Как отмечает Н.Н. Кошкарова, конфликтный и кооперативный дискурсы находятся на противоположных полюсах вектора «конфликтность – кооперативность» [Кошкарова, 2015 (б), с. 8]. Отсюда понимание того, что переход к сотрудничеству требует определенных усилий как со стороны медиатора, так и со стороны других участников медиации.

Н.И. Леонов отмечает, что сотрудничество является мудрым подходом к решению задачи определения и удовлетворения интересов обеих сторон, которое требует определенных усилий: «Обе стороны должны выделить на это некоторое время, и они должны уметь объяснить свои желания, выразить свои нужды, выслушать друг друга и затем выработать альтернативные варианты и решения проблемы. Отсутствие одного из этих элементов делает такой подход неэффективным» [Леонов, 2006, с. 193]. Как отмечают медиаторы, *«метод разрешения конфликтов с установкой на сотрудничество не является простым, однозначным, а тем более “мягким”, наряду с другими приемами здесь присутствует и демонстрация собственной силы и возможностей, обеспечиваемых властью, хотя она и не является основным приемом в этом процессе»* [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 98]. Процедура медиации позволяет решать указанные выше задачи в отведенное время, но требует активного участия медиатора по организации этой процедуры и по обучению сторон конструктивным способам решения задач.

Медиатором должны создаваться «условия для нахождения такой формы взаимоотношений, которая позволила бы конфронтацию превратить в сотрудничество сторон» [Шамликашвили, 2017 (б), с. 18]. Обучение сторон процессу ведения переговоров в стиле сотрудничества связано с тем, что *«большинство участвующих в споре не знают, как вести переговоры, и пытаются применять запрещенные приемы (“переговорные уловки”), иногда они демонстрируют “фальшивые эмоции”, вводят ложную информацию, выдвигают чрезмерные требования в надежде получить то, что они действительно хотят,*

запугивают противника» [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 57]. Медиатору важно не допускать подобного поведения конфликтующих сторон во время переговоров, осуществляя перевод с эмоционального накала на спокойное решение ситуации. Установка на сотрудничество проявляется в объединении сторон против проблемы, а не друг против друга, и в ориентировании сторон не на прошлое, а на настоящее и будущее.

Примечательно, что концепт ПРОШЛОЕ в русской языковой картине мира соотносится с двумя группами «оценок и поведенческих прескрипций»: «прошлое как нечто *старое* (–), *устаревшее* (–) и прошлое как нечто старое (+)», причем положительная оценка прошлого связана с настоящим, ценным, проверенным временем, надежным и, соответственно, конструктивным [Мамонтов, Жукова, Столярова, 2021, с. 49].

Как пишет О.В. Аллахвердова, медиация ориентирована на будущее взаимодействие сторон: *«Медиация особенно эффективна в тех случаях, когда нужно восстановить отношения между людьми, взаимодействие которых должно быть сохранено в будущем (опека над детьми при разводе, объединение компаний, отношения заказчика и подрядчика и др.)»* [Аллахвердова, 2006, с. 36]. Кроме того, процедура медиации, с правилами и принципами которой медиатор знакомит стороны в самом начале, служит примером соблюдения правил и *«показывает сторонам, как важно следовать этим договоренностям»* [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 57].

Ведение переговоров в русле сотрудничества выражается в формуле «выигрыш – выигрыш» («win – win»). Эта формула отличает медиацию от судебного разбирательства, где есть выигравший и проигравший. В Комментарии к Закону о медиации написано: *«В отличие от состязательного судебного процесса в медиации стороны не обосновывают и не доказывают свои требования и возражения, а совместно разрабатывают решение существующей проблемы. Не случайно в ФЗоПМ указано, что целью медиации является достижение сторонами такого решения, которое выгодно обоим участникам спора»* [Комментарий к Федеральному закону…, 2012, с. 63–64] (ФЗоПМ – Федеральный

закон о процедуре медиации [Об альтернативной процедуре…, веб]). Сообразуясь с принципом сотрудничества, медиатор помогает сторонам выстроить диалог совместного участия сторон в поиске путей их дальнейшего взаимодействия и /или решения текущих проблем. Принцип сотрудничества можно интерпретировать через постулаты кооперации Г.П. Грайса [Новое в зарубежной лингвистике, 1985, с. 217–237]. Категория количества связана с количеством информации, не ограничиваемой на этапе презентации сторон, однако медиатор фактически следует постулатам этой категории, уточняя в нейтральных вопросах детали спора, перефразируя и резюмируя сказанное:

«Итак, иными словами…»

«Я вижу, что для Вас, Иван Иванович, важно…, а для Вас, Маргарита Павловна, важно…»

Медиатор использует различные техники слушания и обеспечивает каждой стороне возможность быть услышанной.

Категория качества с постулатом «Старайся, чтобы твое высказывание было истинным» проявляется в вопросах медиатора, направленных на исследование объективной и субъективной картин конфликта без определения «правых» и «виновных». В изучении субъективной стороны конфликта медиатор раскладывает сказанное на факты, интерпретации и эмоции. Например, медиатор уточняет у сторон, правильно ли он понял, что они говорили, или дает ясную обратную связь о том, как он понял, «выделяя факты конфликтной ситуации и восприятие этих фактов сторонами (их интерпретации)» [Аллахвердова, 2006, с. 42]. К категории качества относятся медиационные техники обработки и структурирования информации сторон, подразумевающие умение медиатора расшифровать невербальное поведение сторон, отследить противоречия в их поведении [Медиация, 2016, с. 245–246].

Категории отношения в принципах кооперации Г.П. Грайса, на наш взгляд, соответствуют вопросы медиатора, связанные с реалистичностью выдвинутых сторонами предложений. Проверка на релевантность принятых решений эксплицируется в речи медиатора следующим образом:

«Как это воспримет другая сторона?»

«Насколько это реально исполнить?»

«Насколько вероятно, что другая сторона это сделает?»

Для изучения фактов и их экспликации медиатор работает с эмоциями сторон, например, обозначает эмоциональное состояние говорящего:

«Петр поставил в известность о том, что произошло, начальника департамента. Вы были удивлены и возмущены этим и восприняли поступок Петра как неуважение к себе».

Разнообразные техники сообщения о переживаемом позволяют снизить эмоциональный накал и перейти к обсуждению, то есть позволяют «не отклоняться от темы». Что касается категории способа в постулатах кооперации Г.П. Грайса, то она проявляется в таких задачах медиатора, как *«не допустить нарушения процедуры, не давать сторонам перебивать и оскорблять друг друга»* и *«снижать уровень агрессивности оценок, даваемых сторонами друг другу»* [Аллахвердова, 2006, с. 42].

Соотнесение принципа сотрудничества в медиации и принципов кооперации Г.П. Грайса – весьма трудный вопрос, требующий отдельного рассмотрения. Здесь ограничимся изучением основных принципов медиации как критериев идентификации медиатора, его коммуникативного поведения. Согласно О.В. Аллахвердовой и А.Д. Карпенко, *«опыт правильно организованных переговоров, даже если он не приводит к успешному соглашению, учит участников медиации тому, как надо себя вести в сложных жизненных ситуациях, дает им образцы эффективной коммуникации, формирует видение самого себя с неожиданной точки зрения»* [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 57–58].

Итак, принцип сотрудничества и равноправия сторон так же, как и принципы конфиденциальности, нейтральности и добровольности, – это базовые принципы медиации, являющиеся *«мощными ограничителями деятельности медиатора»* [Иванова, 2015 (б), с. 135]. Принципы определяют коммуникативное поведение медиатора и формируют модели его взаимодействия со сторонами на каждом из этапов процедуры медиации. Медиатор ориентируется на принципы медиации и

требует ориентации на них со стороны медиантов. Коммуникативное требование на следование принципам медиации обычно выражается через:

– сообщение о принципе с директивным посылом его строго соблюдения;

– дефиницию принципа;

– раскрытие содержания принципа для сторон и для медиатора;

– контроль адекватного понимания принципа обеими сторонами;

– контроль соблюдения принципа в ходе медиации с апелляцией к требованию соблюдать принципы.

Несоблюдение принципа ведет к коррекции поведения сторон и медиатора в вербальном взаимодействии или выход из медиации. Следствием несоблюдения принципа со стороны медиатора является нарушение доверия к медиатору. Директивная установка на следование принципам медиации – один из конвенциональных компонентов дискурса медиации и показатель жесткого варианта институционального общения. Принципы медиации должны соблюдаться медиаторами в любом стиле медиации, в разных сферах ее применения и независимо от выбираемых медиатором коммуникативных техник.

2.4 Объективация ценностных смыслов медиатора в моделях и стилях медиации

Языковая личность медиатора проявляет себя в дискурсе медиации, в котором конфликтный дискурс трансформируется в кооперативный дискурс. Цель дискурсивной коммуникации в медиации связана с переходом из конфликтного дискурса в кооперативный, при этом является нерелевантной сфера применения медиации, так как конфликты имеют место в разных областях, и медиация может быть применима везде, где требуется наладить конструктивное взаимодействие.

К ценностно-регулятивным координатам языковой личности медиатора относится учет разнообразия видов медиации в разных сферах практики. В зависимости от отрасли, в которой применяется медиация, складываются

конвергентные формы дискурсов, в которых языковая личность медиатора проявляется в роли основного участника.

Как отмечают медиаторы, медиация может использоваться в самых разных сферах: семейные конфликты, бытовая сфера, система социального обеспечения и здравоохранения, конфликты в образовательных учреждениях, корпоративные и межкорпоративные споры, экономическая сфера, политические и международные конфликты, уголовные дела частного обвинения и др. [Хавкина, 2016, с. 159; Иванова, 2015 (б), с. 131], причем, по утверждению П.П. Попова, «практика применения медиации свидетельствует о постоянном расширении областей, в которых она оказывается востребована <…>» [Попов, 2016, с. 108].

В зависимости от сферы применения выделяются виды медиации, однако, по замечанию сертифицированного медиатора А.Д. Карпенко, в подготовке медиаторов отраслевой подход к медиации не выделяется в силу его неосуществимости на практике, так как сужение медиации до отрасли затрудняет создание профессионального стандарта специалиста в области медиации [Карпенко, 2016, с. 144–145]. Между тем, как отмечает Е.Н. Иванова, *«среди профессионалов существуют разные точки зрения по поводу того, насколько глубоко медиатор должен разбираться в специфической сфере, где он работает со сторонами»* [Иванова, 2015 (б), с. 132].

Наряду с невозможностью отраслевой подготовки по всем сферам применения медиации медиаторы в своей деятельности все же специализируются в той сфере, в которой работают, а потребность в медиаторах связывается с наличием у медиатора определенных знаний. Например, для решения споров требуются люди, которые имеют опыт работы в сфере жилищно-коммунального хозяйства, а ЖКХ «является на сегодняшний день одной из самых “взрывоопасных” отраслей, именно здесь так часто возникают громкие разбирательства и скандалы» [Литвинова, Данилова, 2018, с. 5], и здесь, как отмечается, «неправильно назначать медиатором человека, который знает только процедуру» [Пустарнакова, Смолицкий, веб]. Опыт в сфере ЖКХ предполагает знание особенностей обеспечения населения коммунальными услугами, знание

инфраструктуры содержания домов, владение определенными паттернами поведения в жилищной сфере, осведомленность в специфике взаимодействия органов местного самоуправления с жилищными объединениями граждан, так как ЖКХ – «это не только сложная инженерно-техническая система, но это еще и сложная система взаимоотношений, возникающих между потребителями услуг, компаниями – поставщиками этих услуг и государством, формирующим соответствующее правовое поле» [Иваненко, 2014, с. 146–147]. Работа медиатора в сфере ЖКХ предполагает и владение языком данной сферы.

Опыт в сфере регулируемого конфликта необходим не только для знания экстралингвистических аспектов отрасли, отражаемых в языковых и речевых проявлениях в коммуникации сторон, но и для более компетентного взаимодействия со сторонами в ходе процедуры. Согласимся с мнением медиатора Е.Н. Ивановой, считающей, что базовые знания в отрасли урегулирования разногласий важны для медиатора: *«Их отсутствие не даст возможности задать необходимые вопросы, почувствовать нереалистичность формируемого соглашения, выявить опасности, манипуляции, в конце концов, завоевать доверие сторон»* [Иванова, 2015 (б), с. 132]. Следует здесь добавить еще один важный аспект: осведомленность и опыт медиатора в определенной отрасли конфликта дают ему знание об основных ценностях, значимых для этой отрасли. Так, для отрасли ЖКХ «коммунальные конфликты затрагивают такие важные для любого человека ценности, как безопасность и комфорт» [Литвинова, Данилова, 2018, с. 5]. На примере сферы ЖКХ мы видим, чтó является социально значимым для человека в данной сфере: это комфорт и качество проживания, безопасные условия для жизни, обеспечение жилища теплом, электрической энергией, горячей и холодной водой, водоотведением и пр. В аксиосфере медиации ценности отдельной сферы могут выступать регулятором взаимоотношений сторон.

Среди медиаторов также нет единого мнения относительно узкой специализации в медиации. Е.Н. Иванова считает, что многие сферы «имеют много родственного в контексте медиационной технологии», поэтому медиаторы могут сочетать разные виды деятельности, к тому же узкая специализация «может

приводить к обеднению методического инструментария, формированию стереотипов, профессиональному выгоранию и т.д.» [Иванова, 2015 (б), с. 132]. Из отдельных отраслей медиации в данной работе на основе анализа рефлексий медиаторов все же выделим сферы, сочетающие разные виды деятельности, но представляющие собой отдельные специализации в медиации: *школьная медиация*, *восстановительная медиация*, *этномедиация* и *онлайн-медиация*.

Школьная медиация является *«инновационной технологией, расчитанной на использование во всех институтах, принимающих участие в формировании личности ребенка: от семьи и детских садов – до высшей школы»* [Рачковская, Ефименко, 2018, с. 89]. В России эта модель медиации реализуется в так называемых «школьных службах примирения» [Коновалов, веб], цель которых – *«способствовать складыванию и развитию в школьном сообществе способности к взаимопониманию, к мирному разрешению споров и конфликтных ситуаций и закреплению этого как культурной традиции»* [Коновалов, 2014, с. 6–7]. Как правило, участники медиации здесь, помимо медиатора, – это ученики, или учителя и ученики, или учителя и родители. В роли медиатора выступают специально обученные учителя, психологи, социальные педагоги или сами учащиеся. В идеальном случае рассматривается медиатор-наставник, являющийся внештатным сотрудником и независимым специалистом, так как, согласно Е.В. Гребенкину, участие школьного педагога в медиации нарушает, как минимум, один из принципов медиации – равноправие сторон: «Педагог будет бояться потерять репутацию, школьник соответственно будет бояться педагога» [Гребенкин, 2017, с. 16]. Часто в рамках этой модели медиации обучаются дети-ровесники или школьники постарше. Медиаторы специально обучаются: «Данная модель, разработанная А. Коноваловым, включает в себя педагогов-кураторов (команду кураторов), волонтеров (старшеклассников) и приглашенного профессионального медиатора, который консультирует педагогический коллектив» [Петрова, Плотникова, 2017, с. 146].

В школьной медиации мы видим **сложное коммуникативное взаимодействие дискурса медиации и педагогического дискурса**. Дискурсивная

конвергенция осуществляется по типу эволюции и инволюции (один из типов дискурсивной конвергентности по В.И. Карасику [Карасик, 2021 (а)]) дискурса медиации в институциональном общении учителей и учащихся, учащихся между собой и учителей и родителей, учителей и администрации и т.д. Элементы инволюции дискурса медиации проявляются тогда, когда инновационная технология альтернативного разрешения споров и конфликтов в школе не приживается в силу ряда причин, которые И.Э. Петровой и Е.С. Плотниковой определяются как факторы, мешающие развитию медиации в образовании, например: сложившаяся традиция депроблематизации конфликтов и, прежде всего, споров между учителями и учениками в школах; деконструирование и сокрытие школьного насилия в образовательных организациях; «нежелание педагогических кадров что-то изменять в их привычном укладе жизни» [Петрова, Плотникова, 2017, с. 145–146].

«Школьная служба примирения – оформленная детско-взрослая команда, которая реализует в образовательной организации восстановительный подход к конфликтам, а также правонарушениям несовершеннолетних» [Коновалов, веб]. Школьные службы примирения созданы во многих регионах и городах России, прежде всего: в Москве, Пермском крае, Волгограде и Волжском, Великом Новгороде, Казани, Тюмени и др. [Зернова, 2017, с. 25]. Как пишет А.Ю. Коновалов, служба примирения инициирует в школе три процесса: 1) формирование нового типа реагирования на конфликтные ситуации *«за счет того, что работа с конфликтами, нарушениями дисциплины и правонарушениями осуществляется с помощью разного рода восстановительных программ»* (медиации, *кругов сообщества*, *школьных восстановительных конференций*, *семейных конференций*), *«которые проводятся по всем переданным в службу случаям, где стороны конфликта известны и признают свое участие в произошедшем событии»*; 2) изменение сложившихся установок педагогов, администрации, школьников и родителей на то, как следует разрешать конфликты; привитие ценностей культуры взаимопонимания путем обучения всех членов школьного коллектива основам восстановительной коммуникации, а также

включение восстановительных принципов в разные аспекты школьной жизни; 3) развитие форм воспитания, основанных на восстановительных практиках, например, проведение переговоров для налаживания взаимопонимания между существующими в школе группами (взрослых и детей, отличников и «хулиганов», богатых и бедных и пр.), чтобы они могли понять друг друга и увидеть в каждом человека со своим внутренним миром и интересами, исходя из личностных, а не из ролевых отношений; или выявление потенциально конфликтных ситуаций (приход новичков в класс, формирование нового класса, конфликты в столовой и пр.) и работа по снижению риска возникновения конфликтов (ведение переговоров, внесение предложений администрации и т.п.) [Коновалов, 2014, с. 29–32].

Варианты медиации в школе: *«1) взрослый ведущий (социальный педагог или психолог) сам проводит программы; 2) взрослый ведущий привлекает к своей деятельности нескольких подростков; 3) группа подростков проводит примирительные встречи, а взрослый курирует эту группу, организует эту работу, а также помогает в сложных случаях (например, если в конфликте участвуют родители)»* [Зернова, 2017, с. 26]. Школьная медиация опирается на стандарт восстановительной медиации и восстановительного правосудия.

Восстановительная медиация – это *«процесс, в котором медиатор создает условия для восстановления способности людей понимать друг друга и договариваться о приемлемых для них вариантах разрешения проблем (при необходимости – о заглаживании причиненного вреда), возникших в результате конфликта или совершения криминальных действий»* [Программы восстановительного правосудия…, 2009, с. 31]. Восстановительное правосудие – это *«новое мировоззренческое и концептуальное представление о том, как обществу необходимо отвечать на преступления, и сложившаяся в соответствии с этими представлениями практика»*, это способ реагирования на преступление как *«реакция на преимущественно карательную направленность уголовного правосудия»*, которое отличает невнимание к нуждам жертв преступлений [Программы восстановительного правосудия…, 2009, с. 16–17]. Один из важных принципов восстановительной медиации – заглаживание вреда обидчиком,

«важнейшим результатом являются восстановительные действия (извинение, прощение, стремление искренне загладить причиненный вред), то есть такие действия, которые помогают исправить последствия конфликтной или криминальной ситуации», причем не менее важным результатом медиации может быть соглашение или примирительный договор, который может учитываться органом, направившим случай на медиацию, при принятии решения о дальнейших действиях в отношении участников ситуации [Программы восстановительного правосудия…, 2009, с. 32–33].

Медиатор Р.Р. Максудов, отмечая, что восстановительная медиация объединяет идеи восстановительного правосудия и классической медиации, пишет: *«Концепция восстановительного правосудия (и шире – восстановительного подхода) существует сегодня в мире как система теоретических представлений и набор способов, процедур и приемов работы, используемых в ситуации преступления, конфликта, в обстоятельствах эскалации взаимонепонимания, отчуждения и напряженности в отношениях между людьми и всплеска насилия. Использование восстановительного подхода необходимо тогда, когда межчеловеческие отношения насыщаются ненавистью и мстительностью, которые обрывают возможность протекания нормальной человеческой жизни»* [Максудов, 2012, с. 1].

В восстановительной медиации характер конвергентных процессов **взаимодействия судебного дискурса и дискурса медиации** можно было бы описать через термин «экспансия» – термин, которым В.И. Карасик определяет одно из направлений интердискурсивного моделирования институционального общения [Карасик, 2021 (а)]. В самом деле, здесь мы видим расширение сферы дискурса медиации на коммуникативную сферу правосудия, однако здесь необходимо сделать специальную оговорку: концепция восстановительного правосудия возникает как реакция на существующую карательную модель институционального общения и в некотором роде заполняет лакуну невнимания к нуждам жертв преступлений, к тому же, как можно обнаружить в публикациях по восстановительному правосудию, восстановительный и карательный подходы в

юридическом институциональном общении противопоставляются [Карнозова, 2018, с. 40].

В программах восстановительного правосудия отмечается, что жертвы преступлений «несут двойной ущерб»: от преступления и от карательного способа организации правосудия, которое нацелено на доказательство виновности и определение наказания виновному, но не на восстановление у жертвы чувства безопасности и не на исцеление жертвы от последствий преступления; в отношении правонарушителей уголовный процесс носит клеймящий характер и затрудняет его реинтеграцию в общество [Программы восстановительного правосудия…, 2009, с. 16–17]. В восстановительной медиации ценностным основанием является «понимание переживания других»: *«Важнейшим здесь является переход от обсуждения преступления к обсуждению переживаний о преступлении. С другой стороны, включение в этот процесс потерпевшего также позволяет ему через коммуникацию разотождествить себя с последствиями преступления и восстановить себя как личность. Важным элементом восстановительной медиации является проектирование будущего у правонарушителей, а иногда и у потерпевшего, что является основой изменения поведения и подлинной профилактики повторных преступлений и конфликтов»* [Максудов, 2010, с. 10].

В восстановительной медиации медиатор нередко называется *ведущим* или *куратором*. Организационной формой для реализации восстановительных программ являются так называемые *службы примирения*, которые «могут создаваться как по ведомственному принципу (в системе образования, молодежной политики, социальной защиты, судебных, правоохранительных органов и пр.), так и носить межведомственный, надведомственный (службы при муниципалитетах, КДНиЗП и пр.) или территориальный характер» [Стандарты восстановительной медиации, веб, с. 4]. Развитие инфраструктуры восстановительных программ, работа по развитию нового правового мышления свидетельствуют о сочетании направлений экспансии и эволюции в направлениях конвергентности дискурсов медиации и судебного дискурса (судебный дискурс здесь может быть заменен на

юридический, правовой и т.д.). Несомненна роль медиации в трансформации ценностей участников восстановительного подхода: *«Восстановительная парадигма разворачивает уголовное правосудие от приоритета карательных санкций к иным ценностям и практикам: к ответственности правонарушителя в форме заглаживания вреда, к ресоциализации правонарушителей и исцелению жертв, к возвращению людям компетентности в решении собственных проблем»* [Карнозова, 2016, с. 4].

Этномедиация (этнокультурная медиация). Медиация хорошо зарекомендовала себя *«при решении конфликтов в политической сфере, например, между этническими группами, между государствами <…>, в межкультурных и межобщинных конфликтах»* [Азбука медиации, 2011, с. 30–31]. Этномедиация – это одна из моделей медиации, используемая в практике урегулирования конфликтов в условиях межэтнической напряженности. Этнокультурная медиация – медиация в межэтнических конфликтах, которые являются *«специфичным видом базированных на идентичности конфликтов, что объясняет их продолжительность, ожесточенность и остроту»* [Дронзина, 2015, с. 274]. Потребность «в своей самобытности или национально-этнической идентичности» – одна из «универсальных потребностей (потребностей социального существования), которые, в принципе, неустранимы и которые можно только удовлетворить» [Юнгус, 2019, с. 90].

По мнению Т. Дронзиной, желание сохранить идентичность, национально-культурную самобытность – это *«могучий двигатель человеческого поведения, может быть, более сильный, чем инстинкт самосохранения»* [Дронзина, 2015, с. 274]. Согласно Г.А. Юнгус, исторический опыт свидетельствует, что стремление к удовлетворению потребностей в самоидентификации неустранимо: «их можно либо уничтожить вместе с их носителями, либо временно подавить с перспективой будущих антисоциальных проявлений и катаклизмов» [Юнгус, 2019, с. 90].

Этномедиация определяется как *«процедура урегулирования конфликта, когда хотя бы одна из конфликтующих сторон выстраивает свои требования, руководствуясь этническими установками, ценностями, стереотипами»*

[Рогочая, Савва, Улько, 2018, с. 62]. Как пишут исследователи этничности в контексте конфликтного взаимодействия, индивид обращается к своей этничности в надежде обрести психологическую защиту и через этническую идентичность выстраивает целостную картину мира, наполненную ценностями и смыслами, разделяемыми представителями его этнической группы, *«таким образом, этничность может создавать для индивида иллюзию безопасности через присоединение к большой группе»* [Рогочая, Савва, Улько, 2018, с. 64]. На семинаре-тренинге «Особенности этнокультурной медиации» (30 сентября 2021 г., г. Нур-Султан, Республика Казахстан) особенно подчеркивалось, что *насчет интересов и позиций можно договариваться или торговаться, насчет идентичности – это невозможно, идентичности могут только взаимно приспосабливаться одна к другой*. То же относится и к понятию этничности, но этническая принадлежность является наиболее доступной формой самоидентификации: индивид в разное время в своей жизни может принадлежать к той или иной социальной группе, но он не перестает быть представителем определенного этноса, это является его пожизненной характеристикой, которая акцентируется в конфликте, будучи ущемленной. Национально-этническая идентичность – главная ценность этномедиации. Урегулирование этнических идентичностей *«предполагает выход за пределы этничности, преодоление воздействия комплекса "мы – они"»*, преодоление крайностей и сближение позиций сторон на основе универсальных базовых ценностей [Рогочая, Савва, Улько, 2018, с. 65]. В этномедиации невозможно учесть интересы этнокультур в полной мере, но *«держать баланс равновесия интересов – вполне реально»* [Плотников, 2016, с. 18].

В этномедиации мы также можем наблюдать дискурсивную конвергентность, например, в сосуществовании **дискурса медиации и миграционного дискурса**, где медиатор выступает как социальный агент, активно вовлекаемый в процесс предупреждения и разрешения конфликтов, возникающих между участниками миграционного дискурса: мигрантами, государством, работодателями, резидентами [Киндеркнехт, 2020 (б), с. 98–133]. Вопросы идентичности и баланса интересов в общении мигрантов и постоянных жителей

решаются в миграционном дискурсе, который, в свою очередь, вовлекает в процесс взаимодействия дискурсы, которые так или иначе связаны с адаптацией и аккультурацией мигрантов в принимающем обществе: юридический дискурс, психологический, педагогический, медицинский, переводческий. Конвергентность дискурса медиации в миграционном пространстве здесь проявляется по типу встраивания коммуникативной практики медиации в практику участников других дискурсов для осуществления перехода от конфликта к интеграции.

Онлайн-медиация (e-mediation, разрешение споров онлайн) – *«процесс, с помощью которого стороны могут урегулировать споры в режиме онлайн»* [Памятка для медиаторов…, веб, с. 1].

Развитие модели онлайн-медиации связано с процессами цифровизации всех возможных сфер жизни человека и общества. Коммуникация в дискурсе медиации претерпевает так называемые «технологические трансформации» [Ахренова, 2020, с. 62]. Говоря об актуальности цифровых технологий в альтернативном разрешении споров, исследователи обращают внимание на развитие электронной коммерции и увеличение числа трансграничных сделок [Иншакова, Тымчук, 2018, с. 24]. Мощный стимул к развитию онлайн-медиации дала пандемия 2020 года, когда общение людей переместилось в виртуальное пространство, и усилилась напряженность во взаимоотношениях людей, связанная с чередой самоизоляций: «Чтобы не ставить медиацию на паузу, нужно было освоить и начать применять безопасные формы ведения переговоров. В течение 2020 года были проведены сотни онлайн-медиаций, в основном на виртуальной платформе для видеоконференций Zoom» [Рекомендации по проведению онлайн-медиации, веб, с. 1]. В настоящее время актуальность использования онлайн-медиации возросла «в условиях введенных экономических санкций и запрета на прямое авиасообщение с рядом государств», «так как проведение очных встреч с делегациями иностранных компаний может в ряде случаев не представляться возможным или быть крайне затратным по стоимости организации» [Шанаева, веб].

Основное отличие данной модели медиации заключается в отсутствии непосредственного взаимодействия сторон, когда общение сторон и профессионального медиатора опосредуется разного рода технологиями, осуществляется не в помещении, а на какой-либо платформе в Интернете, через электронный почтовый ящик и пр. С учетом особенностей прагматической организации интернет-пространства дискурс медиации в данной модели в большей мере проявляется как «устно-письменный тип дискурса» [Ахренова, 2016, с. 6], приэтом информационно-коммуникационные технологии именуются здесь четвертой независимой стороной [Груздева, 2020].

Неоднозначность использования этой модели и сомнения, связанные с ее использованием, эксплицируются в наблюдении: *«Уже в первые месяцы использования видеосвязи вместо реальных встреч в дипломатической практике выявились такие проблемы, как отсутствие возможности неформального общения участников между заседаниями и сложности в расшифровке языка тела»* [Никитина, Таран, 2021, с. 15]. Исследования по невербальной коммуникации показывают, что «невербальные каналы восприятия информации помогают человеку в большей мере считывать (получать) нужную информацию в процессе взаимодействия» [Малышева, 2017, с. 51]. К ограничениям онлайн-медиации относят также технические трудности и трудности, связанные с обеспечением конфиденциальности [Ждан-Пушкина, веб]. В самом деле, весьма сложно проконтролировать скриншот или запись фрагмента переговоров в медиации, осуществляемой по электронной переписке и в чате, – может оставаться электронный след. Вместе с тем, как отмечается медиаторами, существуют ситуации, где онлайн-медиация уместна и едва ли не является единственной возможностью урегулирования спора/конфликта: это ситуации карантина, *«когда ограничено/запрещено перемещение граждан в пределах страны или определенной административной территории»*, ситуации нахождения сторон в разных странах и городах, нежелание сторон (стороны) общаться непосредственно, а также *«желание сторон провести переговоры в формате онлайн»* [Рекомендации по проведению онлайн-медиации, веб, с. 1].

К преимуществам онлайн-медиации относят: 1) время (проводится в любое удобное для сторон время, сокращается время, затраченное на процедуру, есть возможность для быстрого реагирования для решения срочных вопросов); 2) отсутствие географических границ (участники могут находиться в разных городах, регионах, странах); 3) сокращение расходов сторон на участие в медиации (*«участникам медиации не нужно тратить средства на путешествия до места медиативного слушания, не нужно арендовать переговорные комнаты или зал для проведения слушания»*); 4) снижение уровня эмоций (участники медиации у мониторов и с телефоном *«не так горячо проявляют эмоции и не могут прочесть все эмоции собеседника»*) [Ждан-Пушкина, веб]. Технические средства предоставляют новые возможности, которых нет в оффлайн-общении: «оперативный обмен информацией, отправка автоматических ответов, перефразирование претензионных писем (блокировка слов-конфликтогенов), контролирование загруженности медиаторов, ранжирование приоритетов в конфликте» [Смолянинова, Груздева, 2020, с. 85], возможность участникам процесса «не присутствовать непосредственно в одном помещении, а общаться, находясь на разных территориях», экономия финансовых ресурсов сторон [Арзуманова, 2021, с. 47–48].

Рассматривая модель онлайн-медиации, можно предположить, что претерпевающий изменения в условиях электронной коммуникации **дискурс медиации сближается и поглощается интернет-дискурсом** по типу экспансии последнего и вынужденной эволюции первого. Эволюция для медиации здесь проявляется в проработке моделей онлайн-медиации с законодательной стороны и в подготовке медиаторов к новому формату проведения медиации с учетом его особенностей: медиатору необходимо *«готовиться технически и психологически, а также создавать условия, обеспечивающие конфиденциальность переговоров»* [Ждан-Пушкина, веб].

Результаты анализа моделей медиации как аксиологических ориентиров языковой личности медиатора объединим в таблицу (см. таблицу 2).

Таблица 2 – Модели медиации в аксиосфере языковой личности медиатора

№	*Модель медиации*	*Ценностное основание*	*Особенности участников*	*Дискурсивная конвергенция*	*Тип взаимодействия дискурсов*
1	**Школьная медиация**	Развитие личности ребенка, мирное разрешение конфликтов в школьной среде	**Медиатор**: учитель (психолог, социальный педагог, учащиеся); **стороны**: ученики, учителя, родители и др.	Дискурс медиации и **педагогический дискурс**	Эволюция и инволюция
2	**Восстановительная медиация**	Понимание переживания других (заглаживание вреда, ресоциализация обидчика, разотождествление жертвы с последствиями ситуации)	**Медиатор**: *ведущий* (*куратор*); **стороны**: преступник (правонарушитель) и жертва преступления (правонарушения)	Дискурс медиации и **судебный дискурс**	Экспансия
3	**Этномедиация (*этнокультурная медиация*)**	Национально-этническая идентичность	**Медиатор**: социальный агент (в ряде случаев переводчик); **стороны:** хотя бы одна из сторон выстраивает свои требования, руководствуясь этническими установками, ценностями, стереотипами	Дискурс медиации и **миграционный дискурс**	Встраивание
4	**Онлайн-медиация (*e-mediation*)**	Возможность медиации в режиме онлайн (в условиях ограничения перемещения сторон)	**Медиатор**; **стороны**; **онлайн-технологии** (*четвертая независимая сторона*)	Дискурс медиации и **интернет-дискурс**	Экспансия и вынужденная эволюция

В обучении медиаторов модели медиации следует рассматривать как профессиональную достройку – здесь подходит метафора И.М. Фейгенберга «человек достроенный» (*Homo sapiens se ipsum perimplens*), то есть человек себя пополняющий, комплектующий [Фейгенберг, 2011]. Медиатор достраивается, то есть расширяет свои возможности в профессиональной деятельности и определяется со сферой применения своих компетенций. Для достройки медиатора ему необходимо быть знакомым с разными медиационными школами и обращать внимание в своей практике на различные стили медиации.

Согласно Е.Н. Ивановой, разделение медиации по стилям является самым дискуссионным. Исследовательница приводит в пример более двадцати наименований различных стилей [Иванова, 2015 (б), с. 133]. В публикациях медиаторов стили объединяются в 4 группы: *классическая*, *оценивающая*, *трансформативная*, *нарративная*.

Классическая (содействующая, способствующая, фасилитативная) медиация – распространенный стиль медиации, описанный в Законе о медиации. А.Н. Азарнова описывает основные характерные черты классической медиации, которая соблюдает «все исторически выработанные каноны этой процедуры»: *«Она построена на так называемой “гарвардской модели” переговоров, предполагающей ориентацию на потребности и интересы сторон в процессе поиска приемлемого решения конфликта (а не на их позиции). Функции медиатора в этом случае заключаются в том, чтобы организовать и регулировать процесс переговоров, обеспечивать максимально благоприятный, комфортный социально-психологический климат переговоров, содействовать сторонам в поиске удовлетворяющего их решения»* [Азарнова, 2015, с. 7].

Содействующую медиацию называют также медиацией, ориентированной на решение (разрешение) проблем. В рамках данного стиля, сосредоточенного на интересах людей, *«медиатор вначале предлагает сторонам изложить свои позиции, а уже потом помогает им признать, что у сторон существуют общие интересы и потребности»* [Базовый курс медиации…, 2011, с. 23], медиатор «организует процесс медиации и оказывает содействие сторонам в достижении

вариантов взаимоприемлемого решения» [Туровская, 2020, с. 67]. Собственно, все, что описано в данной работе, относится, главным образом, к классической медиации, суть которой Т. Дронзина выражает следующей фразой: *«Медиатор отвечает за процесс, а стороны – за результаты»* [Дронзина, 2015, с. 134].

Оценивающая (оценочная) медиация отличается от классической формой вмешательства и характером ведения процедуры медиации: *«медиатор влияет на процесс медиации, оценивая перспективы разрешения спора, в том числе и с точки зрения правоприменения, а при определенных обстоятельствах оказывает влияние и на результат диалога, при необходимости предлагая свои варианты разрешения конфликта»* [Шамликашвили, 2017 (б), с. 51]. Как пишет Е.С. Туровская, оценивающий медиатор структурирует процесс медиации и непосредственно влияет на ее результаты: медиатор указывает на слабые места в делах сторон и «выдвигает предположения, какие решения могут быть приняты судьей или присяжными», «может давать сторонам официальные или неофициальные рекомендации по итогам рассмотрения вопросов»; примечательно, что «медиаторы концентрируют свое внимание на юридических правах сторон, а не на их потребностях и интересах», поэтому «предполагается, что медиатор обладает специальными знаниями по предмету спора или юридической экспертизой в конкретной предметной области» [Туровская, 2020, с. 68].

В оценочной медиации медиатор не только организует переговоры, но и является их активным участником. В оценочной медиации медиатор вправе высказать свое мнение по существу спора и оказать содействие в оценке исхода спора в суде, фактически он *«влияет на процесс медиации, оценивая происходящее, а при определенных обстоятельствах и оказывает влияние на результат диалога, при необходимости предлагая свои варианты разрешения конфликта, но лишь в качестве рекомендаций»* [Базовый курс медиации…, 2011, с. 19]. Характеризуя оценочную медиацию, Т. Дронзина пишет, что роль сторон здесь *«сводится к представлению убедительных аргументов, а роль медиатора – к их оценке и предвидению, каков окажется самый вероятный вердикт»*, при этом *«изъявления сторон похожи по форме на судебные документы и обычно готовятся их*

адвокатами», а *«сам процесс очень похож на судебный, только менее формален»* [Дронзина, 2015, с. 135]. Целью оценочной медиации, по словам А.Н. Азарновой, является заключение соглашения, которое было бы *«максимально приближено к наиболее вероятному судебному решению в том случае, если бы спор рассматривался в суде»* [Азарнова, 2015, с. 7].

Трансформативная (трансформационная, преобразующая) медиация. Основатели данной модели Р. Буш и Дж. Фолгер утверждают, что *«основная роль медиатора заключается в содействии восстановлению отношений между сторонами, а также в предоставлении им ресурсов для разрешения спора»*; в качестве ресурсов рассматриваются информация, поощрение самостоятельности сторон при принятии решения, поддержка и признание наличия способностей и навыков по разрешению спора у самих сторон [цит. по: Беляева, 2015, с. 59]. Отличительной особенностью трансформативной медиации от других стилей медиации является возможность сторон самим определять ход медиации, а не следовать указаниям медиатора. Урегулирование спора здесь не является основным критерием успешности медиации. Трансформативная медиация *«основывается на таких ценностях, как "расширение прав и возможностей" каждой из сторон в максимально возможной степени и "признание" каждой из сторон потребностей, интересов, ценностей и точек зрения других сторон»* [Туровская, 2020, с. 68]. Согласно ведущим мастер-класса по трансформативной медиации, профессиональным медиаторам Р. Бжобохаты и М. Чирбусовой (4 декабря 2020 г., Чехия), отличие данного стиля заключается в цели, которая направлена на преобразование конфликта. Преобразвание рассматривается как изменение опыта (поведения себя и другого) в конфликте и изменение качества взаимодействия. Н.В. Гордийчук описывает это преобразование следующим образом: «Процесс эскалации конфликта, или *деградации взаимоотношений*, если использовать термины трансформативного подхода, можно представить в виде нисходящей спирали. В процессе движения по ней человек ощущает себя все более слабым и все больше замыкается в себе. Его отношение к бывшим партнерам или соседям становится все более негативным, пока его восприятие их не достигнет

точки полной дегуманизации – именно в этой стадии можно услышать о “нелюдях”, “собаках”, с которыми необходимо осуществить любые действия, чтобы навсегда вычеркнуть их из своей жизни, вплоть до физической расправы. Вмешательство медиатора, таким образом, заключается в том, чтобы придать зашедшему в кризис взаимодействию противоположную динамику. При этом участники конфликта постепенно переходят из состояния слабости и беспомощности в состояние силы и контроля над собственной ситуацией, от состояния замыкания в себе к состоянию отзывчивости и внимательности к другому» [Гордийчук, 2014, с. 44].

Состояние слабости, определяемое через психологические состояния нерешительности, смущения, страха, неорганизованности, беспомощности, – это состояния, которые в ситуации конфликта, согласно Р. Бжобохаты и М. Чирбусовой, естественно проявляются в том, что сторона закрыта, подозрительна, враждебно настроена, пытается обороняться. В ходе медиации в диалоге стороны выходят из замкнутого состояния и преобразуют свои слабые черты в сильные: становятся более уверенными, спокойными, решительными, фокусируются на проблеме и понимают, что обладают ресурсами, а в ресурсном состоянии стороны способны *«по-новому взглянуть на происходящее и понять это сердцем, а не только разумом»*, признать потребности друг друга и более чутко отнестись к таким потребностям [Базовый курс медиации…, 2011, с. 23]. Анализ рефлексий медиаторов позволяют заключить, что аксиологической основой трансформативного подхода является расширение возможностей сторон (the empowerment shift) и признание потребностей другой стороны (the recognition shift). Как отмечает Т. Дронзина, *«в рамках логики этого стиля медиатор должен помочь сторонам трансформироваться и вырасти как в содержательном, так и в моральном отношении»*, трансформативная медиация помогает людям *«справиться не только с проблемами, которые находятся на поверхности их отношений (разрешение проблемы), но и с глубинными проблемами (трансформация)»* [Дронзина, 2015, с. 137–138].

В трансформативной медиации медиатор способствует преобразованию конфликта с помощью особого арсенала техник. Отличительной особенностью данного стиля является способ отражения медиатором реплик сторон: медиатор не перефразирует сказанное, снижая накал эмоций в конфликтной ситуации, а передает все такими же словами: обидными выражениями, нецензурными словами. Как отмечает Н.В. Гордийчук, медиатор воспроизводит «не только слова, но и уровень энергетики, внутреннего напряжения говорящего, избегая при этом отождествления с участником и воспроизведения его эмоций» [Гордийчук, 2014, с. 46]. Такой вид отражения позволяет сторонам увидеть себя со стороны и скорректировать свое коммуникативное поведение. Медиатор помогает структурировать переговоры с помощью обобщений, «вычленяя из потока естественного общения проблемы и точки зрения участников по каждой из них», «процесс медиации не имеет членения на фазы, поэтому медиатор помогает сторонам формулировать повестку по ходу их взаимодействия» [Гордийчук, 2014, с. 46]. Медиатор не организует процесс переговоров, как в классической медиации, направляя стороны от этапа к этапу, а следует за сторонами по ходу движения осуществляемых преобразований, не перебивает стороны, чтобы держать их в рамках процедуры, молчит, позволяя сторонам действовать самостоятельно. Молчание медиатора здесь – специальный прием коммуникативного поведения. Активность медиатора проявляется в так называемой проверке «состояния участников процедуры, направленной на выяснение их желаний относительно дальнейшего хода процедуры» [Гордийчук, 2014, с. 46].

Нарративная медиация – медиация, при которой медиаторы и участники конфликта оказывают продолжительное влияние друг на друга в ходе диалога, и медиация выглядит как процесс, где участники излагают свой взгляд на происходящее [Романова Е.А., 2017, с. 45; Климентов, 2011]. В основе нарративного стиля – *«убеждение в том, что медиаторы и участники конфликта оказывают продолжительное влияние друг на друга в ходе диалога, то есть сам процесс выглядит как рассказ историй, в ходе которого участники излагают свой взгляд на происходящее»* [Базовый курс медиации…, 2011, с. 23]. Нарративный

подход базируется на практике нарративной терапии – на «стремлении найти уважительный, необвиняющий подход к консультированию и работе с сообществами, который рассматривает людей как экспертов в своей собственной жизни и видит проблемы отдельными от людей», цель такой практики – «помочь людям увидеть в своем жизненном опыте альтернативные, более предпочитаемые истории о себе и своей идентичности» [Москвичев, 2010, с. 218].

Сторонники нарративного подхода в медиации «исходят из предпосылки, что люди вовлечены в конфликтный цикл, потому что они сами видят себя как часть этого цикла», нарративный медиатор здесь должен создать сторонам возможность дистанцироваться от конфликта, чтобы посмотреть на него со стороны и помочь создать «новую историю, в которой соглашение, ведущее к разрешению спора, вытесняет конфликт» [Дронзина, 2015, с. 138]. В нарративной медиации «принято считать, что причины конфликтов кроются не в человеческих потребностях и интересах, а внутри общих для его участников социокультурных связей», «конфликт рассматривается как неизбежное следствие столкновений различных описаний реальности» [Медиация, 2016, с. 148].

Ценностной основой нарративной медиации является работа с описаниями нарративов и пониманием того, как история влияет на реальность. По словам П.И. Андриановой, сторона в нарративной медиации компетентна в урегулировании проблемы и способна изменить свою жизнь, «а медиатор направляет процесс и помогает трансформировать отношения между сторонами и отношение клиента к самому себе» [Андрианова, 2021, с. 129–130]. Трансформация отношений происходит за счет преодоления разногласий, вызванных конфликтом, медиатор содействует «в достижении взаимопонимания путем обстоятельного рассмотрения личных и культурных нарративов, которые лежат в основе конфликта» [Медиация, 2016, с. 148], «организует вместе с клиентами переписывание, помогает связать отдельные исключения из доминирующей истории, или уникальные эпизоды в осмысленную последовательность, в “антисюжет”, который можно противопоставить истории о конфликте» [Бабин, 2019, с. 67] и фактически выступает , на наш взгляд, в роли психолога.

Результаты рассмотрения стилей медиации приведем в таблице (см. таблицу 3). Обратим внимание на ориентацию переговоров в каждом стиле, на степень вмешательства медиатора в переговоры сторон и на функции медиатора.

Таблица 3 – Функции медиатора в разных стилях медиации

№	*Стиль медиации*	*Ориентация переговоров*	*Степень вмешательства медиатора в переговоры сторон*	*Функции медиатора*
1	**Классическая медиация (*содействующая, способствующая, фасилитативная*)**	Решение (разрешение) проблем	Медиатор организует и регулирует процесс переговоров (процессуальная директивность)	Медиатор отвечает за процесс, а стороны – за результаты переговоров
2	**Оценивающая медиация (*оценочная*)**	Оценка законных прав и обязанностей сторон, перспектив возможного судебного рассмотрения спора	Медиатор влияет на процесс переговоров и может влиять на результат диалога сторон	Медиатор активно участвует в переговорах, дает рекомендации в юридической плоскости
3	**Трансформативная медиация (*трансформационная*)**	Расширение возможностей сторон и признание потребностей другой стороны	Стороны сами определяют ход медиации, медиатор помогает сторонам формулировать повестку переговоров по ходу их взаимодействия	Медиатор придает взаимодействию сторон противоположную динамику, предоставляет сторонам ресурсы для разрешения спора
4	**Нарративная медиация**	Продолжительное влияние друг на друга и поиск альтернативных историй о себе	Медиатор как психолог помогает «переписать» истории сторон	Медиатор помогает сторонам рассмотреть личные и культурные нарративы, которые лежат в основе конфликта

Рассмотренные модели и четыре медиативных стиля не исчерпывают все разнообразие подходов в медиации, например, *«принято выделять внеюрисдикционную медиацию и медиацию, интегрированную в деятельность*

органов юрисдикции, в свою очередь, последняя подразделяется на нотариальную, судебную медиацию и медиацию в деятельности иных органов гражданской юрисдикции» [Азарнова, 2015, с. 5], медиацию классифицируют *«по тому, в каком формате она проводится – пленарном, при раздельных встречах, в смешанном формате, в виде челночной медиации», различают также медиацию по делению на фазы (пятифазная модель, "трех- и более чем семифазная модель")»* [Шамликашвили, 2017 (г), с. 45–46] и др. В зависимости от оснований классификации тот или иной подход в медиации может рассматриваться как стиль или как модель медиации, например, восстановительную медиацию можно классифицировать как стиль, но по сфере, в которой она чаще всего применяется, ее целесообразнее рассматривать как модель.

Исследуя эффективность различных стилей медиации, Е.С. Туровская обобщает мнения медиаторов относительно применения того или иного подхода: при всем разнообразии стилей, которые используются в зависимости от школы, индивидуальных навыков, пристрастий медиаторов и потребностей конкретного случая, стили медиации существуют в некоем континууме процедуры медиации, и большинство медиаторов обращаются к разным видам медиации и используют сочетание всех стилей [Туровская, 2020, с. 69–70]. Е.Н. Иванова пишет по этому же поводу: *«Практика медиации в разных сферах показывает относительность рамок большинства видов классификации медиации. Во многих случаях наиболее продуктивным оказывается эклектический подход. Именно он обеспечивает методическое богатство за счет использования наработок в различных медиационных школах»* [Иванова, 2015 (б), с. 136]. Согласно Н.В. Гордийчуку, большинство медиаторов видит медиацию в рамках одной модели медиации как единую практику, «это закреплено и в отношениях с клиентами, которым предлагается провести процедуру медиации без уточнения того, к какой именно школе относит себя медиатор и как именно он будет действовать, и в маркетинговых стратегиях продвижения учебных программ: они, как правило, позиционируются как обучение медиации в целом, а не какому-либо отдельному стилю [Гордийчук, 2014, с. 42–43].

Диверсификация ценностных подходов в медиации возвращает нас к вопросам становления профессиональной языковой личности медиатора. Ц.А. Шамликашвили обращает внимание на то, что *«со временем, с опытом у любого медиатора вырабатывается собственный стиль, и вместе с тем, если медиатор действительно профессионал, он в равной мере хорошо умеет работать во всех моделях (или даже, точнее будет сказать, умеет подобрать нужный, единственно правильный подход, наилучшую модель к каждому конкретному случаю)»*, исследовательница пишет о так называемой ***no model mediation***, когда высшим уровнем является неосознаваемая компетентность [Шамликашвили, 2017 (г), с. 46].

Итак, к ценностно-регулятивным координатам языковой личности медиатора относятся модели и стили медиации, складывающиеся в зависимости от сферы применения медиации и аксиологических оснований переговоров. Из отдельных отраслей медиации выделяются отдельные специализации: школьная медиация, восстановительная медиация, этномедиация и онлайн-медиация. Специализации представляют собой конвергентные формы дискурсов, в которых медиатор выступает в роли основного участника: дискурс медиации и педагогический дискурс, дискурс медиации и судебный дискурс, дискурс медиации и миграционный дискурс, дискурс медиации и интернет-дискурс. Ценностные смыслы языковой личности медиатора объективируются в различных стилях медиации, выбираемых и сочетаемых медиатором в своей практике: классическая, оценивающая, трансформативная, нарративная медиация. Стили медиации различаются задачами медиатора и сторон медиации, степенью вмешательства медиатора в переговоры, функциями медиатора. В рассмотренных стилях и видах медиации общим является четкое разделение ролей участников переговоров: сторон и медиатора. При различных функциях медиатора и разной степени его активного вмешательства медиатор представляет собой обученного специалиста, профессионала или непрофессионала, активно достраивающегося в профессии, где идеалом выступает *no model mediation*.

Выводы по главе 2

Дискурсивный аспект проявления языковой личности медиатора связан с ценностно-регулятивными координатами, которые определяют и структурируют взаимодействие медиатора с потенциальными и реальными клиентами. Анализ лингвистических контекстов употребления ключевых для медиации слов «медиация» и «медиатор» в Национальном корпусе русского языка и результаты самоизмерения языкового сознания современных носителей русского языка показывают, что ценности медиации в современной России еще не получили повсеместного распространения. Слова «медиация» и «медиатор», репрезентирующие институциональный дискурс медиации и именующие ментальные образования, ценностно значимые для существования языковой личности медиатора, еще недостаточно освоены общественным опытом, что связано с продолжающимся этапом становления института медиации и трудностями рекламы деятельности медиатора.

Коммуникативное поведение медиатора определяют доминантные регулятивы, отраженные в нормативных текстах, пособиях для подготовки медиаторов и в текстах научных публикаций медиаторов. Анализ текстов по медиации позволяет заключить, что современный русскоязычный дискурс медиации характеризуется двумя особенностями: 1) внедрение и санкционирование медиации «сверху», за счет использования административного ресурса, отсюда – проблемы коммуникации медиатора с потенциальными потребителями услуг при ограничении рекламы медиации; 2) развитие русскоязычного дискурса медиации с учетом и на основе международных, преимущественно англоязычных нормативных документов, с чем связана необходимость выкристаллизации русского языка медиации.

Совокупность ценностных воззрений о процедуре медиации, заключенная в авторитетных текстах о медиации, складывается в систему взглядов и предписаний, которая транслируется в профессиональном сообществе медиаторов. В дискурсе медиации четко разделяются роли медиатора и сторон. Сила и власть

для выработки взаимоприемлемого решения пропозиционально связаны с активной и добровольной позицией сторон. Роль медиатора заключается в организации процесса устной коммуникации и квалифицированной помощи в составлении письменных документов. Нормативным предписанием для языковой личности медиатора является готовность к работе в конфликтной ситуации. Медиатор обеспечивает канал для коммуникации сторон, которые не могут договориться без посредника.

В ценностно-регулятивных координатах медиатора первостепенное значение имеют принципы медиации: принцип конфиденциальности, принцип беспристрастности и независимости медиатора, принцип добровольности, принцип сотрудничества и равноправия сторон. Принципы определяют коммуникативное поведение медиатора и ограничивают его в выборе языковых и речевых единиц во взаимодействии со сторонами на каждом из этапов процедуры медиации. Медиатор ориентируется на принципы медиации и требует ориентации на них со стороны медиантов. Директивная установка на следование принципам медиации – один из конвенциональных компонентов речевого и невербального поведения медиатора в ходе его взаимодействия со сторонами конфликта/спора.

В зависимости от отрасли, в которой применяется медиация, складываются конвергентные формы дискурсов, в которых языковая личность медиатора проявляется в роли основного участника. Рассматриваются отдельные модели медиации как специализации в профессиональной достройке языковой личности медиатора: школьная медиация, восстановительная медиация, этномедиация и онлайн-медиация. Ценности каждой модели выступают регулятором взаимоотношений сторон и определяют специфику коммуникативного статуса медиатора. Выделяются различные стили медиации, которые объединяются в 4 группы: классическая медиация, оценивающая медиация, трансформативная медиация, нарративная медиация. Стили медиации существуют в некоем континууме процедуры медиации, где медиатор как обученный специалист организует процесс трансформации конфликтного общения сторон в кооперативное.

Глава 3

Речевая характеристика языковой личности медиатора

3.1 Стратегии и тактики медиатора на разных этапах медиации

Речевые проявления языковой личности медиатора в дискурсе медиации подчиняются различным коммуникативным целям в зависимости от характера спора, особенностей медиантов, сферы применения медиации, практикуемого стиля и выбираемой модели медиации. Анализ дискурсивно релевантных речевых комплексов, используемых медиатором в классической модели медиации, позволил нам выделить стратегии и тактики медиации на разных этапах общения медиатора со сторонами конфликта.

3.1.1 Коммуникативные стратегии и тактики языковой личности медиатора

Ориентируясь на ценностные доминанты медиации, описанные в авторитетных текстах по медиации, и наблюдая за коммуникативным поведением медиатора в ходе процедуры медиации, будь то учебные медиации или реальные медиации, доступ к которым был разрешен медиантами, мы обнаружили, что медиатор в своей практике реализует большое количество стратегий, которые отличаются от стратегий спорящих/конфликтующих сторон. Стратегии медиатора являются речевыми, коммуникативными, дискурсивно релевантными.

Для лингвистического обоснования коллективной языковой личности медиатора в нашей работе мы не противопоставляем языковую, речевую и коммуникативную личность. Язык сам по себе представляет собой коммуникативную реальность. «Языковая личность в условиях общения может рассматриваться как коммуникативная личность – обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик, 2004, с. 22]. В описании языковой личности медиатора мы руководствуемся положениями И.Ю. Качесовой и Е.В. Лебедевой, которые пишут: «Языковая личность в коммуникации реализуется

в виде речевой личности, осуществляющей выбор определенной речевой стратегии, и коммуникативной личности, формирующей и определяющей выбор конкретного речевого жанра. Таким образом происходит взаимодействие речевой и коммуникативной ипостасей языковой личности в виде выбора стратегии как деятельностного начала и речевого жанра, репрезентирующего стратегию в виде статически оформленного речевого продукта» [Качесова, Лебедева, 2020, с. 73–74].

В определении коммуникативных целей мы следуем сугубо научному различению речевого и коммуникативного актов Е.В. Клюева: «речевой акт» предполагает акцент на действие, а «коммуникативный акт» – акцент на взаимодействие [Клюев, 2002, с. 14]. Отсюда также и наше исследовательское различение речевых и коммуникативных характеристик медиатора, равно как и речевого и коммуникативного поведения, нерелевантное для языковой личности медиатора как ведущего переговоры в медиации и человека, от которого зависит взаимодействие коммуникантов в дискурсе медиации. Мы считаем, что речевое поведение медиатора – это совокупность, главным образом, его конвенциональных речевых поступков, совершаются эти поступки одним говорящим, но не просто с учетом медиантов, а в тесной связи с их речевыми поступками навстречу медиатору и навстречу друг другу на разных стадиях в процессе медиации.

В определении коммуникативных стратегий и тактик мы следуем за В.Б. Кашкиным, понимающим коммуникативную стратегию как «часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели», как «общую рамку, канву поведения», а коммуникативную тактику – как «совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия» [Кашкин, 2014, с. 153–154].

В исследовании мы отталкивались от существующих работ по медиации в лингвистике, в которых уже имеется научное обоснование основных стратегий в дискурсе медиации [Баребина, 2012; Моногарова, 2016 (б), 2017 (б), 2017 (в), 2018; Моногарова, Кобышева, 2016 (б); Чернышенко, 2014 (а), 2014 (б)]. Вместе с тем, существующая теория отражает не все аспекты коммуникации в медиации и не

всегда отделяет стратегии медиатора от стратегий сторон. Так, работа Н.С. Баребиной посвящена механизму контраргументации в стратегическом маневрировании сторон, стратегии медиатора не расписываются, однако отмечается направляющая роль нейтрального посредника в дискуссии собственников конфликта [Баребина, 2012]. В работе А.Г. Моногаровой (Чернышенко) выделяются такие стратегии речевого поведения медиатора, как *информирование*, *контроль над темой*, *трансформация конфликта*, *убеждение*, *совместный поиск альтернативного решения* [Моногарова, 2017 (б), 2017 (в), 2018]. На наш взгляд, формулировки некоторых стратегий и описанные тактики их реализации могут быть подвергнуты критике с точки зрения роли медиатора и роли сторон в медиации. Например, стратегии *убеждения* и *совместного поиска альтернативного решения* могут создать впечатление об участии медиатора в горизонтальном диалоге сторон, так как медиатор не убеждает и не участвует в поиске решения конфликта. Тактики реализации указанных стратегий (*тактика ложной аргументации*, *тактика презентации потенциальных угроз*, *тактика создания образа союзников* и *тактика стереотипизации* для стратегии «убеждения» и *разведывательная тактика*, *тактика моделирования благоприятной альтернативной ситуации*, *тактика презентации возможной альтернативы* для стратегии «совместного поиска альтернативного решения» адекватно отражают общие стратегии участников (медиатора и сторон), однако не обособляют речевое поведение медиатора, для которого они характерны, но имеют свою специфику, например: не *тактика ложной аргументации*, а ***проверка медиатором аргумента стороны на реальность***, не *тактика презентации потенциальных угроз*, а ***отделение фактов от эмоций*** и ***ориентация сторон на будущее***, не *тактика презентации возможной альтернативы*, а ***подведение сторон к поиску этой альтернативы***. Требует уточнения *стратегия трасформации конфликта*, описываемая в *тактике обращения к чувственной стороне конфликта*. Чувственной или эмоциональной? Трансформируются ли в таком случае когнитивный и вербальный компоненты в медиации? Требуют также уточнения выделяемые исследователями кооперативные и конфронтационные

стратегии [Моногарова, 2016 (б); Прохорова, 2023]. В ряде случаев не ясно, относятся ли они ко всем участникам дискурса медиации или только к сторонам конфликта. В тесной связи с вопросом о речевых стратегиях медиатора стоит также вопрос о цели медиации, так, мы уже подвергали сомнению цели: *разрешение спора*, *примирение сторон* и *достижение компромисса*.

Считаем необходимым заключить, что выделенные в лингвистике стратегии в медиации являются научно обоснованными и объективно отражают действительность в медиации, но ***с ракурса внешнего институционального дискурса***, представляющего общение между потенциальными клиентами медиатора, которыми и являются лингвисты, исследователи закрытого от непосредственного наблюдения дискурса медиации. Однако при изучении стратегий медиатора «извне» остаются нерассмотренными основные акценты в деятельности медиатора, диктуемые ценностно-регулятивными координатами профессии. ***С исследовательской позиции внутреннего и стандартного модусов общения в медиации*** обнаруживаются закономерности, недоступные для научного поиска ранее. Настоящая работа представляет собой исследование «изнутри», когда лингвистическое познание дискурса медиации и языковой личности медиатора осуществляется ***лингвистом-медиатором***, приобщенным к аксиосфере медиации. Включенность в профессиональный дискурс позволяет выделить сущностные связи, значимые именно для языковой личности медиатора, и уточнить коммуникативные стратегии нейтрального организатора конфликтных переговоров в отличие от коммуникативных стратегий конфликтующих сторон. Обращение к рефлексиям практикующих медиаторов здесь только обогащает лингвистическое описание.

Включенность в профессиональный дискурс дает, например, возможность утверждать, что вне зависимости от сферы применения медиации, от вида медиации и конкретной ситуации конфликта/спора переговоры в медиации имеют определенную структуру, которой придерживается медиатор и в которой он ориентирует стороны в ходе их контролируемого взаимодействия. Дискурсивное пространство медиации имеет более-менее четкую организацию, соблюдение

которой, согласно рефлексиям медиаторов, позволяет *«устранить неопределенность, которую испытывают стороны, вступая в процесс посредничества»* [Мешкова, 2020, с. 125]. Медиация – это *«четко организованный алгоритм переговоров, или последовательность этапов, которые обязательны для успешности всего процесса»* [Аллахвердова, 2007, с. 153].

Медиатор реализует *«механизм урегулирования спора в виде структурированного процесса, который обычно ограничен одной или несколькими сессиями»* [Плотников, 2016, с. 17]. Средняя продолжительность одной сессии – примерно 3–3,5 часа, есть указание на 2–2,5 часа [Азарнова, 2015, с. 12], в исследовании медиации есть также упоминание о продолжительности встреч более 6 часов [Дронзина, 2015, с. 285].

Минимальная продолжительность сессии не ограничена, но *«расчитывать на то, что стороны смогут значительно продвинуться в направлении разрешения конфликта за пятьдесят минут – час, как правило, не приходится», при длительном же проведении медиации стороны и медиатор утомляются и уже «не могут работать с высокой продуктивностью»* [Азарнова, 2015, с. 12–13]. Как отмечается медиаторами, одной сессии для урегулирования разногласий бывает недостаточно: количество встреч лимитируется *«моментом завершения переговоров, когда стороны договорятся или решат прекратить медиацию вообще»* [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 29]. Медиатор А.Н. Азарнова отмечает в связи с этим: *«Необходимое количество встреч трудно предугадать заранее, все зависит от сложности спора, готовности сторон двигаться в конструктивном направлении, наличия у них всей полноты необходимой для разрешения спора информации и ряда других факторов»* [Азарнова, 2015, с. 12].

Единичная встреча называется *медиативной* (*медиационной, медиаторской*) сессией или *сессией медиации*. Каждая сессия представляет собой коммуникативное событие, организуемое медиатором и происходящее в коммуникативной ситуации дискурса медиации. В интерпретации коммуникативного события в медиации будем следовать терминологии И.Н. Борисовой, согласно которой коммуникативное событие – «ограниченный в

пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов, динамическое событие-процесс» [Борисова, 2001, с. 11]. Медиатор руководствуется в своей деятельности ситуацией, социальными условиями, нормами и правилами коммуникативного события. В коммуникативном событии «медиативная сессия» определим его процессуальное измерение, образуемое соотношением трех параметров: коммуникативная цель, коммуникативное поведение и результат. Статическое измерение коммуникативного события определим через коммуникативную ситуацию (условия) и социальные ограничения (нормы, конвенции, правила).

Коммуникативная цель медиативной сессии – это коммуникативная цель процедуры медиации: осуществление коммуникации между сторонами с помощью независимого посредника и самостоятельное совместное нахождение сторонами взаимовыгодного решения. Результатом коммуникативного события «медиативная сессия» является результат, полученный в результате медиативных переговоров в виде решения, удовлетворяющего обе стороны. Для процесса медиации значимо коммуникативное поведение медиатора, организующего коммуникативное событие в определенных условиях и с учетом всех ценностно-регулятивных координат его профессиональной деятельности.

Каждая медиативная сессия планируется как ряд последовательных шагов, каждый из которых представляет собой жанр коммуникативного события, то есть «социальную конвенциональную форму организации коммуникативной и практической деятельности участников общения», «социально закреплённую форму коммуникативного взаимодействия, которая определяется единством его условий, функций и инвариантными признаками речевого поведения его участников, заданными социальными нормами и правилами» [Борисова, 2001, с. 15]. В рамках жанра медиатор выбирает коммуникативные стратегии.

Традиционно медиация состоит из следующих этапов: 1) введение в процесс медиации; 2) презентация сторон – рассказ каждой стороны о сути разногласий; 3) дискуссия по выработке вопросов для обсуждения и переговоров; 4) кокус (индивидуальная беседа с каждой из сторон); 5) дискуссия по выработке

возможных предложений для урегулирования конфликта; 6) подготовка проекта соглашения; 7) выход из медиации [Аллахвердова, 2007, с. 153]. Каждый этап (стадию) можно рассматривать как жанр коммуникативного события «медиативная сессия», так как на каждом этапе предусматривается определенный тип речевого поведения, которое задается ролью участников коммуникации в соответствии с жанровыми предписаниями, для каждого этапа характерны определенные стратегии и тактики коммуникативного поведения медиатора и сторон, наконец, каждый этап представляет собой определенный коммуникативный эпизод со своим диктумным содержанием (отметим, что событийное содержание рассматривается как один из жанрообразующих признаков [Шмелева, 1997]). Каждый жанр коммуникативного события «медиативная сессия» раскрывает так называемые «коммуникативные ценности» [Дементьев, 2016, с. 4], существующие в соответствии с базовыми ориентирами языковой личности медиатора и составляющие аксиосферу медиации.

Итак, коммуникативные стратегии и тактики языковой личности медиатора представляют собой совокупность конвенциональных речевых поступков, которые медиатор осуществляет с учетом взаимодействия со сторонами конфликта. Коммуникативные стратегии и тактики выбираются медиатором согласно коммуникативным целям процедуры медиации и в соответствии с выбранным жанром коммуникативного события «медиативная сессия» в процедуре медиации. Стратегии и тактики языковой личности медиатора оформляются в статически оформленных речевых продуктах, речевых комплексах, которым мы можем дать лингвистическую интерпретацию.

3.1.2 Введение в процесс медиации

Введение в процесс медиации (*вступительное слово медиатора*) представляет собой устный монолог медиатора с элементами диалогового взаимодействия со сторонами. Данный жанр открывает медиативную сессию.

Несмотря на зачинный характер вступительной речи в медиации, вступительное слово медиатора кардинально отличается от стереотипного вступительного слова в риторике. Обращение к теории вступительного слова в устной коммуникации, где для введения обычно нет четких рекомендаций и, как отмечается, логика оформления выражаемого содержания весьма вариативна [Александров, 1999, с. 36–38], а само вступительное слово рассматривается как эпидейктический жанр, для которого характерно обрамление события [Анисимова, Гимпельсон, 2004, с. 228] и подготовка слушателя к восприятию основного содержания, позволяет нам рельефно обозначить особенности вступительного слова медиатора.

В медиации вступительное слово является не только эпидейктическим жанром, то есть является самим событием, содержательно значимым для медиативной сессии. Основная цель введения в медиацию, согласно О.В. Аллахвердовой, – *«подготовить стороны к переговорам, т. е. сделать процесс медиации ясным и предсказуемым для участников переговоров»* [Аллахвердова, 2006, с. 40], но для вступительного слова медиатора недостаточно 3–5 минут, необходимых для обычного вступительного слова в устной коммуникации. Введение в процесс медиации по времени занимает по разным данным 10–15 (15–20) минут. Это, прежде всего, настройка участников медиационной сессии на работу в рамках проживаемого коммуникативного события. Выделяемые задачи этой стадии процесса медиации для медиатора: *«познакомиться и наладить конструктивный контакт со сторонами; уточнить готовность урегулировать свой конфликт и проинформировать их об основных принципах и правилах поведения во время медиации; рассказать о том, что будет происходить в течение сессии медиации; рассказать об ответственности сторон в процессе медиации и о роли медиатора; определить регламент работы; создать атмосферу доверия к медиатору, чувство безопасности и равноправия сторон; ответить на вопросы сторон и обеспечить все необходимые потребности сторон на время ведения переговоров»* [Медиация, 2016, с. 209].

Введение в процесс медиации (*вступительное слово*, *вступительная речь медиатора*) не готовит стороны к восприятию содержания так называемой «основной части» коммуникативного события, но уже включает основную информацию по условиям и правилам проведения переговоров и готовит стороны к работе в медиативной сессии. Соглашаясь с тем, что вступительное слово медиатора не является центром мероприятия, мы, тем не менее, не можем однозначно утверждать, что вступительное слово медиатора участвует в обрамлении медиации, так как в процедуре медиации выделяется еще нулевая стадия, которая *«может отсутствовать или быть сведена к минимуму, а может быть объемнее, чем все остальные»* [Иванова, 2021 (г), с. 3].

Нулевая стадия – подготовка к медиации, или премедиация – *«комплекс действий организатора медиации <…> по анализу и подготовке конфликта/спора для его дальнейшего урегулирования посредством переговоров с участием нейтрального посредника (медиации), а также организации проведения непосредственно процедуры медиации»* [Карпенко, Яковлева, 2016, с. 163]. Функциональные обязанности медиатора на данной стадии: привлечение сторон к участию (инициирование медиации); информационная, технологическая, психологическая самоподготовка медиатора, выявление круга сторон, сбор информации о ситуации и истории ее возникновения; определение медиабельности конкретного случая; организационная подготовка (выбор места и времени проведения медиации, документальное сопровождение); создание атмосферы доверия, налаживание контакта со сторонами; психологическая и информационная подготовка сторон в сложных случаях и т.п. [Иванова, 2021 (г), с. 3–4; Карпенко, Яковлева, 2016]. Премедиация рассматривается как этап подготовки к медиации, но не всегда представляет собой коммуникативное событие, тем более не выделяется как отдельная стадия, то есть в нашем понимании как отдельный жанр коммуникативного события «медиативная сессия», так, за премедиацией не обязательно следует процесс медиации, поскольку при подготовке к медиации решаются, например, вопросы, связанные с возможностью участия медиатора в данном конкретном споре.

Итак, вступительное слово как жанр коммуникативного события «медиативная сессия» длится примерно от 10 до 20 минут и содержит компонент основной информации, не сводимой только к эпидейктическим функциям. ***Диктум*** жанра вступительного слова медиатора выражается в пропозиции: ***Медиатор сообщает о том, что и как будет происходить*.**

По нашим наблюдениям, структура вступительного слова медиатора содержит обязательные разделы, число которых не сводится к трем, как во введении к обычному устному выступлению. В каждом разделе мы видим реализацию коммуникативной стратегии (коммуникативного плана [Иссерс, 2009, с. 95]) медиатора: **знакомство**, **проверка полномочий**, **согласование времени**, **определение медиации**, **раскрытие принципов медиации**, **обозначение ответственности медиатора и сторон**, **определение регламента**, **решение процедурных вопросов**, **сообщение правил медиации**.

1. Знакомство

Выделяемая нами стратегия знакомства реализуется в следующих тактиках:

– ***приветствие сторон и самопрезентация медиатора****:*

«Добрый день, меня зовут Валентина Сергеевна Лепешкина, я являюсь профессиональным медиатором, имею юридический опыт более 10 лет».

Указанная тактика реализуется в формуле, которая не является просто этикетной. Здесь она произносится в ситуации, когда стороны и медиатор уже сидят за столом переговоров, то есть до этой ситуации стороны пришли к медиатору, обмен этикетными формулами приветствия и знакомства уже состоялся, стороны провели в комнату переговоров, предложили занять места за столом, предложили им бумагу и ручки. Вербализация тактики медиатора представляет собой формулу, с которой начинается структурированная процедура, ритуал медиации, это дискурсивно релевантный речевой комплекс, обязательный даже тогда, когда стороны и медиатор поздоровались друг с другом и познакомились. Самопрезентация обязательно включает в себя самоподачу как профессионального медиатора, подкрепляемую указанием количества лет работы

в сфере, смежной с медиацией, и рассчитанную на создание атмосферы доверия сторон. Варианты тактики:

«Здравствуйте, меня зовут Людмила, и я сегодня буду вашим медиатором».

«Здравствуйте! Я хотела бы представиться. Моя фамилия Романовская Светлана Юрьевна».

«Добрый день, меня зовут Киселев Евгений Эдуардович, я сегодня проведу переговоры между вами».

«Здравствуйте, меня зовут Анна. Я сегодня здесь для того, чтобы провести переговоры для решения ситуации, которая сложилась между вами».

«Здравствуйте, меня зовут Татьяна Беляева, и я медиатор Центра медиации и переговоров. Спасибо за то, что выбрали наш Центр и меня в качестве медиатора. Надеюсь, наше сотрудничество будет благотворным».

В последнем примере медиатор медиатор представляет себя членом сообщества медиаторов и благодарит стороны за выбор Центра и себя в качестве медиатора. В указанных речевых комплексах видим значимую замену слова «медиатор» на описательные конструкции, которые на данном этапе переговоров способствуют достижению коммуникативной ясности: *«я сегодня проведу переговоры между вами»*, *«я здесь для того, чтобы провести переговоры для решения ситуации, которая сложилась между вами».* Тактика приветствия сторон и самопрезентации медиатора обычно объективируется в одном речевом комплексе, однако иногда два компонента тактики разрываются, и медиатор добавляет информацию к самопрезентации уже после знакомства со сторонами:

«Я представляю единый центр медиации и миротворчества и являюсь профессиональным медиатором на протяжении уже 12 лет».

Для логического продолжения монолога медиатора это является оправданным, поскольку медиатор дальше переходит к определению слова «медиатор»: *«Медиатор – это человек, …»* Как видим, реплик медиатора дискурсивно обусловлены.

– ***самопредставление сторон и уточнение медиатором удобных для сторон обращений**:* здесь стороны сообщают, как к ним можно обращаться во время переговоров. Тактика реализуется в следующих речевых комплексах:

«Представьтесь, пожалуйста. Как к вам можно обращаться во время переговоров?»; «Как я могу к вам обращаться?»; «Прежде чем начать медиацию, представьтесь, пожалуйста, назовите ваше имя и должность».

Тактика самопредставления сторон является тактикой, характеризующей коммуникативное поведение сторон, однако импульсом для самопредставления выступают директивы, выраженные в глаголах в повелительном наклонении или в вопросах, побуждающих стороны представиться. Импульс для самопредставления может быть выражен невербально в виде взгляда в сторону второго медианта после самопредставления первого:

Медиатор: *«Скажите как к вам я могу обращаться?»*

Сторона 1: *«Наталья Сергеевна».*

Медиатор: *«Вы хотите, чтобы я полностью…»*

Сторона 1: *«Не-ет, давайте просто Наталья».*

Медиатор: «Спасибо». (Невербальный вопрос у другой стороны.)

Сторона 2: *«Я представитель фирмы «Эверест», меня зовут Максим, можно просто Максим».*

Медиатор: *«Спасибо».* (Медиатор записывает имена.)

Речевое поведение медиатора осуществляется с учетом медиантов в тесной связи с их речевыми поступками навстречу медиатору. Самопредставление сторон сопровождается отслеживанием и выравниванием дисбаланса в обращении:

«Насколько Вам удобно/комфортно, если я (или другая сторона) буду (будет) обращаться к Вам …?»

«Действительно ли Вам удобно, чтобы к Вам обращались только по имени?»

Уточнение формы обращений важно не только для удобства коммуникации, но и для соблюдения принципа равенства сторон, например:

Медиатор: *«Давайте определимся, как мы будем обращаться друг к другу в процессе переговоров».*

Сторона 1: *«Меня можно называть по имени-отчеству, Марией Тимофеевной».*

Медиатор: *«Спасибо. А Вас?»*

Сторона 2: *«А меня можно звать просто Анютик».*

Медиатор: *«Эээээ... Анютик?»*

Для выравнивания ролей в коммуникации медиатор, видя, что стороны представляются только по именам, может тоже предложить им обращаться к себе по имени: *«Ко мне тогда можно тоже обращаться Евгений».*

– ***решение вопросов с представителями сторон****:*

Примеры речевого воплощения указанной тактики наблюдаем в просьбе представителей, с которыми пришли стороны, представиться:

«Прошу вас представиться».

И в констативах, фиксирующих институциональные факты:

«Вы можете присутствовать на переговорах. Если у Вашего доверителя будут вопросы, мы сможем прерваться».

2. Проверка полномочий

В рамках данной коммуникативной стратегии медиатора мы выделяем следующие тактики:

– ***проверка присутствия всех необходимых участников медиации****:*

Примеры речевой реализации:

«Для того, чтобы нам начать переговоры… Все ли лица, принимающие решения по вопросу, с которым вы пришли, сейчас здесь?»

«Скажите мне, пожалуйста, здесь присутствуют все, кто влияет на решение ситуации?»

«Все ли, кто влияет на решение ситуации, здесь присутствуют? Необходимо ли нам еще кого-то позвать?»

«Не нужно ли позвать доверителя?»

Последний из приведенных в пример речевых комплексов тесно связан со следующей тактикой:

«У Вас есть полномочия на принятие решений? Не нужно ли позвать доверителя?»

– ***определение ответственных за решения/оплату**:*

Здесь медиатор уведомляет стороны о стоимости и порядке оплаты или запрашивает информацию об ответственности за принятие решений. Профессиональные медиаторы осуществляют медиацию как на платной, так и на бесплатной основе, поэтому данная коммуникативная тактика является иногда факультативной, также и в связи с тем, что оплата услуг медиатора осуществляется до начала процедуры медиации, после подписания соглашения о проведении процедуры медиации. Вопросы оплаты решаются медиатором ситуативно, в этических нормах прописывается: *«Процедура медиации не может быть начата без ясно выраженного согласия сторон на соответствующее вознаграждение»*. Вместе с тем, медиатор может процитировать текст Закона о медиации:

«Оплата деятельности по проведению процедуры медиации медиатора, медиаторов и организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, осуществляется сторонами в равных долях».

Тактика является интегративной, так как ее реализация характеризуется речевой ситуативностью. Так, для участника-несовершеннолетнего в восстановительной медиации обязательно присутствие педагога или психолога, или законных представителей. Определение ответственных за решение объективируется в контексте определения состава участников:

«Хочу начать с представления участников сегодняшней встречи. Сегодня пришли ..., его родители, социальный работник ... Мой помощник-соведущий – ... <…> Напоминаю, что основными участниками нашей встречи являются непосредственные участники ситуации».

Нередко тактика интегрируется в стратегию определения медиации и определения ответственности медиатора и сторон:

«Я хочу обратить ваше внимание на то, что медиатор не является судьей, я не выношу решения и в связи с этим я хотела бы задать вам несколько вопросов и пояснить, что из себя представляет процедура медиации…»

– ***проверка согласия сторон на переговоры в составе присутствующих участников****:*

Пример речевой реализации выделенной нами стратегии:

«Считаете ли вы, что в таком составе мы можем начать работать?»

Медиатор запрашивает информацию и удостоверяется о возможности работы в сложившемся составе участников. Понимая, например, что кого-то из дополнительных лиц не хватает, медиатор уточняет у сторон:

«Вы понимаете, что мы можем встретиться и второй, и третий раз?»

Коммуникативно-интенциональное содержание данного речевого акта заключается в утверждении возможного развития переговоров.

3. Согласование времени

Здесь выделяем следующие коммуникативные тактики:

– ***указание на длительность процедуры медиации (медиативной сессии)****;*

– ***запрос информации у сторон о располагаемом ими времени****.*

Обе тактики используются медиатором вместе. Медиатор констатирует факты из опыта проведенных медиаций и запрашивает информацию о наличии необходимого времени для переговоров:

«Есть ли у вас сегодня время для переговоров?»

«Процедура медиации занимает около трех часов. Скажите, располагаете ли вы таким временем? <…> То есть можно расчитывать на то, что 3 часа все-таки можно будет сегодня как-то найти?»

«Наталья, Олег, обычно такие встречи 2–2,5 часа. Вы обладаете таким временем?»

«Обычно медиация длится 2,5–3 часа. Иван Иванович, располагаете ли Вы таким временем? А Вы, Мария Ивановна, располагаете ли Вы сегодня этим временем?»

В реализации данных тактик, как и в реализации других тактик медиатора, следует обратить на невербальное поведение нейтрального посредника. Это равная зрительная обращенность к сторонам и одинаковая жестикуляция. Медиатор не смотрит перед собой, он смотрит то на одну сторону, то на другую, иногда

медиатор направляет к каждой стороне правую или левую руки (стороны сидят справа и слева от медиатора и напротив друг друга) ладонью вверх – позиция, располагающая к установлению контакта, общению, доверию.

– ***обсуждение возможного варианта проведения медиативной сессии с учетом занятости сторон****:*

Вариант речевого проявления тактики, которая объективируется во взаимодействии со сторонами:

Медиатор: *«Давайте проговорим, сколько времени есть у Светланы и у Дмитрия на сегодняшнюю встречу».*

Сторона 1: *«Я не спешу».*

Медиатор: *«Не спешите? Ну, скажем так, часа 2–3? Дмитрий, Вы как?»*

Сторона 2: *«Пара часов есть».*

Медиатор: *«Пару часов, то есть в 2 часа мы должны будем с вами уложиться. Так, сейчас время второй час, «час: пятнадцать», значит в «три: пятнадцать» примерно мы должны закончить наши переговоры».*

Если временем в 2,5–3 часа стороны не располагают, то медиатор, например, спрашивает стороны:

«Стоит ли сегодня начинать медиацию?»

Если стороны располагают меньшим временем, медиатор может предложить, что́ в процедурном плане можно будет сделать в этот день за это время, или предложить сторонам перенести встречу на другое время, на другой день, например, говорит:

«Предлагаю поработать 2 часа и в случае, если времени не хватит, перенести продолжение встречи на другой день».

Другой вариант дискурсивно релевантного речевого комплекса:

Медиатор: *«Каким временем вы располагаете?»*

Сторона 1: *«Пока не решил. У меня это очень важный вопрос, и мне надо его решить».*

Медиатор: *«То есть можете и полтора, и два часа?»*

Сторона 1: *«Хоть весь день».*

Медиатор: (вопрос взглядом, обращенный ко второй стороне)

Сторона 2: *«Двумя часами располагаю».*

Медиатор: *«Тогда мы предварительно определим, что переговоры будут продолжаться два часа, сейчас у нас 14:05. До 16:05 мы работаем и, если что, то определимся дальше».*

Обратим внимание, что для коммуникативной стратегии «согласование времени» медиатор фиксирует время на часах и четко обозначает длительность медиативной сессии для сторон.

4. Определение медиации

По нашим наблюдениям, данная стратегия реализуется даже тогда, когда стороны знают, что такое медиация и пользовались услугами медиатора ранее. Стратегия представляет собой обязательный процедурный компонент в речевой практике медиатора. Выделяем здесь следующие коммуникативные тактики:

– ***разъяснение сторонам сути медиации****;*

– ***определение роли медиатора****;*

– ***запрос у сторон готовности работать в конструктивном диалоге****.*

Пример фрагмента речи медиатора, соответствующий указанным коммуникативным тактикам:

«(1) *Медиация – это переговоры с участием третьей нейтральной стороны, направленные на урегулирование спора с учетом интересов его участников.* (2) *Я как медиатор – ваш нейтральный посредник на переговорах, я буду помогать вам прийти к наилучшему для вас обоих решению.* (3) *Важно, чтобы вы сами хотели этого. Заинтересованы ли вы сегодня в поиске наилучшего для вас обоих решения с моей помощью?»*

Мы видим здесь последовательную вербализацию трех взаимосвязанных тактик: медиатор объясняет, что такое медиация и медиатор, и уточняет готовность сторон урегулировать конфликт. Заметим здесь, что само слово «конфликт» медиатором не употребляется, медиатор его сознательно избегает и не только в указанном примере. Варианты определения медиации и медиатора дают нам тому подтверждение:

«Медиация – это особым образом организованные переговоры с участием третьей стороны, нейтральной, медиатора. Медиатор ведет эти переговоры и помогает найти вариант, который устроит обе стороны».

«Медиация – это переговоры с помощью нейтрального посредника, медиатора, в данном случае меня».

«Медиатор – это человек, который непосредственно помогает вам в разрешении вашей спорной ситуации».

«Медиация – это прежде всего переговоры между вами как сторонами, как лицами, которые находятся в некой сложной ситуации либо конфликтной ситуации, при участии нейтрального лица, в данном случае меня, медиатора».

Для указанной в примерах номинации *конфликтная ситуация* имеется альтернатива, смягчающая конфликтоген: *в некой* ***сложной ситуации*** *либо конфликтной ситуации.*

Как видим из примеров, медиатор четко отделяет себя от сторон, говорит «я», «меня» и «вы», «ваш», а не «мы», соблюдая принцип нейтральности. Речь медиатора четкая и однозначная. Тактика запроса у сторон готовности работать в конструктивном диалоге реализуется как в вопросе («*Заинтересованы ли вы сегодня в поиске наилучшего для вас обоих решения с моей помощью?» / «Готовы ли вы сегодня к конструктивному диалогу?»)*, так и в констатации готовности работать в медиации: *«Я искренне рад Вашему решению урегулировать возникшую спорную ситуацию при содействии посредника. Вы пришли на медиацию и тем самым сделали первый шаг на пути к заключению соглашения».*

В дискурсе медиации запрос на готовность работать с конфликтом может проговариваться медиатором как данность и выражаться, например, в ряде фраз, рассредоточенных в сообщении медиатора об истории обращения к медиатору:

«Здесь присутствуют Светлана и Дмитрий. ***Светлана обратилась ко мне****, я просто кратко историю напомню, как это было.* ***Светлана обратилась ко мне*** *с вопросом по алиментам. Поскольку вы живете раздельно, дети живут у Светланы,* ***у Светланы возник вопрос****, каким образом она может взыскивать с Вас алименты. Я, выслушав историю Светланы, предложила ей такой вариант –*

медиацию, потому что, на мой взгляд, (решить) данный вопрос путем медиации – это наиболее правильный путь во всех отношениях. После этого я позвонила Дмитрию, с Дмитрием мы разговаривали только по телефону, ***Дмитрий тоже согласился поучаствовать*** *в процессе переговоров».*

5. Раскрытие принципов медиации

Выделяем здесь следующие коммуникативные тактики:

– ***перечисление принципов медиации, которых должны придерживаться все ее участники****;*

– ***раскрытие содержания каждого принципа****;*

– ***запрос готовности соблюдать принципы медиации****.*

Примеры реализации указанных тактик коммуникативного поведения медиатора наблюдаем в монологическом высказывании медиатора:

«Переговоры, именуемые медиацией, основаны на определенных принципах. Это принципы нейтральности, конфиденциальности, добровольности, равноправия и сотрудничества. Принцип нейтральности означает, что я как медиатор не являюсь вашим судьей. Медиатор не принимает решения, кто прав и кто виноват, не оценивает доказательства. Медиатор не заинтересован в разрешении ситуации в пользу той или иной стороны. Я не состою в близких или родственных отношениях ни с одной из сторон. Будучи нейтральным (нейтральной), я буду организовывать встречу так, чтобы вы могли высказать все, что хотите, и чтобы вы были полностью выслушанными. С моей стороны не может быть никакой предвзятости.

Участвуя в процедуре медиации, вы не имеете никаких рисков. Я не могу свидетельствовать против вас в суде. Согласно Федеральному закону № 193, медиация является конфиденциальной процедурой. Я не имею право разглашать информацию, которую я узнаю, не могу никому рассказывать, кто ко мне обратился, по какому вопросу, к каким решениям стороны пришли. Конфиденциальность касается не только меня. Во время процедуры медиации не разрешается аудио- и видеосъемка. Ничего нельзя записывать на диктофон. Записи на бумаге, которые я буду делать, я уничтожу в конце процедуры медиации

в вашем присутствии. Нужны ли вам какие-то дополнительные гарантии конфиденциальности? Вы готовы сейчас это обсудить, или мы вернемся к этому вопросу позднее?

Принцип добровольности означает, что вы добровольно участвуете в процедуре медиации, никто не может вас заставить участвовать в медиации. Добровольно ли Вы пришли сюда, Иван Иванович? Добровольно ли Вы пришли сюда, Мария Ивановна? Добровольность означает также, что я как медиатор свободно выбран (выбрана) вами для осуществления процедуры медиации, никто вам не запрещает отказаться от процедуры медиации на любом из ее этапов. Если вы почувствуете, что что-то идет не так, скажите мне об этом. Я также, если сочту продолжение переговоров нецелесообразным, могу прекратить процедуру медиации.

Принцип равноправия означает, что все решения принимаются по обоюдному согласию сторон. Обе стороны имеют одинаковую возможность высказать свою точку зрения, имеют равное право на общение в индивидуальном порядке с медиатором. Продолжительность индивидуальных бесед будет одинаковой. И Вы, Иван Иванович, и Вы, Мария Ивановна, в равной степени можете предлагать решения по ситуации. Принцип сотрудничества означает, что вы пришли сюда для поиска взаимовыгодного решения, для переговоров, которые позволят вам найти решения, которые устраивали бы обе стороны. Готовы ли Вы, Иван Иванович, к совместному поиску взаимовыгодных решений? Готовы ли Вы, Мария Ивановна, к совместному поиску взаимовыгодных решений?»

Представленный фрагмент вступительного слова медиатора является одним из возможных вариантов речи медиатора. Инвариант обеспечивается обозначенными тактиками и принципами медиации, соблюдаемыми в вербальном и невербальном поведении медиатора. Коммуникативная стратегия – это «общие стереотипы построения процесса коммуникативного воздействия в зависимости от условий общения и личности коммуникантов» [Лемяскина, Стернин, 2000, с. 11]. Коммуникативная стратегия раскрытия принципов медиации в конкретной

ситуации разворачивается по-разному. В дополнение к раскрытию принципа конфиденциальности уточним, что гарантией конфиденциальности является, например, заключение соглашения о конфиденциальности [Шамликашвили, 2017 (б), с. 60], *«наиболее распространенным инструментом, используемым сторонами в целях обеспечения конфиденциальности медиации, является оговорка о конфиденциальности в соглашении о проведении медиации»* [Комментарий к Федеральному закону…, 2012, с. 62]. В обозначении принципа добровольности медиатор может дополнительно запросить информацию у обеих сторон о добровольном выборе медиатора:

«Добровольно ли вы выбрали Центр медиации и меня как медиатора?»

Раскрывая принципы медиации, медиатор следит за собой с точки зрения соблюдения этих принципов им самим: так, медиатор не объединяется со сторонами в вербальном *мы*, иногда говорит о себе нейтрально в третьем лице («*медиатор*»), уделяет равное внимание каждой из сторон. Медиатор заботится о том, чтобы быть услышанным, не рассказывает о принципах медиации «для себя», поддерживает психологический контакт с обеими сторонами. Медиатор поддерживает зрительный контакт со сторонами, говорит четко, ясно, уверенно.

6. Обозначение ответственности медиатора и сторон

Коммуникативные тактики, реализуемые на данном этапе:

– ***обозначение ответственности медиатора****:*

Медиатор подчеркивает свою роль, отличающуюся от роли стороны, советника, консультанта, судьи:

«Как организатор переговоров я не могу давать консультации, но я несу ответственность за ход переговоров. Я буду стараться, чтобы встреча была конструктивной, чтобы соблюдались принципы медиации, чтобы медиативное соглашение соответствовало вашим интересам».

Мы видим констативное высказывание в фиксации того, что может и что не может делать медиатор, и промиссивное высказывание, в котором медиатор обещает, берет на себя обязательство, выражаемое в ряде процессуальных

действий: контролировать соблюдение принципов медиации, следить, чтобы принятые сторонами решения соответствовали их интересам.

Другой пример обозначения ответственности медиатора:

«Медиатор помогает вам прийти к взаимовыгодному решению, но роль медиатора не сводится к тому, что медиатор выносит какое-то решение, либо дает какую-то рекомендацию, то есть всё зависит от вас, медиатор лишь помогает вам прийти к вашему решению. Медиатор не является арбитром, судьей, даже если есть юридическое образование, медиатор не имеет права давать вам юридических советов, консультаций, либо каким-то образом оценивать ваши аргументы, которые вы, может быть, будете приводить в процедуре медиации, то есть медиатор сохраняет нейтралитет. И еще одна задача медиатора – это сохранять ваше равенство, равенство сторон в медиации, это означает, что вы равны, вы можете высказывать свои предложения, вы можете обсуждать предложения друг друга, задавать друг другу вопросы, ни одному из вас не дается никакого предпочтения. То есть вы равны, а я медиатор – нейтральный».

В данном фрагменте видим апелляцию к принципам нейтральности и равенства. Тактики медиатора вербализуются, сворачиваются и разворачиваются в ситуативно обусловленных речевых комплексах, последовательность которых определяется в ходе взаимодействия всех участников в дискурсе медиации.

– ***обозначение ответственности сторон****;*

– ***запрос у сторон готовности принять на себя обозначенную ответственность***.

Пример указанных тактик видим в речевом комплексе:

«Но ответственность за принятие решений лежит на вас. Вы несете полную ответственность за то, о чем договоритесь сегодня, и за исполнение принятого соглашения. Готовы вы принять на себя такую ответственность?»

Медиатор обращается с вопросом к каждой из сторон:

«Вы, …, …? А Вы, …, …?»

Обозначая зоны ответственности, медиатор подчеркивает, что никто за стороны решение не принимает, ни к какому решению их не ведет, а если стороны принимают решение, то сами за это решение ответственны:

«Вы можете поставить на обсуждение любые вопросы, которые, на ваш взгляд, имеют существенное значение для урегулирования спора».

«Никто кроме вас не знает больше о сложившейся проблемной ситуации. Поэтому только вы можете принять наиболее правильное решение, учитывающее все нюансы возникшего спора».

«Я как медиатор не смогу посоветовать либо указать, каким образом следует вам поступить. Только от вас зависит, будет ли заключено соглашение и на каких условиях оно будет заключено».

7. Определение регламента

О.В. Аллахвердова пишет: «Важно, чтобы первые слова медиатора давали сторонам чувство однозначности процесса медиации и неоспоримости процедурной его части» [Аллахвердова, 2006, с. 41]. Выделяемые нами коммуникативные тактики данного этапа:

– ***перечисление этапов медиации с пояснениями****:*

Пример перечисления этапов медиации:

«Встреча будет проходить следующим образом. После знакомства с правилами медиации у Вас, Иван Иванович, и у Вас, Мария Ивановна, будет возможность изложить свое видение ситуации. Каждый из вас расскажет, что случилось, и что вы хотите изменить. Затем вы можете задать друг другу вопросы и договоритесь, что для вас сегодня важно обсудить. Потом, если потребуется, я поговорю с каждым из вас отдельно. Затем вы постараетесь обсудить варианты выхода из ситуации, которые устроили бы обе стороны. Если предложения будут вас удовлетворять, то вы составите соглашение, письменное или устное. Это будет зависеть от вашего обоюдного желания».

Тактика перечисления имеет иллокутивный эффект знакомства сторон с упорядоченностью процесса медиации. Перлокуция речевого комплекса заключается в формировании доверия к тому, что будет происходить. Совпадению

интенции медиатора и интерпретации сторон относительно передаваемой информации способствует доходчивость изложения, спокойный, размеренный темп речи, четкость произношения.

– ***запрос обратной связи от сторон****:*

Медиатор далее спрашивает стороны, понятен ли им регламент, так как каждая сторона должна понимать, что с ними будут делать на медиации:

«Понятно ли по процедуре и по медиации как таковой?»

«Это понятно?»

Медиатор подытоживает, возвращаясь к описанию своей ответственности:

«Если в ходе медиации возникнут вопросы, я хочу, чтобы вы их задали, потому что это очень важно. Задача медиатора заключается не в том, чтобы отстоять чьи-то интересы. Задача медиатора заключается в том, чтобы найти ваши точки соприкосновения, ваш интерес и помочь вам достичь желаемого».

Запрос обратной связи наблюдается как в конце сообщения медиатором регламента, так и после рассказа о каждом этапе. Если стороне не понятны какие-то моменты по поводу процедуры, она может уточнить их, например:

Сторона: *«Сразу вопрос. В процессе медиации то есть я не задаю вопросы Наталье, я соответственно только задаю вопросы медиатору? И все?»*

Медиатор: *«Нет, Вы можете задать вопрос Наталье, Вы можете задать вопрос мне, но только в указанное для Вас время. <…> И конкретно: я регулирую ваше общение. Смысл медиатора – чтобы вы друг друга не перебивали. Это помогает конструктивному общению, выстроить диалог между вами. Потому что чаще всего люди не слушают друг друга, перебивают. Медиатор помогает остановить этот пыл, дослушать до конца, после чего медиатор проговаривает все, что сказала сторона для того, чтобы каждый из вас еще услышал со стороны это и (чтобы) медиатор сам убедился в том, что это действительно то, что он сам услышал».*

В описании зоны своей ответственности медиатор фактически раскрывает суть коммуникативных техник, которые он будет использовать в ходе медиации. Для медиатора важны прозрачность и отсутствие недосказанности в передаче

информации и в интерпретации этой информации сторонами. Понимание того, как будет проходить медиация, в некотором роде успокаивает стороны.

8. Решение процедурных вопросов

Данный компонент вступительного слова медиатора и коммуникативная стратегия реализуются в следующих тактиках:

– ***запрос у сторон информации о необходимости перерывов***:

Варианты реализации тактики:

«Нужны ли перерывы? Как часто? Какой продолжительностью?»

«Если вам потребуется в течение этого времени перерыв, вы мне скажите и мы обязательно его сделаем».

«И также, если потребуются перерывы по ходу работы, вы мне скажете, и мы перерывы сможем сделать».

Обобщающее *«мы»* здесь – не содержательное присоединение к сторонам, а обозначение совместного участия в переговорах, именуемых медиацией. Констатирующие утверждения в последних примерах дискурсивно предполагают реакцию сторон. Например, если стороны молчат, медиатор добавляет конкретизацию:

Медиатор: *«Если нужно будет время покурить…»* (невербальное обращение к стороне 1)

Сторона 1: (кивок)

Сторона 2: *«…»*

Медиатор: *«Вы тоже курящая, Светлана? Тогда смотрите, (если) нужно будет покурить, я человек некурящий, мне трудно здесь сказать что-либо, нужно будет время выйти?»*

Сторона 1: *«Да, разок выйду покурю».*

Медиатор: *«Если Светлана не против, тогда Дмитрий озвучивает, когда возникнет такая потребность, и выходим покурить. Насчет туалета, думаю, мы тут ограничивать ничем не будем, каждый из нас выйдет, когда ему нужно будет».*

Тактика запроса у сторон информации о необходимости перерывов связана со следующей коммуникативной тактикой:

– ***ориентация сторон по времени и пространству****:*

Элементы указанной тактики наблюдаются в определении продолжительности процедуры , однако в решении процедурных вопросов тактика реализуется в констатации времени, отведенного на перерывы, например, решение сторон медиатор резюмирует следующим образом:

«Итак, на встрече сегодня будут перерывы на отдых каждые 1,5 часа, продолжительность перерывов – 15 минут».

Ориентация по пространству эксплицируется в коммуникативных приемах указания на местоположение кулера, кофе-аппарата, туалетов и т. п., в репликах, отсылающих стороны к этапам медиации, например:

«Во время индивидуальных бесед у ожидающей стороны есть возможность попить кофе (перекусить)».

– ***решение вопросов с мобильными телефонами****:*

Данная тактика объективируется в просьбах отключить телефоны или поставить их на беззвучный режим на время процесса медиации, чтобы ничего не отвлекало от переговоров:

«Марина и Павел, давайте сейчас выключим телефоны, уберем звук, уберем телефоны для того, чтобы нам никто с вами не мешал».

«Чтобы нас ничего не отвлекало, прошу отключить сотовые телефоны. Возможно это сделать?»

Специально оговаривается необходимость звонков, не связанных с медиативной сессией, но назначенных на время медиации:

«Когда Вам позвонят (Вы должны позвонить), сообщите мне, и мы сможем прерваться…»

«Мы» здесь также указывает на участников переговоров безотносительно содержания разбираемой ситуации. Медиация – это коммуникация как минимум трех участников, исключение из взаимодействия хотя бы одного из них ведет к прекращению переговоров.

9. Сообщение правил медиации

Для данной стратегии мы выделяем следующие коммуникативные тактики:

– ***сообщение правил медиации****;*

– ***получение обратной связи о принятии/непринятии правил сторонами****.*

Пример реализации указанных тактик:

«Чтобы переговоры проходили в конструктивном русле, чтобы вы смогли спокойно и взвешенно обсудить вашу ситуацию и прийти к соглашению, удовлетворяющему обе стороны, необходимо придерживаться правил: не перебивать друг друга, дать возможность высказаться; не оскорблять друг друга, не материться, не использовать некорректных выражений; не применять физическую силу по отношению друг к другу и к медиатору; обращаться друг к другу на «вы»; не обращаться друг к другу в третьем лице. Если правила будут нарушаться, я как нейтральный посредник, как организатор переговоров и как ответственный за конструктивный диалог смогу прекратить процедуру медиации. Согласны ли Вы с правилами, Мария Ивановна? Принимаете? Согласны ли Вы с правилами, Иван Иванович? Принимаете? Спасибо».

В коммуникативной тактике ***сообщения правил медиации*** раскрываются следующие содержательные компоненты, реализуемые в коммуникативных приемах: обоснование целесообразности применения правил, перечисление правил, обозначение санкций за невыполнение правил. Тактика ***получения обратной связи*** реализуется в запросе о согласии или несогласии принятия правил. Медиатор необязательно обосновывает необходимость следования правилам:

«Прежде сем начинать процедуру медиации, хотелось бы осветить пару правил, они очень простые, но все-таки хотелось бы услышать ваше к ним отношение. Согласны ли вы говорить по очереди, относиться уважительно друг к другу, не перебивать, дать возможность каждому из вас высказаться, ну, а также соблюдать базовый деловой этикет, например, отключить мобильные телефоны, либо предупреждать, если вдруг потребуется перерыв, либо выйти для каких-то своих дел? Согласны ли Вы соблюдать данные правила, Анна? Алексей?»

Стороны могут предложить свои дополнительные правила. Содержание и перечень правил варьируется, однако содержательный конструкт предлагаемых правил исключает все, что может поддерживать неконструктивное общение: авторитарный тон (проявление неравенства сторон), негативная лексика и другие конфликтогены. Наблюдаются случаи, когда медиатор предлагает заключить устное соглашение (письменное, если захотят стороны):

«Для того, чтобы переговоры проходили конструктивно, необходимо заключить соглашение вежливости. Это означает, что вы будете давать возможность друг другу высказаться, не будете друг друга перебивать, использовать нецензурную лексику, оскорбления в адрес друг друга или третьих лиц и так далее, то есть соблюдать правила вежливости. Вы готовы соблюдать, Николай? Вы готовы соблюдать, Василий?»

Апеллируя к согласованным со сторонами правилам, медиатор в ходе процедуры медиации в дальнейшем может вклиниваться в перепалку сторон, например, если заметит, что стороны не обращаются друг к другу лично, а говорят так, как будто оппонент отсутствует:

«Мы приняли правила, соблюдайте их. Кто он? Какой этот?»

Рассмотренные коммуникативные стратегии вступительного слова медиатора, по нашим наблюдениям, необязательно реализуются в приведенной последовательности. В зависимости от конкретных обстоятельств медиатор может использовать не все стратегии вступительного слова. В сокращенном варианте введение в медиации ограничивается стратегиями, связанными с процедурными вопросами. В реализации коммуникативных тактик наблюдается использование объединяющей частицы «давайте», которую мы ранее рассматривали как вербальный знак, которого следует избегать при обсуждении содержания конфликта, однако при обсуждении правил и процедурных моментов, то есть там, где *«медиатор – хозяин процесса»*, «давайте» и «мы» медиатора вполне уместны и не свидетельствуют о присоединении к сторонам.

На стадии вступительного слова мы наблюдаем равенство в общении со сторонами, выражаемое вербально и невербально. В целом для речи медиатора характерны четкое проговаривание, спокойная тональность, размеренный темп, отсутствие авторитарности, доходчивое изложение. Медиатор стремится к сформировать доверие сторон к медиатору и процедуре медиации. Коммуникативные стратегии и тактики введения в медиацию способствуют достижению цели: подготовить стороны к конструктивным переговорам и сделать процесс медиации предсказуемым для сторон.

Вступительное слово как жанр коммуникативного события «медиативная сессия» длится примерно от 10 до 20 минут и содержит компонент основной информации, не сводимой только к эпидейктическим функциям. Введение в медиацию представляет собой содержательный блок, определяющий течение и условия проведения медиативной сессии, это конвенциональная форма организации коммуникативной и практической деятельности медиатора и сторон конфликта, реализуемая в монологе медиатора с элементами диалогового взаимодействия со сторонами.

3.1.3 Презентация сторон

Следующий жанр коммуникативного события «медиативная сессия» – это презентация сторон. Коммуникативная цель данного жанра – «предоставить возможность сторонам рассказать о том, что произошло, и как они видят свою ситуацию конфликта, спора» [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 30]. **Диктум жанра** презентации сторон выражается в пропозиции: ***Стороны сообщают о своем видении ситуации***.

Задачи медиатора на данном этапе регламентируются в дидактических предписаниях: внимательно выслушать стороны, предварительно установив последовательность выступлений; не допустить нарушения процедуры; уточнить у сторон правильность своего понимания того, что они говорили, или дать ясную обратную связь о том, как стороны поняты медиатором; снижать уровень

агрессивности оценок, даваемых сторонами друг другу; уточнить, что хотели бы стороны получить в результате их переговоров [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 30; Медиация, 2016, с. 211–212].

Анализ видео медиаций, рефлексия над реальными медиациями и учет нормативных предписаний в учебниках по медиации позволили нам выделить следующие стратегии коммуникативного поведения медиатора: **слушание сторон** и **отработка эмоций**.

1. Слушание сторон

Внимательно выслушать стороны – это первостепенная цель данного этапа, инициирующая коммуникацию в данном сегменте взаимодействия медиатора и сторон и необходимая для эффективного проведения медиации в целом. Коммуникативными тактиками данной стратегии являются:

– ***презентация этапа****:*

Коммуникативная реализация тактики презентации:

«Теперь вы можете изложить свое видение ситуации».

«*Начнем с высказывания точек зрения».*

«*Тогда можем начать. Сейчас каждый из вас по очереди кратко расскажет о том, с чем вы сюда пришли и что хотели бы получить в результате данных переговоров».*

Мы наблюдаем приглашение к действию – участию в презентации сторон. Модальные глаголы смягчают реквестивный речевой акт приглашения, приоритетность в выполнении действия принадлежит сторонам: *можем начать, вы можете изложить*. Процессуальная директивность некатегорична. Медиатор прибегает к описанию того, что будет делать каждая сторона, то есть фактически предсказывает, констатируя действия сторон в будущем: *«Сейчас каждый из вас по очереди кратко расскажет…».* Использование 1 л. мн. ч. глагола *начать* несет компонент значения совместного действия только в процессуальном плане.

– ***определение очередности сторон****:*

Здесь медиатор обращается к сторонам, показывая, что стороны так же участвуют в организации процесса, как и он сам, при этом учитываются интересы каждой стороны:

«Кто готов начать?»

«Кто первый хочет или может, готов начать?»

«Кто из вас хотел бы начать?»

Инициативная, стимулирующая реплика предполагает ответную реакцию сторон. Выбор первой стороны, которая будет рассказывать, определяется по ситуации, например, медиатор обсуждает этот вопрос со сторонами, информируя стороны о существующих нормах выбора первой стороны для рассказа:

Медиатор: *«Сейчас вам будет дана возможность озвучить свои позиции. Обычно начинает та сторона, которая была инициатором проведения медиации, либо, если вы в суде, то та, которая была истцом. Насколько я понимаю, судебных споров у вас не было. Или были?»*

Сторона 1: *«Были».*

Сторона 2: *«Были».*

Медиатор: *«Были? Кто был истцом?»*

Сторона 1: *«Я».*

Медиатор: *«Вы. Обычно если есть истец, тогда начинается с истца».* (Невербально обращается ко второй стороне)

Сторона 2: *«Если так принято, то почему нет?»*

Сторона 1: *«Можно начинать?»*

Медиатор: *«Да».*

Медиатор дает понять, что существуют правила, которых он в своей практике придерживается, но показывает в приведенном речевом комплексе, что переговоры проходят между сторонами, он лишь помогает им. Здесь нет директивов, которые могли бы вызвать сопротивление сторон. Следует подчеркнуть, что вопрос об очередности сторон не является простым запросом на выбор первого и второго рассказчиков, речевые комплексы, содержащие вопрос медиатора, разворачиваются в дискурсе в соответствии с существующими нормам и правилам,

зависят от ситуации и подчиняются задачам конкретного этапа жанра коммуникативного события «медиативная сессия»:

Медиатор: *«Я хочу обсудить момент, кто из вас будет первым рассказывать».*

Сторона 1: *«Давайте, поскольку я первым обратился, я и начну».*

Медиатор: *«Олег, Вы согласны говорить первым, да? В течение 5 минут».*

Медиатор поддерживает зрительный контакт со второй стороной и отслеживает согласие или несогласие второй стороны. По ситуации вместо стратегии ***определения очередности сторон*** медиатор может использовать другие стратегии: ***предложение одной из сторон рассказать суть проблемы*** и ***предложение другой стороне рассказать суть проблемы***. Нередко медиатор предлагает сторонам определить время, которое будет потрачено на высказывание каждой из сторон:

Медиатор: *«В рамках принципа равенства я хочу с вами договориться. В течение какого времени вы будете давать друг другу слово?»*

Сторона 2: *«Обычно в рамках какого времени?»*

Медиатор: *«Ну, обычно это 5 минут».*

(Невербальное согласие обеих сторон)

Медиатор: *«Вы согласны давать друг другу слово в течение 5 минут? А Вы?»*

Правила, нормы, сообщаемые медиатором, спокойный тон речи, – все это настраивает стороны на разговор, который ранее был невозможен. По словам медиаторов, медиатор ***«ставит стороны на рельсы переговоров»***. Так, медиатор предлагает для предупреждения перебивов воспользоваться атрибутом – «мячом дружбы», демонстрируя сторонам текстильный мячик:

«Для установления границ общения я использую такой интересный прием. Это мяч дружбы. Тот, кто говорит, держит в руках этот мячик. Как только вы закончили и хотите передать слово другому, вы даете мячик другой стороне. Вы согласны использовать эту технику?»

– ***активное слушание сторон**:*

При выслушивании каждой из сторон медиатор использует приемы активного слушания, например, вербальное нерефлексивное слушание:

«Продолжайте».

«В этом месте подробнее».

«Я Вас слушаю».

Или невербальное нерефлексивное: кивание; открытая поза; наклон головы набок; жесты, приглашающие продолжать; заинтересованный взгляд.

В ходе рассказа стороны медиатор делает записи. Ведение записи, как пишет О.В. Аллахвердова, полезно для медиатора, *«даже если у медиатора феноменальная память»* [Аллахвердова, 2006, с. 42]. Медиатор следит, чтобы другая сторона не вмешивалась в рассказ и не перебивала своего оппонента, при необходимости апеллируя к правилам медиации.

– ***уточнение правильности понимания сказанного стороной (сторонами)***

В процесс рассказа медиатор не вмешивается, иногда переспрашивает, если ему что-то непонятно, например:

«Если Вы не возражаете, я как человек, который не знает столько о сути спора, задам вопросы, чтобы мне была более понятна ситуация».

После рассказа первой стороны медиатор дает обратную связь в виде уточнения правильности понимания сказанного. Обычно уточнение начинается с формулы:

«Правильно ли я понимаю…»

Заканчивается уточнение вопросами:

«Так?»

«Я не упустил ничего существенного?»

«Правильно ли я Вас понял?»

Само уточнение представляет собой пересказ услышанного. Здесь используется коммуникативный прием эхо-повтора. Цель медиативной техники «эхо-повтор» – *«помочь говорящему лучше понять, прочувствовать, развернуть, развить свою мысль»* [Азарнова, 2015, с. 43]. Используя эту технику, медиатор

«демонстрирует внимание к словам говорящего и его личности», что повышает доверие к медиатору» [Базовый курс медиации…, 2011, с. 83]. Эхо-повтор фактически «гарантирует, что стороны услышали и действительно поняли друг друга»: *«Повторение сказанного, лишенное в исполнении медиатора эмоциональной окраски, направляет обсуждение сторон на содержательную сторону спора. Повторение позволяет говорящему почувствовать неточности своего текста и в своем ответе их исправить. Следует также заметить, что фиксация внимания к словам говорящего повышает его доверие к медиатору,* ***ведь люди (особенно в России) совершенно не привыкли к тому, что их слышат****»* [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 47–48]. Приведем пример:

Сторона 1: *«У меня отпуск. Я уже купил билеты. Детям обещалось уже 2–3 года. Этот санаторий жена моя пасла. И сейчас, когда билеты куплены, все командировочные оформлены, поступает задание мне сделать определенную работу, которую нужно делать с 13 июня до 29, а 12 мне уезжать. Тогда мне надо отменить отпуск, соответственно рушатся планы, 3 года назад мы наметили вместе с родственниками отдохнуть в одном месте. И теперь это все сломать из-за того, что срочно дано поручение от командира части. <…> За один день вдруг это все отменяется по причине того, что кто-то не считает, что он с чем-то справится. Вместо того, чтобы и свою квалификацию расширить, знания, полномочия, показать себя с хорошей стороны руководству… Что тут капризничать, я не понимаю?»*

Медиатор: *«Николай, правильно ли я понимаю, что у Вас планы на отпуск с 12 июня».*

Сторона 1: *«С 12 июня!»*

Медиатор: *«Вы планировали 3 года этот отпуск».*

Сторона 1: *«Да, в это место, в этот санаторий! Плюс с родственниками договорились!»*

Медиатор: *«Именно в этот санаторий планировали поездку с женой и детьми, уже купили билеты. И получили задание от командира. Задание с 13 июня.*

И Вы считаете, что Вячеслав справится с этой задачей. Это позитивно на него повлияет и покажет его с хорошей стороны».

Как видим, медиатор пересказывает содержание высказывания стороны, подытоживает сказанное, исключая эмоции, то есть он, например, не повторяет несколько раз информацию, как это звучало у стороны, не использует слова с эмоционально оценочной и эмоционально экспрессивной окраской (*«пасла»*, *«рушатся»*, *«сломать»*, *«капризничать»*). Медиатор сам не эмоционирует и держит свои эмоции под контролем, несмотря на то, что его перебивают. Медиатор в своем пересказе не повторяет интерпретацию стороны относительно того, что вторая сторона могла бы повысить квалификацию и *«показать себя с хорошей стороны начальству»*. Медиатору важно, правильно ли он излагает позицию стороны, обращая внимание на содержание поправок в перебивах стороны. Медиатор спокойно выделяет факты, структурирует сказанное. Другой пример:

Сторона: *«Мы заключили договор, что эта строительная компания делает мне ремонтные работы. По прошествию определенного времени была сделана большая часть работ, уже они были на стадии завершения. По условиям договора я оплатила 70 процентов. После того, как я должна была принять работу, я должна была отдать оставшиеся деньги. Но строители еще не ушли, не закончив. Что происходит? У меня начали отваливаться обои в одной из комнат. Естественно, я шокирована этим всем делом, обращаюсь к работникам, которые непосредственно сделали эту работу, они отказываются какие-то меры принимать. Я нормально с ними, начала звонить руководству. Никакие действия не предпринимают. В конце концов они демонстративно забрали вещи и покинули мою квартиру. Я осталась в таком ужасе: обои отваливаются, не знаю, что делать».*

Медиатор: *«Наталья, скажите, я правильно Вас поняла, что Вы заключили договор со строительной компанией на выполнение ремонтных работ в своей трехкомнатной квартире, сделали предоплату в размере 70 процентов. Но Вас не устраивает сейчас качество обоев и как они были приклеены к стене. Скажите,*

какой Вы видите выход из сложившейся ситуации? Какие требования Вы сейчас предъявляете строительной компании?»

Сторона: *«Ну, в первую очередь я не пойму ихнее хамское отношение по отношению ко мне. Я не знаю, в чем ситуация. Конечно, я прошу, как изначально просила, по-человечески, ну, приклейте мне обои, мне больше от вас ничего не нужно».*

Медиатор: *«Спасибо, Наталья. Правильно ли я Вас поняла, Вы хотите, чтобы те работы, которые были выполнены некачественно, чтобы за счет компании строительной они были доделаны полностью?»*

Сторона: *«Конечно».*

Медиатор: *«Спасибо».*

Здесь так же, как и в первом случае, при пересказе позиции стороны медиатор задает уточняющие вопросы. При этом говорит спокойно, по-деловому, выделяя факты из эмоционально переданного стороной.

В стратегии слушания мы наблюдаем, что пересказ медиатора не всегда представляет собой непрерывно звучащую речь, в конце которой делаются уточнения. Медиатор позволяет стороне вносить уточнения по ходу пересказа, но следует своему краткому изложению, корректируя его, если это необходимо.

В техниках слушания и уточнения правильности сказанного слушает не только медиатор, но и обе стороны. Первая сторона слушает свой рассказ в изложении медиатора и может прояснить для себя какие-то моменты, которые могут быть неочевидными, например, что важно определить, чего она хочет от строительной компании (во втором примере). Вторая сторона слушает первую сторону, с ее эмоциями и интерпретациями, и слушает медиатора – в фактах, передаваемых медиатором, нет ничего оскорбительного, обидного.

После презентации первой стороны следует презентация второй стороны.

2. Отработка эмоций

Данная стратегия характерна для разных жанров коммуникативного события «медиативная сессия». Здесь мы ее рассматриваем отдельно только условно,

поскольку отработка (или обработка) эмоций сторон осуществляется при уточнении информации, а также еще во введении в процедуру медиации.

На этапе представления сторон коммуникативными тактиками отработки эмоций являются:

– ***сдерживание агрессии сторон****;*

– ***предотвращение перебивов****;*

– ***отражение чувств стороны (сторон)****.*

Сдерживанию агрессии способствует как спокойное, доброжелательное, вежливое, уверенное ведение процедуры медиатором, так и сама организуемая им процедура с ее структурированностью. Обращение к правилам процедуры медиации, напоминание агрессивной стороне (сторонам) о недопустимости оскорблений и добровольном участии в переговорах для конструктивного поиска взаимовыгодных решений уже как-то стороны сдерживает. Нередко медиатор апеллирует к правилам:

«В правилах наших переговоров не оскорблять друг друга».

«Василий, я понимаю, что трудно слышать то, с чем Вы не согласны, но мы же договорились, соблюдайте правила».

В последующем, по нашим наблюдениям, нередко достаточно одного взгляда медиатора.

Необходимость сдерживания агрессии на этапе презентации сторон связывается чаще всего со стремлением сторон перебивать друг друга и с оскорблениями, которые стороны себе позволяют. Отметим здесь, что перебивы медиатора допускаются в качестве уточнений в пересказе или резюме медиатора. При агрессивных перебивах, когда сторона вмешивается, например, чтобы исправить сказанное, медиатор реагирует следующим образом:

«Не волнуйтесь, подождите немного, у Вас тоже будет возможность высказать свое видение ситуации!»

«Николай, сейчас Вячеслав рассказывает мне. Я прошу Вас, если есть вопросы, записывайте. У Вас будет возможность потом это обсудить. Вы когда выступали, Вячеслав Вам не задавал вопросы. Прошу Вас тоже сейчас

воздержаться от комментариев, у Вас будет возможность все обсудить. Хорошо?»

Для отработки эмоций сторон медиатор нередко прибегает к коммуникативному приему «отражение чувств» – это вербализация переживаний человека, *«фактически это сообщение, адресованное говорящему, и это – информация о его эмоциях и чувствах, высказанная в доброжелательной и уважительной форме»* [Азарнова, 2015, с. 51]. Например, медиатор говорит:

«Вы возмущены тем, что…»

«Вам это не нравится».

«Вы обижены на то, что…»

«Вас это задело…»

«Я вижу (слышу), что Вы расстроены…»

Озвучивание эмоций способствует снижению эмоционального накала переговоров. Как отмечает А.Н. Азарнова, *«любое игнорирование эмоций, попытки их подавления или оценивания оборачиваются наращиванием эмоционального напряжения стороны и разрывом психологического контакта стороны с медиатором»* [Азарнова, 2015, с. 182]. Следует обратить внимание в своем коммуникативном реагировании на эмоции сторон медиатор не спрашивает, а утверждает.

Итак, особенностью этапа презентации является взаимодействие участников. Стороны еще не взаимодействуют друг с другом, а взаимодействуют с медиатором. В целом в речевых комплексах, вербализующих дискурсивные стратегии презентации сторон, медиатор следит за соблюдением правил и принципов медиации, в частности принципа равенства сторон и нейтральности медиатора, не дает оценку сказанному, не высказывает свои предположения, не искажает передаваемые факты, контролирует свою речь в отношении слов с эмоционально-оценочной семантикой и не повторяет эмоционально-экспрессивные выражения. Директивность медиатора смягчается модальными конструкциями и относится к ведению процедурных моментов.

3.1.4 Дискуссия по выработке вопросов

Коммуникативная цель дискуссии – *«сформулировать вопросы для переговоров»* [Аллахвердова, 2006, с. 43]. На данной стадии процедуры медиации выделяются следующие задачи медиатора: дать возможность сторонам выразить свои эмоции («вентилировать эмоции»); управлять процессом, не допуская взаимных оскорблений сторонами друг друга; не позволить эмоциям сторон уйти из-под контроля; понять эмоциональную глубину конфликта; получить дополнительную информацию о сути конфликта; уточнить позиции сторон относительно желаемого результата переговоров; выделить основные вопросы, которые волнуют стороны; оценить, необходимы ли индивидуальные беседы для дальнейшей работы со сторонами; организовать конструктивные переговоры, если индивидуальные беседы не нужны [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 33–34]. ***Диктум жанра*** дискуссии по выработке вопросов: ***Стороны и медиатор проясняют вопросы для переговоров***. Здесь мы выделяем следующие основные стратегии коммуникативного поведения медиатора: **обеспечение «вентиляции эмоций» сторон**; **сбор дополнительной информации о конфликте**.

1. Обеспечение «вентиляции эмоций» сторон

Наблюдаемые здесь коммуникативные тактики:

– ***обеспечение сторонам возможности выразить свои эмоции****;*

– ***обеспечение сторонам возможности выговориться, задать друг другу интересующие вопросы****;*

– ***недопущение оскорблений и других деструктивных взаимодействий участников медиации***.

Обозначенные тактики неразрывно связаны и по классификации О.С. Иссерс относятся одновременно к семантическому и прагматическому типам речевых стратегий [Иссерс, 2008, с. 108–109]. Речевая реализация здесь предстает в виде предложения обменяться мнениями по поводу услышанного. Медиатор, например, говорит:

«Сейчас вы услышали друг друга, хотели бы вы о чем-то спросить друг друга или что-то сказать друг другу?»

«Вы услышали мнения друг друга. Теперь вы можете это обсудить, задать друг другу вопросы».

Медиатор приглашает стороны и с помощью невербалики, в равной степени обращаясь к ним с помощью жестов, мимики, зрительного контакта. Стороны обращаются друг к другу, задают вопросы, высказывают претензии, открыто выражать свои эмоции. Медиатор дает возможность для открытого взаимодействия сторон и в содержательном и в эмоциональном плане. Стороны только что на стадии презентации услышали друг друга и себя через медиатора, а на данной стадии медиативной сессии вступают в непосредственный контакт друг с другом. Медиатор не сразу останавливает стороны, позволяя сторонам «выпустить пар».

Основным коммуникативным приемом здесь является молчание медиатора. Стороны обмениваются репликами, медиатор не вмешивается. Вмешательство медиатора здесь допустимо, только если стороны наносят друг другу оскорбления:

Сторона: *«Он такой бестолковый».*

Медиатор: *«Кто он? Максим? И мы договорились не использовать оскорбительных выражений».*

Медиатор обращает внимание на обращение другу к другу в третьем лице, так как запрет на такое обращение обговаривался в правилах. На данной стадии переговоров медиатор отслеживает невербалику и реакцию сторон на те или иные слова. Медиатор Е.Н. Иванова отмечает, что необходимо обращать внимание на слова, которые вызывают неадекватную реакцию именно у другой стороны и именно в процессе медиации, и приводит в пример слово *голубь*. Коммуникативная тактика недопущения подобных оскорблений здесь реализуется в следующем дискурсивно релевантном комплексе:

«У меня сложилось впечатление, что это слово является трудным для Петра, не могли бы вы какими-то другими выражениями его заменить?»

Как пишет О.С. Иссерс, «конечной целью любой речевой стратегии является коррекция модели мира адресата» [Иссерс, 2008, с. 109]. Речевая и

коммуникативная стратегия медиатора, связанная с «вентилляцией эмоций», корректирует поведение сторон в отношении приличных форм донесения своих мыслей. Медиатору, как отмечается, *«необходимо помнить, что человек, который обвиняет и дает унизительные оценки другой стороне, не задумывается, что это плохо, что такое поведение не будет способствовать взаимопониманию»* [Медиация, 2016, с. 215].

И.Э. Клюканов относительно коммуникативного события пишет, что «человек привносит в (со)общение с реальностью всю свою метафизику, в результате чего любое событие как бы пронизывается его духом, т. е. его системой ценностей» [Клюканов, 2008, с. 23]. Применительно к медиации можно сказать, что медиатор в коммуникативном событии «медиативная сессия» привносит в (со)общение со сторонами свою систему ценностей, связанную с конструктивным общением, а именно: транслирует систему ценностей бесконфликтной коммуникации – обучает стороны думать, действовать и вести диалог с установкой на сотрудничество, переключая внимание сторон с личности на проблему. Стороны, пронизанные духом метафизики медиатора, учатся иначе взаимодействовать, обращать внимание на недопустимость (взаимных) оскорблений и физических методов воздействия.

2. Сбор дополнительной информации о конфликте

Медиатор реализует данную стратегию в следующих тактиках:

– ***выяснение точек сближения и пересечения позиций и интересов сторон****;*

– ***направление дискуссии в нужное русло****;*

– ***определение необходимости индивидуальных бесед****.*

Коммуникативные приемы, применяемые медиатором на этой стадии: эхо-повтор (пересказ) с хвостиком для уточнения информации и резюме для констатации интересов участников. Резюмирование *«помогает сторонам переговоров структурировать темы, которые предстоит обсудить»* [Азарнова, 2015, с. 56], показать важность обсуждаемых вопросов для каждой стороны.

Слово «важно» является здесь определяющим:

«Исходя из того, что Вы говорите, я вижу, что для Вас, Мария Ивановна, важно … А для вас, Иван Иванович, важно…»

«Важно» – оценочная характеристика ситуации, чьих-либо действий как имеющих большое значение, заслуживающих особого внимания [Ефремова, 2010]. Выявляя важное в сообщениях сторон, медиатор безоценочно его принимает. В медиации, как пишет Ц.А. Шамликашвили, сторонам *«предлагается принять тот факт, что оппонент имеет равное право на свои собственные (порой противоположные) интересы и мнения»* [Шамликашвили, 2017 (б), с. 19].

Пример резюмирующего высказывания медиатора:

Сторона: *«Петр намеренно поместил туалет под самыми моими окнами на даче; теперь благодаря ему моя семья наслаждается небесным запахом амброзии двадцать четыре часа в сутки!»*

Медиатор: *«Петр поместил туалет под вашими окнами и сделал это, с Вашей точки зрения, намеренно».*

Медиатор направляет дискуссию в нужное русло, от спора – к определению интересов. Реализацией этой коммуникативной тактики служат вопросы медиатора, например, альтернативные вопросы:

«Для вас важно … или …?»

Или вопросы-уточнения, например:

«Правильно ли я Вас понимаю, что…?»

Если стороны кричат, медиатор прибегает к директиву:

«Мне ответьте, пожалуйста!»

На этапе дискуссии медиатор стремится к выяснению точек сближения и пересечения позиций и интересов сторон. Пример:

Сторона 1: *«Почему я должен решать проблемы постороннего человека?»*

Сторона 2: *«Потому что квартира на детей, не на меня, мне одной не нужна эта квартира».*

Сторона 1: *«Дак продай ее, сними комнату».*

Сторона 2: *«Дак не могу я этого сделать. Во-вторых дочь не будет жить с тобой, потому что она девочка. Девочки должны жить с мамой, так-то. Да, ты вот об этом психологически-то вообще не думаешь».*

Сторона 1: *«Ну а мальчик не должен с папой жить?*

Сторона 2: *«Жил он с тобой, когда меня вызывали в школу и говорили, что у него одни двойки».*

Сторона 1: *«А сейчас что?»*

Сторона 2: *«Сейчас у нас только проблема с английским. Сколько было двоек за год, с тобой он полгода прожил?»*

Медиатор: *«Смотрите, мы с вами перешли к обсуждению, с кем будут жить дети».*

Если мы будем использовать термины теории С.В. Мыскина, то можно сказать, что медиатор – это «инициатор совместной деятельности» конфликтующих сторон, при этом он перепоручает инициативу включения в совместную деятельность самим медиантам, содействуя им в «овнешнении содержания своего сознания», чтобы цели сторон, основные вопросы, которые их волнуют, мотивы их действий стали «достоянием всех субъектов совместной деятельности» [Мыскин, 2022, с. 12–15]. Как пишет Е.Н. Иванова, главной задачей стадии дискуссии является *«переориентация сторон с пребывания в прошлом на настоящее и будущее за счет вентиляции эмоций, отработки обид и их перформулирования в задачи»* [Иванова, 2021 (г), с. 5]. О.В. Аллахвердова и А.Д. Карпенко приводят пример выработки предложений и переориентации на задачи настоящего и будущего [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 35–36]:

«Муж и жена после развода отстаивают каждый свои требования во взаимоотношениях со своим ребенком. Эти требования могут противоречить друг другу так, что для ребенка это может быть проблемой. Но, как правило, оба супруга согласны, что их главная задача – действовать не в своих интересах, а в интересах ребенка. И такое понимание позволяет родителям уйти от спора между собой. Этим закладывается фундамент будущих договоренностей.

В результате родители начинают договариваться о том, что каждый из них может сделать для удовлетворения интересов ребенка».

Медиатор не советует и не указывает, он выслушивает стороны и задает вопросы-уточнения, например:

«Правильно ли я понимаю, что для Вас важно…?»

«Мария, что, с Вашей точки зрения, ребенку нужно (важно)?»

«Николай, что в интересах ребенка будет лучше…?»

Или резюмирует услышанные точки сближения и пересечения:

«Исходя из того, что вы сказали, в интересах ребенка – … Это так»?

Если стороны неадекватно реагируют, если стороны еще не готовы к конструктивному диалогу, то медиатор переходит к индивидуальным беседам. Адекватность реагирования определяется по эмоциям, которые еще «не остыли», по ситуациям, когда одни и те же вопросы «обсуждаются по третьему кругу», по наличию пауз. Медиатор сообщает:

«У меня есть необходимость побеседовать с вами индивидуально. Индивидуальная встреча нужна мне для того, чтобы прояснить ваши интересы, помочь вам выйти из сложившейся ситуации».

Медиатор находится в диалоге со сторонами даже на этапе предложения индивидуальных бесед, отслеживает и «отзеркаливает» эмоции сторон:

«Я вижу, что у Вас есть некоторые опасения по поводу индивидуальной встречи. С чем эти опасения связаны?»

Итак, на стадии дискуссии по выработке вопросов медиатор реализует стратегии ***обеспечения «вентиляции эмоций» сторон*** и ***сбора дополнительной информации о конфликте*** в коммуникативных тактиках, которые тесно взаимосвязаны и выделяются нами в исследовательских целях.

В реализации коммуникативной стратегии «**сбор дополнительной информации о конфликте»** следует отметить основные моменты. Так, используя коммуникативный прием молчания, медиатор не отстраняется от дискуссии сторон, наблюдает за ними, отслеживая используемые слова и реакцию на них другой стороны, анализируя невербальное поведение сторон, реагирует на

оскорбления и пресекает словесную перепалку, призывая стороны соблюдать правила конструктивного ведения переговоров, отсылая к договоренностям начального этапа в переговорах.

3.1.5 Кокус

Кокус – это *«индивидуальные, конфиденциальные встречи медиатора с участниками медиации или внутренние командные обсуждения во время переговоров»* [Медиация, 2016, с. 217]. Кокус в медиации – это *«беседа с каждой стороной индивидуально (поочередно)»* [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 36]. **Диктум** данного жанра коммуникативного события «медиативная сессия»: ***Стороны сообщают, а медиатор проясняет дополнительную информацию***.

Появление слова «кокус» в русском языке для обозначения одного из этапов медиации не может остаться незамеченным при изучении терминов медиации, однако терминология медиации исследуется в настоящее время по большей части на англоязычном материале [Чернышенко, 2015 (б); Прохорова, 2017; Моногарова, 2017 (б) и др.]. Попытки поиска этимологии слова «кокус» и объяснения путей его заимствования в профессиональную коммуникацию медиаторов на русском языке мы предпринимали ранее в статье «К вопросу о семантической эволюции слова “кокус”» [Киндеркнехт, Смирнова, 2020]. В результате исследования семантической эволюции слова «кокус» в ретроспективном поиске от нашего времени до 1760 года было выяснено, что слово заимствовано из американского английского в период появления социального института медиации в России в конце XX века. Были установлены ассоциативные связи слова «caucus» с зафиксированным в политических словарях кокусом, относящимся главным образом к американской действительности. Вопрос о сохранении англоязычного вкрапления в русском языке для обозначения этапа медиации остается пока открытым. В современном русском языке слово «кокус» определяется в нормативных актах и учебных пособиях по медиации, но пока не зафиксировано в толковых словарях и словарях иностранных слов. Применительно к

профессиональной деятельности медиатора было обнаружено единственное упоминание слова [Дьяков, веб] с пометой *редк.* – редко употребляемое слово.

В настоящее время медиативный кокус – это профессионализм, известный только узкому кругу специалистов. В профессиональной сфере медиации слово «кокус» используется только в теоретическом дискурсе специалистов, то есть в диалоге «специально подготовленных агентов определенного социального института» [Карасик, 2021 (а), с. 34], во внутреннем институциональном дискурсе, в отличие от стандартного и внешнего типов дискурса [Бейлинсон, 2009 (в), с. 143]. В профессиональном институциональном дискурсе как форме общения между медиатором и сторонами конфликта/спора употребление слова «кокус» в речи медиатора табуируется в связи с требованием использования межстилевой, понятной для сторон лексики [Киндеркнехт, Яковлева, 2020, с. 89]. А.Н. Азарнова по поводу непонятного слова «кокус» пишет: *«Слово “кокус” в ходе медиации лучше вообще не произносить, у большинства людей оно вызывает пугающие ассоциации (“Что-что вы хотите нам предложить? Какой кокус-покус?!!!”). Медиатор предлагает сторонам индивидуальные беседы и в ходе переговоров называет их именно так»* [Азарнова, 2015, с. 181].

Коммуникативная цель кокуса – *«подготовить стороны к дальнейшим конструктивным переговорам»* [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 36] – конкретизируется в следующих задачах [Медиация, 2016, с. 217]: работать с эмоциями стороны; выяснить наличие конфиденциальной информации; преобразовать позиции, исходя из интересов сторон; сформулировать вместе со сторонами (индивидуально и с каждой) вопросы для последующего обсуждения; подготовить со стороной формулировки возможных предложений, исходя из выявленных интересов (не из первоначальных позиций); проверить выдвигаемые предложения на реалистичность; работать с дисбалансом сил; определить конфиденциальную и открытую информацию для предстоящей общей сессии; подготовить стороны к работе на общей сессии; обучить стороны конструктивному внесению предложений.

Принимая во внимание спектр задач и анализируя речевую практику медиатора определим следующие коммуникативные стратегии кокуса: **обозначение процедурных вопросов**; **регуляция эмоционального состояния стороны**; **выявление интересов стороны**; **определение последствий ситуации**; **определение роли и значения другой стороны**; **определение вариантов реализации интересов**; **формирование повестки дня**.

1. Обозначение процедурных вопросов

Стратегия реализуется в следующих коммуникативных тактиках:

– ***сообщение о кокусе****:*

Как руководитель переговоров, медиатор сообщает сторонам о необходимости провести индивидуальные беседы в сообщениях перформативного и прескриптивного содержания:

«У меня есть необходимость побеседовать индивидуально».

«Сейчас я буду беседовать с вами индивидуально».

Отсылка к процедурным моментам переговоров дает сторонам понимание однозначности процесса:

«Помните, я вам раньше говорил, что у нас будет возможность поговорить индивидуально…»

– ***определение очередности участия сторон в кокусе****:*

Кокус проводится поочередно с каждой стороной. В медиации сложились одобряемые профессиональным сообществом регулятивы для выбора первой стороны: наиболее агрессивная сторона; первая обратившаяся сторона; «забитая», слабая сторона; сторона, позиция которой неоднозначна [Медиация, 2016, с. 218; Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 37; Иванова, 2021 (г), с. 8]. Медиатор, например, говорит: *«Я начну с Вас, Ольга».*

– ***согласование времени проведения кокуса****:*

Тактика вербализуется в следующем процессуальном директиве:

«Время, потраченное на Ольгу, должно быть равно времени, потраченному на Игоря».

Проверенная практикой продолжительность кокуса – 10–15 минут, не более 20 (по мнению медиаторов-практиков, это идеальный вариант), в некоторых источниках отмечается до 40 минут [Азарнова, 2015, с. 179]. В действительности время кокуса, судя по рефлексиям практикующих медиаторов, зависит от эмоционального состояния сторон, готовности конструктивно решать проблему, умения абстрагироваться от эмоций, от темперамента сторон. Продолжительность кокуса соблюдается для обеих сторон. Время медиатором отмечается. Это то, что медиаторами называется ***баланс кокусов***. Если на одну сторону было потрачено времени больше, то вторая сторона ставится об этом в известность: на нее тратится дополнительное время, если не оговаривается со стороной иначе:

«У нас были индивидуальные беседы. С Вами, Ольга, мы были в индивидуальной беседе 20 минут, а с Вами, Игорь, мы были в индивидуальной беседе 15 минут. У Вас, Игорь, есть возможность побеседовать со мной индивидуально еще 5 минут».

– ***напоминание о конфиденциальности переговоров в кокусе****:*

Коммуникативная тактика напоминания о конфиденциальности кокуса применяется медиатором в начале и в конце индивидуальной беседы. В начале кокуса медиатор как ведущий кокуса напоминает стороне о конфиденциальности в рамках данного этапа медиативной сессии:

«Все, что сейчас будет сказано, останется между нами, если только Вы скажете, что это нельзя будет распространять».

«Все конфиденциально, если Вы не захотите, ничего не будет вынесено из того, о чем мы говорим».

«Олег, я хочу еще раз Вас предупредить о том, что все, что будет сказано здесь и сейчас, останется только между нами, и в конце встречи я Вас спрошу, что конкретно Вы бы хотели оставить в тайне, поэтому Вы можете расслабиться, сказать все, что Вы думаете, все, что Вы чувствуете, и мы с Вами зафиксируем какие-то пункты договоренности, которые потом сможем предложить Наталье».

В конце кокуса медиатор уточняет у стороны, что именно из обсуждаемого можно озвучить в присутствии другой стороны при продолжении медиации. Пример реализации данной тактики:

«Что из того, что Вы мне сейчас сказали, можно передать второй стороне?»

«Что я могу говорить из того, о чем мы говорили в совместной сессии?»

«Что я не могу использовать из того, что мы говорили? Что должно остаться здесь?»

«Какую информацию, так как встреча наша подходит к концу, Вы хотели бы оставить в тайне?»

Последние два варианта речевого комплекса считаются более предпочтительными, так как, например, по мнению медиатора Е.Н. Ивановой, перечисление того, что можно сказать, приведет к пересказу обсуждаемого.

2. Регуляция эмоционального состояния стороны

Коммуникативные тактики данной стратегии:

– ***обоснование назначения кокуса****;*

– ***обеспечение времени ожиданий второй стороны****;*

– ***работа с эмоциями***.

Обосновывая назначение кокуса, медиатор *«говорит участникам переговоров, что индивидуальные встречи необходимы для того, чтобы наработать жизнеспособные предложения по разрешению конфликта (которых пока не имеется)»* [Азарнова, 2015, с. 179]. Кокус – это встреча «с глазу на глаз», необходимая для выявления *«новых обстоятельств, относящихся к спорной ситуации, которые стороны не желают раскрывать в присутствии друг друга* [Медиативные технологии…, 2020, с. 13]. Приведем пример обоснования для проведения кокуса, взятый из работы А.Н. Азарновой [Азарнова, 2015, с. 179–180]:

«Уважаемые Петр и Мария, очевидно ваше желание договориться, и я с удовольствием могу сказать, что в вашем отношении к создавшейся ситуации есть много общего. И для Вас, Петр, и для Вас, Мария, в этой ситуации важны, прежде всего, интересы вашего ребенка, Руслана. Однако пока трудно

договориться о том, как именно эти интересы могли бы быть соблюдены в максимальной степени. Для того чтобы выработать конкретные предложения по этому вопросу, которые бы устроили и Вас, Мария, и Вас, Петр, я предлагаю вам сейчас индивидуальные беседы со мной. Эти беседы будут происходить по очереди. В то время, пока мы будем работать с одним из вас, второй сможет отдохнуть в специально подготовленном помещении, выпить чаю и немного расслабиться. Время, выделяемое на индивидуальные беседы, будет одинаковым для Вас, Петр, и для Вас, Мария. Беседы проходят строго конфиденциально, и информация, которая станет мне известной, не может быть передана мною без вашего разрешения никому, в том числе и вам. Я не буду обсуждать с каждым из вас информацию, полученную в ходе предыдущей индивидуальной беседы. В ходе бесед я не буду подыгрывать никому из вас и становиться на защиту его интересов в ущерб интересам второй стороны. Моя задача будет заключаться только в том, чтобы помочь каждому из вас подготовиться к переговорам, наработать конструктивные предложения, которые впоследствии вы могли бы обсудить на общей встрече. Итак, давайте определимся, кто будет первым...»

Наряду с прояснением значения кокуса медиатор ***организует время ожидания другой стороны***, и это является дискурсивно значимым в проведении медиативной сессии. Нейтральность медиатора, проявляемая в четком хронометрировании кокусов сторон, и возможность для стороны подождать, то есть прервать течение медиации в ожидании, способствует спокойному анализу. Сторона в ожидании, как пишут О.В. Аллахвердова и А.Д. Карпенко, *«может за время кокуса с другой стороной успокоиться и вернуться к анализу произошедшего на медиации, часто она выстраивает "тактику борьбы" или вырабатывает новую позицию»* [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 37]. Для такого спокойного анализа необходимо обеспечить определенные условия. А.Н. Азарнова отмечает в связи с этим, что для второй стороны важно создать возможность с комфортом провести это время, например, предусмотреть отдельную комнату, «в которой можно будет отдохнуть, выпить чаю или кофе, почитать прессу и т.п.», при этом является недопустимым, чтобы ожидающая сторона отправилась по делам, в

магазин и т.п., не принято также завершать кокусом (кокусами) текущую встречу [Азарнова, 2015, с. 179]. Однако некоторые медиаторы все же завершают сессию кокусом, так как организационно обеспечить вышеперечисленные условия не всегда представляется возможным, трудно, например, в реальности предоставить отдельную комнату для ожидания, где бы не ходили посторонние люди, медиатор не может также отследить, чем занимается ожидающая сторона, кроме того, сторонам сложно быть в переговорах более 3 часов, поэтому медиатору иногда целесообразно отпустить стороны, чтобы продолжить переговоры на следующий день. Однако, для стороны, которая не в кокусе медиатор дать следующую установку, некатегоричную директивную установку, совмещающую реквестив и суггестив:

«Я предлагаю Вам подумать над возможными решениями сложившейся ситуации».

Работа с эмоциями в кокусе необходима, как и на предыдущих этапах, но здесь эта работа особенно важна для эффективности медиации, особенно если *«к моменту кокуса сторона находится в эмоционально возбужденном состоянии»* [Медиация, 2016, с. 219]. Работать с эмоциями необходимо в связи с тем, что у сторон в конфликте *«резко сужается видение мира»*, сторона сосредоточивается *«на определенной личности и ряде связанных с ней аспектов, причем под очень субъективным углом зрения»* [Иванова, 2015 (а), с. 37].

Негативные эмоции, сопровождающие конфликтную ситуацию, увеличивают ошибки восприятия и не дают трезво оценивать ситуацию и искать разумный выход из сложившейся ситуации. А.Н. Азарнова описывает негативное влияние эмоций на рациональную оценку ситуации: *«Предубеждения и обиды заставляют искать способ не решить конфликт к обоюдному удовлетворению сторон, а наказать или ущемить оппонента, отомстить ему. Ситуация осложняется, если конфликт между сторонами накладывается на негативную историю их прежних взаимоотношений, полную недопонимания или обид. Поэтому первая задача в ходе кокуса – снизить остроту эмоциональных переживаний и «переключить» сознание стороны в плоскость более*

рационального анализа ситуации» [Азарнова, 2015, с. 182]. Медиатору в кокусе важно *«дать понять стороне, что он видит ее состояние»* [Аллахвердова, 2006, с. 45], признает ее право быть в этом состоянии [Азарнова, 2015, с. 182], например:

«*Я вижу, что Вас задело…»*

Эмоции стороны не игнорируются. Сторона должна проговорить эмоцию и дать себе самой право на испытывание эмоции. Вместе с тем медиатор остается (во всяком случае старается быть) нейтральным, поскольку, как признается многими медиаторами из практики проведения кокусов, кокус *«провоцирует его на присоединение к стороне и потерю нейтральности»*, медиатору в кокусе, как отмечается, *«необходимо быть осторожным, так как это лучшее время для манипуляции самого медиатора»* [Медиация, 2016, с. 219].

Одной из коммуникативных техник регуляции эмоционального состояния является техника перефразирования/рефрейминга, когда медиатор передает сказанное стороной в корректной, уважительной форме. Такое перефразирование позволяет снизить эмоциональный накал и облегчить переход стороны на рациональный уровень. Примеры перефразирования из работы медиатора:

Сторона: *«Когда я увидел, что текст документа набран шрифтом восьмого размера... я взбесился!»*

Медиатор: *«Вы почувствовали сильный гнев».*

Другой пример регуляции эмоционального состояния, когда медиатор показывает, что стороны имеют право на эмоции:

«Виктор сейчас говорил, эти вопросы больные, обида которая в нем сидит, ее проговорить важно, чтобы в душе не оставался какой-то еще осадок невысказанного».

Медиатор Т. Дронзина так описывает необходимость в выражении эмоций: *«Люди нуждаются, чтобы кто-то их выслушал. При судебном разбирательстве эта возможность не всегда существует. Стороны могут только отвечать на вопросы, которые им задают. Медиация позволяет участникам в процессе озвучить важные для них вопросы собственными словами»* [Дронзина, 2015, с. 85].

3. Выявление интересов стороны

Данная коммуникативная стратегия является основной в кокусе, это ключевой момент, реализующийся в следующих тактиках:

– ***выявление цели стороны на переговорах****;*

– ***проверка рабочей гипотезы****.*

Коммуникативные приемы медиатора здесь – это система вопросов. Для первой обозначенной тактики это открытые вопросы, начинающиеся с вопроса:

«Что вы хотите получить от медиации?»

Медиаторами отмечается, что *«из ответа стороны медиатор может составить некое представление о ее интересах (затронутых потребностях), рабочую гипотезу, которая им в дальнейшем будет проверяться»*, а рабочая гипотеза проверяется на протяжении всей медиации [Медиация, 2016, с. 220]. Отмечается также, что напрямую спрашивать сторону о том, каков ее интерес, не является профессиональным коммуникативным поступком и даже может привести к срыву переговоров [Медиация, 2016, с. 220]. Допустимые вопросы для прояснения интересов:

«Что бы вы хотели получить?»

«Что хотите? Почему?»

«Что не устраивает?»

«Что ждете от медиации?»

«Почему для вас это важно?»

В кокусе медиатор может запросить информацию, которую было нежелательно спрашивать на этапе дискуссии, например, в моделируемой ситуации медиатор Е.Н. Иванова отмечает, что проверка медиатора помогает человеку избежать больших неприятностей в будущем, а обсуждение вопроса в кокусе позволяет стороне спасти лицо:

Медиатор: *«Скажите, пожалуйста, Вы два года не возвращали долг, и Вы, как я слышал, говорили, что у вас не было таких финансовых возможностей, а вот сейчас Вы предлагаете 1,5 миллиона отдать за две недели. Скажите, у Вас появились какие-то источники?»*

Сторона: *«Если это так важно, у меня есть друзья, я у них могу взять».*

Медиатор: *«У кого конкретно, когда и сколько?»*

Кокус – это жанр, в котором медиатор задает больше всего вопросов.

4. Определение последствий ситуации

Коммуникативные тактики данной стратегии:

– ***перенаправление фокуса внимания стороны с прошлого на будущее****;*

– ***проверка ожиданий стороны****.*

В ходе проверки гипотезы медиатор перенаправляет фокус внимания стороны с прошлого на будущее. Один из ориентиров медиатора в медиации – это *«сосредоточение на том, как люди хотели бы видеть будущее, а не на подробном анализе прошедших событий»* [Плотников, 2016, с. 17]. Устремленность в будущее позволяет стороне прогнозировать последствия своих поступков. Направляющие вопросы медиатора здесь:

«Что произойдет, если не получится?»

«Что будет, если не договориться?»

«Что сделать, чтобы не произошло?»

«Вам важны отношения с этим человеком в будущем?»

Формирующая роль медиатора здесь заключается в проведении стороны через рефлексию, через критическое оценивание своего поведения, через изменение призмы восприятия конфликтной ситуации. При этом сам медиатор никого и ничего не оценивает:

Медиатор: *«Как вы думаете, что вызвало такую негативную реакцию у Ивана Ивановича?»*

Сторона: *«Не знаю».*

Медиатор: *«Давайте восстановим, что вы сказали, что вы сделали».*

<…>

Медиатор: *«Вы хотите договориться с Иваном Ивановичем? Вы заинтересованы, чтобы он отнесся к вашим идеям и предложениям лояльно, чтобы он принял то, что вы говорите?»*

Проверка ожиданий стороны реализуется в открытых и альтернативных вопросах и связана с тактикой ориентации стороны на будущее:

«Что Вы ждете от …?»

«Насколько Вы заинтересованы, чтобы сохранить отношения?»

«Вам важно отстоять свою точку зрения или сохранить отношения с подругой?»

«Что для Вас важнее: заполучить хорошего специалиста или игрока по бильярду?

5. Определение роли и значения другой стороны

Стратегия направлена на изучение другой стороны конфликта. Коммуникативные тактики данной стратегии:

– ***определение возможности компромисса с другой стороной****;*

– ***проверка реалистичности предполагаемого компромисса****.*

Определение роли и значения другой стороны, как считается, психологически наиболее удобно делать постепенно и осторожно, «начиная с *определения возможности компромисса с другой стороной*», с рассуждения, в чем может уступить другая сторона [Медиация, 2016, с. 221]. Обсуждение может перейти на возможные уступки со стороны, находящейся в кокусе:

«Как Вы думаете, если компенсировать ей 50 тысяч рублей, она сможет купить кошку?»

«На какие уступки Вы готовы пойти?»

«Что может сделать Василий, чтобы изменить Ваше решение?»

«Как Вы будете относиться, если Олег оплатит большую часть?»

Тактика проверки реалистичности предполагаемых компромиссов реализуется в вопросах:

«Насколько это реально исполнить?

«Насколько это реально для Виктора?»

«Что вы получите от этого предложения?»

«Насколько вероятно, что это будет сделано второй стороной?»

«Как, на Ваш взгляд, это воспримет другая сторона?»

6. Определение вариантов реализации интересов

Выделяемая нами коммуникативная стратегия реализуется в следующих тактиках:

– ***помощь в развитии идеи стороны****;*

– ***фиксация различных вариантов предложений стороны****;*

– ***проверка выдвигаемых предложений на реалистичность****.*

Тактика помощи в развитии идеи стороны реализуется в виде вопросов, направленных на осознание того, *«что именно даст стороне реализация ее предложений и какие результаты она получит от этого»*, медиатор «помогает стороне развивать идеи и различные варианты, фиксируя их и не мешая этому творческому процессу» [Медиация, 2016, с 221]. Например:

«К чему это может привести?»

«Сможете Вы добиться результата, если будете продолжать в таком же ключе?»

«Как Вы представляете свою жизнь через пять лет?»

«У Вас есть предложение, как по дому можно было решить?»

Помощь в развитии идей реализуется в различных коммуникативных техниках, а именно: уточнение, когда медиатор во избежание домысливания проясняет сказанное, начиная свое сообщение с формулы *«Правильно ли я понимаю?»*; резюмирование, когда медиатор подводит итог высказыванию стороны; рефрейминг, когда независимый посредник в медиации переформулирует высказывание стороны в нейтральном ключе. В определении вариантов реализации интересов со стороной обсуждается возможный выход из ситуации. Наряду с упомянутыми выше коммуникативными техниками медиатор задает стороне вопросы, например: *«Как Вы можете это реализовать?»*; *«Вы готовы компенсировать стоимость лекарств?»*; *«Что Вы готовы сделать?»*; *«Что можно изменить?»*; *«Как можно преобразовать…?»*; *«Что можно добавить?»*; *«Для чего это можно еще использовать?»*; *«Как Вы видите Ваши дальнейшие действия?»* Пример в развитии идеи и фиксации вариантов:

Медиатор: *«По поводу времени посещения. Вам было бы удобно, когда Вы забираете ребенка, предупреждать за 2–3 часа?»*

Сторона: *«Ну да, я могу это сделать, чтобы увидеться с ребенком. Если это мешает нашему общению, то, само собой, да».*

Медиатор: *«Как Вы можете предупреждать ее? Какое сообщение Вы готовы ей отправлять?»*

Сторона: *«Я могу ей написать, позвонить, проблем здесь нет».*

Медиатор: *«Как конкретно Вы будете ей писать?»*

Сторона: *«То есть?»*

Медиатор: *«Когда Вы забираете на ночь, что Вы конкретно будете писать ей?»*

Сторона: *«Если он будет оставаться у меня на ночь, я буду говорить ей, писать, что он у меня остается на ночь или на выходные. Проще было бы то не на ночь, а на выходные, потому что получается с пятницы на субботу. В пятницу я его забираю после детского сада, время в пятницу – это я его забираю после детского сада, там остается еще чуть времени, мы уже не гуляем, его убегали там. Приходим, он отдыхает, ложится спать. Соответственно, остается вечер, а в субботу мне его отдавать. Все. То есть время мы практически не проводим».*

Медиатор: *«Как часто Вы бы хотели забирать его на полные выходные? То есть, понятное дело, что вероятно, невозможна такая ситуация, когда Вы забираете каждые выходные. Как это приблизительно? Сколько раз в месяц?»*

Сторона: *«Раз в месяц».*

Медиатор: *«Один раз в месяц, угу»* (фиксирует на бумаге). *Один раз в месяц на два дня?»*

Сторона: *«Да, но также могу, буду стараться каждые выходные забирать его, соответственно, с пятницы на субботу, если будет получаться. Но Наталью буду предупреждать об этом. Если я буду брать его с пятницы на субботу, то, соответственно, буду предупреждать, что с пятницы на субботу, если на полные выходные, то буду писать, что на полные выходные».*

Медиатор: *«После выходных кто из вас будет отводить его в садик?»*

Сторона: *«Я в воскресенье буду возвращать его вечером».*

Медиатор: *«То есть вечером в воскресенье»* (фиксирует).

Сторона: *«Угу, потому что нужно переодеться, может, другую одежду. За выходные, может, погода изменится».*

Медиатор: *«Я просто спрашиваю для того, чтобы данный пункт лег в основу нашего соглашения. Чтобы Вам было комфортно, чтобы не было каких-то моментов, о которых мы с Вами не договорились.* (Фиксирует.) *Хорошо, за сколько максимально долго Вы могли бы предупреждать Наталью, если Вы хотите, например, собраться в путешествие, уехать или забрать его на каникулы?»*

Сторона: *«Ну, путешествия, они все равно планируются. Конечно, здесь я могу за неделю и за две предупредить. Но лучше, если мы оговариваем какие-то конкретные рамки, то лучше, если за неделю. Потому что за две все может поменяться в обратную сторону».*

Медиатор: *«Одна неделя, семь дней, да?»*

Сторона: *«Угу».*

Медиатор: *«За семь дней Вы предупреждаете…* (фиксирует). *Как именно Вы будете предупреждать? Что именно Вы будете писать? Если здесь понятно, что здесь "я сегодня заберу Кирилла на ночь"…»*

Сторона: *«Да, писать, что у меня выдаются выходные, писать, что хотел бы провести с Кириллом время, могу забрать, "могу я его забрать, грубо говоря, там, на 7 дней?" или буду говорить, куда мы поедем».*

Медиатор: *«То есть когда Вы его забираете на выходные, на один день, Вы пишете, что "я сегодня заберу" или "могу я забрать?"… Как Вы будете: спрашивать разрешения или говорить об этом просто?»*

Сторона: *«Тут какого-то критерия нет. Я могу, в принципе, спрашивать, если у Натальи в этом проблема, что мы не можем видеться с ребенком, соответственно, в таких вещах я готов ее устранить. Если это является принципиальным каким-то, форма задавания вопроса…»*

Медиатор: *«Еще раз напомню, мы сейчас обсуждаем пути решений…»*

Сторона: *«Я понимаю, да».*

Медиатор: *«И получается по первому пункту: Вы хотите забирать ребенка в выходные один раз в месяц и, когда получается, с пятницы на субботу?»*

Как видим, медиатор уточняет, углубляясь к конкретные детали: забрать на ночь или на выходные, когда предупреждать, в какой форме, в каких формулировках. Медиатор не предлагает своего решения. Дополнительная информация, полученная от другой стороны в кокусе, например, что для Натальи важно, чтобы ее предупреждали заранее, важно, чтобы сразу говорили на ночь или не на ночь, важно, в какой форме написано сообщение, дает медиатору возможность задать соответствующие вопросы. Информация, получаемая медиатором от сторон, необходима ему для дальнейшего возможного продвижения сторон к точкам согласия.

Фиксация различных вариантов предложений стороны предполагает, прежде всего, фиксацию этих вариантов в голове медиатора. Фиксация идей стороны реализуется в коммуникативных техниках перефразирования и резюме. Медиатор, например, кратко подытоживает: *«Вы считаете…»*; *«Вы предлагаете…»* Предложенные варианты проверяются на реалистичность: соответствуют ли выдвинутые предложения интересам и потребностям сторон, соответствуют ли они имеющимся у сторон возможностям (ресурсам), нормам, ценностям каждой стороны [Азарнова, 2015, с. 205]. Медиатор, например, спрашивает стороны:

«Как это воспримет Ольга?»

«Насколько это реально исполнить?»

«Насколько вероятно, что Алексей это сделает?»

7. Формирование повестки дня

Здесь мы выделяем следующие коммуникативные тактики:

– ***группировка предложений в темы для обсуждения****;*

– ***определение очередности выдвижения предложений на общей сессии****;*

– ***определение лица, которое будет оглашать темы переговоров***.

Предложения группируются в темы для общего обсуждения после кокуса. Медиатор спрашивает стороны: *«В какие крупные темы можно объединить выдвинутые Вами предложения?»* Группировка предложений в темы для

обсуждения осуществляется при соблюдении условий ранжирования, оптимального для сближения позиций сторон на переговорах.

Наконец, медиатор спрашивает у стороны, кто будет озвучивать темы для обсуждения в общей переговорной сессии. Отдельно обсуждается способ подачи предложений на переговорах: *«Если медиатор видит необходимость обсуждения и тренировки стороны к выдвижению своих предложений, то он проводит имитацию переговоров и дает стороне обратную связь по восприятию способа подачи предложения стороной»* [Медиация, 2016, с. 222]. Таким образом медиатор осуществляет так называемую «репетицию» конструктивного включения стороны в общую дискуссию.

Формирование повестки дня подытоживает взаимодействие медиатора и стороны в кокусе, позволяет медиатору упорядочить процесс переговоров. Опытные профессиональные медиаторы рекомендуют в конце кокуса содержательно (не оценочно) поощрить сторону, например: «*Мы плодотворно поговорили…»*

В целом, в кокусе медиатор работает над выявлением скрытых интересов, которые сторона не озвучивает в дискуссии с другой стороной или сама не осознает. С помощью вопросов медиатор проясняет недостающую информацию для прояснения того, что сторона хочет получить, почему, что ее не устраивает и что она ждет от медиации. Вопросы являются основными речевыми проявлениями медиатора в жанре кокуса. Для кокуса характерны дополнительные невербальные аспекты коммуникативного поведения медиатора: медиатор должен показать, где вторая сторона будет ожидать своей очереди, проводить сторону после кокуса и пригласить вторую сторону для индивидуальной беседы. Медиатор следит за соблюдением нейтральности и равенства сторон, проявляемого в балансе кокусов.

Для кокуса две коммуникативные тактики выступают как обрамляющие: это ***согласование времени проведения кокуса*** и ***напоминание о конфиденциальности переговоров в кокусе***. При вариативности в реализации стратегий медиатора, использование этих коммуниктивных тактик остается неизменным.

3.1.6 Дискуссия по выработке предложений

Данный жанр коммуникативного события «медиативная сессия» именуется также *общая сессия*, *общая переговорная сессия*. Коммуникативная цель жанра – *«выработать варианты предложений для урегулирования конфликта»* [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 39]. Предполагается, что на этой стадии стороны уже имеют предложения по урегулированию разногласий. Задачи медиатора на этом этапе: *«согласовать со сторонами вопросы для обсуждения; определить порядок обсуждения вопросов; помочь сторонам продуцировать предложения; проверить выдвигаемые предложения на реалистичность; уточнить, как стороны понимают предлагаемые варианты решения ситуации; проверять, на сколько выдвигаемые предложения соответствуют интересам сторон»* [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 39]. **Диктум данного жанра** коммуникативного события «медиативная сессия» выражается в пропозиции: ***Стороны выдвигают и обсуждают предложения***. Основные стратегии коммуникативного поведения на общей сессии: **определение повестки дня** и **обсуждение предложений по урегулированию конфликта**.

1. Определение повестки дня

На совместной сессии в самом начале медиатор обычно *«благодарит обе стороны за продуктивную работу на предшествующем этапе, фиксирует найденные точки сближения и предлагает четко сформулировать те вопросы, которые требуют разрешения на совместной сессии»* [Медиация, 2016, с. 223]. Речевые акты благодарности характерны для медиатора на разных стадиях медиативной сессии как выражение общей **стратегии позитивной вежливости**, направленной на создание и поддержание положительного настроя в переговорах.

В рамках стратегии **определение повестки дня** мы рассматриваем следующие коммуникативные тактики:

– ***согласование вопросов для совместного обсуждения****;*

– ***составление последовательности обсуждаемых вопросов****;*

– ***формирование окончательной повестки переговоров***.

Выделяемые в исследовательских целях первые две тактики могут быть сведены к тактике ***сообщения вопросов для обсуждения***, уже в нужной последовательности, если обсуждаемая последовательность совпадает в кокусах. Вопросы озвучивает одна из сторон или сам медиатор, в зависимости от того, как это было решено в кокусах, то есть медиатор в данном процедурном моменте следует решениям сторон. Если стороны доверяют озвучивание вопросов медиатору, то медиатор, например, говорит:

«Я озвучу темы, которые вы обозначили как важные».

Или говорит:

«Николай, озвучьте, пожалуйста, вопросы, которые, на Ваш взгляд, являются важными для обсуждения».

На этом этапе медиативной сессии медиатор инициирует согласование именно вопросов (тем) для обсуждения, не предложений, так как *«при выработке повестки переговоров выработка предложений не производится»*, что позволяет снять возможные психологические противопоставления [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 39]. Медиатор мотивирует стороны к определению последовательности обсуждаемых вопросов, например, спрашивает у сторон:

«Какие вопросы вы будете рассматривать в первую очередь?»

Данная тактика может быть факультативна. В целом, процедура медиации представляет собой определенную последовательность четко продуманных шагов, соблюдение которых способствует повышению эффективности работы медиатора. Отмечается, что окончательное согласование повестки дня не занимает много времени, если медиатор проработал все вопросы в кокусах, сопротивление же сторон и длительное обсуждение в определении повестки дня *«говорит о том, что еще не все проблемы были в кокусе отработаны»* [Аллахвердова, 2006, с. 46–47]. А.Н. Азарнова пишет по этому поводу: *«Если индивидуальные беседы были проведены качественно, психоэмоциональное напряжение участников переговоров заметно падает, а поглощенность негативными эмоциями, связанными с конфликтом, уступает место более рациональному настрою на конструктивное рассмотрение и преобразование конфликтной ситуации»* [Азарнова, 2015, с. 222].

Медиатор резюмирует повестку дня, озвучивая общие и дополнительные темы, предложенные каждой из сторон, и переходит к следующей коммуникативной стратегии.

2. Обсуждение предложений по урегулированию конфликта

Коммуникативные тактики данной стратегии:

– ***обсуждение каждого пункта повестки переговоров****;*

– ***проверка предложений на реальность****;*

– ***проверка предложений на соответствие интересам и потребностям сторон****;*

– ***проверка понимания всех выдвинутых предложений****.*

В ***обсуждении каждого пункта переговоров*** медиатор следует сформированной повестке дня. Медиатор управляет процессом с помощью открытых вопросов:

«Какие у Вас есть предложения по первому вопросу, Маргарита? Олег, а какие у Вас есть предложения по первому вопросу?»

«Что вы готовы предложить по второму вопросу?»

Предложения ***проверяются на реальность*** и на соответствие интересам и потребностям сторон. Медиатор, например, спрашивает:

«Что Вас в этом предложении останавливает? Как Вы к этому относитесь? Насколько это реально для …? Реально ли это для…?»

После проверки на реальность медиатор резюмирует предложение сторон, переспрашивая: *Так?* Таким образом медиатор проверяет, правильно ли озвучено предложение, понятно ли оно сторонам и насколько понятно. Обсуждение предложений проходит по схеме: «тема – предложение – резюме»:

Медиатор: *«Вопрос у Олега, он хочет забирать на каникулы ребенка* **(тема)**. *За какое время он должен Вас предупредить? Согласны с этим моментом, Олег?*

Сторона 1: *«Ну хотя бы за неделю»* **(предложение)**.

Медиатор: *«Вы готовы за неделю предупредить, если это какая-то долгая…?»*

Сторона 2: *«Да, за неделю меня прекрасно устроит».*

Медиатор: *«Семь дней мы запишем. Как конкретно он должен Вам написать это? Как Вы хотите?»*

Сторона 1: *«Надо подумать. Гм. Хотелось бы конкретики. Допустим, "я хочу забрать Кирилла на отдых с такого-то по такое-то, тогда-то и по такое-то число"* **(предложение)**. *Чтобы как-то это было уже зафиксировано».*

Медиатор: *«А на отдых, наверное, в конкретное место, да*?» **(озвучивание предложения из кокуса)**

Сторона 1: *«Ну да»*

Медиатор: *«С и по* (фиксирует) *и во сколько. Олег, Вы готовы писать таким образом, что, когда Вы собираетесь взять ребенка на каникулы, предупреждать за 7 дней, во-первых, и пишете такое сообщение: "Хочу забрать Крилла на отдых", пишете место, пишете с какого по какое, и во сколько Вы за ним приеедете и во сколько Вы его отдадите и в какой день?»* **(резюме)**

На курсах медиаторов особенно обращается внимание, что на этапе общей сессии варианты предложения медиатору нужно держать не в рамках намерений, а в рамках обещаний, то есть выдвинутые предложения должны быть жизнеспособными. Примером реализации данной аксиологической установки медиатора служит резюме в форме вопроса.

В целом, в данном жанре коммуникативного события «медиативная сессия» медиатор озвучивает или дает озвучить темы (вопросы) для обсуждения, подтвержденные сторонами в кокусе, и по каждой теме инициирует стороны обсудить детально возможные предложения, которые с помощью вопросов проверяет на реальность.

3.1.7 Подготовка проекта соглашения

Коммуникативная цель данного жанра – составить работающее соглашение, то есть соглашение, *«которое будет работать»*, то есть стороны будут его выполнять [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 42]. В соответствии с целью выделяются следующие задачи медиатора: проверить выдвинутые предложения на

соответствие интересам сторон; добиться составления четкого, ясного и однозначного текста соглашения; проверить правильность понимания сторонами их жизни после завершения медиации; проверить соглашение на реалистичность; обсудить и включить санкции в случае невыполнения соглашения какой-либо из сторон [Медиация, 2016, с. 226; Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 42]. **Диктум жанра** выражается в пропозиции: ***Стороны с помощью медиатора составляют однозначный текст соглашения***. Коммуникативные стратегии медиатора на данном этапе: **подготовка выдвинутых предложений для соглашения**; **составление текста соглашения**.

1. Подготовка выдвинутых предложений для соглашения

Здесь мы выделяем следующие коммуникативные тактики медиатора:

– ***проверка предложений на реалистичность****;*

– ***проверка предложений на соответствие интересам сторон****;*

– ***определение мер в случае нарушения соглашения***.

Тактика проверки на реалистичность реализуется на всех этапах обсуждения выдвигаемых предложений. Медиатор должен убедиться в том, что *«стороны одинаково понимают условия урегулирования спора, и эти условия являются выполнимыми»* [Медиация, 2016, с. 226]. У сторон должно быть единое понимание относительно найденных выходов из сложившейся конфликтной ситуации. Медиатор задает уточняющие вопросы. По опыту медиаторов, если все предложения хорошо продуманы, то уточнения уже не носят глобального характера:

«Мы пришли к тому, что нужно написать соглашение (процедурный момент, здесь медиатор – организатор), *в котором Дмитрий по этому соглашению 10 тыс передает Светлане* (действие в будущем) *на содержание детей, садик, школу, питание из этих денег она оплачивает* (обязательная конкретизация для однозначности понимания целей финансирования обеими сторонами*). Этих денег, мы уже обсудили* (соответствие интересам сторон)*, как раз хватит на закрытие жизненных потребностей* (визуальный контакт со сторонами и невербальное согласие сторон, информация касается реалистичности покрытия затрат)*, все*

дальнейшие совместные крупные покупки, это вы по соглашению уже решаете, как вы будете выплачивать (акцент на будущем). *Если случается какая-то ситуация у Дмитрия, что он не может один месяц погасить эту сумму* (ситуация нарушения соглашения), *Светлана входит в положение и спокойно ждет, когда у Дмитрия (насколько позволяет ситуация, спокойно), но, тем не менее, входит в положение. Дмитрий выправляется и снова начинает эти суммы гасить. Все верно?* (проверка предложений на соответствие интересам сторон) <...>»

Определение санкций в случае невыполнения соглашения считается трудной стадией, но, как пишут медиаторы, по достижении этой стадии стороны находятся *«в состоянии творческого подъема и воодушевления, связанного со снятием напряжения и ощущением завершения конфликта»* [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 42]. Пример внешней санкции в анализируемых медиациях, когда сторона обеспокоена возможностью продажи квартиры:

«Светлана не может продать эту квартиру, потому что туда вложен материнский капитал, она должна наделить детей долями в этой недвижимости, если она этого не сделает, это уголовная ответственность».

Медиатор А.Н. Азарнова пишет по поводу санкций следующее: *«Наиболее простым и естественным вариантом решения вопроса о содержании санкций является отказ от исполнении медиативного соглашения второй стороной в том случае, если его не исполняет первая»* [Азарнова, 2015, с. 241].

2. Составление текста соглашения

Коммуникативные тактики данной стратегии:

– ***составление контент-черновика соглашения****;*

– ***помощь в формулировании положений соглашения***.

Урегулирование конфликта, как правило, отражается в письменной форме – в медиативном соглашении, однако возможно и устное соглашение сторон. Медиатор проверяет у обеих сторон формулировки будущего соглашения с помощью вопросов:

«В такой формулировке это Вас устраивает? Каким образом это будет происходить?»

«Вы уверены, что, формулируя таким образом, Вы сможете определить выполнение этого пункта?»

В данной работе мы не ставим целью рассмотрение спорных аспектов правовой природы медиативного соглашения и нюансов заполнения данного документа, текст которого принадлежит дискурсивной практике конвергентного взаимодействия дискурса медиации и ритуализированного юридического дискурса. Достаточно будет здесь обратить внимание на составление документа самими сторонами без вмешательства медиатора. Медиатор следит за учетом обязательных компонентов черновика соглашения, например, в контент-черновике перечисляются: *«содержательные аспекты соглашения в форме обязательств сторон; основные понятия; сроки и условия соглашения, требующие исполнения; гарантии исполнения обязательств; санкции, наступающие в случае неисполнения обязательств; действия при возникновении затруднений при исполнении соглашения или наступлении форс-мажорных обстоятельств»* [Медиация, 2016, с. 227]. В следующем примере медиатор предлагает со слов слов, в результате того, что было обсуждено, самостоятельно составить текст соглашения:

«Я подготовлю медиативное соглашение, все, о чем мы проговорили, я опишу, вам позвоню тогда, Максиму, Ксении, если есть электронная почта, я бы могла вам отправить на электронную почту, чтобы вы прочитали, если что-то не понятно, мы еще одну встречу проведем, если понятно, встретимся для подписания этого соглашения, чтобы у каждого из вас остался экземпляр, чтобы проверить себя, о чем мы договорились, и выполняем или не выполняем».

В целом, на стадии составления текста соглашения медиатор подводит сторону к заключению договоренностей по всем или части тем, проверяет предложения на реалистичность, насколько вероятно, что договоренности будут соблюдаться, то есть не фиксирует настоящее положение дел, ставя точку в конфликте, а нацеливает стороны на будущие отношения и конкретные условия дальнейшего взаимодействия.

3.1.8 Выход из медиации

Коммуникативная цель данного жанра коммуникативного события – создать понимание у сторон о их действиях в будущем после завершения процедуры медиации [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 43]. Задачи медиатора в соответствии с этой целью: завершить процесс медиативной сессии (или медиации); поблагодарить стороны за работу; проверить удовлетворенность сторон результатом; *«согласовать действия и систему связи и оповещения, если стороны должны будут продолжить медиацию в ближайшее время; договориться о действиях сторон в перерыве между сессиями»* [Медиация, 2016, с. 229–230]. **Диктум жанра** выражается пропозицией: ***Стороны оценивают процесс переговоров***. Коммуникативные стратегии, которые мы здесь выделяем: **завершение медиативной сессии**; **проверка удовлетворенности сторон**.

1. Завершение медиативной сессии

Коммуникативные тактики реализуют обязательные процедурные аспекты в работе медиатора:

– ***выражение благодарности сторонам за работу в медиативной сессии****;*

– ***общее резюме медиативной сессии****;*

– ***запрос обратной связи о процедуре медиации****;*

– ***решение постмедиационных вопросов***.

На данной стадии ***медиатор благодарит стороны*** за плодотворную конструктивную работу, *«выражает надежду, что и он оправдал доверие сторон»* [Аллахвердова, 2006, с. 48]. Медиатор, например, говорит:

«Я благодарю вас за продуктивную работу».

«Вы сегодня продуктивно поработали, приняли участие в обсуждении…»

«Благодарю вас за продуктивную работу. Вы сегодня смогли спокойно обсудить ситуацию».

Произнося слова благодарности, медиатор обращается к обеим сторонам в равной мере, соблюдая принципы нейтральности и равенства сторон. Общее резюме – это ***подведение итогов медиативной сессии***. Медиатор еще раз

обращает внимание сторон на то, что они решили проблему и как они ее решили, например:

«Маргарита, Олег, в результате сессии вы договорились о том, что …»

В резюме медиатор еще раз обращает взаимовыгодное решение и на ответственность сторон в резюме:

«Вы подписали соглашение с двух сторон. Ответственность полностью лежит на вас, потому что все взятые на себя обязательства вы предложили сами. И сейчас, конечно, от вас зависит исполнение взятых на себя обязательств».

В ***решении постмедиационных вопросов*** медиатор *«согласовывает со сторонами их дальнейшие действия»*, если того требует ситуация, *«обсуждает со сторонами необходимость и возможность повторной сессии»* [Азарнова, 2015, с. 16], согласует со сторонами систему связи: по телефону, по электронной почте или через обычную почту.

Медиатору на завершающем этапе важно получение ***обратной связи***. Как пишет А.Н. Азарнова, «по завершении медиации, спустя некоторое время медиатор иногда вступает в контакт с участниками медиации» для оценки итогов собственной работы, обсуждения со сторонами, «в какой мере и по каким причинам исполняется (не исполняется) медиативное соглашение» [Азарнова, 2015, с. 16]. Примером реализации запроса обратной связи является вопрос:

«В случае возникновения споров придете ли вы еще раз на медиацию?»

Реализации запроса об обратной связи служит также следующая стратегия медиатора.

2. Проверка удовлетворенности сторон

Наблюдаемые здесь коммуникативные тактики связаны с процедурной оценкой трех видов удовлетворенности сторон:

– ***проверка удовлетворенности достигнутым соглашением****;*

– ***проверка удовлетворенности самой процедурой переговоров с участием медиатора****;*

– ***проверка эмоциональной удовлетворенности сторон***.

Каждой коммуникативной тактике рассматриваемой стратегии соответствуют группы вопросов. Для первой тактики:

«Все ли вопросы вы обсудили?»

«Все ли вопросы, которые вы считали нужным обсудить, вы обсудили? Есть ли необходимость эти вопросы обсудить? Это как-то влияет на результат?»

«Соответствует ли соглашение вашим интересам?»

«Насколько принятое соглашение соответствует вашим интересам?»

«Соответствует ли это тому, что вы хотели получить?»

«Удовлетворены ли вы достигнутым соглашением?»

Для второй тактики:

«Комфортно ли было решать ситуацию в таком формате?»

«Удовлетворены ли вы самой процедурой разрешения ситуации с участием медиатора?»

«Придете ли еще на медиацию для решения своих разногласий?»

Для третьей тактики:

«Каково ваше психологическое состояние сейчас по 10-балльной шкале?»

«Как вы себя теперь чувствуете?»

«Стало ли вам легче после медиации?»

«Есть ли у вас сейчас какое-то психологическое напряжение?»

В целом, следует отметить, что выход из медиации – важный этап медиативной сессии. Медиатор ставит точку в переговорах, подводит итоги процедуры, готов принять критические замечания и оценить свою работу, получая обратную связь от сторон.

Итак, медиатор работает со сторонами конфликта/спора в рамках процедуры, которая определенным образом форматирует его коммуникативное поведение, выстраивает последовательность его действий, определяет целесообразность применения тех или иных коммуникативных тактик. Существует определенный ритуал проведения медиативной сессии. Этот ритуал регулирует взаимоотношения медиатора и сторон, упорядочивает ход переговоров и способствует переходу сторон с эмоционального уровня на рациональный, когда они уже готовы общаться

конструктивно. Медиатор работает с эмоциями сторон, давая сторонам выговориться и озвучить то, что их беспокоит и что они чувствуют, используя коммуникативные приемы отражения чувств и показывая, что важно принимать свои чувства и эмоции. Медиатор помогает сторонам достигать договоренностей по темам, которые стороны сами выбирают, направляя эти договоренности в будущее, для этого проверяет предложения на реальность.

Мы рассматриваем коммуникативное событие «медиативная сессия» как дискретную единицу членения процедуры медиации, ограниченную временными и пространственными рамками. Выделяемые в данной работе 26 стратегий коммуникативного поведения медиатора реализуются в 79 взаимосвязанных между собой коммуникативных тактиках, которые вербализуются в дискурсивно релевантных речевых комплексах, то есть отдельных репликах, словах или фрагментах речевой практики медиатора, значимых в конкретной ситуации, разворачиваемой в процессе коммуникативного события «медиативная сессия». На всем протяжении медиативной сессии коммуникативное поведение медиатора обусловливается правилами, важными для проведения процедуры медиации, ценностно значимыми для профессиональной деятельности медиатора как нейтрального посредника в конфликтной ситуации.

3.2 Арсенал коммуникативных техник медиатора

Речевые составляющие коммуникативного поведения медиатора на каждом этапе процедуры медиации реализуют определенные коммуникативные цели в зависимости от характера спора, особенностей медиантов, сферы применения медиации, практикуемого стиля и выбираемой модели медиации. Коммуникативная компетентность для медиатора является ключевой. Медиатор является лицом, специально уполномоченным для осуществления коммуникации сторон в ситуации конфликта, он сознательно применяет свои коммуникативные умения и навыки для улучшения взаимодействия сторон, помогает наладить

коммуникацию сторон в конфликте и показывает возможности для общения сторон без медиатора.

Медиатор – это, по терминологии В.Б. Кашкина, «коммуникативный деятель», использующий для своего дискурсивного проявления целый набор «коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений» [Кашкин, 2007, с. 184]. Дискурс как культурно и ситуативно обусловленное языковое общение предполагает наличие у его основных участников определенных языковых способностей, коммуникативных потребностей и коммуникативной компетенции, понимаемой как «проявление языкового сознания в выборе средств общения» [Карасик, 2004, с. 8; 2021 (б), с. 15]. Дискурс медиации как профессиональный дискурс определяется через любые семиотические формы, используемые профессионалами: «разговорные, письменные или визуальные, составляемые и составляющие социальные и доменные контексты, и используемые профессионалами со специальной подготовкой для достижения транзакционного взаимодействия, а также социализации и нормативные функции» [Кочемасова, Воронина, 2018, с. 147].

В.А. Митягина и Т.Ю. Махортова справедливо отмечают: «Ценности дискурса, акценты его предметной сферы создают “полотно” речи, а языковые средства – необходимый “рисунок”» [Митягина, Махортова, 2013, с. 130]. В дискурсе «рисунок» создается языковой личностью, профессионально обученной и профессионально ориентированной. В дискурсе медиации необходимый рисунок создается с помощью определенных коммуникативных техник.

Коммуникативные техники неоднократно привлекали внимание исследователей, в том числе в связи с содержанием подготовки специалистов помогающих коммуникативных профессий [Ахрамович, 2020; Емельянова, 2022; Кетова, 2021; Комалова 2011, 2016; Савельева, 2020; Усманова, 2019; Ханина, Звездина, 2023; Шарков, Комарова, 2014; Южанинова, 2008; Anglès, 2018; Arborio, Letz, 2023; Hategan, 2000; Ostapenko, 1923; Parrini-Alemanno, 2011; Simonet, 1985; Tremblay, 2003 и др.]. Появляются исследования, в которых обобщаются и интерпретируются коммуникативные инструменты специалистов в медиации

[Азарнова, 2015; Аллахвердова, Дронзина, 2015; Дубинина, 2021; Иванова, 2008; Карпенко, 2005; Ковач, 2013; Манина, 2022; Медиация, 2016 и др.].

Ф.И. Шарков и Л.В. Комарова определяют коммуникативные техники как умения и навыки, способствующие эффективному взаимодействию, а именно: «умение строить отношения с людьми, находить подход к ним, умение передавать и принимать информацию, оказывать убеждающее воздействие» [Шарков, Комарова, 2014, с. 17]. Эффективность взаимодействия играет здесь важную роль, так как продуктивность коммуникации «зависит от технологий управления процессом коммуникации», то есть, как пишет Л.Р. Комалова, от «искусственных (осознаваемых и сознательных) коммуникативных действий партнеров по общению, направленных на “организацию” коммуникации как речевой деятельности, будь то ситуация дружеского общения или коммуникация в ситуации конфликта» [Комалова, 2016, с. 47].

В медиации коммуникативные техники представляют так называемый «дискурсивный метапрофиль медиатора» [Куликова, 2019 (а), с. 249], составляют дискурсивную компетентность, неимение которой отражается на проведении процедуры медиации. Дискурсивная компетентность, по определению О.Б. Сиротининой, – это «непрерывная забота об адресате, использование любых средств, чтобы помочь адресату понять передаваемую информацию при помощи не только обозначающих ее слов и эффективно выстроенного порядка ее передачи, но и системы так называемых дискурсивных слов, помогающих адресату все это воспринять, а также понять отношение к ней адресанта (степень ее достоверности и точности)» [Сиротинина, 2011, с. 10].

Использование вербальных и невербальных средств подчиняется общей цели коммуникации в медиации со стороны медиатора: *«помощь конфликтующим сторонам в самостоятельной выработке взаимоприемлемого жизнеспособного решения, снижение повышенной эмоциональной отягощенности конфликта, прояснение истинных интересов сторон»* [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 76]. В лингвистической интерпретации цель медиации – менеджмент конфликтных переговоров и возможность проведения переговоров. Как пишет Л.В. Куликова,

«основной функцией медиатора является комплексная модерирующая функция, позволяющая трансформировать смысловой/концептуальный, а часто, как следствие этого, и речевой конфликт (например, использование инвективной и обсценной лексики) между субъектами переговорного процесса в перспективу развития коммуникативного сотрудничества»: «Модерирующая функция нацелена на минимизацию дискурсивной плотности конфликта в медиативном взаимодействии и достижение необходимого обоюдного перлокутивного эффекта» [Куликова, 2019 (а), с. 249].

Поскольку переговоры в конфликте, как правило, разворачиваются в устной коммуникации, а устная речь по определению «и производится, и воспринимается в цейтноте» [Сиротинина, 2011, с. 8], медиатору необходимо владеть коммуникативными техниками, которые помогут ему в модерировании переговорного процесса и с которыми он будет «способен вступать в конфликт на любой стадии» [Комалова, 2011, с. 110].

Коммуникативные техники медиатора составляют открытый список, по-разному классифицируемый и постоянно пополняющийся в ходе обязательного для медиатора регулярного повышения квалификации. К.К. Ковач делит коммуникативные инструменты в соответствии с аспектами коммуникации в ходе процедуры медиации: слушание, постановка вопросов, повторение и перефразирование, двустороннее общение, невербальная коммуникация [Ковач, с. 39–42].

Е.Н. Иванова проводит развернутое исследование эффективных коммуникативных инструментов работы с конфликтом, систематизируя материал, полученный в ходе многолетней практики разрешения конфликтов и обучения представителей различных сфер деятельности, по темам: регуляция атмосферы взаимодействия, установление и поддержание контакта, ориентация в ситуации, организация обсуждения, групповое разрешение проблем, достижение договоренности, обезвреживание манипуляций, работа с дисбалансом сил в конфликте, развитие способности «держать удар» [Иванова, 2008].

В профессиональной лаборатории медиатора коммуникативные техники – это инструменты, используемые для реализации задач медиатора на разных этапах медиации в соответствии с целью медиации и с учетом конфликтной ситуации. Как пишет К.К. Ковач, *«для эффективной работы медиатору необходимо обладать многими навыками», «одним из них можно обучиться, другие же являются менее явными и используются преимущественно интуитивно»* [Ковач, 2013, с. 39]. Использование коммуникативных инструментов медиатора сопряжено с постоянной рефлексией их эффективности. Е.Н. Иванова в связи с этим отмечает: *«В конфликте с особой остротой проявляется значение соответствия коммуникативной стратегии условиям поставленной проблемы и актуальности изменений в случае ее непригодности»* [Иванова, 2008, с. 6].

В базовом арсенале коммуникативных техник медиатора мы рассматриваем следующие коммуникативные техники [Киндеркнехт, 2024 (а)]: эхо-техника, техника резюме, техника развития идеи, сообщение о восприятии другого, сообщение о собственном самочувствии, техника слушания, техника вопросов.

Эхо-техника. Собеседник своими словами передает высказанные мысли и чувства партнера без оценки и интерпретации, это нейтральный пересказ. Например, после 5 минут активного говорения стороны в презентации сторон, когда медиатор внимательно слушал, медиатор начинает пересказывать услышанное, передавая содержательно-фактуальную информацию, с невербальной обращенностью к говорящему:

Медиатор: *«Вы можете по ходу процедуры что-то дополнить. Давайте я сейчас озвучу, правильно ли я поняла то, что Вы сказали. То есть на данный момент Вы и Анна являетесь собственниками здания. Так получилось, что, когда здание было, грубо говоря, разделено на две части, у Вас оказались все коммуникационные и инженерные сети, которые обслуживали это здание <…>».*

В приведенном фрагменте нет субъективной оценочности, из сообщения стороны вычленяется только объективно-реальная ситуация. В тексте нет эмоционально окрашенной лексики, то есть медиатор оперирует знаниевым контекстом, с которым ни сторона-автор, ни сторона-слушатель не могут

поспорить. Пересказ медиатора дает стороне понять, что ее слушали, что к передаваемому содержанию отнеслись с вниманием. Такое отношение мотивирует сторону к подтверждению сказанного медиатором и к уточнению пересказа:

Сторона: *«Да, мы их строили, да, они у нас на балансе остались, в собственности, потому что размер долга, который мы продавали, он к этим сетям отношения не имел».*

В эхо-технике медиатора нет оценки происходящего, а, как пишет Н.А. Каразия, «конфликтный дискурс – это оценочное явление» [Каразия, 2006, с. 8]. Эта же исследовательница пишет: «В конфликтном взаимодействии цель говорящего – выразить свои отрицательные эмоции и достичь катарсиса. Слушающий же, со своей стороны, стремится выполнить необходимые социальные действия, обеспечивающие компенсацию нанесенного им ущерба, – извиниться, признать свою вину, изменить поведение» [Каразия, 2006, с. 10]. Медиатор, таким образом, меняет привычную схему поведения сторон в конфликтной коммуникации, он является той прозрачной стеной, о которую разбиваются отрицательные оценки конфликтующих и которая фильтрует содержательную информацию.

Эхо-техника обычно начинающийся со слов: *«Правильно ли я вас понимаю, …»*; «*Иными словами…»* Перефразирование может заканчиваться словами: *«я правильно вас понял (поняла)?»*; *«я не упустил (упустила) ничего существенного*?»; *«это так?»* Эхо-техника структурирована: в пересказе медиатор четко выделяет, где есть факт, где – интерпретация, а где – эмоции, например:

Сторона: *«Меня взбесило, что учитель поставил мне пару за невыполненное домашнее задание».*

Медиатор: *«Правильно ли я Вас понимаю, что Вы не выполнили домашнее задание, учитель, по Вашим словам, поставил Вам за это двойку, и Вы этим крайне возмущены?»*

Разберем этот пример. Здесь фактом являются невыполнение домашнего задания и выставление оценки. Интерпретация стороны – это выставление оценки за невыполненное отсутствующее задание, то есть домысливание стороны о

причине выставленной оценки. Эмоции, проявляемые стороной, – возмущение, раздражение. Медиатор беспристрастно, спокойным тоном, безэмоционально «раскладывает по полочкам» три составляющих высказывания стороны, позволяя, во-первых, отделить содержание от эмоционального обрамления, затрудняющего объективное восприятие информации, во-вторых, – отличить объективно произошедшее от домысла, предположения, ничем не подтвержденной догадки, вызывающей эмоцию.

Домысел в лигвоюридическом аспекте трактуется как «вывод, полученный на основе умозаключения, интуиции, а не на основе фактов» [Колтунова, веб]. Феномен домысла здесь следует отличать от вымысла, понимаемого как «лингвокреативную разновидность речементальной деятельности» [Ильинова, 2008, с. 180], так как выделяемая медиатором интерпретация стороны не всегда стороной осознается, это незначительное, незаметное для самой стороны добавление смысла, ведущее к дальнейшему искажению содержания и провоцирующее эмоциональную реакцию стороны. По этой же причине выделяемая медиатором в реплике стороны интерпретация сказанного не может быть обозначена как ложь, обман, хитрость, несмотря на то, что интерпретация может быть намеренной. В эхо-технике медиатор восстанавливает «референциальную точность отражения мира в слове» [Ильинова, 2008, с. 179], понимая, что произвольное обращение с фактами, намеренное или ненамеренное отклонение от истины влекут за собой нарушение взаимодействия и уводят диалог от целей медиации.

В известном смысле в перефразировании медиатора высказывание стороны препарируется следующим образом: эмоции стороны проговариваются и рассматриваются отдельно от ситуации в констатации эмоционального состояния стороны во время высказывания; в содержании высказывания вычленяется диктум как объективная информация о реальности; выделяется и проговаривается модус как «эго-смыслы» [Мишланов, Каджая, Кузнецова, 2020, с. 431] стороны. Медиатор «декодирует» сообщение стороны для ее оппонента, делая видимыми имплицитные смыслы, сознательно или неосознанно заложенные в высказывании,

тем самым налаживая так называемый «общий язык» фактов, с которыми трудно поспорить и которые не могут обидеть медиантов. Исходя из того, что «искусство общения заключается в умении правильно воспринимать полученное сообщение» [Байдавлетов, 2018, с. 1159], можно сказать, что в эхо-технике медиатор помогает правильно воспринимать полученное сообщение, он выравнивает референты говорящего и слушающего. Как пишет Е.В. Клюев, «референт должен быть представлен и опознан в высказывании, причем желательно, чтобы это было не просто опознание, но такое опознание, которое в дальнейшем дает возможность “орудийно”, операционно пользоваться соответствующей областью предметного мира» [Клюев, 2002, с. 195].

Встречается и другой вариант эхо-техники – это повторение слов или фрагментов фраз с полувопросительной информацией, например:

Сторона: *«Меня пугает это все. <…> Так я ищу* ***подводные камни****».*

Медиатор: *«Давайте все* ***подводные камни*** *попробуем проговорить».*

Как пишет медиатор А.Н. Азарнова, *«повторяются обычно: а) эмоциональные акценты; б) неопределенные слова и высказывания; в) слова, отражающие темы, нуждающиеся в уточнении»* [Азарнова, 2015, с. 40]. Думается, что в приведенном примере мы наблюдаем все три условия. В метафоре *подводные камни* сторона выражает опасения, связанные с рассматриваемой ситуацией, эти опасения необходимо прояснить, и в то же время снять эмоциональную акцентуацию, связанную с непредвиденными, неожиданными трудностями, разворачивая высказывание в проговаривании подробностей.

Пример повтора наблюдаем в коммуникативном приеме отражения, свойственном для трансформативной медиации:

Сторона: *«Банку-то пофиг вообще?!»*

Медиатор: *«Банку пофиг…»*

Медиатор отзеркаливает эмоциональный выпад стороны для обсуждения темы банка и того, как и что банк может предпринять в данных обстоятельствах. Сторона слышит повтор своего разговорно-сниженного *пофиг* от медиатора и до конца медиативной сессии, по нашим наблюдениям, подобных слов избегает.

С помощью эхо-техники медиатор учит стороны «правильно взаимодействовать, он вводит стороны конфликта в аксиосферу медиации. Эхо-технику следует отнести к важнейшим риторическим коммуникативным техникам в конфликтной ситуации, о которых пишет, в частности, Л.Р. Комалова: «Именно риторические техники основаны на принципе обоюдной интерпретации и позволяют договориться о том: как описывать конфликтное взаимодействие внесубъектно, без оценок и “приклеивания ярлыков”; как методично рассказывать о действиях конфликтующих сторон, о нормах конфликтного взаимодействия в данной конфликтной ситуации как об образцах для подобных ситуаций и др.» [Комалова, 2016, с. 61]. Таким образом медиатор способствует обоюдной интерпретации конфликтного взаимодействия.

В целом, эхо-техника представляет собой один из приемов кооперативного общения, по Г.П. Грайсу [Новое в зарубежной лингвистике, 1985, с. 217–237], так как совместно выбранная цель диалога в медиации – выработка устного или письменного взаимовыгодного соглашения сторон, а для этой цели необходимы обдуманные и осознанные речевые действия.

Техника резюме. В резюме медиатор воспроизводит высказывание стороны в сокращенном виде, вычленяя главное. Считаем, что данную коммуникативную технику можно отнести к разновидности эхо-техники, так как в здесь тоже факты отделяются от эмоций и интерпретаций говорящего. Вместе с тем отличия заключаются в ситуация процедурного употребления, например, резюме используется, как правило в подведении итога презентации каждой стороны, в обозначении главного, что услышал медиатор на этапе презентации сторон, на этапе обсуждения сторон, в итогах каждого кокуса и в сообщении итогов кокусов в начале общей сессии и на последующих этапах, где необходимо кратко изложить сказанное. Медиатор, например, говорит, выхватывая основную информацию и подытоживая сказанное:

Сторона: *«Если бы он мне платил 10 тысяч, меня бы это устроило. Я бы с них платила за садик, за школу, Косте бы давала. Какие-то деньги бы оставались,*

платила бы квартплату, а то что я зарабатываю, я бы уже кидала на эту ипотеку. Я вот на это согласна».

Медиатор: *«То есть 10 тысяч рублей в месяц – это те деньги, которые Светлана тратила бы на детей конкретно, правильно я понимаю?»*

Медиатор говорит спокойно, уверенно, вежливо.

По нашим наблюдениям, резюме медиатора обычно начинается со слов: *«Итак…»*; «*Вашими основными идеями, как я понял, являются…»*; *«Я услышал, что Вас интересует…»*; *«Я вижу, что Вам важно …»*

Техника резюме в арсенале коммуникативных техник медиатора соответствует коммуникативной стратегии резюмирования, которая исследуется в лингвистике, главным образом в деловых типах дискурсов [Стернин, 2009; Бейлинсон, 2001, 2009 (а), 2009 (б); Кошелева, 2005; Николаева, 2016; Данилов, 2018 (а), 2018 (б); Иванова Г.А., 2015; Пиханова, 2015]. И.А. Стернин отмечает, что резюмирование «особенно полезно в ситуациях, где необходимо принимать решения – при урегулировании конфликтов, обсуждении разногласий, рассмотрении претензий и т.п., а также при групповых беседах». Целесообразен этот прием, по словам ученого, и тогда, когда следствием разговора должны быть какие-либо действия со стороны слушающего» [Стернин, 2009, с. 151].

Существуют классификации резюмирования, позволяющие лучше описать эту коммуникативную технику в дискурсивном проявлении медиатора. Так, например, Н.Н. Николаева пишет о резюмировании с целью прояснения ситуации (проблемы, вопроса), резюмировании для поддержания дискуссии, резюмировании для создания положительной динамики переговоров, резюмировании для нахождения общего решения проблемы и для подтверждения принятых решений, резюмировании с целью подведения итогов всей дискуссии [Николаева, 2016, с. 6]. Считаем, что указанные виды характеризуют технику резюме в арсенале языковой личности медиатора. Вместе с тем для речевых проявлений медиатора существуют свои особенности, которые обнаруживаются нами, например, при обращении к работе Л.С. Бейлинсон, в которой выделяются виды резюмирования в профессиональном дискурсе логопеда [Бейлинсон, 2009 (б)]. Так, резюмирующие

выражения медиатора могут быть констатирующими и вопросительными, представлять собой констатирующие резюме с финальными вопросами: *Так? Я Вас правильно понял?* Здесь предполагаются ответная реакция и коррекция резюме медиатором в случае какого-либо искажения информации. Однако для профессионального дискурса медиатора нерелевантно побудительное резюмирование, так как медиатор в своем коммуникативном поведении связан принципом нейтральности и беспристрастности, по этой же причине неоднозначно соотношение с дискурсивным проявлением медиатора диагностирующего и предупредительного типов резюмирования.

Очевидно, что изучение резюмирующих выражений в технике резюме требует отдельного исследования. В саморефлексии практикующих медиаторов отмечается, что *«резюме может быть более или менее развернутым»* в зависимости от конкретной ситуации [Азарнова, 2015, с. 56].

Техника развития идеи. В данной технике медиатор выводит логическое следствие из сказанного и выдвигает свое предположение относительно причин высказывания, это так называемый «хвостик», который идет к резюме или эхо-технике. В работе Л.С. Бейлинсон отмечается, что «резюмирование сопровождается другими речевыми действиями» [Бейлинсон, 2009 (б), с. 33–34]. Указанное справедливо применительно к профессиональному дискурсу медиатора с той лишь оговоркой, что эти речевые действия должны быть обязательно ориентированы на принципы медиации и на правила коммуникативного взаимодействия медиатора и сторон. Так, развитие идеи может выражаться в коммуникативном действии конкретизации в репликах медиатора, именуемых «хвостиком»:

«*Если исходить из того, что вы сказали, то …»*

«*Вы так считаете, видимо, потому, что …*»

«*И вы бы хотели …»*

Однако данная конкретизация не является домыслом самого медиатора, так как возможные предположения-выводы тут же проверяются, чаще всего, с помощью наречия «так», выступающего здесь как дискурсивное слово в кратком

вопросе со значением «правильно»: *Так?* Нередко, «хвостик» развития идеи начинается с дискурсивной формулы *Правильно ли я понимаю?*, уточняющей ранее сказанное: «*Вы сказали, что…»; «Правильно ли я Вас понял?»*

В рамках аксиосферы медиатора развитие идеи не может выражаться в речевых действиях поддержки, упоминаемых, например, для профессионального дискурса логопеда [Бейлинсон, 2009 (б)], так как поддержка нарушает нейтральность медиатора и, как следствие, нарушает доверие сторон. Что касается, например, речевого действия вероятностного прогнозирования событий, в медиаторской технике развития идеи оно трансформируется в речевое действие проверки на реалистичность. Таким образом, развитие идеи помогает медиатору *«уточнить смысл сказанного, быстро продвинуться к обсуждению в беседе, произвести проверку реалистичности, получить информацию без прямых вопросов»* [Медиация, 2016, с. 239].

Сообщение о восприятии другого. Это одна из коммуникативных техник сообщения о переживаемом. Медиатор говорит, например:

«Мне кажется, что вас это огорчает».

«И Вы чувствуете себя расстроенной».

«Мне кажется, что вы устали».

«Вас что-то смущает».

«*Я чувствую, что вы переживаете по поводу …»*.

Н.В. Жбанкова и О.А. Прохорова пишут, что медиатор «управляет процессом когнитивной, вербальной и эмоциональной трансформации субъектов конфликтного общения в рамках реализации дискурса медиации», а «анализ медиативных ситуаций показывает, что одним из условий успешного разрешения конфликта является положительный эмоциональный фон процесса медиации» [Жбанкова, Прохорова, 2017, с. 83]. По нашим наблюдениям, сообщение о восприятии другого – это часто используемая техника, с помощью которой медиатор управляет процессом эмоциональной трансформации сторон в медиации. Медиатор помогает сторонам выразить свои эмоции и снять излишнее напряжение и показывает, что он считается с состоянием сторон:

«Сейчас Дмитрий говорит, что ему больно, что ему обидно за то, что, когда ему было тяжело, Вы говорили, что это его проблемы. Правильно я понимаю? (Медиатор обращается к Дмитрию и получает невербальное согласие со сказанным. Затем медиатор снова обращается к первой стороне.) *Когда у Вас проблемы, и Вы обратились к нему, у него, поскольку обида до сих пор в нем живет, он Вам точно так же говорит: "Это ваши проблемы", правильно я понимаю? Мы сейчас не говорим «только Ваши»* (обращается к одной стороне) *или «только Ваши»* (обращается к другой стороне). *(Мы) говорим о чувствах, об эмоциях, которые есть у Дмитрия. Дмитрий, вот такой вопрос: что может убрать эту негативную эмоцию, чтобы она не мешала вырабатывать нам какое-то решение? Есть такой способ, который поможет выйти вам из обиды?»*

В приведенном фрагменте медиатор отзеркаливает эмоции стороны и в то же время озвучивает их для другой стороны, показывает, что для первой стороны они важны, и с ними надо считаться. Здесь же медиатор обращается с вопросом о способах преодоления эмоции и снятия излишнего напряжения для того, чтобы можно было дальше договариваться.

С чувствами и эмоциями сторон на психологическом уровне связаны разнообразные коммуникативные ходы в конфликтном дискурсе: вызовы, защиты, отступления [Щербина, 2017, с. 111], которые медиатору, находящемуся вне горизонтали сторон, необходимо нейтрализовать для работы сторон в конструктивном диалоге. Специальная работа с эмоциями сторон необходима для того, чтобы эмоции не мешали сторонам договариваться. Отмечается, что вербализация эмоциональных состояний помогает с этими состояниями разобраться и научиться их контролировать [Карелина, 2004]. Так, медиатор ***переводит эмоции стороны в словесный план***, способствуя осознанию этой эмоции. Медиатор инициирует вербализацию эмоций:

«У Дмитрия есть обида, у Вас тоже есть какие-то чувства, Вы можете рассказать про них».

Медиатор демонстрирует, что с эмоциями не договориться, реагируя на припоминания одной из сторон:

«Там все было на эмоциях, мы пытаемся сейчас рационально как-то…»

«Дальше, чтобы переговоры у нас были более конструктивные, мы темы обговорить (пришли), чтобы не говорить обо всем, и не перекидываться эмоциональными какими-то вещами, мы проговариваем тему. Что мы сегодня будем обсуждать? Какой вопрос будем решать?»

«Мы не ищем правых и виноватых, наша задача – другая. На самом деле все мы не без греха. Это может быть и глупость и все что угодно, но копаясь в этом сейчас, мы не найдем решения. Наша задача найти какое-то решение из сложившейся ситуации».

Сообщение о восприятии другого не является директивным, так как сторона может не согласиться с вербализуемой медиатором эмоцией и скорректировать ее. Невмешательство медиатора проявляется также в отсутствии личного отношения, выводящего медиатора из статуса нейтрального независимого посредника.

В целом коммуникативная техника сообщения о восприятии другого связана с так называемой «тактикой эмпатии», тактической эмпатией, позволяющей смягчить эмоциональный фон переговоров в дискурсе медиации.

Сообщение о собственном самочувствии. Коммуникативная техника применяется медиатором для того, чтобы остаться нейтральным в сложных ситуациях, когда, например, сторона (стороны) обвиняет (обвиняют) его в чем-то. Медиатор здесь может уйти от обвинения, прибегая к выражению своего самочувствия, показывая, что он сам имеет на это право:

«Меня расстроило, что …»

Я вижу, что Вам показалось, что отстаиваю позицию другой стороны, и мне жаль, что у Вас сложилось такое впечатление».

Лингвистический анализ дискурсивных проявлений медиатора на материале медиаций и рефлексий медиаторов по поводу своего коммуникативного поведения нам показал, что способности и навыки в эмоциональной сфере, иначе говоря, эмоциональный интеллект медиатора, имеют большое значение в эффективном ведении переговоров в медиации. Эмоциональный интеллект, если мы будем углублять в эту сферу, подразумевает не только регуляцию и опознание эмоций

других людей, но также умение разбираться в собственных чувствах, регулировать собственные эмоции [Кочетова, 2021]. Сообщение о собственном самочувствии восходит к моделям ненасильственного общения М. Розенберга [Гессманн, Севастьянов, 2014, с. 87; Розенберг, 2015] и алгоритмам выхода из конфликтной ситуации: «1) сказать о тех *чувствах*, которые вы испытываете; 2) сказать о конкретном поступке партнера, который вас приводит в это состояние; 3) объяснить, почему вы так это воспринимаете, поскольку для него это может быть неожиданностью; 4) возможно, предложить какой-то альтернативный вариант поведения, который бы вас устроил» [Иванова, 2015 (а), с. 100]. Альтернативным вариантом в медиации всегда может быть выход из медиации, это может инициировать как одна из сторон, так и сам медиатор.

Техника слушания. Здесь слушание не сводится к простому аудированию как рецептивной речевой деятельности, состоящей в восприятии чужой звуковой речи. В учебнике по медиации, авторами которого стали профессиональные практикующие медиаторы, тренеры-преподаватели, представлено 14 видов слушания, которые делятся на две основные группы: пассивное слушание и активное слушание [Медиация, 2016, с. 240–243]. Пассивное слушание – это *«отражение высказывания и эмоций без вмешательства в содержание»* [Медиация, 2016, с. 241], *«применяется тогда, когда медиатор молчаливо слушает своего клиента и отвечает достаточно нейтральными словами <…> или задает открытые вопросы, которые стимулируют клиента говорить»* [Дронзина, 2015, с. 127].

По нашим наблюдениям, нейтральными словами в пассивном слушании являются такие дискурсивные маркеры медиации, как ***«угу»*** со значением «слышу, готов дальше слушать» [Киндеркнехт, веб], наблюдается также использование союзов, функция которых в контексте медиации заключается в том, чтобы стороны продолжали высказываться: ***«и ...»***, ***«то есть ...»*** [Киндеркнехт, Яковлева, 2020, с. 89]. В пассивном слушании употребляются дискурсивные маркеры с вопросительной информацией, запрашивающие информацию: ***«и что?»***, ***«ну и что?»***, ***«и что дальше?»***, ***«да?»*** Здесь они не выражают оценку сказанного, не

дают повода думать, что медиатор присоединился к одной из сторон, а поддерживают контакт, показывают, что медиатор внимательно слушает [Киндеркнехт, Путина, 2023].

Активное слушание – это *«активная переработка смыслового содержания высказывания, т. е. рефлексия»* [Медиация, 2016, с. 241]. Как пишет Т. Дронзина, в отличие от пассивного *«активное слушание характеризуется тем, что медиатор обращает внимание на всё – слова, интонацию, тон, язык тела – и показывает клиенту, что он его услышал»* [Дронзина, 2015, с. 127]. Как активному слушателю медиатору *«следует понимать как содержательную, так и эмоциональную составляющую речи спорящих, а затем показать (дать обратную связь) спорящим, что он их "действительно услышал"»* [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 46–47]. К активному слушанию мы относим эхо-технику, технику резюме, технику развития идеи и др.

Проинтерпретируем активное слушание языковой личности медиатора. Техника слушания медиатора напоминает технику слушания следователя, которая в совокупности с другими техниками общения, как, например, контролем дистанции, контролем выражения лица, позы, тона и силы голоса, поддержки контакта глаз, характеризует коммуникативную сторону его профессиональной деятельности. Здесь слушание, как пишут И.М. Черевко, С.Л. Никонович и А.А. Шаевич, предполагает «перефразирование высказываний, как стремление вникнуть в суть сообщения, постановку уточняющих вопросов, отзывчивость на реплики партнера, но не перебивание, не поспешные возражения» [Черевко, Никонович, Шаевич, 2016, с. 200]. Однако, в отличие от следователя, **медиатор может перебивать стороны**, если нарушаются правила, принципы, регламент медиации и если накал раздражения и враждебности во взаимодействии сторон слишком высокий.

Слушание является профессиональным навыком, который «необходим любому специалисту, работающему с людьми» [Матвеева, 2010, с. 436]. Это возвращает нас к помогающим профессиям. Медиатору необходимо обладать навыками эффективного слушания. Эффективное слушание, по мнению

О.Я. Гойхман и Т.М. Недеиной, определяется комбинацией следующих факторов: «1) отношение слушателей; 2) интерес слушателей; 3) мотивации слушателей; 4) эмоциональное состояние слушателей» [Гойхман, Надеина, 2001, с. 80]. В соответствии с указанными факторами эффективное слушание медиатора предполагает *«объективное, непредубежденное, кооперативное отношение»*, прямую заинтересованность в содержании того, что говорят стороны, профессиональную мотивированность на организацию коммуникации сторон и эмпатию, позволяющую *«видеть мир глазами другого человека, воспринимать собеседника максимально полно*» [Рисс, 2021, с. 10].

Техника слушания вбирает в себя, помимо упоминаемых ранее в данном параграфе коммуникативных техник, «установление обратной связи» медиатора посредством расспрашивания, то есть «прямого обращения к говорящему, которое осуществляется с помощью разнообразных вопросов» [Скаженик, 2006, с. 18].

Техника вопросов. Наблюдаются открытые вопросы:

«Как вы объясняете для себя поступок другой стороны?»

«Насколько Вы можете пойти ему навстречу?»

«Что в этом случае будет?»

«Для чего Вам нужна машина?»

«Насколько вероятно вам сейчас ее продать?»

«Каково Ваше мнение на этот счет?»

Закрытые вопросы:

«Вы строгий руководитель?»

«Если такое случается, вы уже эти вопросы можете сами урегулировать?»

«Согласны Вы с этими правилами? Готовы их соблюдать?»

Альтернативные вопросы:

«Что для вас важно: заполучить хорошего специалиста или игрока по бильярду?»

«Вы сейчас будете обсуждать вопрос квартиры или вопрос содержания детей?»

Данная коммуникативная техника подробно освещается в опубликованных саморефлексиях медиаторов. Открытые вопросы позволяют получить развернутый ответ, их назначение в медиации, согласно А.Н. Азарновой: а) получение информации о конфликте и его восприятии говорящим (*«Какими были Ваши отношения с Егором?»*); б) помощь стороне в осознании своих потребностей в связи с конфликтом (*«Что беспокоит Вас больше всего?»*); в) стимуляция активности стороны в поиске решения конфликта (*«Что могло бы Вам помочь чувствовать себя в безопасности?»*); г) помощь в осознании последствий того или иного возможного решения (*«Как Вы думаете, как отреагирует Дамир на это предложение? Что он предпримет в ответ? И что бы это означало для Вас?»*) [Азарнова, 2015, с. 66–67].

Выделяются также уточняющие открытые вопросы, например:

«В чем именно проявляется намерение оппонента Вас оскорбить?»
В соответствии с исполняемой специфической функцией Т. Дронзина выделяет также фокусированные вопросы (*«Катя, можешь ли рассказать мне, как авария повлияла на твою трудоспособность в последние 12 мясяцев?»*), рефлективно-эмпатичные вопросы (*«Катя, я так понимаю, что в настоящий момент ты чувствуешь себя бессильной, да?»*); зондирующие вопросы (*«Катя, если тебя обучат, как будешь справляться с новой технологией, которая для тебя раньше была проблемной?»*) [Дронзина, 2015, с. 131–132]. Закрытые вопросы используются *«в тех ситуациях, когда необходимо прояснить скрытую информацию», это «срабатывает только в случае "прямого попадания" – когда выстроенная версия объяснения ситуации совпадает с реальной»* [Азарнова, 2015, с. 74]. Альтернативные вопросы представляют собой разновидность закрытых, они точечно проясняют ситуацию, например:

«Вы сами озвучите предложения или предоставите это право мне?»

Анализируя использование вопросов в речевой практике медиатора, отметим, что техника вопросов дает возможность медиатору **вывести расширенный семантический план содержания сообщения стороны из уменьшенного плана выражения.** Вопросы задаются не для медиатора или не

только для самого медиатора, но главным образом для оппонента конфликтной стороны. Вопросы позволяют уточнить содержание и раскрыть недосказанную информацию, необходимую для коммуникации сторон в дальнейшем. С помощью вопросов медиатор обеспечивает «обоюдное “речевое познание” конфликтующих субъектов, направленное на создание соответствующего действительности образа Другого и ситуации в целом» [Сергеев, 2017, с. 42].

Самонаблюдения медиаторов и наши наблюдения в рамках настоящего исследования показали, что **медиаторы говорят вопросами** – данное объективное утверждение можно также заключить в кавычки, так как эту фразу часто повторяют сами медиаторы на курсах подготовки медиаторов и в саморефлексии коммуникативной деятельности медиатора. Вопросы помогают медиатору управлять ходом переговоров. Необходимость в вопросах диктуется спецификой спора и этапами медиационной сессии.

Представленный арсенал коммуникативных техник не исчерпывает весь список коммуникативных приемов медиатора. Для языковой личности медиатора важна, например, **техника я-сообщения** (я-послания) [Gordon, 2001, с. 113–115], которая, по мнению психологов, «отправляет все конфликты на кладбище» [Буренков, веб]. В так называемой «я-коммуникации» нет места оценки оппонента, нет личной интерпретации его действий, но есть выражение обстоятельств, фактов и действий вообще (не конкретных действий), которые личностно задевают (обижают, возмущают) – проговаривание своего отношения к ситуации необходимо для выражения своей открытой уверенной позиции. Например, вместо *«Ты меня не ценишь»* с иллокуцией обиды и перлокутивным эффектом обвинения можно сказать: *«Я чувствую себя плохо, когда мое мнение и желания не учитываются. Мне нравится, когда мы можем что-то обсуждать вместе».* Медиатор часто предлагает обратиться к этой технике стороны конфликта, объясняя им ее суть. Я-сообщение способствует самопрезентации коммуниканта и коррекции дальнейшего безобидного взаимодействия с ним. Медиатор, таким образом, способствует «оестествлению» интересов и потребностей сторон.

В саморефлексиях медиаторов к коммуникативным техникам медиации относят технику мозгового штурма, предполагающую коллективное обсуждение поиска решения проблемы без критики мнения говорящего, здесь главное – «найти как можно больше вариантов, чтобы потом из них отобрать и скомпоновать лучшее» [Медиация – ключ к миру, 2017, с. 56]. К отдельным медиативным техникам относят анализ вербальных, паравербальных и невербальных сигналов, подстройку (установление раппорта) [Здрок, 2018, с. 12], подчеркивание общностей (целей, личностных характеристик и т.п.), подчеркивание значимости клиента, его мнения, вклада в общее дело, техника получения бессознательного доверия [Пронина, Попова (Смолик), 2015]. В источниках по медиации и в устах медиаторов допускается разное разграничение коммуникативных техник, например, к отдельной технике относят отделение фактов от интерпретации и оценок [Медиация в образовании…, 2018, с. 38], разнообразны терминологические сочетания, передающие идею пересказа конфликтной ситуации медиатором: эхо-техника, пересказ, перефразирование, прояснение. В качестве отдельной техники рассматривается **рефрейминг** (рефреминг).

Считается, что у истоков разработки данного метода лежат техники нейролингвистического программирования и психиатрическая практика [Grinder, Bandler, 1982]. Определение данного коммуникативного инструмента медиатора нередко дается через прескриптивы: *«поставить в новые рамки»* [Дронзина, 2015, с. 128], изменить рамки сказанного [Иванова, 2008, с. 62]. Медиатор Т. Дронзина пишет, что в медиации *«рефрейминг относится к референтной рамке стороны (то есть к тому, как он или она видит мир) и к возможности ее изменения»*, это некий способ описания, направленный на *«сохранение идеи и концепции говорящего, но в более приемлемой для разрешения конфликта форме»*: *«При помощи рефрейминга медиатор ставит послание каждой стороны в новую рамку так, чтобы оно звучало менее враждебно и деструктивно»* [Дронзина, 2015, с. 128]. Как отмечает С.М. Храмов, данная коммуникативная техника в медиации применяется «для того, чтобы увидеть проблему под другим углом, с другой точки зрения», для восприятия ситуации с позитивной стороны [Храмов, 2022, с. 54].

Варианты и виды рефрейминга позволяют смотреть на этот инструмент медиатора более широко – как на инструмент, который не только позволяет увидеть положительное в отрицательном, но и **перейти от проблемы к новым возможностям**. Е.Н. Иванова пишет по этому поводу: *«Рефрейминг может сделать ситуацию более разрешимой, например, если вместо того, чтобы говорить о том, что мне очень мешает, сказать о том, что я хочу и какими ресурсами располагаю»* [Иванова, 2008, с. 68]. В практических рекомендациях по медиации приводится такой пример: *«Это невозможно! Давайте лучше сформулируем так – при каких условиях это могло бы получиться?»* [Медиация – ключ к миру…, с 2017, с. 55].

Традиционно выделяют рефрейминг контекста и рефрейминг содержания. Рефрейминг контекста основывается на положении, что «в разных ситуациях одно и то же событие может оказаться как полезным, так и вредным», а изменение контекста восприятия может изменить отношение к событию [Пронина, Попова (Смолик), 2015, с. 10]. Показательный пример видим в реплике, обращенной к матери дерущегося подростка: *«Разве плохо, что Ваш сын способен защитить свою маленькую сестренку от любого, кому вздумается пристать к ней по дороге домой?» – «Эти слова*, – как пишет Р. Дилтс, – *помогут женщине изменить восприятие поведения своего сына, признать полезность его действий в определенном контексте и найти более конструктивную реакцию, чем ярость и стыд»* [Дилтс, 2020, с. 39]. Получается, что изменение контекста, в котором обсуждается поведение сына, позволяет увидеть другую сторону поведения, образ драчливого ребенка/подростка меняется.

Рефрейминг содержания – это «смещение смысловых акцентов» [Пронина, Попова (Смолик), 2015, с. 10], изменение точки зрения на объект, предмет или ситуацию. Частным случаем рефрейминга содержания является, например, «метафорическое перерамкирование», когда из процесса урегулирования конфликта убираются конкурентные метафоры: *«такие выражения, как “безнадежная ситуация” или “ситуация жертвы”, можно заменить выражениями “обнадеживающая ситуация” или “процесс обучения”»* [Дронзина,

2015, с. 139]. Избегаемым в медиации является само слово *«конфликт»*, которое заменяется, например, на ***«сложившуюся ситуацию»***.

Проинтерпретируем данный инструмент медиатора на примерах из речевой практики медиаторов.

Сторона: *«Этот работник-баран мне испортил ковры».*

Медиатор: *«Я так понимаю, что этот ремонт был неприятным опытом для вас обоих».*

Медиатор констатирует факт негативного взаимодействия сторон, он фактические отражает реплику стороны, но употребляет нейтральные слова, снижая эмоциональный накал. Объединяя стороны в качестве субъектов ремонта (*«для вас обоих»*), медиатор нейтрализует взаимные упреки, показывая, что принимает состояния участников медиации.

Сторона: *«Повреждение моей крыши нанесло мне огромный материальный ущерб».*

Медиатор: *«То есть Вы оценили бы качественный ремонт Вашей крыши, да?»*

Здесь медиатор демонстрирует тот самый переход от проблемы к новым возможностям. Реагируя на реплику стороны, медиатор говорит не об ущербе, а об устранении этого ущерба, перенаправляя стороны к будущему. Вместе с тем в реплике медиатора имплицитно задается вопрос: *«Как можно оценить ущерб от повреждения?»*

Сторона: *«Я требую полный ремонт крыши, 100 000 тенге и его извинения!»*

Медиатор: *«То, что Вы сейчас предпочитаете, это извинение, деньги и ремонт, да?»*

Медиатор трансформирует жесткое требование в возможные варианты выхода их ситуации, перефразируя реплику в вопросительно-утвердительной форме, при этом формулировка медиатора некатегорична.

Диверсификация функций и целей рефрейминга делает этот коммуникативный инструмент весьма полезным в практике медиации [Киндеркнехт, 2024 (ё)]. В медиации рефрейминг может интегрироваться в эхо-

технику, технику, резюме, технику развития идеи, составлять основу техники вопросов. Рефрейминг называют «медиативным методом» [Цветкова, 2015, с. 97], навыком ведения партнерской беседы [Дюсебалиева, Рябенко, 2020, с. 9]. Думается, что как коммуникативная техника рефрейминг занимает промежуточное положение между умением и навыком медиатора. Будучи «комплексной дискурсивной единицей, направленной на активизацию коммуникативного поведения адресата» [Комалова, 2016, с. 2], рефрейминг является инструментом, умение пользоваться которым «традиционно свидетельствует о высоком мастерстве и квалификации медиатора» [Храмов, 2022, с. 53]. В отличие от навыка, рефрейминг, предопределяемый целями и ценностными ориентирами медиации, является сознательным коммуникативным действием.

В общении с медиаторами автор настоящего исследования наблюдает постоянную саморефлексию медиаторов относительно того, что и каким образом они говорят на медиативных сессиях и в других разных ситуациях общения, и видит стремление к непрерывному саморазвитию, повышению квалификации. Медиаторы постоянно работают над собой, в том числе оттачивают медиативные навыки, практикуют коммуникативные техники, которые могут потенциально способствовать их более эффективному труду в профессии.

Становление профессиональной языковой личности медиатора и интеграция ее в коллектив профессиональных языковых личностей осуществляется через обучение, которое предполагает трансформацию уровня профессионального сознания, развитие умений профессионального общения и формирование определенного коммуникативного поведения обучаемого. Медиация, которой учатся у профессионалов-практиков, сродни ремеслу, стремящемуся быть искусством. Продолжая этот образный ряд, обратимся к высказыванию Х. Бесемера: *«Как у ремесленников есть свои инструменты и они используют каждый инструмент для определенной цели, – так и медиаторы всегда должны “иметь при себе” свои инструменты, владеть ими и использовать их правильным образом. Хотя специального “инструмента медиации” не существует, можно использовать приемы из многих других областей (терапия, групповая динамика,*

модерация, консультирование, тренинги, педагогика для взрослых и т.д.)» [Бесемер, 2004, с. 144].

Языковая личность медиатора – коллективный образ личности, проявляющей себя в закрытом для непосредственного исследовательского наблюдения дискурсе, вместе с тем каждый из медиаторов, представляющих коллективную языковую личность, открыт для коммуникативных техник дискурсов, соприкасающихся с дискурсом медиации. Так, в арсенал коммуникативных техник медиатора входят формы и приемы юридических типов дискурса. В задачи медиатора как «носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик, 2004, с. 22] входит квалифицированная помощь в составлении письменных документов. В оформлении текста документов, имеющих юридическую силу, проявляется директивность медиатора, однако эта директивность не относится к содержанию обсуждаемого в соглашении и выражается в устной коммуникации с помощью метаединиц, например, с помощью пояснения компонентов «контента-черновика», где перечисляются *«содержательные аспекты соглашения в форме обязательств сторон; основные понятия; сроки и условия соглашения, требующие исполнения; гарантии исполнения обязательств; санкции, наступающие в случае неисполнения обязательств; действия при возникновении затруднений при исполнении соглашения или наступлении форс-мажорных обстоятельств»* [Медиация, 2016, с. 227]. Наряду с метакоммуникативной функцией помощи в составлении письменного документа медиатор выполняет функцию переводчика с обыденного языка на язык профессионального юридического общения, вводя текст документа в сферу функционирования юридических типов дискурса (правового, судебного и т.п.). На границах дискурса медиации и юридического дискурса медиатор может предложить сторонам *«обратиться за профессиональной помощью к квалифицированным юристам»* [Медиация, 2016, с. 226].

Арсенал коммуникативных техник медиатора пополняется также практическими приемами психологов. Психологические дисциплины, по словам Е.Н. Ивановой*, «раскрывают сущность когнитивных и эмоциональных процессов,*

истоки иррациональности принятия решений, обеспечивают разнообразные техники работы с информацией, преодоления стереотипов, установления контакта и доверия, создания благоприятной атмосферы для ведения переговоров, оттачивания главного инструмента медиатора – его личности, отработки собственных проблем» [Иванова, 2021 (а), с. 346].

Для эффективного ведения переговоров в медиации широко используется психологический инструментарий, например, техники активного слушания и техника постановки вопросов, различные способы и средства установления психологического контакта со сторонами. А.Н. Азарнова к последним относит обращение к стороне по имени, проявления доброжелательности и заботы о сторонах, невербальные и паралингвистические средства установления контакта, включение стороны в диалог [Азарнова, 2015, с. 26–35]. Последнее средство содержит имплицитные императивы: оперативно реагировать на поведение участников медиации и, более категоричное, – нельзя игнорировать вопросы сторон. Все же указанные средства установления контакта со сторонами относятся к фатическому полю коммуникации – к информации, сопровождающей взаимодействие медиатора и сторон, к так называемой «ауре», языковой функции «сверх того» [Мурзин, 1998, с. 11–12].

Фатическая функция (контактная, контактоустанавливающая) используемых в коммуникации средств касается как вербального, так и невербального поведения языковой личности медиатора. К упомянутым невербальным и паралингвистическим средствам установления контакта медиатор А.Н. Азарнова относит, например, контакт глаз: *«Существует наблюдение: медиатор, сам не замечая этого, обычно больше поддерживает контакт глаз со стороной, вызывающей у него симпатию, либо со стороной “неудобной”, трудной во взаимодействии, например, агрессивной или неуступчивой. Участники переговоров, как уже отмечалось выше, обычно легко считывают это, человек, которому достается меньше внимания, чувствует себя игнорируемым, напрягается, обижается, раздражается, иногда пытается использовать это обстоятельство для манипулирования медиатором. Стороны чувствуют*

дискомфорт, когда медиатор то и дело смотрит в угол, в потолок, за окно или "внутрь себя", "сверлит" стороны глазами, постоянно прячет глаза в собственные записи» [Азарнова, 2015, с. 27]. Размышления А.Н. Азарновой являются саморефлексией практикующего психолога, сертифицированного медиатора, тренера медиаторов и автора программы обучения медиаторов на базе Межрегионального союза медиаторов «Согласие» (г. Москва), то есть человека, которому доступны для наблюдения невербальные и паралингвистические средства, используемые медиатором в закрытой для непосредственного наблюдения сфере медиации.

Для комплексного изучения коммуникативной личности медиатора необходим учет как вербальных, так и невербальных проявлений медиатора. За недоступностью многих паралингвистических единиц для сбора и последующего анализа было бы опрометчиво заявлять об исследовании коммуникативной личности медиатора. В идеальном представлении лингвистически полное обоснование коммуникативной личности медиатора должно непременно основываться на достаточном количестве наблюдаемых и фиксируемых невербальных и паравербальных проявлений медиатора в дискурсе медиации, что вполне осуществимо силами практикующих медиаторов, прицельно собирающих материал с сиюминутной шифровкой и изменением содержания для необходимых объективных обобщений.

Арсенал коммуникативных техник, представленный в данном параграфе, – резерв инструментов языковой личности медиатора, который необходимо пополняется в ходе практики медиации и обязательного для медиаторов регулярного повышения квалификации. Применение той или иной коммуникативной техники зависит от характера конфликта, конкретной ситуации и от этапа управляемого медиатором взаимодействия участников в дискурсе медиации.

3.3 Тезаурус языковой личности медиатора

Речевое и невербальное проявления языковой личности медиатора, отраженные в коммуникативных стратегиях и тактиках, выстроенных в определенную последовательность и направленных на ведение конструктивного диалога сторон и осуществление трансформации конфликтной ситуации, подчиняются ценностно-регулятивным координатам и определяют картину мира медиатора. Совокупность «знаков ценностной ориентации» [Караулов, 2010, с. 44–45] может быть представлена в тезаурусе языковой личности.

3.3.1 Специфика словаря медиатора

Проникновение в лабораторию медиатора позволяет нам изучить так называемый «антропный словарь» [Караулов, 2010, с. 26], ориентированный на языковую личность, формирующуюся и проявляющую себя в институциональном дискурсе медиации.

В энциклопедии «Русский язык» под редакцией Ю.Н. Караулова языковая личность определяется как «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [Русский язык, с. 671]. Наше исследование посвящено синхронической трактовке языковой личности медиатора в дискурсе медиации на материале русского языка. Закрытость профессиональной сферы для непосредственного исследовательского наблюдения, а также особенности развития медиации в России – внедрение медиации «сверху» и формирование русского профессионального языка медиации на основе и по примеру английского языка медиации – определяют направление в изучении уровней в структуре языковой личности медиатора по Ю.Н. Караулову [Караулов, 2010].

Наиболее доступным для изучения и исследовательской интерпретации становится мотивационный уровень: выявление институциональных доминант, установок, мотивов, иерархии смыслов и ценностей, ориентирующих и жестко ограничивающих языковую личность медиатора в речевом и невербальном проявлениях в ситуациях взаимодействия в развивающемся институциональном дискурсе. Информация о данном уровне отражается в нормативных документах: кодексах медиаторов, законах и комментариях к закону, научных статьях медиаторов и представителей других помогающих профессий. В речевой практике медиатора мотивационный уровень отражается в обилии слов, словосочетаний, целых высказываний и сверхфразовых единиц из авторитетных в аксиосфере медиации текстов. Минимальный перечень ключевых для медиации слов с дефинициями, содержащими фрагменты нормативных текстов, мы приводим в приложении (см. «Приложение Б»). Основным источником приводимых к словам определений является текст Закона о медиации и ряд изданий из серии «Библиотека медиатора», в которых трактовки незначительно изменяются [Об альтернативной процедуре…, веб; Комментарий к Федеральному закону…, 2012; Развитие медиации в России…, 2012; Медиация в практике нотариуса, 2012 и др.]. Для языковой личности медиатора характерно прямое цитирование нормативных документов и использование лексики данных текстов не только в общении с коллегами, но и в коммуникации с клиентами.

Что касается лингвокогнитивного уровня языковой личности медиатора, то он начинает осознаваться, прежде всего, самими медиаторами и объективироваться в разного рода саморефлексиях – от сиюминутных прозрений после удавшейся или неудавшейся медиации до основательных обобщений, которыми медиаторы делятся друг с другом в целях дальнейшего обсуждения и самокоррекции. Например, на онлайн-семинаре «Феномен доверия в медиации», который прошел 17 декабря 2020 года для закрытого круга слушателей, главным образом, для медиаторов и людей, интересующихся медиацией, ведущий семинара, кандидат психологических наук, профессиональный медиатор О.К. Шульга дает всеобъемлющую характеристику доверия как процесса переживания и процесса

взаимодействия в медиации, а, по сути, раскрывает психолингвистический и лингвокогнитивный аспекты концепта ДОВЕРИЕ в медиации [Шульга, веб]. Обозначение доверия в русском языковом сознании, интерпретация доверия в переговорных процессах и действие доверия в медиации – эти вопросы требуют рассмотрения в отдельном междисциплинарном исследовании. Здесь отметим, что в актуальном дискурсе медиации происходит выделение концептов, характеризующих субкультуру медиатора.

Ценностно значимым для языковой личности медиатора является концепт БУДУЩЕЕ. Грамматически концепт БУДУЩЕЕ вербализуется в формах будущего времени глаголов. Лексическую объективацию наблюдаем в словах *«будущее»*, *«перспективы»*, *«дальнейшее»*, *«завтра»*, *«ждать»*, *«предупредить»*, *«гарантировать»* и др. Реализация концепта осуществляется в речевых комплексах с семантикой будущего времени, например, вопросы, задаваемые медиатором, ориентированы на будущее взаимодействие сторон:

«Что произойдет, если вы сейчас не договоритесь?»

«Что Вы получите от этого предложения?»

«К чему это может привести?»

Обиды переформулируются в задачи для сохранения отношений в будущем:

«Что может убрать эту негативную эмоцию, чтобы она не мешала вырабатывать нам какое-то решение? Есть такой способ, который поможет выйти Вам из обиды?»

На разных этапах медиации в своей речевой практике медиатор проверяет решения сторон на реальность, то есть на жизнеспособность, например:

«Насколько это реально исполнить?»

По нашим наблюдениям содержательная определенность концепта БУДУЩЕЕ – не прогностическая, а контактосберегающая ориентация. В целом, вопросы, связанных с концептом БУДУЩЕЕ как одним из основных концептов в медиации, могут стать объектом отдельного лингвистического исследования.

В картировании мира медиатора важным представляется осмысление трансформаций, происходящих в процессе медиации. Например, в тренинге для

медиаторов «Медиативные стили», который проходил 26 октября 2021 года в г. Нур-Султан, международный медиатор Т.А. Дронзина обратила внимание на преобразование концепта ОТНОШЕНИЯ в конфликте разводящихся супругов: прекращаются отношения, именуемые «брак», – не прекращаются отношения, репрезентируемые словом «родительство». Отметим, что трансформация «брак – родительство» – это не просто и не только фрейм как способ структурирования содержания концептуального пространства медиатора, проявляющегося в типизированной ситуации конфликта – разводе, это лингвокультурная формула как динамическая информационная структура, «модель, обусловленная культурой языкового сообщества, культурообразующая единица, отражающая и создающая традицию» [Киндеркнехт, 2018 (в), с. 87].

Анализ идеологически ориентированной модели мира медиатора, иерархия ценностей языковой личности медиатора хорошо представлены в статьях практикующих медиаторов и тиражируются в других публикациях о медиации, с указанием оригинальных антецедентов или же без указания авторов-источников, поскольку растворяются в аксиосфере развивающегося дискурса медиации как имманентная данность, которой подчиняются и должны подчиняться медиаторы в своем социальном функционировании. В настоящей работе основой для теоретического изложения послужили оригинальные работы практикующих медиаторов, тренеров-медиаторов «из чистых рук», то есть работы, в которых излагается **прожитый и осмысленный опыт в медиации**. В отдельных случаях знания из работ дополнялись спорадическими консультациями медиаторов для автора настоящего исследования, в которых уточнялись некоторые аспекты саморефлексии современных медиаторов. Если говорить об иллюстрируемой эмпирике исследования, то она представляет собой собранный по крупицам материал доступных источников, в том числе примеры, приводимые медиаторами в публикациях, а также разрешенные к просмотру и стенографированию медиации, учебные и реальные.

Семантико-вербальный уровень как уровень организации языковой личности медиатора – наименее доступный для непосредственного наблюдения.

Сказываются закрытость профессиональной сферы и недоступность фиксации языкового материала на медиационных сессиях. Немаловажным фактором в труднодоступности анализа представляется также постепенный отбор медиаторами языкового материала на русскоязычной почве. Вместе с тем общим наблюдением является нейтральность лексики медиатора. Принимая во внимание, что для сторон конфликта свойственно сложное эмоциональное взаимодействие, участники конфликтного дискурса испытывают различные эмоции и эти эмоции выражают в диалоге, медиатор проявляет себя как нетипичный участник конфликта. Медиатор не использует понятия «хорошо», «плохо». Наблюдаемая нами реплика *«Хорошо»* встречается только в оценке продвижения сторон по процедуре, например, в подведении итогов:

«Хорошо, вы сегодня приняли решение…»

В словаре медиатора нет экспрессивно-оценочной лексики, медиатор не оценивает ситуацию, сложившуюся между сторонами, не оценивает позиции сторон, интересы, принятые решения. Медиатор может отзеркалить ситуативно-эмоциональное слово стороны, но чтобы обратить внимание на нарушение правила медиации, например:

Сторона: *«**Этот** меня вообще не слушал…»*

Медиатор: *«Этот?»*

Используемые медиатором слова неконфликтогенны, причем здесь обращается внимание на конфликтогены с точки зрения сторон, например, медиатор не говорит *«алименты»*, а использует более нейтральный вариант *«расходы на содержание детей»*. Перефразируя стороны и подводя итоги процедурным этапам, медиатор меняет эмоциональную лексику сторон на нейтральную, выступая переводчиком с языка эмоций на нейтральный язык для установления конструктивного диалога сторон. Таким образом, в выборе лексики медиатор контролирует себя и контролирует эмоции сторон, выделяя рациональную основу диалога.

В России развитие социальной практики медиации в настоящее время сопровождается развитием специфического языка медиатора, который

формируется на основе русского языка как языка межнационального общения народов Российской Федерации. Формирование языка российского медиатора на основе и по примеру английского языка медиации накладывает определенный отпечаток на отбор языкового материала не только для исследования дискурса медиации, но и для практики самой медиации. По наблюдениям, практически все медиаторы, стоящие у истоков развития медиации в нашей стране в конце XX – начале XXI века, являются билингвами, владеющими, как минимум, двумя языками: русским и английским. Многие из практикующих медиаторов в настоящее время, особенно тренеры медиаторов, супервизоры и международные медиаторы, свободно владеют английским языком. Английский язык используется для межнационального общения в профессиональном дискурсе, при обмене опытом, на семинарах, мастер-классах, тренингах и других обучающих программах для медиаторов, которым необходимо регулярно проходить курсы по повышению квалификации. Медиаторы здесь сами нередко выступают в роли переводчиков. Современные российские медиаторы работают в сегменте международной, межнациональной, межэтнической медиации, где английский язык выступает средством межнационального общения.

Работая по примеру зарубежных коллег, российские медиаторы отталкиваются от англоязычной профессиональной коммуникативной практики. Поскольку в своей работе медиаторы-практики ориентируются на опыт зарубежных коллег, для них становится актуальным вопрос применения той или иной кальки или перевода в ходе медиативных переговоров [Киндеркнехт, 2019 (д)], медиаторы постоянно обращают внимание на использование той или иной языковой или речевой единицы в связи с эффективностью или неэффективностью переговоров, достижением или недостижением целей медиации. Например, практика медиации показывает, что для дискурсивного маркера ***«well»***, используемого в англоязычной медиации изолированно для демонстрации слушания, не всегда уместно употреблять такие его варианты перевода, как *«да»*, *«да-да»*, *«ага»*, которые в русском языке при изолированном использовании могут выполнять прагматическую функцию согласия, подтверждения, и, как следствие,

могут восприниматься сторонами или одной из сторон как «эмоциональную вовлеченность медиатора в проблему, излагаемую одной из сторон конфликта» [Киндеркнехт, Путина, 2023, с. 4–5]. Интерпретируемый как присоединение к стороне русскоязычный эквивалент такого, казалось бы, небольшого слова может дать понять сторонам о нарушении нейтральности медиатора и, как следствие, приведет к утрате доверия сторон. Таким образом изначально используемые в русскоязычной медиации кальки *«well» – «хорошо»*, *«да-да»*, *«да»* – не выдержали испытание на нейтральность. Оптимальным дискурсивным маркером в ситуации активного слушания стал русскоязычный дискурсивный маркер *«угу»* со значением «слышу, готов дальше слушать» [Киндеркнехт, веб]. По нашим наблюдениям нейтрально используются в качестве отдельных реплик союзы, функция которых в контексте медиации заключается в том, чтобы стороны продолжали высказываться: *«и...»*, *«то есть...»* [Киндеркнехт, Яковлева, 2020, с. 89]. Как видим, медиаторы ищут подходящие эквиваленты и принимают решение об использовании в своей речи той или иной языковой единицы, более соответствующей ситуации в данной языковой культуре, не противоречащей правилам и принципам медиации.

В настоящее время идет процесс выкристаллизации русского языка медиации. Выкристаллизуется также терминология медиации. Саморефлексии медиаторов относительно перевода терминов медиации нередко фиксируются в научных публикациях. Так, в статье «Современная медиация: тенденции и проблемы» Е.Н. Иванова перечисляет выделяемые ею медиационные стили, указывая названия на двух языках и сопровождая перечисление следующим комментарием: *«Я специально привожу англоязычные оригиналы названий, поскольку переводила я их так, как показалось более близко по смыслу мне самой. Может быть, читающие предпочтут их другую интерпретацию»* [Иванова, 2011, с. 149]. Этот же медиатор отмечает, что пока не удается коротко и ясно перевести слово ***«empowerment»***, обозначающее наращивание силового потенциала сторон в трансформативной медиации, а существующие эквиваленты – ***«придание сил»*** и ***«расширение возможностей»*** – не отвечают этим критериям [Иванова, 2021 (б),

с. 163]. Этот же автор пишет о путанице в переводе с английского слов ***«cooperation»*** и ***«collaboration»***, интерпретируемых *«либо как компромисс, либо как сотрудничество»* – ошибка в смешении понятий ***«компромисс»*** и ***«сотрудничество»***, связанная с существующей проблемой подачи компромисса как «наивысшей степени мастерства и успешности в переговорах и работе с конфликтом», в то время как ***«сотрудничество»*** представляется теоретической абстракцией [Иванова, 2021 (б), с. 128]. Заметим здесь, что в некоторых лингвистических работах по медиации компромисс рассматривается как основная цель медиации [Чернышенко, 2014; Моногарова 2016 (б), 2018]. Однако, как справедливо отмечает Е.Н. Иванова, неразличение этих понятий *«заводит разрешение конфликта в тупик»*, так как указанные стратегии выхода из конфликта принципиально различаются: *«компромисс достигается за счет взаимного отступления на уровне позиций, а сотрудничество возможно лишь при выходе на более глубокий уровень – уровень лежащих под ними интересов, на котором изначальное противоречие уже не актуально»* [Иванова, 2021 (б), с. 128–129]. Отметим здесь, что в компромиссе стороны идут на уступки, то есть реализуют какой-то процент от своих интересов, тогда как при сотрудничестве возможно удовлетворение интересов на 100 % каждой стороной.

Терминология медиации в лингвистике изучалась на материале английского языка [Головченко, Чернышенко, Кобышева, 2015; Моногарова, 2016 (а), 2016 (в), 2017 (а), 2017 (б), 2017 (в), 2017 (г); Моногарова, Кобышева, 2016 (а), 2016 (б), 2016 (в), 2017; Чернышенко, 2013, 2015 (а), 2015 (б), 2015 (в), 2015 (г), 2015 (д), 2015 (е), 2016 (ё); Чернышенко, Алимурадов, 2014; Чернышенко, Головченко, 2014; Чернышенко, Лату, 2015; Chernyshenko, 2015]. Созданы и зарегистрированы англо-русские базы терминологии медиации: база данных «Русскоязычная терминология медиации», включающая корпус терминологических единиц русскоязычной терминологии медиации [Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2015620418…, 2014], «Многоаспектная англо-русская база данных терминологии медиации», представляющая собой текстовый корпус терминологических единиц в английском и русском языках (содержательные

разделы базы данных: термин, терминозона, структурный и семантический тип, мотивационная модель и дефиниция) [Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2016621674…, 2016], база данных стратегической организации речевого поведения в медиации, представляющая комплекс следующих содержательных разделов: 1) название стратегии медиации; 2) участник, использующий стратегию; 3) тип медиации; 4) название реализующей речевой тактики; 5) англоязычный пример актуализации тактики в контексте; 6) релевантная терминология [Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2017620029…, 2017]. Издан словарь-справочник терминов процедуры медиации, включающий краткие справочные материалы, касающиеся различных аспектов медиативной процедуры «(виды медиации, преимущества и ограничения использования этой примирительной технологии, документация, стратегии сторон, функции посредника, права участников спора и т.д.)», и дающий дефиниции терминов медиации [Словарь-справочник терминов…, 2017]. Опубликовано учебное пособие, затрагивающее проблемы терминологии дискурса медиации [Чернышенко, 2015 (б)].

Исследователи справедливо называют терминосистему медиации открытой, так как «по мере расширения сфер применения медиации в процесс вовлекаются новые термины, как собственно медиативные, так и заимствованные из смежных сфер» (сферы альтернативного разрешения споров, юриспруденции и психологии), терминология медиации не только продолжает развиваться, «уточняться в аспекте дефиниций и пополняться новыми элементами», но и выступает в качестве донора для терминосистем смежных дискурсов» [Чернышенко, 2015 (а), с. 201; Чернышенко, Алимурадов, 2014]. В указанных публикациях определены два основных источника пополнения словарного запаса медиатора – психология и юриспруденция. Отмечается, что частота употребления терминов в медиации намного ниже, чем, например, в суде, так как по сравнению с судебным процессом процесс медиации является менее формализованным. Делается наблюдение, что термины медиации «должны быть максимально доступными, “традиционными” и не должны вводить участников медиации в недоумение», должны иметь

прозрачную мотивацию, очевидную «для обывателя» [Чернышенко, 2015 (а), с. 203]. Исследование терминологии идет в тесной связи с изучением медиативных стратегий и этапов процедуры медиации.

Отметим, однако, что лингвистические исследования, посвященные дискурсу медиации, в которых скрупулезно собран материал по терминологии медиации и которые, безусловно, дают приращение научного знания и имеют большое значение для лингвистического обоснования новой для российской действительности профессиональной сферы, на наш взгляд, не лишены недостатков, которые не дают пока возможности использовать их, как заявлено, в работе медиаторов и в обучении специалистов в области медиации. Для такого заявления у нас есть ряд оснований:

1) существующие исследования проведены с акцентом на англоязычный дискурс медиации, что является вполне логичным, учитывая особенности развития русского языка медиации, однако наблюдения в русском языке привязаны к референциальной сфере англоязычной медиации; необходим учет российской почвы «приживания», адаптации англоязычной терминологии;

2) материал, используемый для сбора и систематизации терминологии медиации, главным образом берется из открытых источников, это ограничивает охват использования терминов, в частности, во взаимодействии медиатора со сторонами в ходе процедуры медиации, к тому же учебные медиации не дают полной картины употребления терминологии;

3) для проверки материала закрытых медиаций необходимо участие в анализе практикующих медиаторов, готовых предметно обсуждать использование терминов или единиц общеязыковой лексики в дискурсивной практике;

4) отсутствие супервизии специалистов приводит к теоретическим неточностям в трактовке цели и содержания дискурса медиации, а также в определении стратегий медиатора, отличающихся от стратегий конфликтующих сторон в медиации;

5) терминосистема медиации, как пишет А.Г. Чернышенко, «не является гомогенным образованием» и в то же время характеризуется динамичностью

[Чернышенко, 2015 (а); 2015 (е)], отсюда возникает необходимость в продолжении изучения терминосистемы медиации;

6) представляется, что для изучения терминологии медиации требуется коллектив авторов, с учетом *«радикальной дифференциации медиации»*, которая произошла в последние десятилетия [Иванова, 2015 (б), с. 131];

7) наконец, для изучения терминологии профессионального подъязыка необходимо взаимодействие лингвистов и профессионалов медиации, причем лингвиста-медиатора здесь будет недостаточно, так как необходимо исследовательское вовлечение в практику медиации, когда исследователь не просто сопричастен к дискурсу медиации, но является его непосредственным активным участником.

Для формирования знаний о словаре медиатора на материале русского языка необходим учет развития русского языка медиации. Здесь мы выделили три аспекта, связанные с актуальной практикой медиации в нашей стране [Киндеркнехт, 2019 (д)]:

1. Русскоязычная терминология медиации как формирующаяся динамичная терминосистема, соотносимая с референциальной сферой русскоязычной медиации. Аспект связан с систематизацией терминологии медиации, включающей как исконно русские наименования, используемые в стихийной эпизодической практике медиации в истории России, так и употребляемые в современной практике медиации международные термины, в отношении которых необходим анализ целесообразности их использования в русском языке. Сюда следует также отнести профессиональную лексику, необходимую для восприятия и понимания в общении медиатора с коллегами и со сторонами конфликта.

2. Рефлексия и самореффлексия профессиональных медиаторов по поводу использования отдельных слов и выражений русского языка в практике русскоязычной медиации. Данный аспект касается непосредственно практики работы медиатора и строгого отбора языковых и речевых средств для оптимизации трудовой деятельности. Речь идет о выкристаллизации языка медиатора как

основного участника дискурса медиации (в отличие от других участников, например, конфликтующих сторон) на русскоязычной почве.

3. Обмен профессиональным опытом в институциональном дискурсе медиации и становление языковой личности медиатора. В России русский язык выступает основой общения медиаторов между собой: коллегиальное общение, конференции, тренинги. На русском языке осуществляется профессиональная подготовка медиаторов. В дальнейшем медиаторы могут распространять полученные знания и навыки на других национальных языках. Так, в 2020 году вышел русско-якутский конфликтологический словарь медиатора, содержащий 101 понятие конфликтологии и медиации, составителель словаря – юрист, тренер-медиатор, представитель Московской школы конфликтологии в Республике Саха (Якутия) Д.Н. Иванова [Русско-якутский конфликтологический словарь медиатора…, 2020]. Таким образом русский язык является ключом к распространению медиации в Российской Федерации.

В работах по медиации отмечается, что лексическая основа медиации включает как терминологию (причем прослеживается идея нецелесообразности отказа от терминов юридической сферы), так и нейтральный вокабуляр, «максимально доступный», «активно употребляемые слова и фразы, известные большинству людей, решающихся на медиацию» [Чернышенко, Алимурадов, 2014, с. 408–415]. Наблюдаемое противоречие между использованием специальной терминологии и понятности этой терминологии и использованием доступной для понимания лексики проинтерпретируем в полюсности вокабуляра медиатора.

Вспомним модусы общения в институциональном дискурсе по Л.С. Бейлинсон [Бейлинсон, 2009 (в), с. 143] и типы общения в рамках статусно-ориентированного дискурса медиации по В.И. Карасику [Карасик, 2021 (а), с. 34]: существует внутренний институциональный дискурс медиаторов, теоретический дискурс специально подготовленных агентов, общающихся между собой, и стандартный институциональный дискурс, подразумевающий общение между агентами как представителями социального института и клиентами, в нашем случае – медиантами. Степень терминологизации речи медиатора повышается по

мере приближения к теоретическому полюсу внутреннего общения медиаторов между собой и понижается по мере приближения к профессиональному полюсу общения медиаторов со сторонами.

Наблюдается своеобразная «диглоссия» как особый вариант билингвизма медиатора, когда в рамках одного дискурса медиатор использует два разных набора лексики в зависимости от контекста и коммуникантов. Например, привычное для медиаторов слово ***«кокус»*** передается в общении со сторонами как ***«индивидуальная беседа»***. Медиатор нередко **«переводит»** для сторон положения законов на простой, понятный, доступный язык, термины – на знакомые слова, слова с прозрачной мотивацией. Таким образом, лексикон медиатора можно разделить на лексикон для внутреннего и для стандартного дискурсов медиации, с разной степенью терминологичности.

Границы между лексиконами здесь очень подвижны и размыты, так как переход от одного полюса к другому зависит не только от языковой личности самого медиатора, но и от языковых личностей медиантов. Так, взаимодействие с представителями юридического сообщества будет отмечено большей степенью терминологичности. Само слово «медиатор» («медиация») здесь можно было бы отнести к «единице полутерминологического значения», юридизация которой осуществляется с принятием Закона о медиации и которая требует специального «легального истолкования» и «спецификации» в рамках процедуры медиации [Катышев, Иванов, 2022, с. 14].

Медиатор в своем общении со сторонами стремится к достижению коммуникативной ясности как содержательной категории дискурса [Карасик, 2016, с.31–32], которую применительно к дискурсу медиации необходимо трактовать как совпадение интенции медиатора и интерпретации сторон относительно передаваемой информации. Коммуникативная ясность в языке медиатора достигается не только с помощью доходчивого изложения, но также благодаря использованию общего языка для медиатора и сторон языка – **языка для специальных целей**, который в дискурсе медиации понимается не как специализированный язык медиатора, а как язык сферы применения медиации,

например, язык жилищно-коммунального хозяйства, язык медицины, язык бизнеса, то есть язык той области конфликта, в которой медиатору необходимо быть минимально компетентным: необходимы знания экстралингвистических аспектов отрасли, которые вербализируются в коммуникации сторон. Примечательно, что в языке отрасли медиатору приходится также адаптировать языковой материал для сторон, если стороны что-либо не понимают, то есть в языке для специальных целей также наблюдается диглоссия медиатора. Например, как отмечает И.Л. Максимов, особенностью медиации в сфере оказания медицинских услуг является использование медицинской терминологии, «которая иногда не понимается пациентом» [Максимов, 2019, с. 31]. Получается, что в медицинских спорах **медиатор выступает в роли переводчика**, доходчиво донося объективируемые в языке сторон клинические ситуации.

Семантико-вербальный уровень в структуре языковой личности медиатора, который составляют терминология медиации, общеязыковая лексика, лексика языка для специальных целей (сферы применения медиации), поддается объяснению, «коль скоро известна ценностно-смысловая иерархия понятий в авторской картине мира, известны его цели» [Караулов, 2010, с. 45], то есть если доступны для понимания иерархия ценностей и мотивационный уровень языковой личности. Следуя теории Ю.Н. Караулова, обратимся к ключу, необходимому для установления связи между уровнями в структуре языковой личности: это «экстралингвистическая информация, поставляемая социальной составляющей языка и связанная с «историей» ее приобщения к принятым в данном обществе стереотипам в соотношении жизненно важных понятий, идей, представлений, историей их усвоения и присвоения в процессе социализации», а также информация «о социальном функционировании языковой личности, о ее социальных ролях и референтных группах» [Караулов, 2010, с. 45–46].

Итак, антропный словарь медиатора реконструируется в связи с уровнями исследовательской интерпретации языковой личности и с доступностью материалов для непосредственного лингвистического анализа. На мотивационном уровне лексику медиатора характеризуют словарный фонд нормативных текстов,

задающих ценностно-регулятивные координаты медиатора. На лингвокогнитивном уровне словарь медиатора объективирует ценностно значимые концепты ДОВЕРИЕ, БУДУЩЕЕ, ОТНОШЕНИЯ. На вербально-семантическом уровне осуществляется непрерывный отбор лексики для стандартного институционального дискурса в соответствии с правилами и принципами медиации. Формирование лингвистического знания о словаре медиатора связано с особенностями развития дискурса медиации в конкретном срезе и на определенной территории. К особенностям развития русскоязычного языка медиации мы относим выкристаллизацию русского языка медиации на основе англоязычной коммуникативной практики медиации, специфику использования терминологии медиации во внутреннем и стандартном модусах общения и переключение медиатора с/на язык специальных целей в дивергентных дискурсивных пространствах.

3.3.2 Структура тезауруса медиатора

В изучении компонентов языковой личности медиатора важное место занимает именно тезаурусно-идеологический уровень, вбирающий в себя лексикон и обусловливающий прагматикон языковой личности, индивидуальные воплощения языкового материала в коммуникативном пространстве.

Тезаурус (от греч. thēsauros сокровище, запас) – «словарь, отражающий смысловые связи между словами, терминами и другими элементами языка»; «систематизированная совокупность понятий определенной отрасли науки» [Щукин, 2007, с. 333], «идеографический словарь, в котором показаны семантические отношения (родо-видовые, синонимические и др.) между лексическими единицами», структурной основой обычно служит «иерархическая система понятий, обеспечивающая поиск от смыслов к лексическим единицам», для поиска в обратном направлении используется алфавитный указатель [Языкознание…, 1998, с. 507]. Тезаурусом называют «словарь, представляющий систему языка в виде лексических групп или семантических полей, отражающих

понятийную классификацию и стилистическую стратификацию лексики (системно-идеографический тип словаря)» [Матвеева, 2010, с. 477].

Современная концепция тезауруса представляет этот тип словаря как «сложнейшую систему, содержащую информацию о действительности, а также “метаинформацию” (сведения об информации), обеспечивающую возможность приема новых сообщений» [Осокина, 2011, с. 159]. Как пишет С.А. Осокина, тезаурус изучается как семантическая (когнитивная) система представления информации, это «языковая система знания о мире», «естественно сложившаяся материальная словесная сеть, обеспечивающая бытие знания – его получение, хранение и переработку», причем «необходимым условием становления, развития и формирования тезауруса является коммуникативное взаимодействие различных субъектов тезауруса на уровне словесных знаков» [Осокина, 2015, с. 11].

Учитывая конвергентный характер дискурса медиации и включение в словарь медиатора юридической, психологической терминологии и элементов языка для специальных целей в сфере применения медиации, представляется, что реконструкция языковой модели мира медиатора в словаре тезаурусного типа возможна в случае объединения усилий специалистов разных направлений. Тезаурус как лексикографический продукт неизбежно должен составлять коллектив авторов, это условие создания тезауруса небходимо для корректной и максимально полной фиксации материала – знаний о профессиональной деятельности медиатора, представленных в сети слов, отражающих иерархию ценностей, цели и задачи медиатора в коммуникативном взаимодействии со сторонами в дискурсе медиации.

В настоящем исследовании разрабатываемые аспекты тезауруса языковой личности медиатора можно рассматривать как проект тезаурусно-идеологического уровня языковой личности. Преимуществом тезауруса является «возможность изменять, добавлять контролируемый словарь терминов» [Жучкова, 2016, с. 42].

Тезаурус – «это система, необходимая для восприятия и понимания информации» [Осокина, 2015, с.19]. Создаваемая модель тезауруса является попыткой упорядочения и систематизации лексикона медиатора для

инвентаризации информации о модели мира языковой личности медиатора. Перефразируя Л.С. Шаталову, изучающую возможность применения тезаурусного подхода при создании учебного терминологического словаря различных предметно-образовательных дисциплин [Шаталова, 2013, с. 133], отметим, что словарь любой предметно-образовательной области, а в связи с активным развитием институционального дискурса медиации вопросы становления языковой личности медиатора приобретают большую актуальность, выполняет две важные функции: 1) тезаурус является средством формирования системной лексической основы профессиональной информации; 2) тезаурус является средством представления профессиональной деятельности, сферы и среды профессионального общения.

В тезаурусном моделировании мы следуем теории лексикона-тезауруса Т.С. Серовой и Л.П. Шишкиной [Серова, Шишкина, 2009, 2010, 2011; Шишкина, 1993, 2010; Серова, 1985, 1988, 2016]. Исследовательницы рассматривают лексикон-тезаурус, во-первых, «как способ описания и организации смысловой структуры знаний по теме, в соответствующей области в виде системы лексических средств с их взаимосвязями и отношениями», во-вторых – как «словарь-справочник в печатном или электронном виде, в котором представлены ключевые лексические единицы данной темы, отрасли знаний вместе с их взаимосвязями: синонимия, родо-видовые, ассоциативные отношения, словосочетания, классифицируемые тематически, обобщенные в схемах», в-третьих – как инструмент для быстрой ориентации в текстах, поиска и извлечения релевантной целям и задачам деятельности информации [Серова, Шишкина, 2011, с. 226–227].

Структура словаря Т.С. Серовой и Л.П. Шишкиной включает четыре компонента: 1) классификационную часть с логико-семантическими структурами тем и ведущих подтем; 2) контекстную часть с дефинициями ключевых понятий; 3) идеографическую часть, в которой представлены словарные статьи ведущих слов-понятий темы; 4) алфавитный указатель слов [Серова, Шишкина, 2009]. Опыт работы с данной структурой словаря на занятиях по дисциплине «Разработка и создание лексикона-тезауруса на втором иностранном языке» в период с 2015 по

2022 год показал эффективность представленной модели тезауруса для формирования общего представления о теме и иерархии смысловых отношений внутри нее.

Представляется, что для тезауруса медиатора на начальном этапе его создания была бы затруднительной фиксация контекстов: относительно лексики, употребляемой медиаторами, стенографирование контекстов в принципе недопустимо, а для терминологии, употребляемой медиаторами во внутреннем дискурсе, требуется целенаправленная работа по поиску и систематизации употреблений, кроме того, необходима консолидация усилий медиаторов, использующих разные стили и работающих в разных сферах применения медиации, для исключения риска субъективного освещения материала лингвистом-медиатором, не практикующимся в медиации на постоянной основе. Второй и четвертый компоненты тезауруса целесообразно объединить – представить ключевые для медиатора термины с дефинициями, выверенными и опубликованными в ряде материалов. Так, дефиниции представлены в словаре основных терминов медиации в тексте Закона [Об альтернативной процедуре…, веб, ст. 2], в комментариях к Закону о медиации [Комментарий к Федеральному закону…, 2012, с. XVI–XXVI], в готовых словниках (пока небольших) лексикографических изданий [Русско-якутский конфликтологический словарь медиатора…, 2020], списках терминов, чаще всего сопровождающих учебно-практические материалы [Азбука медиации, 2011; Игнатович, Попов, 2022; Летяев, Ломакина, 2010; Рыженко, Маркова, 2017 и др.], и других публикациях медиаторов и людей, непосредственно связанных с медиацией [Азарнова, 2015; Глоссарий службы школьной медиации, веб; Глоссарий школьного медиатора, веб; Коченовские чтения…, 2018; Медиация, 2016; Основные направления и перспективы…, 2018, с. 18, 92–93; Развитие медиации в России…, 2012; Словарь медиатора (а), веб; Словарь медиатора (б), веб; Словарь медиатора, веб; Словарь школьной медиации, веб; Энциклопедия медиации, веб и др.].

Сводный перечень основных ключевых терминов мы вынесли в приложение (см. «Приложение Б»). Термины даются в алфавитном порядке и представляют

собой список «контролируемого, но изменяемого словаря» [Караулов, 1981, с. 148]. Отметим, что здесь ключевые слова профессионального дискурса медиации даны в одноязычных статьях. Представленный перечень является минимумом, собранным из вышеупомянутых источников. Основательную разработку данного сегмента тезауруса необходимо проводить с учетом скрупулезной работы медиаторов по поиску и обсуждению словника и выведению дефиниций путем целенаправленного анализа материала и дискуссионных встреч медиаторов. Уточнению подлежат многие термины, выходящие за пределы юриспруденции и психологии, международные термины и слова, имеющие отраслевое употребление. Например, сам термин *«mediation»* как основной для дискурсивного проявления медиатора имеет в русском языке аналог – *«посредничество»*, но, как пишет А.Д. Карпенко, по отношению к слову *«медиация»* это слово является родовым, тогда как такой гиперо-гипонимической дифференциации в английском языке не наблюдается [Карпенко, 2011]. О сложности дефинирования терминов медиации можно судить лишь по одному термину *«конфликт»* – здесь лексикографические изыскания могут идти от упрощенной дефиниции «отсутствие согласия у сторон» [Игнатович, 2019, с. 55] до многокомпонентного определения, вбирающего в себя все дескриптивные особенности данного явления, и до эволюции в понимании конфликта в русском языковом сознании [Киндеркнехт, 2022 (д)].

Относительно первого компонента лексикона-тезауруса медиатора мы ограничились попыткой моделирования некоторых схем, представляющих смысловые связи между терминами медиации, отражающие бытие языковой личности медиатора в различных сегментах его коммуникативной активности в дискурсе медиации. Логико-семантическая структура представленных тем основана на материале учебника по медиации, вбирающем труды известных российских медиаторов [Медиация, 2016]. Информацию, представленную в схемах, мы сочли необходимым снабдить метаинформацией для интерпретации элементов словаря. Так, первая сетка смысловых взаимосвязей в дискурсе медиации посвящена участникам медиации и роли медиатора (см. рисунок 1 – Участники медиации).

Рисунок 1 – Участники медиации

Наш комментарий здесь включает пояснения к схеме и отсылки на нормативные источники:

Главными участниками медиации являются медиатор и стороны конфликта – это «необходимый минимальный состав, при наличии которого может проводиться процедура медиации» [Комментарий к Федеральному закону…, 2012, с. 28]. Медиация, как правило, проводится одним медиатором. Вместе с тем возможна и ко-медиация (комедиация), «в которой работают два и более медиатора» [Медиация, 2016, с. 140]. Стороны – это «желающие урегулировать спор с помощью процедуры медиации субъекты отношений» [Об альтернативной процедуре…, веб]. Возможно также наличие представителей сторон, с которыми медиатор «сталкивается при организации медиации и в ходе ее осуществления», это так называемые третьи лица, «привлеченные в конфликт с целью содействия его разрешению»: «не все участники конфликта на практике оказываются за столом переговоров в медиации, далеко не со всеми медиатор взаимодействует в ходе подготовки медиации» [Медиация, 2016, с. 153].

В схеме определены роли и функции участников медиации. Роль понимается как «значение, род и степень участия в каком-нибудь деле, предприятии, событии» [Ушаков, 2008], а именно: значение, род и степень участия представленных субъектов в медиации. Роль участника здесь – это некий статус, соотносительное положение субъекта (субъектов) относительно других участников медиации. Функции здесь рассматриваются как ролевые ожидания (ролевые требования), формируемые в соответствии со стереотипным поведением, выработанным в типичной ситуации медиативных переговоров для данной конкретной роли:

В схеме даны наиболее общие функции медиатора, которые далее будут рассмотрены более подробно. Восклицательным знаком (!) отмечено предостережение для медиатора, так сторонники и советники «нередко берут на себя роль лидера вместо самих сторон», и медиатору необходимо «отслеживать подобные моменты и возвращать процесс к обсуждению, способствующему, в первую очередь, реализации интересов сторон конфликта» [Медиация, 2016, с. 154].

Указанные предпочтения в привлечении третьих лиц выведены из определенных рисков для эффективной медиации. Так, например, во избежание усиления конфликта и для облегчения работы медиатора считается важным, «чтобы стороны договорились об одном эксперте» [Медиация, 2016, с. 155].

В рассмотрении примеров участников медиации мы обратили внимание на лиц, представляющих переводчиков в рамках медиации:

Переводчик может быть привлечен медиатором или сторонами, однако, как отмечается, наиболее комфортная и безопасная ситуация для медиатора – это привлечение переводчика со своей стороны, причем желательно, чтобы у медиатора или переводчика был опыт совместной работы. Предпочтительным также является совмещение функций медиатора и переводчика, то есть когда медиатор сам может говорить на разных иностранных языках.

Относительно межкультурного посредника, следует отметить, что в России профессиональные области медиации и перевода являются еще слабопроницаемыми. В теории и практике перевода медиацией нередко называется собственно установление самого межъязыкового и межкультурного контакта, наблюдается свободное употребление термина медиация к явлениям, с медиацией никак не связанных, и, в целом, медиация как альтернативная процедура урегулирования споров еще далеко не всем переводчикам знакома [Киндеркнехт, 2018 (а), 2018 (б), 2021 (а), 2021 (б), 2024], хотя наблюдается уже интерес к медиации в практике перевода, обусловленный увеличением числа межкультурных контактов и активностью миграционных процессов [Лингвокультурная и транскультурная медиация…, 2018; Киндеркнехт, 2020 (б)], требующими пересмотра программ подготовки переводчиков [Киндеркнехт, 2019 (в)].

Следующая предложенная нами схема отражает этапы премедиации, предварительной встречи сторон с медиатором, которая происходит до начала самого процесса медиации (рисунок 2 – Этапы премедиации). На этапе премедиации медиатор разъясняет сторонам правила проведения медиации, согласовывает условия проведения медиации, решает организационные вопросы.

Рисунок 2 – Этапы премедиации

Этап премедиации, как отмечают известные российские медиаторы, – «один из самых сложных моментов в практике медиатора» [Медиация, 2016, с. 163]. В большинстве случаев *«приходится много работать, чтобы стороны все-таки сели за стол переговоров»* [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 60]. Отсутствие подготовки к медиации или ненадлежащее качество премедиации может свести на нет эффективность медиативных переговоров.

Наш комментарий к этой схеме в модели тезауруса медиатора:

В связи с новизной медиации в России специфика ее инициирования заключается в преимущественном участии медиатора в роли инициатора переговоров, тогда как внешние инициаторы, представленные первыми четырьмя группами, остаются пока перспективой. А.Д. Карпенко и Ю.А. Яковлева отмечают: «Правда, в последнее время судьи общей юрисдикции в начале судебного процесса порой рекомендуют сторонам обратиться к медиатору, но такая перспективная инициация в настоящее время является формальной из-за

нерешенности экономических вопросов вознаграждения медиаторов» [Медиация, 2016, с. 164]. Премедиацию делят на две составляющие: содержательную и организационную. Обе эти стороны проявляются в конкретных действиях медиатора относительно диагностики конфликта и планирования медиации.

При знакомстве с ситуацией для вхождения в конфликт у медиатора есть несколько инструментов, которые он применяет в зависимости от ситуации инициирования, стадии развития конфликта, степени эмоциональной отягощенности конфликта, готовности сторон идти на переговоры, желания или нежелания сторон встретиться лицом к лицу: это консилиация, обследование и конфликтологическое консультирование [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 61–65]. Одной из целей премедиации является заключение соглашения о проведении процедуры медиации. Обязательные пункты соглашения: 1) предмет спора; 2) медиатор, медиаторы или организации, осуществляющие деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации; 3) порядок проведения процедуры медиации; 4) условия участия сторон в расходах, связанных с проведением процедуры медиации; 5) сроки проведения процедуры медиации [Об альтернативной процедуре…, веб]. К необходимым юридическим документам премедиации относятся также «заявление (при необходимости) в арбитражный суд для отложения рассмотрения дела на срок проведения процедуры, оплата регистрационного сбора (в случае его необходимости) и проведение необходимых финансовых расчетов для осуществления медиации» [Медиация, 2016, с. 166]. Существует также целый пакет типовых документов, разработанных для обеспечения организации и сопровождения процедуры медиации и учитывающих стандарты и правила профессиональной деятельности медиаторов [Бюллетень Федерального института медиации, 2013, с. 230–287].

В практике медиатора большое значение придается определению медиабельности конфликта/спора как возможности применения медиации в конкретной ситуации (рисунок 3 – Критерии медиабельности).

Рисунок 3 – Критерии медиабельности

Подготовленная нами схема представляет собой критерии медиабельности, рассматриваемые Ю.А. Яковлевой [Медиация, 2016, с. 176]. **Наш комментарий** к этой схеме в проекте словаря-тезауруса медиатора:

Как пишут медиаторы А.Д. Карпенко и Ю.А. Яковлева, существуют субъективные и законодательные ограничения для проведения медиации по некоторым спорам, и медиатору важно понимать, возможно ли разрешение данного конфликта посредством медиации [Медиация, 2016, с. 169]. При рассмотрении схемы медиабельности конфликта/спора следует учитывать, что «перечень факторов, способствующих заключению соглашения, во многом носит индивидуальный характер и зависит от характера спора и его участников» [Медиация, 2016, с. 176].

В результате анализа различных теоретических источников и материалов практики принятия решения в опросах медиаторов Б.И. Хасан и Ю.О. Полещук выявляют те же самые критерии медиабельности, но иначе сформулированные и сгруппированные [Хасан, Полещук, 2020, с. 211–212]. Результаты опубликованного в 2020 году исследования показывают, что весьма сложно определить последовательность и приоритетность значимых факторов медиабельности, однако авторы отмечают, что различение признаков перспективы непосредственных переговоров и переговоров с участием посредника является важным не только на предварительной стадии, но и при изменении переговорного процесса в его динамике, то есть на стадиях медиативной сессии [Хасан, Полещук, 2020, с. 212].

Исследователи пишут, что вопрос о критериях медиабельности в каждом конкретном случае должен предваряться вопросом о том, является ли данный случай переговорным; авторы отмечают также, что «для того чтобы считать медиацию уместной или необходимой», указывает одно из условий: «стороны не владеют техниками ведения переговоров; отношения сторон отягощены эмоциональной стороной, которая на момент переговоров напряжена настолько, что препятствует их эффективности, но не перешла порога личной вражды» [Хасан, Полещук, 2020, с. 216–217].

В схеме 4 мы представили стадии медиации – медиативные (медиационные) сессии (рисунок 4 – Стадии медиативной сессии). В литературе по медиации порядок проведения процедуры медиации включает не только последовательность этапов самого переговорного процесса медиации, но и этапы, предшествующие переговорам, в частности, этапы премедиации как подготовку к медиации. Учитывая вышеизложенное и принимая во внимание широкозначность терминов *«медиация»* и *«процедура медиации»* в рамках теории медиации, мы озаглавили схему «Стадии медиативной сессии».

В комментарии к Федеральному закону медиации отмечено, что «с момента заключения соглашения о проведении процедуры медиации начинается следующая стадия – медиационная сессия, поэтому вряд ли корректно говорить от том, что начинается сама процедура», которая начинается с инициации медиации [Комментарий к Федеральному закону…, 2012, с. 41].

К каждому этапу медиации расписаны коммуникативные цели медиатора как основного участника процедуры медиации. Стадии медиации являются наиболее тиражируемой в настоящее время информацией о дискурсе медиации. Так, анализ этапности в переговорах с участием нейтрального посредника потребовал отдельного **нашего комментария**:

В Федеральном законе 193-ФЗ от 27 июля 2010 года в отношении способов урегулирования споров предлагается понятие «процедура медиации» [Об альтернативной процедуре…, веб], что в комментарии к Федеральному закону рассматривается как правильный подход, «поскольку деятельность по урегулированию спора в рамках медиации представляет собой определенную последовательность стадий, в своей совокупности образующих определенный алгоритм, процедуру» [Комментарий к Федеральному закону…, 2012, с. 30]. В «Методическом пособии для посредников-медиаторов О.В. Аллахвердова и А.Д. Карпенко пишут, что медиация – это «четко организованный алгоритм, или последовательность этапов, которые обязательны для успешности всего процесса» [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 25].

Рисунок 4 – Стадии медиативной сессии

Обозначение сроков проведения процедуры медиации в Федеральном законе о медиации [Об альтернативной процедуре…, веб] дает представление о том, что не всегда конфликт спор может обсуждаться в рамках одной медиатвной сессии. Как пишет О.В. Аллахвердова, одной встречи со сторонами бывает недостаточно, количество сессий «ограничивается моментом завершения переговоров, когда стороны договорятся или решат прекратить медиацию», при этом «ускорять процесс выработки доверия сторон и их движение в переговорах – неблагодарное дело» [Медиация, 2016, с. 210–211].

Планирование количества встреч осуществляется в зависимости от желания и возможностей участников, а также от характера спора/конфликта в конкретном случае. К.К. Ковач так описывает вариативность в количестве медиатвных сессий: «Например, некоторые процедуры медиации по вопросам, связанным с расторжением брака, предполагают проведение нескольких встреч сторон с медиатором, которые занимают один час и назначаются один раз в неделю на протяжении нескольких недель – до тех пор, пока не будут урегулированы все разногласия. Для урегулирования крупных и сложных споров (например, по групповым рискам) бывает необходимо проведение медиации в течение нескольких полных рабочих дней. А для других может быть достаточно и нескольких часов. Конкретное время проведения процедуры может определяться медиатором, сторонами, персоналом суда или иной организации либо назначаться судьей» [Ковач, 2013, с. 97].

*Сколько бы ни было запланировано медиативных (медиационных) сессий, все они должны быть организованы с четким следованием одних и тех же стадий. Так, например, «при каждой сессии медиации или на повторной медиации с этими же сторонами вступительное слово **обязательно повторяется**» – это инструмент медиатора в управлении процессом медиации [Аллахвердова, Карпенко, 2005, с. 29]. «Четкое следование стадиям медиации обеспечивает достижение результатов по урегулированию правового спора» [Комментарий к Федеральному закону…, 2012, с. 30].*

В представленных схемах когнитивная информация с помощью элементарных семантических единиц позволяет быстро схватить код коммуникативного взаимодействия медиатора с другими участниками дискурса.

Воссоздание базовых конструкций в мышлении языковой личности медиатора – это **попытка картирования мира эталонного медиатора**, то есть медиатора, каким его хотят видеть во внутреннем и стандартном модусах дискурса медиации. Дальнейшая инвентаризация информации о модели мира языковой личности медиатора требует отдельного всестороннего междисциплинарного исследования в коллективе специалистов разных направлений, главным образом, практикующих медиаторов.

Третий компонент лексикона-тезауруса медиатора (по модели Т.С. Серовой и Л.П. Шишкиной) представляет собой идеографическую часть, в которой размещаются словарные понятийные статьи ведущих ключевых слов – референтов темы [Серова, Шишкина, 2009]. Мы проиллюстрировали данный компонент модели лексикона-тезауруса медиатора ключевым словом *медиация* (рисунок 5 – Словарная понятийная статья «медиация»). Слово *медиация* является ведущим в дискурсивной практике медиатора.

В представленных цепочках слов мы отобразили словообразовательные и ассоциативные парадигмы слов, значимых в дискурсе медиации и используемых во всех трех модусах институционального профессионального дискурса: внутреннем, стандартном и внешнем. В словообразовательной парадигме дериваты слова *медиация* представляют субъекта действия в медиации (*медиатор*), объекты, на которые направлена деятельность медиатора (*медианты*) и атрибутивную характеристику (*медиационный*).

Расположенные на одной ступени производности дериваты снабжены цепочками актуальных ассоциаций, которые представляют собой, синонимические группы, единицы которых взаимозаменяемы в определенных контекстах и ситуациях, но не тождественны во всех возможных употреблениях. Например, значение слова *«посредник»* шире значения слова *«медиатор»*. *«Независимый посредник»* представляет сужение и конкретизацию значения *«посредник»*, а

значение номинации *«третья сторона»* включается как семантический компонент в значения всех единиц данной синонимической группы. Перифраза *«независимое физическое лицо, привлекаемое в качестве посредника»* отмечена частотным употреблением в юридических документах наряду с лексемой *«третья сторона»*, которая используется в описательных конструкциях.

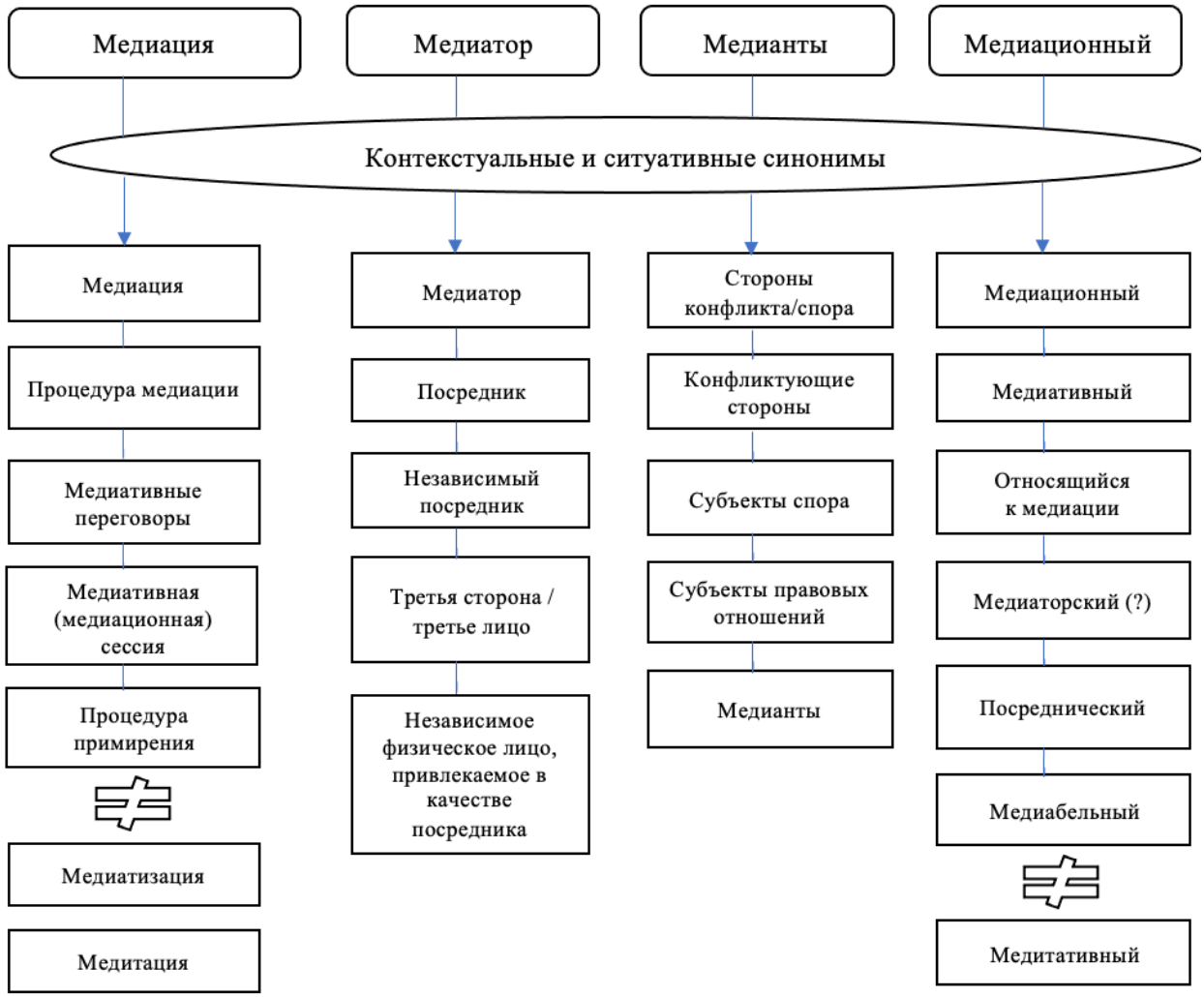

Рисунок 5 – Словарная понятийная статья «медиация»

Для рассматриваемых групп слов характерны лексико-семантические колебания по пути терминологизации и детерминологизации. Само ключевое слово *«медиация»*, употребляемое в терминологическом ключе как процесс внесудебного решения споров и проведения переговоров с помощью специального нейтрального посредника (медиатора), детерминологизируется до широкозначного слова *«посредник»* в сферах, которые могут быть смежными с медиацией.

Например, в переводческом дискурсе медиация понимается как процесс деятельности в качестве посредника, вид социального взаимодействия между разными собеседниками при помощи переводчика [Киндеркнехт, 2024 (д)]. Здесь наблюдается употребление слова *«медиация»* в качестве метаязыковой единицы, описывающей процесс перевода. Анализ зарубежных и отечественных публикаций, освещающих проблемы теории и практики перевода, показывает, что в переводческом дискурсе наблюдается также развитие в сторону терминологизации слова *«медиация»* – в переводоведении формируется самостоятельное понятие, отражающее опыт социокультурного посредничества и интеграционной помощи [Киндеркнехт, Колада, 2022].

В нетерминологическом употреблении свободно взаимозаменяются *«медиация»*, *«процедура медиации»*, *«медиативные переговоры»*, *«медиационная сессия»* – слова, имеющие разные референты или охват референтов. Номинация *«процедура примирения»*, нередко отождествляемая с медиацией, обозначает альтернативный суду и альтернативный медиации способ разрешения и урегулирования споров. Следовательно, во внутреннем и стандартном модусах институционального дискурса медиации слова *«медиация»* и *«примирение»* не тождественны. Во внешнем модусе дискурса и в смежных с медиацией дискурсах, например юридическом (судебном), номинации могут отождествляться. Показательно в этом плане высказывание юриста, обучавшегося в медиации и приехавшего на слет медиаторов в мае 2019 года (г. Анапа): *«Наконец-то я поняла, что медиация – это не примирение»*.

В первом столбике синонимов в схеме словарно-понятийной статьи «Медиация» приведены ложно ассоциируемые с медиацией слова *«медиатизация»* и *«медитация»*. Помимо следов этих слов в опросе не относящихся к сфере медиации респондентов (см. параграф 2.1.2), отметим, что эти номинации, а также их производные (*«медитативный»* и атрибутивные номинации с приставкой *«медиа-»*) неизменно «всплывают» в интернет-поисковиках, заменяя ключевые для медиации термины *«медиация»*, *«медиативный»*, *«медиационный»*. Относительно двух последних прилагательных – *«медиативный»*, *«медиационный»* – в настоящее

время эти номинации близкотождественные, они свободно взаимозаменяются в различных контекстах в употреблении среди медиаторов, чего нельзя сказать об атрибутивной номинации *«медиаторский»*, отмеченной в схеме знаком вопроса. Прилагательное *«медиаторский»*, используемое наравне с *«медиационный»* и *«медиативный»*, по нашим наблюдениям, постепенно выходит из употребления.

Как видим из приведенного материала, медиатор имеет свой тезаурус как сложную систему, содержащую информацию о языковой личности, ее коммуникативном взаимодействии с другими участниками дискурса медиации, включающую единицы разной степени терминологизации, актуально отбираемые и используемые в профессиональном дискурсе.

Приведенные примеры показывают, что мы имеем дело с ранее некодифицированной частью языка, которая требует специального изучения в отдельном исследовании. Здесь мы ограничились попыткой моделирования некоторых схем и представили некоторые варианты структурной организации и графического оформления тезауруса медиатора. Проникновение в лабораторию языковой личности медиатора приобщает нас к профессиональной лексике, а профессионализмы, наряду с другими ненормативными единицами, «остаются вне поля зрения исследователей языка, в первую очередь потому, что их фиксация и описание требуют большого объема экстралингвистических знаний» [Солнышкина, 2006, с. 57]. К созданию лексикографического продукта по медиации необходимо подключение практикующих медиаторов, причем специалистов разных направлений.

Языковой мир медиатора может быть представлен в схемах, которые картируют дискурс медиации со стороны профессионального институционального дискурса и теоретического дискурса специалистов (по терминологии В.И. Карасика [Карасик, 2021 (а), с. 34]) и ориентируют медиатора в его коммуникативном поведении. Например, элементы схемы, отражающей критерии медиабельности, дают представление о рамках, очерчивающих ситуации, в которых допустимо коммуникативное проявление медиатора.

Сложно сказать, могут ли компоненты тезауруса выступать руководством к действию. В перспективе создание такого тезауруса может быть полезным при обучении и самообучении медиаторов, но он может быть востребован ровно настолько, насколько востребованы учебники по медиации. Как мы отмечали ранее, эффективное обучение медиаторов происходит в тренинге, в непосредственном взаимодействии учителя (практикующего медиатора, тренера по медиации) и ученика. Как отмечают медиаторы-тренеры, идея готовых образцов речей медиаторов, например, идеальных текстов вступительного слова, не приживается, так как считается, что готовые речевые фрагменты жестко форматируют медиатора, а медиатор должен проявлять гибкость в конкретной ситуации, с конкретными медиантами, применительно к определенному конфликту, но в строгом соответствии с правилами и принципами медиации.

Осмысление понятия гибкости применительно к речевой практике приводит нас к пониманию того, что медиатор способен в любой коммуникативной ситуации (в идеальной инвариантной ситуации) демонстрировать искусство пользования языком, то есть является так называемым «носителем элитарной речевой культуры», которому свойственны: «высокая свобода в текстопорождении любой тематической и жанрово-стилистической оформленности; высокая продуктивность переработки всех услышанных и прочитанных текстов; большой объем активного словаря; владение всеми функционально-стилевыми разновидностями литературного языка; сочетание разностилевых элементов речи, адекватное целям и задачам общения; свободное владение как устной, так и письменной формой речи и безошибочный выбор формы речи в зависимости от коммуникативных целей; соблюдение существующих этических норм; всемерное уважение к адресату» [Кочеткова, 1996, с. 23].

По отношению к языковой личности медиатора справедливо идентификационная характеристика, приведенная в работе М.А. Лаппо: «Речь элитарной языковой личности о себе характеризуется языковыми и коммуникативными особенностями, а именно стремлением к саморефлексии, креативным использованием языковых ресурсов, соблюдением информативно-

фатического баланса, языковыми стратегиями самоактуализирующейся личности (выражением самопринятия, внутреннего локуса контроля, ценности бытия вне социальной иерархии и др.)» [Лаппо, 2018, с. 10–11]. Основные критерии речевой культуры в обобщенном теоретическом описании элитарной языковой личности – ортологический, информационный, жанрово-стилистический, риторический, коммуникативный, нравственный, психологический [Лаппо, 2014, с. 67–68] – выделяются нами и в речевой культуре медиатора [Киндеркнехт, 2024 (г)].

Языковая личность медиатора как носитель полифункционального типа речевой культуры, как элитарная языковая личность соотносится с эталоном речевого поведения и коммуникации [Сиротинина 2003, Седых, 2005]. В подтверждение данной идеи и подводя итог рассмотренным в предыдущих параграфах характеристикам медиатора, его модерирующей функции в дискурсе медиации, приведем слова Т.В. Кочетковой, отмечающей, что «речевая деятельность личности такого плана оказывает регулирующее воздействие на носителей других типов внутринациональных речевых культур, ориентируя любого собеседника на духовное совершенствование и открывая для него иной способ познания действительности» [Кочеткова, 1999, с. 6].

Итак, на основании анализа материалов дискурса медиации становится возможным реконструировать тезаурус основного его участника – нейтрального посредника в конфликтных переговорах. В данном параграфе мы предложили модель для создания лексикона-тезауруса медиатора и продемонстрировали работу этой модели в схемах, которые снабдили комментариями. Для реконструкции языковой модели мира медиатора в словаре тезаурусного типа требуется участие коллектива специалистов, включенных во внутренний модус общения институционального дискурса медиации. Тезаурус медиатора представляет знания о профессиональной деятельности медиатора, представленные в сети слов, отражающих иерархию ценностей, цели и задачи медиатора в коммуникативном взаимодействии со сторонами в дискурсе медиации. Мотивационный уровень в структуре языковой личности медиатора ориентирует и ограничивает медиатора в коммуникативных проявлениях и в отборе используемого языкового материала.

Лингвокогнитивный уровень включает сетку понятий развивающейся отрасли и формируется с присущей ему спецификой на русскоязычной почве. В каждом своем проявлении медиатор создает себя в соответствии с конкретной ситуацией и сообразно самоанализу относительно эффективности использования языковых средств для целей своей посреднической деятельности в медиации.

3.4 Речевая практика языковой личности медиатора за рамками медиации

Становление медиатора в дискурсе медиации связано с его автопроектированием в профессиональной деятельности. Обучение и практика медиатора способствуют его самоидентификации и отражаются на его коммуникативных проявлениях, которые вне профессии выступают маркерами принадлежности языковой личности к дискурсу медиации. В настоящем параграфе обобщим наблюдения за речевой практикой медиатора вне медиации. Данный аспект речевой характеристики необходим для комплексного исследования языковой личности медиатора. В основе рассматриваемых явлений – наблюдение за коммуникативным поведением медиаторов в период с 2018 по 2024 год (в течение 7 лет) и анализ рефлексий профессиональных медиаторов в видеообращениях, интервью, а также в блогах медиаторов. Отдельным источником для анализа выступили различные курсы подготовки медиаторов, организуемые для приобщения участников внешнего модуса дискурса медиации к стандартному и внутреннему модусу общения в медиации.

Рефлексии медиаторов выражаются в вербализованных суждениях о речевой практике языковой личности медиатора в медиации и за ее рамками. Автопроектирование медиатора в медиации начинается с проектирования речевой личности в рамках курсов подготовки медиаторов для профессиональной подготовки (чаще всего) представителей помогающих профессий и для регулярного обязательного повышения квалификации медиаторов.

Интеграция в профессиональное общение происходит в форме своеобразной профессиональной достройки языковой личности – «достраивается» языковая

личность, которая ранее реализовала себя в другой профессии. В параграфе, посвященном моделям и стилям медиации (см. параграф 2.4), мы уже рассматривали вопросы достройки, так называемой «комплектации» медиатора в связи с расширением его возможностей в применении различных стилей медиации. Метафора И.М. Фейгенберга «человек достроенный», то есть человек себя пополняющий, комплектующий [Фейгенберг, 2011, с. 8], интерпретируемая нами относительно достройки медиатора, который расширяет свои возможности в профессиональной деятельности и определяется со сферой применения своих компетенций, может быть продолжена в теме достройки языковой личности. Медиатору необходимы постоянное обучение и непрерывное самообразование в профессиональной сфере. Одним из постулатов медиаторов является следующее высказывание практиков: ***«Медиатор учится всю жизнь!»*** А.Д. Карпенко развивает эту идею, говоря о недостаточности первоначального обучения. Автор отмечает, что *«возникает определенная этапность профессионального обучения медиаторов»*, которую можно выразить в виде базового обучения объемом 120–140 часов, стажировки в отраслевой тематике и практической деятельности, а набранный практический опыт позволит медиатору специализироваться дальше или перейти к преподаванию медиации [Карпенко, 2014, с. 38–39].

Анализ рефлексий медиаторов о коммуникативных практиках медиации подтверждает идею о необходимости постоянной «достройки» профессионального медиатора. Так, медиатор О.В. Аллахвердова определяет три группы ошибок, с которыми надо работать медиатору в ходе обучения медиации: 1) процедурные ошибки (например, когда медиатор забывает сообщить о принципах медиации или по окончании кокуса не спрашивает о том, какая информация должна остаться конфиденциальной); 2) технические ошибки (выработанные ранее стереотипы поведения, например, когда медиатор дает свою оценку ситуации конфликта или когда использует слова-конфликтогены, или слова-паразиты для медиации: «хорошо» или «понятно»); 3) содержательные ошибки (когда, например, медиаторы считают, что нет необходимости пересказывать изложенное сторонами, *«забывая, что это необходимо не только для того, чтобы показать, что*

медиатор услышал, – обратная связь дает возможность второй стороне по-другому взглянуть на ситуацию») [Аллахвердова, 2012 (а), с. 57–58]. Если первые две группы ошибок, по словам О.В. Аллахвердовой, преодолеваются через 2–3 медиации под руководством супервизора – тренера медиаторов, то для преодоления содержательных ошибок требуется *«гораздо более длительный опыт»* [Аллахвердова, 2012 (а), с. 58]. Следовательно, как пишет В.В. Ремнева, «именно деятельностью человек достраивает самого себя и свою жизнь» через познание, общение и труд [Ремнева, 2008, с. 153–154]. На наш взгляд, познание здесь выражается в курсах подготовки медиаторов, общение – через включение в коллектив профессиональных языковых личностей, а труд проявляется в практике медиативной деятельности.

Рассматривая медиатора сквозь призму «человека достроенного», обратим внимание на современные акценты, которые делаются в рекламном продвижении медиации. Как мы выяснили в результате анализа рекламных проспектов различных современных курсов медиаторов, обучающимся предлагается дополнить профессиональный инструментарий новыми навыками в области коммуникации, урегулирования споров и ведения переговоров, при этом обращается особое внимание на то, что навыки медиации пригодятся **за рамками медиации**: в процессе поиска работы и в ходе общения ***«в обычной жизни»*** [Киндеркнехт, 2022 (а), с. 132]. Предполагается, таким образом, что слушатель курсов «достроит» себя дополнительными инструментами, которые позволят ему стать успешным посредником в переговорах. Вместе с тем «достройка» медиатора – это перспективное развитие своего образа «Я» вне профессии. Например, обращается внимание на то, что медиация – это *«возможность создания и развития личного бренда»*. Как пишет Г. Тульчинский, «во все времена личность могла быть недовольна своим местом в мире, стремилась к его изменению, смене своей социальной позиции», а в наши дни подобное стремление «предполагает изменение себя, своей собственной самоидентификации, построение себя-другого» [Тульчинский, 2011, с. 241]. Личный бренд – это «концепция, согласно которой современные люди занимаются конструированием своей личности, чтобы выгодно

устроиться на работу или занять определённую нишу в обществе» [Благородова, 2018, с. 41]. Экстраполируя здесь теорию И.М. Фейгенберга, отметим, что образование медиатора делает личность сконструированной, дополненной, причем медиативная компетентность является элементом комплектации, не просто взятым из окружающей среды, а новым качеством, которое не отделимо от индивида, «мировоззрением» по Ц.А. Шамликашвили [Шамликашвили, веб].

В настоящем исследовании мы не ставим целью изучение различных курсов медиаторов, а лишь даем представление о важности прохождения курсов подготовки и достройки медиаторов в формировании языковой личности медиатора, которая в дальнейшем неизбежно проектирует себя за рамками медиации. Прохождение курса предполагает конструирование, а также усиление и продвижение личного бренда, который необязательно связан с профессиональной сферой медиации.

Реклама курсов медиации, в которой участвуют профессиональные медиаторы, может стать объектом отдельного исследования. Взаимодействуя с социумом, медиатор, рекламирующий свою профессиональную деятельность, приобщает участников внешнего модуса дискурса медиации к стандартному и внутреннему модусу общения в медиации и помогает преодолевать стереотипы, связанные с медиацией. Медиаторами, например, отмечается, что у обучаемых *«нередко возникает иллюзия, что они уже и так владеют необходимыми умениями, более того, уже занимаются медиацией не первый год»*: *«Нередко такое представление бытует и среди специалистов смежных профессий, знающих о медиации понаслышке и вовсе не собирающихся обучаться тому, в чем они и так уже “асы”»* [Медиация, 2016, с. 384]. Подобное ложное представление связано с междисциплинарностью медиации, а также с распространением и тиражированием в Интернете разнообразных материалов, которые подвергаются критике со стороны самих медиаторов.

Современные социокультурные трансформации, связанные с экспансией Интернета в жизни общества, кардинальным образом меняют еще только зарождающийся институт медиации, и изменения эти затрагивают, в частности,

способы обучения профессиональных медиаторов [Киндеркнехт, 2022 (г)]. Так, по нашим наблюдениям, если еще в 2019 году на II Международной конференции «Медиация: опыт настоящего, перспективы будущего» (г. Анапа, 6–7 мая) медиаторы с осторожностью относились к обучению медиации онлайн, то в период пандемии им пришлось примириться с реальностью и пересмотреть свое отношение к онлайн-обучению медиации. В настоящее время образовательные учреждения предлагают прохождение специализированных программ по медиации в дистанционном (синхронном и асинхронном) и смешанном форматах. Оборотной стороной медали в данной ситуации является желание *«легким способом заработать на новизне»* – иногда это приводит к размытости предмета изучения, преобладанию теории над практикой, *«к перекосу в направлении преобладания количества обучающих и, соответственно, обученных над количеством практикующих медиаторов, в том числе, к сожалению, и среди обучающих»* и др. [Медиация, 2016, с. 385].

Профессиональная подготовка предъявляет строгие требования *«не только непосредственно к способности медиатора помочь сторонам справиться с их осложнениями в данный момент, но и к соблюдению этических норм, а также базовых принципов медиатора, что порой вступает в противоречие со статистикой, отражающей количество заключенных соглашений»* [Иванова, 2021 (а), с. 344]. Обучение медиаторов осуществляется, как правило, в тренинге (см. параграф 1.4.2). Среди специфических особенностей тренингов к наиболее значимым относятся: нацеленность на психологическую помощь участникам группы в саморазвитии, акцент на взаимоотношениях между участниками группы, которые развиваются и анализируются в ситуации «здесь и теперь», объективация субъективных чувств и эмоций участников группы относительно друг друга и происходящего в группе, вербализованная рефлексия и др. [Основы подготовки медиатора…, 2016, с. 82–83]. В тренинге становится возможной трансформация значимых для человека объектов, явлений, идеалов, которые во многом определяют его коммуникативное поведение, то есть трансформация ценностей. Подобно тому, как «социальные ценности, преломляясь через призму

индивидуальной жизнедеятельности, входят в психологическую структуру личности» [Романова К.С., 2008, с. 168], профессиональные ценности, преломляясь через призму индивидуального опыта обучения и индивидуальную профессиональную практику, входят в психологическую структуру личности.

В ходе автопроектирования медиатора происходит так называемое «субдискурсивное оперирование» языковой профессиональной личности [Мыскин, 2013, с. 154], то есть осуществляется трансформация медиатором обыденной реальности посредством дискурсивно значимого взаимодействия субъектов профессиональной коммуникации. Стратегии речевой деятельности здесь подчиняются ролевым требованиям профессии и нередко выходят за пределы ситуаций профессионально-коммуникативного взаимодействия. Так, в среде медиаторов говорят о формировании так называемого «встроенного медиатора» [Иванова, 2015 (а)], то есть о таком полезном приобретении, как *«привычке пользоваться базовыми медиационными приемами, обеспечивающими возможность с честью выйти из самых сложных ситуаций <…>»* в профессиональной ситуации и в личностно значимых обстоятельствах [Иванова, 2008, с. 6]. Явление встроенного медиатора можно объяснить через медиативное мировоззрение, которое складывается у обучаемого в процессе погружения в аксиосферу медиации. Медиативное мировоззрение, согласно Ц.А. Шамликашвили, – это *«постоянная работа над собой, внутренний диалог и саморефлексия»* [Шамликашвили, 2017 (а), с. 19]. Как отмечают Г. Пикер и К. Рюкерт, *«кто хочет развивать подлинные свойства медиатора, сначала должен заняться собой, (само)познанием профессиональной роли, новыми параметрами образа человека, переживаний и управления конфликтами, их динамикой и возможностями регулирования»* [Пикер, Рюкерт, 2004, с. 311]. Медиатор *«должен рефлексировать, осознавать свои мотивы, ценности, устремления, эмоции и то, насколько они соответствуют ключевым идеям медиации»* [Манина, 2022, с. 60].

Интеграция медиатора в профессиональный дискурс медиации осуществляется через трансформацию аксиологических ориентаций личности.

Этот аспект требует отдельного, более подробного исследования, однако уже сейчас можно отнести медиатора к некоему аксиологически идентифицируемому типу личности с присущим ему коммуникативным поведением. Вслед за Е.Н. Кузнецовой, которая рассматривает ценности педагогического взаимодействия [Кузнецова, 2008, с. 154], применительно к ценностям взаимодействия сторон и медиатора можно заключить, что медиатору необходимо отнестись к себе как к специалисту, способному так или иначе влиять на судьбу других людей. Отсюда высокая ответственность медиатора в профессиональной деятельности и необходимость постоянного самоконтроля и саморефлексии. Здесь мы видим ценностное отношение к людям, которые обращаются к человеку за помощью. Обучение медиации, как пишет Е.В. Ершова, *«требует особого подхода, а именно – выработки в процессе обучения и совершенствования в дальнейшем культуры отношения к человеку как уникальной системе, которая включает также отношение к себе»* [Ершова, 2016, с. 841].

Е.В. Ершова пишет о рефлексии профессиональной деятельности медиатора, осознании медиатором себя в данной профессии и о рефлексии как о навыке, способствующем успешной работе. Так, для медиатора важны внутренний и внешний виды рефлексии. Внешняя рефлексия соотносится со способностью к пониманию психики других людей, а внутренняя – со способностью к самовосприятию содержания своей собственной психики и его анализу. Относительно внутренней рефлексии автор отмечает, что она включает в себя *«рефлексию своих эмоций, рефлексию своего отношения к данному конфликту и к конфликту в целом, рефлексию сохранения желания понять стороны, а не изменить их ситуацию, рефлексию нейтральности своей позиции и уважения и принятия позиции каждой из сторон»* [Ершова, 2016, с. 843].

«Изменения начинаются в медиаторе» и ***«изменения начинаются с медиатора»*** – в этих формулах объективируются трансформации в ходе обучения: *«медиация требует нового образа мышления, действия и профессионального самоопределения <…>»*, *«ядром медиации является умение слушать клиента, обращать внимание на разнообразные аспекты общения, думать совершенно*

иначе, нежели это было принято до сих пор, видеть скрытые от постороннего глаза индивидуальные и привнесенные культурой установки и развивать пластичность во всех этих категориях» [Пикер, Рюкерт, 2004, с. 310]. Обучающиеся преодолевают себя и, в частности, отрабатывают внутриличностные проблемы и повышают *«собственную степень разграничения эмоционального и интеллектуального функционирования»* [Иванова, Петрова, 2022, с. 586]. У обучающегося трансформируются установки, коммуникативные привычки [Иванова, 2015 (в)], формируются навыки, обеспечивающие саморегуляцию медиатора, а саморегуляция является *«залогом сохранения нейтральности и профилактики профессионального выгорания»* [Иванова, 2021 (а), с. 344].

Пластичность медиатора выражается в *«умении гибко подстраиваться к особенностям ситуаций и специфике сторон в разных сферах применения медиации, выбирать методический инструментарий и свободно владеть техническими возможностями разрешения конфликта между сторонами»* [Иванова, 2015 (в), с. 136]. Ц.А. Шамликашвили отмечает в связи с этим, что медиатор *«должен быть максимально чуток к динамике происходящего, чтобы сохранять рамку, позволяющую сторонам оставаться в диалоге, и чтобы диалог был конструктивным»*, и сравнивает работу медиатора с искусством канатоходца, который должен постоянно удерживать равновесие [Шамликашвили, 2017 (б), с. 57]. Внутренняя и внешняя рефлексия медиатора относятся не только к психологическим и технологическим аспектам медиации, но также касается его коммуникативного поведения и коммуникативного поведения сторон медиации. Медиатор очень внимательно относится к речевым и невербальным проявлениям сторон и держит под контролем свои собственные вербальные и невербальные проявления.

В результате внешней рефлексии медиатор считывает информацию с коммуникативного поведения сторон. В конфликтном взаимодействии стороны испытывают отрицательные эмоции, отражая это в вербальном и невербальном воздействии друг на друга. Иллокутивная доминанта конфликтного дискурса «представляет собой противостояние или столкновение коммуникативных целей

участников в условиях социальной целенаправленной речевой деятельности, перлокуция которой характеризуется “отрицательным зарядом”» [Белоус, Осколкова, 2007, с. 97]. Медиатор наблюдает за сторонами в ходе их взаимодействия в медиации и оценивает, насколько они хорошо слышат друг друга, как окрашено их взаимодействие, *«чтобы составить более точную картину конфликта и лучше понять психологические особенности его участников»*, например, *«сторона, которая подчеркивала свою беспомощность и зависимость, выглядела жертвой на этапе презентации, агрессивно бросается на оппонента в ходе дискуссии»* или *«участник, произведший на медиатора впечатление вполне конструктивно настроенного, демонстрирует манипулятивные захваты или делает в ходе дискуссии ультимативные заявления»* [Азарнова, 2015, с. 164]. Внешняя рефлексия медиатора необходима также для ограничения давления, агрессии и запугивания.

Внешняя рефлексия медиатора направлена на анализ собственных реплик и отслеживания их перлокутивного эффекта на ход медиативных переговоров. Например, медиаторами замечено, что в ходе медиации директивные речевые высказывания относительно содержания переговоров снижают доверие к медиатору: *«Директивно окрашенные речевые формы (“должен”, “обязан”, “вам следует”, “вам надо”, “надлежит”) у многих людей вызывают подспудное раздражение; медиатор, часто использующий подобные слова, начинает смутно ассоциироваться с властной фигурой – родителем, учителем, судьёй, прокурором или кем-то подобным. Если у человека, выступающего в роли участника переговоров, есть какие-то собственные непроработанные темы, связанные с взаимоотношениями с властными фигурами (а такое бывает нередко), медиатор воспринимается им как неприятный, вызывающий сильные негативные эмоции – гнев, страх, чувство протеста»* [Азарнова, 2015, с. 107].

Анализируя метарефлексии практикующих медиаторов, мы выяснили, что медиатор замечает уместность или неуместность, допустимость или недопустимость звукового сигнала, жеста, слова, формулировки только в силу производимого ими эффекта на стороны. Профессиональные медиаторы

осуществляют ретроспективный анализ сказанного на медиации для повышения эффективности своей деятельности, для достижения результата своей работы. Е. Мешкова пишет: *«Посредник – это человек, который работает со словом. Слово одновременно является его основным рабочим инструментом. Известно, что слово имеет большую власть. Оно может помочь, поощрить или ранить. Люди, которые приходят на медиацию для разрешения своих семейных споров, очень ранены. Иногда они сами удивляются тому, что они чувствуют или заставляют чувствовать своего партнера. Роль посредника – "поглаживать". Поэтому крайне важно, чтобы он блестяще контролировал медиаторский язык. Чем лучше это удается, тем легче привести людей к пониманию, и чем быстрее люди друг друга поймут, тем быстрее это поможет создать диалог, который будет построен на их потребностях и возможностях»* [Мешкова, 2020, с. 122].

Например, к лингвистическим объектам самоконтроля медиатора относятся явления, которые анализируются и собираются медиаторами из опыта проведенных медиаций, в том числе речь идет о явлениях из разряда «на ошибках учатся». Так, используемая в медиации калька нейтрального английского *«well» = «хорошо»* не всегда воспринимается сторонами нейтрально [Киндеркнехт, Путина, 2023, с. 5]. В ситуации слушания в изолированном употреблении оптимальным стало использование «*угу»* со значением «слышу, готов дальше слушать» [Киндеркнехт, веб], союзов *«и...»*, *«то есть...»* [Киндеркнехт, Яковлева 2020: 89], дискурсивных маркеров с вопросительной информацией, запрашивающих информацию: *«и что?»*, *«ну и что?»*, *«и что дальше?»*, *«да*?» [Киндеркнехт, Путина, 2023, с. 5]. В приведенных примерах мы видим, как аксиосфера медиации, представляя собой идеальный план в картине мира медиатора, определяет не только программу языковых и речевых проявлений медиатора, но и качество этих проявлений, способствующее или не способствующее достижению цели в каждом конкретном моменте взаимодействия медиатора со сторонами в медиации. Так, «рефлексия заданных ценностей проявляется не в целеполагании, то есть в поиске и нахождении ориентиров деятельности, а в отыскании наиболее эффективных и

приемлемых для самого субъекта путей и средств достижения цели» [Дегтярев, Вильданов, Вильданова, 2008, с. 25].

Самоконтроль речевой практики медиатора обсуждается во внутреннем модусе институционального дискурса. Так, ретроспективному анализу подвергаются недопустимые речевые проявления медиатора. Например, медиатор А.Н. Азарнова наряду с директивными речевыми формами выделяет наиболее типичные варианты неудачного использования слов в речи медиатора: обилие «Я» в речи медиатора *(«в медиации посредник отнюдь не является центром внимания, вокруг которого вращается все происходящее; его основные задачи – структурировать процесс и помогать сторонам работать»*); витиеватая речь, обилие формализмов, длинноты (*«вызывают у сторон зевоту, нетерпение, раздражение»*); возвратные глагольные формы *«не получается»*, *«обсуждение никак не заканчивается»*, *«вопросы не кончаются»* и пр. (не указывают на субъект действия и могут ассоциироваться с безответственностью, беспомощностью и зависимостью медиатора); использование глаголов сослагательного наклонения, например, *«я хотел бы»*, *«я предложил бы вам»*, *«я попросил бы вас»* и пр. (у участников переговоров подобные глагольные формы могут ассоциировать медиатора *«с беспомощной жертвой роковых обстоятельств, которой они мешают жить и реализовывать свои цели» – «Я хотел бы, да вот не получается, не могу»*); глаголы, отражающие чувство несостоятельности у говорящего, например, *«попробую» («попробуем»)* и *«попытаюсь» («попытаемся») – «Сейчас мы с вами попытаемся обсудить вашу ситуацию»* вместо *«Сейчас мы с вами обсудим ситуацию, которая привела вас сюда»*); слова, вызывающие отчетливые негативные ассоциации, например, *«катастрофа»*, *«скандал»*, *«провал»*, *«проблема»*; оценки, например, *«хорошо»*, *«плохо»* и т.п.; слова-паразиты, например, *«тэк-с»*, *«ну-ну»*, *«в общем-то»*, *«на самом деле»*, *«извините»* и т. п [Азарнова, 2015, с. 106–109]. Рассмотренные примеры подтверждаются в ходе анализа ретроспективных метарефлексий других медиаторов.

Внутренняя рефлексия медиатора касается также его невербального поведения в медиации – аспект коммуникативного поведения, наиболее трудно

контролируемый в связи с непосредственной ненаблюдаемостью. В связи с этим полезными являются видеозаписи учебных медиаций в процессе обучения медиаторов и обратная связь от участников тренинга по медиации и от медиатора-преподавателя. Невербальное поведение представляет собой одно из профессиональных умений, на которое обращается внимание при подготовке медиаторов. Наиболее контролируемой в плане невербалики является проксемика: элементы поведения медиатора, относящиеся к организации пространственных и временных параметров переговоров, например, несложно установить и проконтролировать расстояние, отделяющее медиатора от других участников, – медиатор должен в равной степени дистанцироваться от обеих сторон. Несложно также контролировать время и следить за балансом времени, отведенным на каждую сторону, соблюдая принципы нейтральности и равенства сторон.

Жесты и такесика не сразу, но поддаются тренировке. Жестикуляция здесь подчиняется требованиям принципа нейтральности: *«Медиатор сидит в естественной открытой позе, с прямой спиной, в меру расслаблен. Голова нередко наклонена набок – в знак внимательного слушания. Руки лежат на столе или направлены к собеседникам – наблюдается скромная сдержанная жестикуляция кистью руки к обеим сторонам медиации или к каждой по отдельности в равной мере, чтобы не показывать преимущественного участия в диалоге одного из медиантов»* [Киндеркнехт, Яковлева, 2020, с. 90]. Что касается такесики, то здесь действуют табу на разного рода динамические прикосновения, *«физический контакт в ходе медиации возможен в крайних случаях – когда необходимо разнимать дерущиеся стороны»* [Киндеркнехт, Яковлева, 2020, с. 90].

В плане невербального поведения наиболее сложным объектом для самоконтроля является мимика медиатора: мышечные движения лица, зрительный контакт. Медиатор А.Н. Азарнова обращает внимание на контакт глаз медиатора со сторонами: *«Существует наблюдение: медиатор, сам не замечая этого, обычно больше поддерживает контакт глаз со стороной, вызывающей у него симпатию, либо со стороной “неудобной”, трудной во взаимодействии, например, агрессивной или неуступчивой»*. Согласно профессиональному медиатору,

участники переговоров обычно это легко считывают, *«человек, которому достается меньше внимания, чувствует себя игнорируемым, напрягается, обижается, раздражается, иногда пытается использовать это обстоятельство для манипулирования медиатором»* [Азарнова, 2015, с. 27].

Рефлексия, внешняя и внутренняя, способствует автопроектированию медиатора в аксиосфере медиации. Профессиональный практик в медиации, будучи трансформированным, **уже не может отказаться от наработанных навыков и сформированных профессиональных паттернов поведения**. Если снова обратиться к метафоре И.М. Фейгенберга, то обученный медиатор как «человек достроенный» становится уже «нежизнеспособным (в своем новом качестве) без этих достроек» [Фейгенберг, 2011, с. 8]. Речь идет о так называемой «профессиональной деформации».

Профессиональная деформация личности – это «процесс и результат влияния на личностные свойства человека специфических особенностей определенной профессиональной деятельности, осуществляемой в течение длительного времени» [Психология человека…, 2001]. Большинство исследователей профессиональной деформации обращают внимание на ее негативные последствия в профессиональной деятельности, например, В.Р. Шлычков и О.Н. Шлычкова пишут: «Сама дискуссия о профессиональных деформациях чаще всего является дискуссией о том, как профессиональные условия труда способны негативно повлиять на личность и сформировать в ней те характерологические свойства и поведенческие привычки, те ценностные установки и мотивы поведения, которые, с точки зрения социума, относятся к негативным личностным свойствам» [Шлычков, Шлычкова, 2015, с. 201]. Однако в связи с проявлениями профессиональной деформации отмечается также накопление как отрицательных, так и положительных навыков в профессиональной деятельности [Гончарова, 2018, с. 13]. Исследуя вопросы профессиональной деформации, мы приходим к выводу, что приставка ***де-*** здесь скорее указывает на «искажение», чем на «отрицание» и «отсутствие», как значения, приближающие наше понимание профессиональной деформации к депрофессионализации и профессиональной деструкции.

С.П. Безносов употребляет производное от «(де-)формации»: «Профессиональная деятельность оказывает более мощное (де-)формирующее воздействие на личность работника по сравнению с непрофессиональными видами деятельности и приводит к не случайным, но закономерным различиям в профессиональных типах личности» [Безносов, 2012, с. 168].

Разумеется, вопросы профессиональной деформации медиатора заслуживают отдельного изучения, между тем можно наметить основные «деформации», которые могут быть у профессионального медиатора. Если профессиональную деформацию у следователя определяют как подозрительность, у оперативного работника – как актуальную агрессивность, у адвоката – как профессиональную изворотливость, у прокурора – как обвинительность [Воробьева, 2015, с. 23], то профессиональную деформацию у медиатора мы определяем через понятие договороспособности – способность договариваться, приходить к соглашению путем переговоров. Как отмечает Н.В. Гордийчук, категорический императив медиации – это *«необходимость договариваться и в любых обстоятельствах стремиться к взаимному пониманию»*, данное требование к медиатору *«порой играет роль не только профессионального, но и жизненного кредо медиатора, которое он применяет и за пределами строго ограниченного пространства медиативной процедуры»* [Гордийчук, 2014, с. 42].

Договороспособность медиатора, которую еще определяют как *«менталитет сотрудничества»* [Шамликашвили, 2017 (б), с. 38], тесно связана с ассертивностью поведения. В психологии ассертивность «ассоциируется с такими качествами личности, как целеустремленность, уверенность в себе, самостоятельность, независимость, инициативность, самоконтроль, эмоциональная стабильность, настойчивость, напористость, решительность, требовательность к себе и другим, рефлексивность, умение доводить начатое дело до конца», под ассертивным поведением понимают «самоутверждающее поведение, обусловленное субъектностью личности, выражающейся, прежде всего, в самостоятельности, независимости от других и обстоятельств, в умении отстаивать свои права и мнение при самоуважении и уважении к другим людям»

[Лебедева, 2010, с. 127–128]. Медиатор способен открыто, не замалчивая, отстаивать свои интересы без ущемления партнера. Способность посмотреть на ситуацию со стороны сочетается с принятием другого человека «с его сильными и слабыми сторонами, недостатками и достоинствами» (безусловное уважение) [Шамликашвили, 2017 (б), с. 54]. Вспомним, что медиатор не судит, кто прав и кто виноват, не дает советов, а принимает участников такими, какие они есть, – эта способность, как правило, сохраняется у медиатора по отношению к другим людям за пределами его практики.

Договороспособность и ассертивность – дискурсивно-релевантные качества личности медиатора. В коммуникативном поведении эти качества проявляются, например, в настроенности на диалог, так как *«стратегический язык медиации – это язык диалога, а не язык монолога, он обеспечивает возможность для сторон не только внятно сформулировать собственное видение ситуации и выразить свою позицию, но и услышать друг друга», диалог «отражает настрой на конструктивное взаимодействие»* [Иванова, 2019, с. 59]. Описывая язык медиации, профессиональные медиаторы прибегают к метафорам М. Розенберга, выделяющим два типа языка коммуникации: язык Волка и язык Жирафа [Розенберг, 2015]. Резюмируя эти два типа языка, Е.Н. Иванова пишет: *«Язык Волка – язык оценок и требований. Волк строит классификации, иерархии, не берет на себя ответственность, обвиняет других и старается их заставить. Волк стереотипен, "всегда прав" и добивается "правды", при этом сомневается в себе и чувствует себя ущемленным. Испытывая страх, вину, стыд, Волк поспешно реагирует словами, дает советы, старается срочно разрешить проблему и тем самым может разрушить коммуникацию»*; *«Язык Жирафа – язык наблюдения, понимания, эмпатии. Жираф отвечает за свои чувства и действия, не берет на себя ответственность за чувства другого, а сопереживает ему, старается понять свои чувства и чувства другого, уважает других и не ломает их "под себя". Для Жирафа Волк – тоже Жираф, только с лингвистическими проблемами»* [Иванова, 2019, с. 59]. Используя эти метафоры, Е.Н. Иванова определяет язык медиатора как ненасильственный язык Жирафа: *«Язык медиации*

основан прежде всего на объективном описании, а не на диагностике и оценке сказанного сторонами» [Иванова, 2019, с. 59].

Дискурсивная практика медиатора *«сказывается на дискурсивно релевантных проявлениях языковой личности медиатора, которые могут расцениваться в качестве маркеров медиатора вне профессионального дискурса медиации»* [Киндеркнехт, 2024 (б), с. 193]. Коммуникативные искажения в дискурсивных проявлениях языковой личности мы называем дискурсивной профдеформацией и даем определение: **дискурсивная профессиональная деформация** – это изменения в коммуникативном поведении языковой личности, возникающие в результате длительного выполнения профессиональных обязанностей и проявляемые как внутри, так и вне профессионального дискурса. Указанные изменения возникают в процессе и результате воздействия условий труда, опыта, ближайшего профессионального окружения и под влиянием формирующегося профессионального самосознания.

Рассмотрим основные признаки дискурсивной профдеформации медиатора, то есть профессионально обусловленные изменения в коммуникативном поведении языковой личности медиатора, сохраняющиеся за рамками медиации.

Я-послание (я-коммуникация). Ассертивное поведение медиатора, в частности, умение отстаивать свое мнение при уважении к другим людям, проявляется в использовании техники эффективной коммуникации «я-послание», которую медиатор часто разъясняет сторонам. «Я-послание» – это *«обращение, в котором человек без обвинения и давления сообщает собеседнику о своем состоянии, чувствах и желаниях»* [Дубинина, 2021, с. 25]. «Я-послание» позволяет избежать обесценивания, упрека, давления, манипуляции. Например, вместо фраз *«ты меня завел»*, *«ты меня никогда не понимала»* и т. п. с иллокутивной силой обвинения, упрека и перлокутивным эффектом противостояния, так как в ответных репликах другая сторона чаще всего будет обороняться, сообразно с техникой «я-послания» следует сказать сначала о себе, причем иногда с выражения положительной информации даже при негативной ситуации: *«Мне плохо, когда я слышу в свой адрес…»* (без перехода к обвинению); *«Я ценю твою заботу, но мне*

неприятно слышать…». Медиатор Ю. Дубинина, описывая правила «я-послания», отмечает, что «я-послание» может высказываться как субъективная точка зрения (например, не *«твоя татуировка ужасна»*, а *«мне не нравятся татуировки»*), «я-послание» с элементами критики должно содержать инструкцию, в которой сообщаются ожидания от партнера (*«Я расстраиваюсь, когда вижу немытые тарелки. Пожалуйста, помой после себя посуду»*), «я-послание» может быть сформулировано как открытая просьба (*«Я обращаюсь к тебе с просьбой…»* вместо «надо бы …») [Дубинина, 2021, с. 26]. Интерпретируя данные примеры, резюмируем: здесь иллокуция «сообщение о своем отношении к событию (сказанному)», не затрагивающая личность собеседника, сочетается с перлокуцией сотрудничества и содействия.

Следует отметить, что практикующие медиаторы в своей повседневной практике общения не могут отказаться от техники «я-послания». Здесь сказывается не только отработанный навык, но и понимание преобразующего эффекта данной техники в конфликтной ситуации. Медиатор Е. Горшенина в своем блоге делится своими впечатлениями о данной коммуникативной технике: *«Помню, как мне тогда сложно было понять, как это – говорить* ***Я-сообщениями*** *и говорить о чувствах ребенка не вопросом, а с помощью техники вербализации чувств и эмоций. На практике это выглядело еще хуже, я прям настраивалась , чтобы не спрашивать привычным способом ребёнка, расстроен ли он, учитывая внешнюю очевидность плохого настроения, а просто сказать – Я вижу, что ты расстроен, расскажи, что произошло. Если сейчас не можешь, я подожду, потом расскажешь и вместе мы подумаем, как все исправить, если это будет нужно. Какие волшебные слова… С тех пор времени прошло, но каждый раз, говоря подобное, я вижу, как открываются дети, как они начинают говорить, понимая, что здесь, с этим взрослым, который выслушает, безопасно и ему можно доверять».*

Медиатор Е. Морозова в посте, не относящемся к теме медиации, напоминает о важности «я-коммуникации» для конструктивного общения: *«Сегодня Прощёное воскресенье. И это возможность обратиться к близким и далеким*

родственникам, друзьям, коллегам и просто знакомым… Прощаю всех, и вы меня простите за все: если вольно или невольно кого то обидела или не уделила внимания, или не услышала вдруг немой вопрос, говорите все претензии вслух всем в уважительной форме в виде пожеланий на Будущее, и технику «Я- сообщение» не забываем)) <…>»

Актуализация концепта БУДУЩЕЕ. В приведенном выше примере видим обращение к будущему. Для дискурсивной профессиональной деформации медиатора характерно использование слов, реализующих концепт БУДУЩЕЕ, и фраз с семантикой будущего. У медиатора Е. Колотильщиковой в ВКонтакте встречаем: *«Медиация! Как много в этом слове... **надежды**, **перспектив**, доверия, уверенности и свободы!»*; *«Но до Нового года **еще можно успеть** договориться о том, о чем нужно договориться, и подписать Мировое (медиативное) соглашение».* У Я. Стюф видим констатацию в описании медиации: *«На процедуре медиации мы не разбираемся в причинах проблем, мы обсуждаем результат, который хочется достичь, находясь в конкретной ситуации. **Смотрим в будущее»; «Непонятные или по-разному понятые условия договора – "прекрасная почва" для конфликта **в будущем**».*

Использование вопросов. В дискурсивной практике медиации типичными для медиатора являются вопросы. Постановка вопросов является *«базовым инструментом медиатора»* [Азарнова, 2015, с. 59], медиатор *«**преимущественно использует язык вопросов**, а не язык утверждений»* [Иванова, 2019, с. 59]. Медиатор Е. Горшенина на своей интернет-странице пишет в посте с названием «А пока немного рефлексии», перечисляя умения медиатора: *«<…> Вовремя **задавать хорошо сформулированный вопрос** (у меня их в копилке 72). Очень часто именно **вопрос** медиатора **может резко изменить ход переговоров** в конструктивную сторону».*

Медиаторы отмечают о ложном неудобстве задавать вопросы, например, Д. Ждан-Пушкина пишет в своем блоге: *«Вам могут показаться неудобными вопросы, в которых вы проявите свое незнание или некомпетентность. В случае с переговорами, где вы принимаете важные решения, не стоит бояться выглядеть*

глупо или потерять авторитет, лучше задать все вопросы, которые вас волнуют. Вы не можете знать всё». Ю.Яковлева говорит о *«внутреннем тормозе»* медиатора, проявляющемся в стереотипных установках «неудобно», «а зачем?», «почему они должны мне отвечать?» и т. п., и выводит формулу-прескриптив для медиатора: ***«Я не знаю вашей ситуации, поэтому и спрашиваю»***.

К профессиональной деформации медиатора относится способность задавать вопросы. В своем блоге Ю. Яковлева делится такими воспоминаниями: *«Я сопровождала гостей из различных ведомств, в том числе, московских. По окончании меня спросили: "Вы журналист?" Я ответила, что нет, и поинтересовалась, почему возникло такое мнение. "Вопросы очень интересные и правильные задаете. Вам надо курсы для журналистов вести"»*.

Вопросы – это визитная карточка, по которой можно узнать профессионального медиатора. Способность задавать вопросы в повседневной коммуникации, согласно замечаниям самих медиаторов, трансформируется в навык ответа вопросом на вопрос: *«Получить ответа у медиаторов невозможно, они **говорят вопросами**».*

Активное слушание. Дискурсивно релевантными в коммуникативном поведении медиатора являются навыки слушания, в частности активное слушание. А.Н. Азарнова пишет по этому поводу: «В силу принципов и правил медиативных переговоров, делающих *акцент на активности сторон в поиске решения конфликта, активному слушанию в медиации отдается приоритет над постановкой вопросов. Медиаторы, активно использующие техники активного слушания и задающие сравнительно мало вопросов, как показывает практика, более успешны по сравнению с медиаторами, экспансивными в постановке вопросов и уделяющими мало внимания таким мелочам, как выслушивание сторон»* [Азарнова, 2015, с. 59]. Таким образом, профессиональная деформация медиатора касается его умения выслушать собеседника.

Формула «Правильно ли я понимаю?» (ПЛЯП). В аспекте слушания своеобразным маркером коммуникативного поведения медиатора выступает формула «правильно ли я понимаю», которая в инструментах медиатора

называется «петлей понимания» (looping) [Арпентьева, 2017, с. 197] и которую медиаторы между собой сокращенно обозначают ПЛЯП – от первых букв фразы: *«Правильно Ли Я Понимаю…»* [Манина, 2022, с. 71]. Формула используется обычно на разных этапах медиативной сессии в начале реплик медиатора. Медиатор таким образом дает обратную связь, уточняя правильность понимания сказанного одной из сторон (сторонами). После формулы ПЛЯП медиатор повторяет или резюмирует сказанное в конструктивном ключе, выделяя факты и интерпретации, а также обращая внимание на эмоции, возникающие, когда стороны интерпретируют факты. В повседневной коммуникации (де-)формация медиатора относится к активному использованию вопросов-уточнений: *«Правильно ли я понимаю, что…?»*

В блоге медиатора Ю. Видяевой встречаем ее рассуждения над использованием этого коммуникативного приема не только в практике медиации: *«Очень важно во время обсуждения вопросов с партнёрами не только четко излагать мысли, но и проверить,* ***правильно ли вас поняли****. Иногда ваш собеседник может не расслышать, не понять или просто улететь мыслями во время разговора. Результатом может стать конфликт. И что делать? Вы же не можете каждый раз просить повторить то, что вы сказали) Хотя я так иногда делаю со своей дочерью) Но представьте, как будет выглядеть, если задать такой вопрос при обсуждении условий контракта».* Медиатор Ю. Капштык на своей странице в ВКонтакте отмечает: *«По специфике своей работы сам слушаю вопросы и задаю уточняющие, потом* ***проверяю, правильно ли я понял суть вопроса и проблему****, так ли мыслю... и только тогда даю ответы. Потому что мои ответы для задающего вопросы – как руководство к действию. А вы всегда готовы сразу компетентно отвечать на вопросы?»*

Отсутствие конфликтогенов. Самоконтроль медиатора в ассертивном поведении делает его очень внимательным к своим словам. В практике общения с медиаторами отмечается отсутствие в речи медиаторов конфликтогенов. Конфликтогены – это слово, словосочетание, фраза или элемент невербального поведения, вызывающие напряжение в коммуникации и способные

спровоцировать конфликт. Медиатор Я. Стюф пишет, что называет конфликтогены ***«огненными шариками»***: *«Огненные шарики бывают разных размеров: от огромного (грубости) до маленького (“Вы снова сдали отчет с опозданием” или взгляда через плечо)».*

Медиаторы отмечают, что конфликтогены индивидуальны. Медиатор Е.Н. Иванова приводит в пример оскорбительную для одной из сторон номинацию *«голубь»*. Многие медиаторы пишут, что для сторон может выступать конфликтогеном явная экспликация понимания медиатора: *«Я вас понимаю»*. Часто прагматический эффект данной фразы вызывает негативную реакцию сторон. Так, например, Я. Стюф рассказывает о случае использования этой фразы в медиации: *«На процедуре медиации по трудовому спору между работником (женщиной) и директором (мужчиной) в ответ на его “Я понимаю”, она в сердцах сказала: “У вашего ребенка тоже ДЦП, и утром случился дебют эпилепсии?”»*

Фраза «*Я вас понимаю»* чаще всего воспринимается сторонами как ложь. В речевой практике медиаторы ее избегают. В целом, медиаторы взвешивают каждое слово, при этом темп речи от этого не меняется.

Смысловая прозрачность. Медиатор говорит, как правило, энергично, с нормальной скоростью, избегая того, чтобы стороны скучали или отвлекались. Вместе с тем медиатор не тараторит, говорит в нормальном темпе. Профессиональная роль медиатора как участника дискурса медиации предполагает, чтобы всё, что говорит медиатор, было смыслоразличимо, понятно для других участников медиации. Наблюдения показывают, что у профессиональных медиаторов хорошая дикция, все слова произносятся отчетливо, непонятные слова с готовностью разъясняются.

Сдержанность жестикуляции и мимики. К невербальным проявлениям деформации медиатора относятся сдержанная жестикуляция и эмоциональная непроницаемость мимики – дискурсивно релевантные признаки, отмечаемые самими медиаторами и наблюдаемые нами при изучении видео с участием медиатора. Самоконтроль и саморефлексия невербального поведения в рамках профессии автоматически переносятся в повседневную коммуникацию.

Рассмотренные в данном параграфе проявления дискурсивной профессиональной деформации могли бы составить основу «эмпирически обоснованной базы диагностических признаков речи» и невербального поведения [Ионова, 2021, с. 13] языковой личности медиатора. Подобный корпус групповых черт, позволяющих идентифицировать медиатора вне дискурса медиации – это один из возможных сегментов «структурированной, лингвистически размеченной совокупности образцов, принадлежащих языковым личностям разных социокультурных и психологически особенных групп» [Ионова, 2017, с. 79–80].

Профессиональная деформация медиатора, рассматриваемая нами с точки зрения дискурсивно релевантных проявлений языковой личности медиатора, отражающаяся на специфике его коммуникативного поведения не только в профессиональной деятельности, но и в повседневном общении, за пределами профессиональной сферы, не нуждается в коррекции, если она не является чрезмерной, то есть «доходящей до деструкции личности (то есть разрушения ее значимых качеств и характеристик), приводящей к ухудшению профессиональной эффективности, стереотипизации мышления, снижению обучаемости, разрушению социальных связей, ощущению избранности, вседозволенности и другим негативным проявлениям» [Медиация, 2016, с. 400].

Существенно мешает профессиональной эффективности профессиональная деформация другого рода – профдеформация базовой специальности, к которой специальность медиатора достраивается. Речь идет о профдеформации, в том числе, дискурсивной профдеформации юристов, психологов, педагогов, управленцев и представителей других профессий, негативно отражающейся на профессиональной деятельности медиатора, нарушающей принципы медиации, противоречащей нормам коммуникативного поведения в организации медиативных сессий, например: «юристы часто склонны решать проблемы за клиентов, им трудно отказаться от советов, рекомендаций, директивного стиля взаимодействия», им трудно «передать ответственность за решение проблемы сторонам», «психологи стремятся выявить причины возникновения проблемы, поддержать стороны (даже теряя нейтральность), проработать детали и нюансы их

отношений, иногда забывая про конкретную обсуждаемую проблему»; «руководители разных уровней часто выдают готовые решения и рекомендации, не слишком интересуясь мнением и переживаниями сторон, деталями и особенностями конфликта» [Медиация, 2016, с. 401].

Автопроектирование медиатора в профессиональной деятельности медиации связано с преодолением профессиональной деформации базовой специальности, с необходимостью постоянно держать под контролем свои профессиональные особенности и при случае обращаться за консультацией к более опытным коллегам за обратной связью и за советом. К примеру, автору настоящего исследования приходится преодолевать профессиональную деформацию педагога, проявляющуюся, в частности, в желании опекать, доминировать (имеются в виду авторитарность, директивный стиль), быть «носителем знаний» (то есть вмешиваться в содержательный процесс, советовать и консультировать), эмоционально реагировать на происходящее (то есть не нейтрально относиться к тому, что скажут обучающиеся).

Итак, автопроектирование медиатора в профессиональной деятельности связано с постоянным самообразованием и формированием своего образа «Я», отвечающего ценностям медиации. В ходе приобщения к аксиосфере медиации у медиатора складывается медиативное мировоззрение, которое определяет ответственное отношение медиатора к своей профессии и влияет на особенности его коммуникативного поведения, в том числе и за рамками медиации. Для языковой личности медиатора свойственна дискурсивная профессиональная деформация – изменения в коммуникативном поведении, возникающие в результате длительного выполнения профессиональных обязанностей и проявляемые как внутри, так и вне профессионального дискурса. Определяющими для эффективной деятельности в медиации являются саморефлексия и самоконтроль медиатора, позволяющие ему преодолевать стереотипы базовой профессии и достраивать себя до востребованного в современном обществе специалиста, который помогает регулировать конфликты ненасильственным путем.

Выводы по главе 3

Коммуникативное поведение медиатора подчиняется определенным коммуникативным целям на каждом этапе переговоров в медиации. Процедура медиации относится к деловой относительно жесткой структурированной коммуникации, оформляемой в соответствии с определенными стратегиями его участников.

Процедура медиации проходит в течение одной или нескольких сессий, представляющих собой коммуникативные события, которые организуются с учетом всех ценностно-регулятивных координат профессиональной деятельности медиатора. Коммуникативное событие «медиативная сессия» – это дискретная единица членения процедуры медиации, ограниченная временными и пространственными рамками. Каждая медиативная сессия состоит из ряда последовательных шагов – стадий: 1) введение в процесс медиации (вступительное слово медиатора); 2) презентация сторон (рассказ каждой стороны о сути разногласий); 3) дискуссия по выработке вопросов для обсуждения и переговоров; 4) кокус (индивидуальная беседа с каждой из сторон); 5) дискуссия по выработке возможных предложений для урегулирования конфликта; 6) подготовка проекта соглашения (общая сессия); 7) выход из медиации. Стадии медиативной сессии мы рассматриваем как жанры коммуникативного события, подразумевающие определенный коммуникативный эпизод со своим диктумным содержанием и предполагающие реализацию определенных речевых стратегий и тактик медиатора. Стратегии и тактики языковой личности медиатора оформляются в статически оформленных речевых продуктах, которым мы даем лингвистическую интерпретацию.

В медиации языковая личность медиатора реализует себя как коммуникативная личность, сознательно применяющая коммуникативные инструменты для осуществления взаимодействия сторон в ситуации конфликта. Дискурсивный метапрофиль медиатора составляют коммуникативные техники, которые медиатор использует в модерировании диалога сторон. К базовым

коммуникативным техникам медиатора относятся эхо-техника, техника резюме, техника развития идеи, сообщение о восприятии другого, сообщение о собственном самочувствии, техника слушания, техника вопросов. Коммуникативный арсенал медиатора постоянно пополняется юридическим и психологическим инструментариями. Применение той или иной коммуникативной техники зависит от характера конфликта, конкретной ситуации и от этапа управляемого медиатором взаимодействия участников в дискурсе медиации.

Мотивы социального действия и ценностно-регулятивные координаты в институциональном дискурсе медиации определяют выбор языкового материала в коммуникативном поведении медиатора. Специфика антропного словаря медиатора заключается в актуальном отборе языковых средств для осуществления эффективных переговоров в ценностных координатах профессии. Предложенный нами проект тезаурусно-идеологического уровня языковой личности показывает, что языковой мир медиатора может быть представлен в схемах, картирующих дискурс медиации и ориентирующих медиатора в его коммуникативном поведении.

Погружение в аксиосферу медиации способствует формированию «встроенного» медиатора. Автопроектирование медиатора в профессиональной деятельности связано с постоянным самообразованием и формированием своего образа «Я», отвечающего ценностям медиации. Дискурсивные ценности, преломляясь через призму индивидуального опыта обучения и индивидуальную профессиональную практику, формируют личностное мировоззрение, а привычка к внутренней и внешней рефлексии отражается на речевых проявлениях медиатора, которые сохраняются вне дискурса медиации.

Заключение

Настоящее исследование представляет собой общелингвистическое описание языковой личности медиатора как основного участника дискурса медиации. Медиация является социально регламентированной практикой взаимодействия людей, это исторически обусловленный социально-культурный механизм урегулирования споров, получивший свое новое развитие с принятием Закона о медиации и распространением коммуникативной практики медиации в стране. Анализ актуальной литературы по медиации и наблюдение за дискурсивными проявлениями ключевого участника медиации позволяют нам заключить, что медиатор – это нейтральный посредник, добровольно привлекаемый сторонами конфликта для оказания недирективной помощи в организации коммуникации сторон в конфликтном дискурсе. Медиатор сознательно применяет свои коммуникативные умения и навыки для кооперативного взаимодействия сторон и в конечном итоге для возможности общения сторон без медиатора.

Медиатор является групповой, коллективной, элитарной языковой личностью. В условиях профессионального дискурса медиации в конкретных ситуациях взаимодействия со сторонами языковая личность медиатора проявляет себя как речевая, коммуникативная, профессиональная языковая личность. Медиатор интегрируется в профессиональный дискурс медиации посредством получения знаний, взаимодействуя с профессиональными языковыми личностями, принимая и присваивая нормы и стереотипы коммуникативного поведения и нацеливаясь на реализацию общих профессиональных целей.

Дискурсивный аспект проявления языковой личности медиатора связан с ценностно-регулятивными координатами, которые определяют и структурируют взаимодействие медиатора с потенциальными и реальными клиентами. Коммуникативное поведение медиатора определяют доминантные регулятивы, отраженные в нормативных текстах, кодексах профессиональной этики, учебниках по медиации, в содержании курсов по подготовке медиаторов, в том числе в

нефиксированной форме: определяются основные понятия медиации, предписываются действия медиатора и ограничиваются функции медиатора, в частности, в ряде коммуникативных запретов.

Один из конвенциональных компонентов речевого и невербального поведения медиатора в ходе его взаимодействия со сторонами конфликта/спора – это директивная установка на следование принципам медиации: принцип конфиденциальности, принцип беспристрастности и независимости медиатора, принцип добровольности, принцип сотрудничества и равноправия сторон. Дискурс медиации рассматривается нами как жесткий тип институционального дискурса в силу того, что коммуникативное поведение медиатора подчиняется строгим регулятивам, отступление от которых нередко грозит выходом медиатора из профессиональной области медиации.

Дискурсивная коммуникация в медиации проявляется главным образом в процедуре медиации – институционально закрепленной форме общения медиатора и сторон диалога. Коммуникация в процедуре медиации оформляется в соответствии с конкретными условиями общения дискурса медиации и стратегиями его участников. Структурированный процесс медиации ограничен одной или несколькими медиативными сессиями, каждая из которых представляет собой коммуникативное событие, организуемое медиатором и происходящее в коммуникативной ситуации дискурса медиации. В рамках каждого коммуникативного события выделяется ряд последовательных шагов, представляющих собой его жанры. Для каждого жанра коммуникативного события «медиативная сессия» в работе выделены и лингвистически обоснованы коммуникативные стратегии и тактики медиатора. В ходе исследования выяснилось, что для процесса медиации значимо коммуникативное поведение медиатора, организующего коммуникативное событие в определенных условиях и с учетом всех ценностно-регулятивных координат его профессиональной деятельности.

В ходе исследования выяснилось, что формирование коммуникативного поведения медиатора осуществляется в процессе интеграции медиатора в

аксиосферу медиации во время обучения и в практике профессиональной деятельности. Аксиологически значимой в подготовке медиаторов является категория оценочности в коммуникативных проявлениях и в языковом сознании медиатора. Медиатор не использует ценностно-оценочные комплексы в своей речи и не проявляет свои оценки в невербалике, однако строго контролирует и оценивает свое комуникативное поведение по ходу переговоров и в ретроспективной рефлексии после медиативной сессии. Оценочная функция не свойственна коммуникативному поведению медиатора, но коммуникативная функция аксиологически обоснована и ограничена, в частности, различными коммуникативными табу.

Наши наблюдения показали, что становление профессиональной языковой личности медиатора в аксиологической среде медиации осуществляется через интерактивное обучение, где знания передаются от медиатора-тренера – медиатору-ученику. В практике работы с профессиональными языковыми личностями в процессе обучения и в профессиональном общении с коллегами-медиаторами происходит присвоение профессиональных норм, развивается дискурсивное мышление, формируется профессиональное коммуникативное поведение. Медиатор обладает определенным арсеналом коммуникативных техник, с помощью которого он осуществляет менеджмент конструктивных переговоров и который он пополняет в ходе практики медиации и во время обязательных регулярных курсов повышения квалификации.

В настоящей работе мы рассмотрели вопросы профессиональной достройки медиатора, автопроектирования медиатора и формирования «встроенного медиатора», когда профессиональные ценности, преломляясь через призму индивидуального опыта обучения и индивидуальную профессиональную практику, входят в психологическую структуру личности и сказываются на дискурсивной профдеформации, то есть дискурсивных проявлениях медиатора за пределами дискурса медиации.

Мастерство медиатора предполагает умение гибко подстраиваться к особенностям ситуаций и специфике сторон в разных сферах применения

медиации. Медиатор имеет дело с конфликтом в разных сферах: семейные отношения, экономическая сфера, корпоративные споры, сфера образования, уголовные дела частного обвинения, административные, политические, международные конфликты и др. В континууме процедуры медиации рассматриваются отдельные модели и стили медиации. Результатом нашей работы было рассмотрение того, что вне зависимости от сферы, стиля и модели медиации инвариантным является четкое разделение ролей участников переговоров: сторон и медиатора. При различных функциях медиатора и разной степени его активного вмешательства медиатор представляет собой обученного специалиста, организатора переговоров, который помогает сторонам урегулировать разногласия в разного рода конфликтных ситуациях. В результате комплексного анализа языковой личности медиатора мы можем утверждать, что медиатор – это аксиологически идентифицированный тип личности с присущим ему коммуникативным поведением, которое обусловлено ценностными координатами профессии.

Формирование лингвистического знания о медиации в настоящей работе осуществлялось на основе анализа исследований практикующих медиаторов, с привлечением современного русскоязычного материала внутреннего модуса институционального дискурса, с учетом всех ограничений, накладываемых законом Российской Федерации и профессиональным сообществом медиаторов. Комплексное изучение языковой личности медиатора проводилось со стороны участника закрытого для непосредственного лингвистического наблюдения институционального дискурса.

Перспективы исследования языковой личности медиатора видятся в целом ряде направлений:

– дальнейшее изучение форм развития русского языка медиации – диахроническое изучение и синхронический анализ как коллективной типовой языковой личности, так и индивидуальных языковых личностей медиаторов;

– комплексное исследование невербальной составляющей коммуникативного поведения медиатора – проблемный аспект, интересующий не только лингвистов, но и самих медиаторов;

– анализ дискурсивных проявлений медиатора в письменной коммуникации – медиатор оказывает квалифицированную помощь в составлении письменных документов, векторами изучения здесь могут быть как анализ соглашений (соглашение о применении процедуры медиации, соглашение о проведении процедуры медиации, медиативное соглашение) и других сопроводительных документов на границе дискурса медиации и юридического дискурса, так и элементы онлайн-медиации по переписке, в чатах, в мессенджерах;

– лингвистическое обоснование отдельных коммуникативных стратегий медиации – детальное изучение стратегий медиатора и систематизация ожидаемых стратегий конфликтантов;

– исследование прагматического потенциала коммуникативных инструментов медиатора – здесь представлено широкое поле инструментов, которые могут использоваться в деловых переговорах в разных социальных сферах;

– социолингвистическое изучение гендерных и других характеристик медиаторов;

– изучение вопросов медиатизации медиации;

– исследование образов медиации, сложившихся у людей, не связанных с медиацией, у обучающихся до и после обучения и у давно практикующих медиаторов.

Развитие медиации связано с изменением ценностного мировоззрения не только у обучающегося и практикующего медиатора, но и у людей, которые тем или иным образом приобщаются к идеям медиации. Комплексное исследование языковой личности медиатора и знакомство с новым институциональным профессиональным дискурсом могут способствовать приобщению большего числа людей к развитию медиации в России.

Список использованной литературы

1. Агеева Ю.В. Коммуникативные стратегии и тактики в русскоязычном рекрутинговом дискурсе: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Казань, 2016. – 44 с.

2. Азарнова А.Н. Медиация: искусство примирять: технология посредничества в урегулировании конфликтов. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – 288 с.

3. Азбука медиации / Науч.-метод. центр медиации и права; [С. Ташевский]. – М.: Изд-во Межрегион. центра управлен. и полит. консультирования, 2011. – 64 с.

4. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: ИКАР, 2009. – 448 с.

5. Актуальные вопросы применения медиации в различных сферах: сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф.; Ростов-н/Д, 19–20 апреля 2018 г. – Ростов-н/Д: ИП Беспамятнов С.В., 2018. – 102 с.

6. Александров Д.Н. Риторика: учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – 534 с.

7. Алексеев А.Б. О некоторый особенностях влияния политического дискурса на формирование языковой личности политика // Вестник Новосиб. гос. ун-та. – 2021 (а). – Т. 19. – № 4. – С. 151–166. DOI: 10.25205/1818-7935-2021-19-4-151-166.

8. Алексеев А.Б. Особенности влияния политического дискурса на формирование языковой личности политика: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Мытищи, 2021 (б). – 28 с.

9. Аллахвердова О.В. Медиация – когнитивная технология изменения социальной реальности // Тезисы докладов Седьмой Междунар. конф. по когнитивной науке; Светлогорск, 20–24 июня 2016 г. – М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2016. – С. 106–107.

10. Аллахвердова О.В. Медиация – новая коммуникативная практика в разрешении конфликтов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – Т. 9. – № 4. – С. 31–49.

11. Аллахвердова О.В. Медиация как рациональный способ урегулирования ценностных конфликтов // Известия Самар. науч. центра Рос. акад. наук. – 2008. – Т. 10. – № 6-1. – С. 110–117.

12. Аллахвердова О.В. Медиация как социально-психологический феномен // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. – 2007. – № 2-1. – С. 151–159.

13. Аллахвердова О.В. Обучение медиаторов и формирование компетенций // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 16. Психология. Педагогика. – 2012 (а). – № 3. – С. 51–59.

14. Аллахвердова О.В. Паттерны коммуникации в конфликте и профессиональная компетентность социальных работников // Отечественный журнал социальной работы. – 2012 (б). – № 3 (50). – С. 83–90.

15. Аллахвердова О.В., Иванова Е.Н. История развития медиации // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. – 2007. – № 2-2. – С. 73–77.

16. Аллахвердова О.В., Карпенко А.Д. Медиация – переговоры в ситуации конфликта. – СПб.: Роза мира, 2010. – 178 с.

17. Аллахвердова О.В., Карпенко А.Д., Методическое пособие для посредников-медиаторов. – СПб., 2005. – 107 с.

18. Аллахвердова О.В., Павлова М.В. Опять о конфликтах и почему медиация не популярна? // Медиация. Новый подход к разрешению конфликтов (дайджест). – Пермь: Ресурс, 2009. – С. 4–9.

19. Андрианова П.И. Философское основание нарративного подхода в медиации // Современная наука и молодые ученые: сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф.; Пенза, 07 ноября 2021 г. – Пенза: Наука и просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. – С. 128–130.

20. Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика: учеб. пособие. – М.: Изд-во Моск. психолого-соц. ин-та, 2004. – 430 с.

21. Арзуманова Л.Л. Онлайн-медиация как одна из альтернативных форм урегулирования публично-правового спора // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 4 (14). – С. 45–49. DOI: 10.17803/2618-8198.2021.14.4.045-049.

22. Арпентьева М.Р. Медиация как альтернативное разрешение споров // Перспективы психологической науки и практики: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф.; Москва, 16 июня 2017 г. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та дизайна и технологии», 2017. – С. 193–200.

23. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 136–137.

24. Атабекова А.А. Обучение студентов-юристов профессионально ориентированной лингвокультурной медиации // Высшее образование сегодня. – 2011 (а). – № 8. – С. 55–58.

25. Атабекова А.А. Юридический перевод: интерпретация, адаптация, медиация // Наука и бизнес: пути развития. – 2011 (б). – № 6. – С. 85–88.

26. Атаев Ш.А. Сходства и различия между понятиями перевода и медиации как видами речевой деятельности // Наука и мир. – 2015. – Т. 2. № 5. – С. 37–39.

27. Атлас новых профессий [Электронный ресурс]. – URL: https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf?ysclid=ld1g8htsdl64811526 (дата обращения: 18.01.2023).

28. Атлас новых профессий 3.0 / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. – М.: Интеллектуальная литература, 2020. – 456 с.

29. Ахрамович М.И. Коммуникативные техники в работе преподавателя // Дополнительное образование взрослых: международные тенденции и национальные приоритеты (дополнения): сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф., посв. 105-лет. БГПУ; Минск, 22–23 ноября 2019 года / Редколлегия И.В. Шеститко [и др.]; науч. ред. И.Б. Стрелкова. – Минск: Изд-во Белорус. гос. пед. ун-та им. Максима Танка, 2020. – С. 4–11.

30. Ахренова Н.А. Интернет-дискурс как гипертекст // Вестник Московского государственного областного университета. – 2016. – № 3. – С. 4.

31. Ахренова Н.А. Коммуникация как область бытования интернет-дискурса // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. – 2020. – № 4(40). – С. 59–65.

32. Бабин И.И. Современные модели медиации // Societas et iurisprudentia. – 2019. – Vol. 7. – Iss. 1. – P. 47–77.

33. Бабушкина М.А. Метакоммуникативная функция как разновидность прагматической функции языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12 (66): в 4-х ч. – Ч. 3. – С. 84–87.

34. Базовый курс медиации: рефлексивные заметки / М.С. Бойко [и др.]; под общ. ред. С.В. Лабода. – Минск: Медисонт, 2011. – 316 с.

35. Баишева З.В. Языковая личность судебного оратора Анатолия Федоровича Кони: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Уфа, 2007. – 539 с.

36. Байдавлетов А.Ю. Имплицитность как объект лингвистических исследований // Вестник Башкир. ун-та. – 2018. – Т. 23. – № 4. – С. 1156–1162.

37. Баландина Н.А. Дискурс переговоров в англоязычной деловой коммуникации: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 – Германские языки. – Волгоград, 2004. – 20 с.

38. Бараева О.Г. Репрезентация понятия «конфликт» в лексической системе русского языка // Вестник ун-та Рос. акад. образования. – 2008. – № 5. – С. 57–58.

39. Баребина Н.С. Когнитивный механизм контраргументации в дискурсе медиации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Иркутск, 2012. – 22 с.

40. Бачурина А.В. Помогающие профессии в контексте компетентностного подхода // Ученые записки Забайкал. гос. гуманит.-пед. ун-та им. Н.Г. Чернышевского. – 2011. – № 4 (39). – С. 211–217.

41. Башмакова Н.И., Бондарев В.Г. Феномен медиации через призму ценностного подхода // Высшее образование сегодня. – 2018. – № 11. – С. 41–43. DOI: 10.25586/RNU.HET.18.11.P.41.

42. Безносов С.П. Профессиональные деформации личности // Вестник Санкт-Петербург. ун-та МВД России. – 2012. – № 3 (55). – С. 167–171.

43. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы (на материале коммуникативной практики логопедов): автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Волгоград, 2009 (а). – 39 с.

44. Бейлинсон Л.С. Резюмирование в профессиональном дискурсе логопеда // Грани познания. – 2009 (б). – № 2 (3). – С. 29–34.

45. Бейлинсон Л.С. Функции институционального дискурса // Вестник Иркутск. гос. лингвист. ун-та. – 2009 (в). – № 3. – С. 142–147.

46. Бейлинсон Л.С. Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Волгоград, 2001. – 19 с.

47. Белоус Н.А. Функциональные особенности конфликтного дискурса // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 4. – С. 152–157.

48. Белоус Н.А., Осколкова Н.В. Конфликтный дискурс vs конфликтный текст // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2007. – № 4-2. – С. 96–107.

49. Белоусова В.В. Лингвокультурная медиация: эффективная деятельность специалиста в поликультурной среде // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире: сб. ст. – Будапешт – Киров: Selmeczi Bt. Радуга-ПРЕСС, 2019. – С. 434–441.

50. Беляева Т.А. Основные модели медиации // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2015. – № 3. – С. 59–63.

51. Беляевская Е.Г. Теория языковой личности и когнитивная лингвистика // Языковая личность: аспекты изучения: сб. науч. ст. памяти члена-корр. РАН Юрия Николаевича Караулова. – М.: МАКС Пресс, 2017. – С. 34–46.

52. Беляков М.В. Лингвоаксиология и лингвосемиотика дипломатического дискурса (на материале открытой профессиональной дипломатии): автореф. дис. … д-ра филол. наук: 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика. – М., 2023. – 48 с.

53. Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих отношений / пер. с англ. А. Грузберга. – М.: Изд-во «Э», 2017. – 256 с.

54. Бесемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах / пер. с нем. Н.В. Маловой. – Калуга: Духовное познание, 2004. – 176 с.

55. Беспамятнова Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Воронеж, 1994. – 19 с.

56. Бигарова В.В., Малтабар Е.А. Медиация и арбитраж: история сосуществования и перспективы развития // Юридическая наука. – 2020. – № 4. – С. 145–152.

57. Благородова Е.А. «Личный брендинг»: потребительская идентичность в культуре постмодернизма // Вестник славянских культур. – 2018. – Т. 49. – С. 41–50.

58. Блэк Дж. Экономика. Толковый словарь: англо-русский. – М.: ИНФРА-М: Весь мир, 2000. – 829 с.

59. Бобырева Н.Н. Антропонимическое пространство спортивного дискурса: структурно-семантический и функционально-стилистический аспекты: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Казань, 2022. – 51 с.

60. Богданов В.В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты: учебное пособие. – Л.: Ленинградский ун-т, 1990. – 88 с.

61. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текста: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – Теория языка. – Л., 1984 (а). – 354 с.

62. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Л., 1984 (б). – 31 с.

63. Богин Современная лингводидактика: учеб. пособие. – Калинин: Изд-во КГУ, 1980. – 61 с.

64. Бодрова Е.А. Социальная реклама как способ популяризации детской медиации в России // Вопросы российского и международного права. – 2014. – № 6-7. – С. 62–73.

65. Боженкова Н.А., Катышев П.А., Иванов П.К. Статус языковой личности: принципы и инструменты конституирования идиоэтнической принадлежности // Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 3 (53). – С. 74–88. DOI 10.30982/2077-5911-2022-53-3-74-88.

66. Бокова Л.Н., Рождествина А.А. Медиация: практ. пособие / Саратовский обл. суд; Поволжский ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). – Москва – Саратов, 2016. – 20 с.

67. Большой психологический словарь / сост. Н.Н. Авдеева [и др.]; под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. – 811 с.

68. Большой словарь иностранных слов. – М.: Ид-во «ИДДК», 2007. – 678 с.

69. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

70. Бондаренко Е.Н. Языковая личность пожарного: коммуникация в условиях чрезвычайных ситуаций. – М.: Изд-во Акад. Гос. противопожарной службы Мин-ва РФ по делам гражд. обороны, чрезвыч. ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2019. – 100 с.

71. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: проблема интегративности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Екатеринбург, 2001. – 44 с.

72. Брагина Н.Г. Теория и практика кросс-культурных описаний: анкетирование и самонаблюдение // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 т.; Гранада, 13–20 сентября 2015 г. Т. 9. – Гранада: Междунар. некоммерч. партнерство преподавателей рус. яз. и литературы «МАПРЯЛ», 2015. – С. 46–50.

73. Брагина Н.Г. Формирование культурного интеллекта: обучающие стратегии // Из практики преподавания русского языка как иностранного взрослым – II: сб. науч. ст. – М.: Изд-во Рос. гос. гуманитарн. ун-та, 2022. – С. 23–32.

74. Брикхилл Дж. Медиация в переговорах о мерах безопасности в мирных процессах: критический взгляд с места событий / пер. с англ. (Медиа Центр «Розмай»). – Zurich: Center for Security Studies (CSS), 2018. – 81 с.

75. Бриль М.С., Пегашова С.О. Профессиональное выгорание и его профилактика у практикующих медиаторов // Медиация: современность, инновационность, технологичность: материалы междунар. междисципл. науч.-практ. конф.; Санкт-Петербург, 16 апреля 2019 г. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2020. – С. 52–57.

76. Бузинова Л.М. Языковая личность преподавателя высшей школы (на материале русской и немецкой лингвокультур): дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Белгород, 2020. – 397 с.

77. Буренков Д.В. «Я-сообщения»: техника, которая отправляет все конфликты на кладбище [Электронный ресурс]. – URL: https://www.b17.ru/article/348319/?ysclid=lwacpootkk676275883 (дата обращения: 17.05.2024).

78. Бурмыкина И.В. Проблемы управляемости «человекоразмерных» систем постнеклассической науки // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 2008. – № 3. – С. 127–134.

79. Бурова Г.П. Фармацевтический дискурс как культурный код: семиотические, прагматические и концептуальные основания: автореф. дис. …д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Ставрополь, 2008. – 49 с.

80. Бушев А.Б. Русская языковая личность профессионального переводчика: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – М., 2010. – 47 с.

81. Бюллетень Федерального института медиации. 2013 год / науч. ред. Ц. Шамликашвили. – М.: Изд-во ООО «Межрегион. центр управленч. и полит. консультирования», 2013. – 290 с.

82. Вайнштейн С.В. Самонаблюдение между феноменологией и повествованием: обзор коллективной монографии. Clegg J.W. (ed.) Self-observation in the social sciences (N.J.: Transaction Publishers, 2013, 380 p. + XIII) // Вестник Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. – 2016. – № 4 (28). – С. 128–130. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-128-130.

83. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.

84. Вечерина О.П., Путалова И.Б. Проблемы профессиональной подготовки медиаторов в России // Современное образование. – 2021. – № 1. – С. 1–13. DOI: 10.25136/2409-8736.2021.1.34746.

85. Вечерина О.П., Путалова И.Б. Структура российского института медиации: настоящее, прошлое, будущее // Юридические исследования. – 2020. – № 9. – С. 47–63. DOI: 10.25136/2409-7136.2020.9.34287.

86. Виноградов В.В. О художественной прозе. – М.; Л.: Гос. изд-во (Госиздат), 1930. – 186 с.

87. Вихлянцев В.П. Библейский словарь. – М.: Сам Полиграфист, 2020. – 556 с.

88. Вишневская А.В. Медиация как технология регулирования конфликта // Медиация. Новый подход к разрешению конфликтов (дайджест) / отв. за вып.: Ю.Б. Нечаева, А.Н. Селищева. – Пермь: Ресурс, 2009. – С. 10–27.

89. Влах Н.И. Эмоциональное выгорание у представителей «помогающих» профессий // Вестник Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. Психология. – 2015. – Т. 8. – № 1. – С. 96–103.

90. Водяницкая А.А. Экспланаторный потенциал лингвистической аксиологии: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – М., 2022. – 407 с.

91. Волкова Е.В. Коммуникативное поведение профессиональной языковой личности врача в медиадискурсе (на материале телевизионных программ о здоровье) // Медиалингвистика. – 2022. – Т. 9. – № 4. – С. 369–392. DOI: 10.21638/spbu22.2022.405.

92. Волкова Е.В. Профессиональная языковая личность врача в медиадискурсе (коммуникативно-прагматический аспект): дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Томск, 2021. – 264 с.

93. Воробьева М.А. Профессиональная деформация специалистов и ее профилактика // Педагогическое образование в России. – 2015. – № 2. – С. 22–27.

94. Ворожейкин И.Е., Кибанов А.Я., Захаров Д.К. Конфликтология: учебник. – М.: ИНФРА, 2004. – 240 с.

95. Вьюшкина Е.Г. Предметно-языковой интегрированный курс: медиация // Вестник Саратов. гос. юрид. академии. – 2018. – № 2 (121). – С. 239–246.

96. Гаврилова М.В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – СПб., 2005. – 468 с.

97. Гавриш А.Д. Эмоциональный медиатренд презентации языковой личности политика в американском и русском медиадискурсе: дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. – М., 2022. – 228 с.

98. Гагарина Е.Ю. Коммуникативное поведение языковой личности виртуального врача в медицинском интернет-форуме: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – М., 2016. – 25 с.

99. Галич Г.Г., Клёстер А.М. Профессиональный дискурс как среда функционирования категорий мышления // Вестник Челябинск. гос. ун-та. – 2018. – № 6 (416). – С. 28–35. DOI: 10.24411/1994-2796-2018-10604.

100. Гессманн Х.-В., Севастьянов П.С. Концепция ненасильственного общения М. Розенберга // Современная зарубежная психология. – 2014. – № 2. – С. 84–91.

101. Гилязова Д.Р. Медиация – новая технология управления конфликтными ситуациями на предприятии // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 22-2. – С. 130–134.

102. Глоссарий службы школьной медиации [Электронный ресурс]. – URL: https://school69.edu.yar.ru/mediatsiya/glossariy_sluzhbi_shkolnoy_mediatsii.docx (дата обращения: 18.03.2024).

103. Глоссарий школьного медиатора [Электронный ресурс]. – URL: https://www.school331.ru/pdf/Глоссарий%20школьного%20медиатора.pdf?ysclid=ltwsz6ofz1122306923 (дата обращения: 18.03.2024).

104. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация: учебник / Под ред. проф. О.Я. Гойхмана. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 272 с.

105. Голев Н.Д. Лингвоперсонологическая вариативность языка // Известия Алтайск. гос. ун-та. – 2004. – № 4 (34). – С. 041–045.

106. Голев Н.Д. Лингвоперсонологическая гипотеза языковой системности // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: сб. науч. ст. / отв. ред.: У.М. Трофимова. Вып. 3. – Бийск: Изд-во Алтайск. гос. акад. образования им. В.М. Шукшина, 2014. – С. 6–12.

107. Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля в динамическом пространстве языка (лингвокогнитивный анализ): автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Челябинск, 2004. – 49 с.

108. Голованова Е.И. Профессиональная языковая личность уральского рабочего // Культура провинции: сб. науч. ст. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2010. – С. 73–75.

109. Голованова Е.И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестник Челябинск. гос. ун-та. – 2013. – № 1 (292). – С. 32–35.

110. Головченко И.Ф., Чернышенко А.Г., Кобышева Е.И. Мотивационные модели терминов медиации. Терминологические оппозиции // Вестник Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. – 2015. – № 4. – С. 103–107.

111. Голоднов А.В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы): автореф. … канд. филол. наук: 10.02.04 – Германские языки. – СПб., 2003. – 23 с.

112. Голуб О.Ю. О коммуникативной природе медиации: некоторые методологические аспекты // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2015. – Т. 15. – № 4. – С. 462–468. DOI: 10.18500/1994-2540-2015-15-4-462-468.

113. Голуб О.Ю. Перспективы развития медиации в России // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Социология. Политология. – 2017. – Т. 17. – № 1. – С. 33–37. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-33-37.

114. Гончарова Н.А. Психологические закономерности зависимости профессиональных деформаций личности от стадий профессионального развития // Вестник Твер. гос. ун-та. Сер. Педагогика и психология. – 2018. – №3. – С. 11–18.

115. Гордийчук Н.В. Трансформативная медиация: основные понятия и установки // Психологическая наука и образование. – 2014. – Т. 19. – № 2. – С. 41–48.

116. Готовность к медиации как компетенция бакалавров гуманитарных направлений / А.О. Бударина, И.Н. Симаева, А.С. Чуприс, Е.В. Шахторина // Самарский научный вестник. – 2018. – Т. 7. – № 2 (23). – С. 224–229.

117. Гребенкин Е.В. Школьная медиация: подходы, контексты, особенности // Сибирский педагогический журнал. – 2017. – № 3. – С. 14–19.

118. Гринюк А.И. Типы социальной коммуникации // Философия социальных коммуникаций. – 2013. – № 3 (24). – С. 10–17.

119. Груздева Е.А. Модели онлайн-медиации в условиях образовательной системы // Молодой ученый. – 2020. – № 4 (294). – С. 288–290.

120. Грушевская Е.С. Адресатность в политическом дискурсе: ценности, стратегии, способы выражения: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Майкоп, 2019. – 342 с.

121. Гуреева А.А. Социокоммуникативные характеристики языковой личности переводчика: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Волгоград, 2014. – 18 с.

122. Гусейнова И.А. Коммуникативно-прагматические основания жанровой системы в маркетинговом дискурсе: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – М., 2009. – 41 с.

123. Данилов В.А. Переговоры в деловых коммуникациях. Ч. I: учеб. пособие для бакалавров. – М.: Изд-во Ин-та непрерывного образования, 2018 (а). – 221 с.

124. Данилов В.А. Переговоры в деловых коммуникациях. Ч. II: учеб. пособие для бакалавров. – М.: Изд-во Ин-та непрерывного образования, 2018 (б). – 232 с.

125. Дебренн М. Лингвистическая интроспекция плюрилингва // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – Т. 13. – № 3. – С. 5–14.

126. Дегтярев Е.В., Вильданов Х.С., Вильданова Г.Б. Роль и значение рефлексии в аксиологическом познании и в формировании системы ценностей человека // Вестник Челябинск. гос. ун-та. – 2008. – № 32. – С. 21–27.

127. Дементьев В.В. Речежанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2016. – 396 с.

128. Дербишева О.А. Проблемы процедуры медиации в гражданском судопроизводстве // Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20. – № 1. – С. 118–123. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2021.1.18.

129. Дилтс Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП: пер. с англ. – СПб.: Питер, 2020. – 256 с.

130. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации / под науч. ред. Л.В. Куликовой. – Красноярск: Изд-во Сиб. федер. ун-та, 2015. – 182 с.

131. Дмитриев А.В. Конфликтология: учебное пособие. – М.: Гардарики, 2000. – 320 с.

132. Дронзина Т. Медиация: учеб.-метод. пособие / Республик. гос. управление «Қоғамдық келісім»; Исслед. ин-т «Общественное мнение». – Астана, 2015. – 320 с.

133. Дубинина Ю.А. Медиатор. – М.: Проспект, 2021. – 224 с.

134. Дубровин В.В. От примирения сторон к медиации в уголовном судопроизводстве России // Библиотека криминалиста: науч. журнал. – 2011. – № 1. – С. 90–95.

135. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Саратов, 2010. – 40 с.

136. Дудиков М.Ю. Квантитативные характеристики профессиональной коммуникации // Вестник Челябинск. гос. ун-та. – 2009. – № 35 (172). – С. 63–67.

137. Дьяков А.И. Словарь англицизмов русского языка [Электронный ресурс]. – URL: http://anglicismdictionary.dishman.ru/K (дата обращения: 20.07.2020).

138. Дюсебалиева С.С., Рябенко В.Н. Внедрение медиативных технологий в работу нотариуса при рассмотрении наследственных споров // Медиация: современность, инновационность, технологичность: материалы междунар. междисципл. науч.-практ. конф.; Санкт-Петербург, 16 апреля 2019 г. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020. – С. 7–14.

139. Евдокимова Е.Г. Практика медиации в школе: учеб.-метод. пособие (для обучающихся по программе проф. переподготовки «Юридическая психология»). – Саратов: Изд-во СГУ, 2017. – 51 с.

140. Евтушенко О.А. Административный дискурс: типы, субъекты, динамика: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Майкоп, 2019. – 39 с.

141. Емельянова О.Б. Обучение рефлексивному слушанию как эффективной технике коммуникации // Гуманитарный вестник Донск. гос. аграр. ун-та. – 2022. – № 1. – С. 88–94. DOI: 10.34670/AR.2021.30.98.010.

142. Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. – М.: ЭТС, 2010. – 5140 с.

143. Ершова Е.В. «Базовая позиция медиатора» как техника внутренней рефлексии при обучении специалистов помогающих профессий // Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии: сб. тр. конф.; Н. Новгород, 15–16 сентября 2016 г. / под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой / ООО «Научно-исследовательский социологический центр». – Н. Новгород, 2016. – С. 841–846.

144. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 699 с.

145. Жбанкова Н.В., Прохорова О.А. Эмоциональный интеллект как когнитивная компетенция медиатора // Казанская наука. – 2017. – № 11. – С. 83–86.

146. Ждан-Пушкина Д. Онлайн-медиация: преимущества, подготовка к слушанию и обеспечение конфиденциальности [Электронный ресурс]. – URL: https://zakon.ru/blog/2022/09/27/onlajnmediaciya_preimuschestva_podgotovka_k_slus

haniyu_i_obespechenie_konfidencial nosti?ysclid=lha67jixja908641143 (дата обращения: 05.05.2023).

147. Жданухин Д.Ю. Альтернативные методы разрешения споров // Медиация. Новый подход к разрешению конфликтов (дайджест) / отв. за вып.: Ю.Б. Нечаева, А.Н. Селищева. – Пермь: Ресурс, 2009. – С. 70–78.

148. Жиденко А.А. Институт медиации как регулятор социальных конфликтов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 12-1. – С. 21–24. DOI: 10.23672/v7907-9650-3809-q.

149. Жура В.В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Волгоград, 2008. – 40 с.

150. Журавлевич Е.С. Различия медиации и примирительной процедуры // Медиация как альтернативный способ безопасности в Интернете: сб. материалов междунар. научно-практич. конф.; Минск, 19 мая 2023 г. / ред. кол.: О.В. Бодакова, Л.Р. Миронович, Е.В. Олехник; под общ. ред. А.Н. Шкляревского. – Минск: Изд-во БГЭУ, 2023. – С. 15–17.

151. Жучкова И.И. Методика построения тезауруса английской терминологии лингвистики текста // Вестник Волжск. ун-та им. В.Н. Татищева. – 2016. – Т. 1. – № 1. – С. 36–42.

152. Загайнова С.К. Современные проблемы и перспективы развития практической медиации в России // Развитие медиации в России: теория, практика, образование: сб. ст. / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. – М.: Инфотропик Медиа; Берлин, 2012. – С. 14–24.

153. Звуковой язык эмоций человека и обезьян / С.А. Бурлак, А.В. Вартанов, А.В. Латанов, Л.В. Терещенко // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 4 (16). – С. 79–92. DOI: 10.11621/npj.2014.0408.

154. Здравомыслов А.Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания // Социологические исследования. – 1993. – № 8. – С. 12–21.

155. Здрок О.Н. Медиация: пособие. – Минск: Четыре четверти, 2018. – 540 с.

156. Зеленская В.В. Репрезентативная сущность языковой личности в коммуникативном аспекте реализаций: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Русский язык. – Краснодар, 2000. – 332 с.

157. Зернова Г.П. Анализ существующих подходов организации служб школьной медиации в отечественной теории и практике // История и педагогика естествознания. – 2017. – № 1. – С. 25–32.

158. Иваненко Л.В. Зарубежный опыт эффективного управления многоквартирными домами // Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. Сер. Экономика. – 2014. – № 1 (7). – С. 146–150.

159. Иванова Г.А. Устная коммуникация и риторика в профессиональной подготовке юриста: учеб. пособие [Электронный ресурс]. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ин-та (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015. – 1,4 Мб.

160. Иванова Е.Н. Динамика директивности при обучении медиаторов // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2014. – № 3. – С. 80–86.

161. Иванова Е.Н. Иду на конфликт. «Разнимательная» конфликтология / Фонд развития конфликтологии. – СПб., 2015 (а). – 252 с.

162. Иванова Е.Н. Коммуникативные инструменты конфликтолога. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. философ. общества, 2008. – 177 с.

163. Иванова Е.Н. Конфликтологическое консультирование / Санкт-Петербург. гос. ун-т; Центр развития мирных стратегий в переговорах и разрешении конфликтов. – СПб., 2009. – 121 с.

164. Иванова Е.Н. Медиация как междисциплинарное сотрудничество // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Право. – 2021 (а). – № 1 (44). – С. 343–348. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3297.

165. Иванова Е.Н. Медиация как переговоры. Рабочий сценарий. Первая серия: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во Ин-та мира и исслед. конфликтов, 2021 (б). – 226 с.

166. Иванова Е.Н. Метод трансформации драматического треугольника Карпмана в процессе медиации // Медиация в образовании: поликультурный

контекст: материалы II Междунар. конф.; Красноярск, 24–26 сентября 2020 г. – Красноярск: Изд-во Сибир. федерал. ун-та, 2020. – С. 150–154.

167. Иванова Е.Н. Методы эффективной работы медиатора в разных сферах практики // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2015 (б). – № 4. – С. 131–136.

168. Иванова Е.Н. Обучение медиации как проблема // Конфликтология. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 219–234.

169. Иванова Е.Н. Психологические аспекты обучения студентов медиации // Современное образование: содержание, технологии, качество. – 2021 (в). – Т. 1. – С. 511–513.

170. Иванова Е.Н. Современная медиация: тенденции и проблемы // Конфликтология. – 2011. – № 1. – С. 146–167.

171. Иванова Е.Н. Учет особенностей работы на разных стадиях процесса взаимодействия со сторонами при подготовке медиаторов // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания: материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ.; Чебоксары, 15 апреля 2021 г. – Чебоксары: Среда, 2021 (г). – С. 131–138.

172. Иванова Е.Н. Язык медиации // Медиация: современность, инновационность, технологичность: материалы междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф.; Санкт-Петербург, 16 апреля 2019 г. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2019. – С. 58–62.

173. Иванова Е.Н., Петрова Н.В. Теоретические основы медиативно-переговорных технологий урегулирования конфликта // Вестник Санкт-Петербург. гос. ун-та. Сер. Философия и конфликтология. – 2022. – Т. 38. – № 4. – С. 581–593. DOI: 10.21638/spbu17.2022.412.

174. Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томск. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2010. – № 4 (12). – С. 24–32.

175. Иванцова Е.В. Проблемы изучения языковой личности: учеб. пособие к спецкурсу. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2005. – 74 с.

176. Иванцова Е.В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестник Томск. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2008. – № 3 (4). – С. 27–43.

177. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2002. – 312 с.

178. Игнатович А.В. Медиация как сфера урегулирования конфликта // Педагогика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – Т. 2. – № 3. – С. 49–56.

179. Игнатович А.В., Попов П.П. Медиация: словарь терминов // Педагогика: история и перспективы. – 2022. – Т. 5. – № 1. – С. 101–181. DOI: 10.17748/2686-9969-2022-5-1-101-181.

180. Ильинова Е.Ю. Вымысел как разновидность лингвокреативной деятельности сознания и его дискурсивная ценность // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2008. – № 2 (8). – С. 179–184.

181. Иншакова А., Тымчук Ю. Цифровые технологии альтернативных методов разрешения споров: зарубежная практика и перспективы применения в России // Право и управление. XXI век. – 2018. – № 1 (46). – С. 23–31. DOI: 10.24833/2073-8420-2018-1-46-23-31.

182. Ионова С.В. Идентификация и диагностика личности в лингвистике: поиск единичного и особенного // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XVII Междунар. науч. конф.; Орехово-Зуево, 17–19 мая 2017 г. – Орехово-Зуево: Изд-во Гос. гуманитарно-технологич. ун-та, 2017. – С. 79–81.

183. Ионова С.В. Социальные варианты языка в аспекте лингвистической диагностики // Социальные вариаты языка – XI: сб. науч. ст. междунар. конф.; Нижний Новгород, 09–10 апреля 2020 г. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. лингвист. ун-та им. Н.А. Добролюбова, 2021. – С. 9–17.

184. Исаева Е.В. Трансдискурсивный семантический анализ термина «медиация» // Евразийский гуманитарный журнал. – 2021. – № 3. – С. 24–36.

185. Исаева Е.В., Зубарева Е.О. Аналитическое исследование медиации в контексте миграции на материале публикаций в e-library.ru // Евразийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 2. – С. 68–74.

186. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.

187. Иссерс О.С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. – 2009. – № 2 (18). – С. 92–104.

188. Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод: пер. с англ. – Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.

189. Казанцева Е.А. Лингвоэкологические и когнитивно-прагматические характеристики академического дискурса в англоязычной и русской лингвокультурах: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. – Уфа, 2020. – 46 с.

190. Какзанова Е.М. Лингвокогнитивные и культурологические особенности научного дискурса: на материале математических и медицинских терминов-эпонимов: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика. – М., 2011. – 46 с.

191. Калинин О.И. Метафоричность текстов публичных выступлений Си Цзиньпина // Социолингвистика. – 2020. – № 3(3). – С. 101–112. DOI 10.37892/2713-2951-2020-3-3-101-112.

192. Канчер М.А. Языковая личность телеведущего в рамках русского риторического этоса: на материале игровых программ: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Екатеринбург, 2002. – 20 с.

193. Капштык Ю. Популяризация медиации и законы рынка! Признание медиации возможно? Скорее будущее медиации – путь к забвению... [Электронный ресурс]. – URL: https://zakon.ru/blog/2019/10/31/populyarizaciya_mediacii_i_zakony_rynka_priznanie_mediacii_vozmozhno_skoree_buduschee_mediacii_-_put?ysclid=lsn45kpl1z87814739 (дата обращения: 15.02.2024).

194. Каразия Н.А. Лингвопрагматическое исследование конфликтного дискурса // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2006. – № 2 (8). – С. 72–88.

195. Карасик В.И. Дискурсивная конвергенция // Лингвистическая лимология: материалы всерос. науч. конф. с междунар. участ.; Москва, 16 декабря 2021 г. – М.: Изд-во Моск. гос. обл. ун-та, 2021 (а). – С. 32–39.

196. Карасик В.И. Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация, социальная среда. – 2007. – № 5. – С. 78–86.

197. Карасик В.И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 1 (21). – С. 17–34.

198. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.

199. Карасик В.И. Языковая личность: аспекты изучения // Гуманитарные технологии в современном мире: сб. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф. памяти д-ра пед. наук, гл. ред. науч. журнала «Современная коммуникагивистика», проф. Оскара Яковлевича Гойхмана; Светлогорск, 03–05 июня 2021 г. / сост.: Л.М. Гончарова, Т.В. Нестерова, Э.А. Китанина. – Калининград: РА «Полиграфычъ», 2021 (б). – С. 14–20.

200. Карасик В.И. Языковое проявление личности. – Волгоград: Парадигма, 2014. – 450 с.

201. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

202. Карасик В.И. Языковые камертоны смысла: монография. – М.: Изд-во Гос. ин-та рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2024. – 416 с.

203. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 1. – С. 14–31. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-1-14-31

204. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 366 с.

205. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – 7-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.

206. Карелина И.О. Педагогическое сопровождение ребенка в процессе развития у него понимания и вербализации эмоциональных состояний: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогикии образования. – Ярославль, 2004. – 22 с.

207. Карнозова Л.М. Вопросы легализации и практической организации использования примирительных процедур в отечественной уголовной юстиции и в работе с правонарушениями несовершеннолетних // Вестник восстановительной юстиции. – 2016. – № 13. – С. 4–18.

208. Карнозова Л.М. Восстановительное правосудие в России: практика и проблемы институционализации // Вестник восстановительной юстиции. – 2018. – № 15. – С. 38–42.

209. Карнозова Л.М. Использование программ восстановительной ювенальной юстиции в уголовном судопроизводстве: метод. пособие. – М.: Изд-во Ин-та права и публичной политики, 2009. – 79 с.

210. Карнозова Л.М. Новый ориентир в стратегии реагирования на правонарушения несовершеннолетних // Психологическая наука и образование. – 2013. – № 3. – С. 149–159.

211. Карпенко А.Д. Виды медиации // Медиация: учебник / под ред. А.Д. Карпенко, А.Д. Осиновского. – СПб.: Изд-во журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2016. – С. 144–152.

212. Карпенко А.Д. Основы переговорного процесса в курсе обучения медиаторов. – СПб., 2010. – 15 с.

213. Карпенко А.Д. Особенности подготовки российских медиаторов // Конфликтология. – 2014. – № S. – С. 37–40.

214. Карпенко А.Д. Особенности становления института медиации в современной России как современные формы защиты прав и свобод человека и гражданина // Актуальные проблемы современных форм защиты прав и свобод человека и гражданина: сб. науч. ст. и тез. по материалам междунар. науч.-практ.

конф.; Великий Новгород, 23– 24 марта 2017 г. – Великий Новгород: Изд-во Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого, 2017. – С. 234–245.

215. Карпенко А.Д. Термины медиации как элемент развития практики в России // Третейский суд. – 2011. – № 3 (75). – С. 120–128.

216. Карпенко А.Д., Меренкова Е.А. Современное состояние развития медиации в России // Конфликтология. – 2014. – № S. – С. 282–287.

217. Карпенко А.Д., Яковлева Ю.А. Премедиация и основные этапы подготовки к проведению процедуры медиации // Медиация: учебник / под ред. А.Д. Карпенко, А.Д. Осиновского. – СПб.: Изд-во журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2016. – С. 163–170.

218. Касимханова А.Ф. Языковая личность регионального телеведущего в контексте телевизионного дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Уфа, 2015. – 22 с.

219. Катышев П.А., Иванов П.К. Неполная юридизация лексики как область лингвистических исследований // Русский язык в странах СНГ: положение, функционирование, коммуникация: материалы междунар. науч. конгр.; Москва, 01–03 ноября 2022 г. Ч. II. – М.: Изд-во Гос. ин-та рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2022. – С. 13–15.

220. Качесова И.Ю., Лебедева Е.В. Речевые стратегии как инструмент моделирования языковой личности: риторический аспект // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2020. – № 25-1. – С. 72–76.

221. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 224 с.

222. Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации: краткий курс. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 256 с.

223. Кетова Л.В. Медиативные технологии как инструмент разрешения конфликтов в деятельности классного руководителя // International Journal of Medicine and Psychology. – 2021. – Т. 4, № 3. – С. 14–18.

224. Кибанов А.Я., Ворожейкин И.Е., Захаров Д.К., Коновалова В.Г. Конфликтология: учебник / под ред. А.Я. Кибанова. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 301 с.

225. Киндеркнехт А.С. «Угу» как нейтральное средство обратной связи в процедуре классической медиации [Электронный ресурс] // Культура русской речи: материалы междунар. конф.; Москва, 21 февраля 2019 г. – М.: Изд-во Ин-та рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – URL: https://drive.google.com/file/d/1ZJrsBGLflNUv2_SFWVYLy1Kun4EkeLvm/view (дата обращения: 28.03.2023).

226. Киндеркнехт А.С. Агноним ли слово «медиация»? // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. – 2021 (а). – Т. 1. – С. 227–233.

227. Киндеркнехт А.С. Аксиология коммуникативного поведения медиатора / науч. ред. В.И. Карасик. – М.: Знание-М, 2023 (а). – 244 с. DOI: 10.38006/00187-665-6.2023.1.244.

228. Киндеркнехт А.С. Базовый арсенал коммуникативных техник медиатора // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2024 (а). – № 4 (71). – С. 77–87. DOI: 10.12737/2587-9103-2024-13-4-77-87.

229. Киндеркнехт А.С. Валидность метода самонаблюдения в исследовании профессиональной языковой личности в процессе ее формирования // Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода: сб. науч. ст. по материалам III Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т.; Пенза, 24–27 апреля 2019 г. / под общ. ред. Т.В. Дубровской. – Пенза: Изд-во Пензен. гос. ун-та, 2019 (а). – С. 55–59.

230. Киндеркнехт А.С. К вопросу о дискурсивной профессиональной деформации медиатора // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024 (б). – № 5-2. – С. 192–197. DOI 10.37882/2223-2982.2024.5-2.18.

231. Киндеркнехт А.С. К вопросу о лингвистических исследованиях дискурса медиации // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы X Междунар. науч. конф.; Челябинск, 01–03 октября 2020 г. – Челябинск: Изд-во Челябин. гос. ун-та, 2020 (а). – С. 138–143.

232. Киндеркнехт А.С. К вопросу о медиации в переводческой деятельности // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. – 2018 (а). – Т. 1. – С. 570–574.

233. Киндеркнехт А.С. К вопросу об исследовании языковой личности в профессиональном дискурсе // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти Б.И. Осипова и М.П. Одинцовой; Омск, 15–16 февра- ля 2019 г. / отв. ред. О.В. Золтнер. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского, 2019 (б). – С. 88–91.

234. Киндеркнехт А.С. Конфликтологическая компетентность переводчика как образовательная возможность // Индустрия перевода. – 2019 (в). – Т. 1. – С. 151–157.

235. Киндеркнехт А.С. Медиатор в конфликтном дискурсе // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2024 (в). – Т. 15. – № 2 – URL: https://sfk-mn.ru/PDF/22FLSK224.pdf (дата обращения: 20.08.2024).

236. Киндеркнехт А.С. Медиатор как участник современного миграционного дискурса // Шустова С.В., Зубарева Е.О., Хорошева Н.В., Костева В.М., Мощанская Е.Ю., Киндеркнехт А.С., Köck Jh. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика: монография / науч. ред.: д-р филол. наук, проф. О.А. Радченко. – Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. ун-та, 2020 (б). – С. 98–133.

237. Киндеркнехт А.С. Медиатор как элитарная языковая личность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024 (г). – Т. 17, № 7. – С. 2219–2225. DOI 10.30853/phil20240306.

238. Киндеркнехт А.С. Медиация как личный бренд: реклама курсов медиаторов // Кострома. Genus Loci: альманах / сост. и отв. ред. А.В. Зайцев. – Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2022 (а). – Вып. 5. – С. 130–135.

239. Киндеркнехт А.С. Межпрофессиональные расхождения в понимании слова «медиация» // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2024 (д). – Т. 15, № 1. – URL: https://sfk-mn.ru/PDF/32FLSK124.pdf (дата обращения: 13.08.2024).

240. Киндеркнехт А.С. Метод самонаблюдения в исследовании языковой личности медиатора // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019 (г). – Т. 8. – № 2(27). – С. 252–255. DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0060.

241. Киндеркнехт А.С. Мирилка: фольклорный текст, игра, социальная практика: монография. – Пермь: ИП Серегина О.Н., 2022 (б). – 99 с.

242. Киндеркнехт А.С. Неприсоединение как аксиологическая доминанта коммуникативного поведения медиатора // Гуманитарные технологии в современном мире: сб. ст. X Междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти О.Я. Гойхмана; Светлогорск, 19–22 мая 2022 г. / сост.: Л.М. Гончарова, Т.В. Нестерова, Э.А. Китанина. – Калининград: Полиграфычъ, 2022 (в). – С. 90–93.

243. Киндеркнехт А.С. О медиаторской функции переводчика // Социальный мир человека: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. «Человек и мир: миросозидание, конфликт и медиация»; Ижевск, 5–7 апреля 2018 г. / ред. Н.И. Леонов. – Ижевск: ERGO, 2018 (б). – С. 177–179.

244. Киндеркнехт А.С. О системных изменениях в профессиональном сообществе медиаторов после пандемии коронавируса // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: материалы XI Всерос. науч.-практ. конф.; Липецк, 21– 22 октября 2022 г. – Липецк: Изд-во Липецк. гос. пед. ун-та им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022 (г). – С. 165–169.

245. Киндеркнехт А.С. Практикум по межкультурной медиации. – М.: Р. Валент, 2024 (е). – 72 с.

246. Киндеркнехт А.С. Присоединение как табу в коммуникативном поведении медиатора // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2023 (б). – Т. 12. – № 1. – С. 67–73. DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-1-67-73.

247. Киндеркнехт А.С. Рефрейминг как коммуникативная техника медиатора // Российский лингвистический бюллетень. – 2024 (ё). – № 7 (55). DOI: 10.60797/RULB.2024.55.10.

248. Киндеркнехт А.С. Русский язык в профессиональном общении медиатора // Филология и образование в поликультурном мире: материалы науч.-

практ. конф. с междунар. участ.; Пермь, 24 декабря 2019 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т, Фак-т. совр. иностр. яз. и литератур. – Пермь, 2019 (д). – С. 12–14.

249. Киндеркнехт А.С. Социолингвистическая переменная «посредничество» в рассмотрении медиационного аспекта перевода // Актуальные проблемы переводоведения в XXI столетии: материалы VI Междунар. очно-заоч. науч.-практ. конф.; Горловка, 03 марта 2021 г. – Горловка: Изд-во ГИИЯ, 2021 (б). – С. 96–100.

250. Киндеркнехт А.С. Степень агнонимичности слова «медиация» в языковом сознании современных студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023 (в). – Т. 16. – № 4. – С. 1236–1241. DOI: 10.30853/phil20230190.

251. Киндеркнехт А.С. Формула как инструмент лингвокультурного анализа. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2018 (в). – 182 с.

252. Киндеркнехт А.С. Эволюция понимания конфликта в современном научном знании [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022 (д). – Т. 13. – № 4. – URL: https://sfk-mn.ru/PDF/02FLSK422.pdf

253. Киндеркнехт А.С., Колада В.В. Термин медиация в современных научных исследованиях по переводу // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 6. – С. 30–49. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-30-49.

254. Киндеркнехт А.С., Путина О.Н. Сопоставительный анализ дискурсивных маркеров в повседневной и профессиональной коммуникации (на примере «well» и его русских аналогов в речи медиатора) // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14. – № 2. – URL: https://sfk-mn.ru/PDF/16FLSK223.pdf

255. Киндеркнехт А.С., Смирнова И.В. К вопросу о семантической эволюции слова «кокус» // Вестник Перм. нац. исслед. политехн. ун-та. – 2020. – № 3. – С. 89–100. DOI: 10.15593/2224-9389/2020.3.8.

256. Киндеркнехт А.С., Соболева Л.А. Вертикальный и горизонтальный типы коммуникации в восстановительной медиации: проблема соотношения //

Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 4 (29). – С. 255–259. DOI: 10.26140/bgz3-2019-0804-0057.

257. Киндеркнехт А.С., Яковлева Ю.А. Вербальные и невербальные средства выражения нейтральности в коммуникативном поведении медиатора // Научный диалог. – 2020. – № 3. – С. 82–95. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-82-95.

258. Кинова А.В., Кондрашова Е.В. Лингвистические особенности медиации // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, языковой коммуникации и лингводидактики: материалы XVIII Всерос. студенч. науч.-практ. конф. с междунар. участ.; Красноярск, 02–03 ноября 2017 г. – Красноярск: Изд-во Сибирск. гос. ун-та науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева, 2017. – С. 33–35.

259. Климентов В.Л. Медиация в схемах и таблицах. – М.: Радуница, 2011. – 160 с.

260. Клюев Е.В. Речевая коммуникация: учеб. пособие для ун-тов и ин-тов. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.

261. Клюканов И.Э. Коммуникативная природа события // Вестник Рос. гос. гуманит. ун-та. – 2008. – № 1. – С. 11–24.

262. Коблева М.М. Медиация, ее сила и преимущество в медиативных техниках // Актуальные вопросы применения медиации в различных сферах: сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф.; Ростов-н/Д, 19–20 апреля 2018 г. – Ростов-н/Д: ИП Беспамятнов С.В., 2018. – С. 12–17.

263. Ковалевская Е.В. Уровень личностной зрелости у студентов, осваивающих «помогающие» профессии // Синергия наук. – 2018. – № 30. – С. 982–987.

264. Ковач Кимберли К. Медиация: краткий курс / Кимберли Ковач; пер. с англ. [Носырева Е.И. и др.]. – 2-е изд. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. – 316 с.

265. Кодекс медиаторов России [Электронный ресурс]. – URL: https://ars-mediators.ru/docs/d1.pdf (дата обращения: 27.03.2023).

266. Кодекс этики медиатора [Электронный ресурс]. – URL: https://staroaleksandrovskayaschool.tmn.eduru.ru/media/2019/03/28/1260237834/kodeks_e_tiki_mediatorov.pdf (дата обращения: 27.03.2023).

267. Кожемякин Е.А. Институциональные дискурсы: программа сравнительного исследования // Человек. Сообщество. Управление. – 2007. – № 2. – С. 96–106.

268. Колбина Е.Я. Эмоциональная саморегуляция ведущего процедуры медиации. – Екатеринбург, 2019. – 83 с.

269. Колесова О.В. Методологические установки П. Фейерабенда как выражение ментальных характеристик постнеклассической науки // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9 (71). – С. 78–84.

270. Колосова А.А. Лингвокультурная медиация. О происхождении, значении и практике применения термина в современной лингводидактике // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе: материалы ежегод. междунар. науч. конф.; Москва, 10–12 апреля 2012 г. – М.: Изд-во РУДН, 2012. – С. 144–147.

271. Колтунова Е.А. Феномен домысла в судебных лингвистических экспертизах [Электронный ресурс] // Инновации в государстве и праве России: материалы междунар. науч.-практ. конф.; Н. Новгород, 24–25 апреля 2014 г. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского. – URL: http://koltunov-nn.ru/modules/pages/main/publications/fenomen_domisla.html (дата обращения: 28.02.2024).

272. Комалова Л.Р. Межличностная коммуникация: от конфликта к консенсусу / отв. ред. Э.Б. Яковлева. – М.: Изд-во РАН ИНИОН; Центр гуманит. науч.-информ. исслед. отд. языкознания, 2016. – 180 с.

273. Комалова Л.Р. О возможностях речеведения в исследовании конфликтологической компетентности // Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та. – 2011. – № 619. – С. 103–116.

274. Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» / отв. ред. С.К. Загайнова, В.В. Ярков. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 272 с.

275. Коновалов А.Ю. Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практ. руководство / под общ. ред. Л.М. Карнозовой. – М.: Изд-во Центра «Судебно-правовая реформа», 2014. – 306 с.

276. Коновалов А.Ю. Школьные службы примирения [Электронный ресурс]. – URL: http://www.8-926-145-87-01.ru (дата обращения: 02.05.2023).

277. Конфиденциальность как принцип процедуры медиации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mediatio.biz/publications/p1/n55/ (дата обращения: 01.02.2024).

278. Концептуальная систематика аргументации: коллективная монография / А.В. Колмогорова, Н.С. Баребина, С.Ю. Дашкова, Е.О. Ильичева, Т.В. Нешева, О.В. Ситосанова О.В. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. лингвист. ун-та, 2013. – 406 с.

279. Копытов О.Н. Метод лингвистического автопортрета (на примере исследования модуса текста) // Вестник Воен. ун-та. – 2011. – № 3 (27). – С. 89–93.

280. Король Л.Г., Малимонов И.В., Рахинский Д.В. Конфликтология: учеб. пособие для студ., обучающихся по направл. 37.04.01 «Психология», 38.04.02 «Менеджмент», 38.03.03 «Управление персоналом». – Ульяновск: Зебра, 2015. – 248 с.

281. Коршунова Д.А. Музей как «локус медиации» культуры современного города // Культура и цивилизация. – 2017. – Т. 7. – № 5А. – С. 443–456.

282. Коршунова О.В., Солдатова Г.В. Готовность к диалогу и применению процедуры медиации участников образовательных отношений // Ученые записки ун-та им. П.Ф. Лесгафта. – 2022. – № 4 (206). – С. 561–565. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2022.4.p561-565.

283. Косарева Т.Б. Обучение студентов-юристов лингвокультурной медиации: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования). – М., 2011. – 22 с.

284. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2005. – 287 с.

285. Косякин И.В. Типология языковой личности телевизионного спортивного комментатора: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.10 – Журналистика. – Воронеж, 2014. – 22 с.

286. Котлярова В.В. Альтернативные способы урегулирования и разрешения споров в России: учеб. пособие / под ред. д-ра юрид. наук А.В. Юдина. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2021. – 104 с.

287. Кочемасова Д.Р., Воронина Е.Б. Профессиональный дискурс // Вестник Марийск. гос. ун-та. – 2018. – Т. 12. – № 3 (31). – С. 146–151. DOI: 10.30914/2072-6783-2018-12-3-146-151.

288. Коченовские чтения «Психология и право в современной России»: сб. тез. участников Всерос. конф. по юрид. психологии с междунар. участием. – М.: Изд-во МГППУ, 2018. – 345 с.

289. Кочеткова Т.В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 26 / отв. ред.: О.Б. Сиротинина. – Саратов: Изд-во Гос. учебно-науч. центра «Колледж», 1996. – С. 14–25.

290. Кочеткова Т.В. Языковая личность в лекционном тексте. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1998. – 216 с.

291. Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Саратов, 1999. – 534 с.

292. Кочетова Л.А. Английский рекламный дискурс в динамическом аспекте: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.04 – Германские языки. – Волгоград, 2013. – 39 с.

293. Кочетова Ю.А. Эмоциональный интеллект старших подростков: монография. – М.: Изд-во МГППУ, 2021. – 104 с.

294. Кочнова К.А. Речевая коммуникация: учеб. пособие. – Н. Новгород: Изд-во НГСХА, 2015. – 194 с.

295. Кошелева С.В. Основы делового общения: учеб. пособие. – Орел: Изд-во ОрелГТУ, 2005. – 70 с.

296. Кошкарова Н.Н. Авторские статьи: реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015 (а). – № 1 (42). – С. 76–84.

297. Кошкарова Н.Н. Диалогические жанры конфликтного и кооперативного типов дискурса // Вестник Челябин. гос. ун-та. – 2014 (а). – № 6 (335). – С. 60–64.

298. Кошкарова Н.Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса: традиции и новации жанрового корпуса // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 2 (7). – С. 119–126.

299. Кошкарова Н.Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Екатеринбург, 2015 (б). – 48 с.

300. Кошкарова Н.Н. Лингвистические подходы к изучению конфликтного дискурса // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2015 (в). – Т. 14. – № 2. – С. 142–146.

301. Кошкарова Н.Н. Монологические жанры конфликтного и кооперативного типов дискурса // Когнитивные исследования языка. – 2014 (б). – № 18. – С. 624–626.

302. Кошкарова Н.Н. Новостные жанры: реализация моделей конфликтного и кооперативного типов дискурса // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2015 (г). – Т. 14. – № 6. – С. 146–150.

303. Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов: ок. 25000 слов и словосочетаний. – М.: Русский язык, 1998. – 846 с.

304. Куделина А.С. Факторы, препятствующие проведению процедуры медиации // Актуальные вопросы применения медиации в различных сферах: сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф.; Ростов-н/Д, 19–20 апреля 2018 г. – Ростов-на/Д: ИП Беспамятнов С.В., 2018. – С. 18–20.

305. Кузнецова Е.Н. Интерес к человеку как аксиологическая доминанта педагогического взаимодействия // Вестник Псков. гос. пед. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2008. – № 5. – С. 154–157.

306. Кузьмин Г.С. Ценности и технологии сотрудничества в системе школьного образования. Рабочая тетрадь школьного медиатора. – СПб., 2017. – 77 с.

307. Кулапов Д.С. Виды медиации: теоретический аспект // Вестник Саратов. гос. юрид. акад. – 2014. – № 4 (99). – С. 119–122.

308. Кулапов Д.С. К вопросу об истории зарождения института медиации // Вестник Саратов. гос. юрид. акад. – 2013. – № 5 (94). – С. 160–165.

309. Куликова Л.В. Дискурс межкультурной медиации: концептуальная медель исследования // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Сер. Язык и литература. – 2019 (а). – № 16 (2). – С. 245–258. DOI: 10.21638/spbu09.2019.206.

310. Куликова Л.В. Медиация в межкультурном контексте: дискурсивно-аналитическая перспектива // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019 (б). – № 3. – С. 26–35. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-3-26-35.

311. Куликова Л.В., Прохорова О.А. Исследовательские подходы к дискурсу медиации в фокусе междисциплинарности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 2-2 (56). – С. 100–104.

312. Курицын В.М. Межкультурные барьеры в переводе и медиации // Научный поиск. – 2016. – № 1.1. – С. 75–78.

313. Курсы повышения квалификации «Медиация. Базовый курс» [Электронный ресурс]. – URL: https://permtpp.ru/info/articles/kursy_povysheniya_kvalifikatsii_-mediatsiya-_bazovyy_kurs21112022/ (дата обращения: 21.08.2024).

314. Ланкина О.Ю. Содержание понятия «медиация» в обучении иностранным языкам // Вестник Ленинград. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2018. – № 2. – С. 175–184.

315. Лаппо М.А. Кого можно назвать носителем элитарной речевой культуры? // Русская речь. – 2014. – № 4. – С. 67–72.

316. Лаппо М.А. Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Новосибирск, 2018. – 35 с.

317. Ларионова М.В. Лингвосемиотика испанского политического дискурса в пространстве интернет-коммуникации: дис. … д-ра филол. наук: 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика. – М., 2023. – 458 с.

318. Лебедева И.В. Развитие ассертивности и ассертивного поведения личности // Вестник Бурят. гос. ун-та. – 2010. – № 5. – С. 127–132.

319. Левенкова Е.Р. Конвергентные и дивергентные тенденции в политическом дискурсе Великобритании и США: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.04 – Германские языки. – Самара, 2011. – 41 с.

320. Лемяскина Н.А. Развитие языковой личности и ее коммуникативного сознания (на материале речевого поведения младшего школьника): дис. … д-ра филол. наук:10.02.19 – Теория языка. – Воронеж, 2004. – 469 с.

321. Лемяскина Н.А., Стернин И.А. Коммуникативное поведение младшего школьника. – Воронеж: Центрально-Черноозем. книж. изд-во, 2000. – 195 с.

322. Леонов Н.И. Конфликтология: учеб. пособие. – М.: Изд-во НПО «МОДЭК», 2006. – 232 с.

323. Леонов Н.И. Медиация и копинг-ресурсы при урегулировании конфликта // Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие: материалы V Междунар. науч. конф.; Кострома, 26–28 сентября 2019 г.: в 2 т. Т. 1. – Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2019. – С. 517–522.

324. Леонов Н.И. Медиация как гуманитарная технология в урегулировании конфликтов // Социальная психология личности и акмеология: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф.; Саратов, 19–20 октября 2017 г. / под ред. Р.М. Шамионова, М.А. Кленовой. – М.: Перо, 2017. – С. 182–185.

325. Летяев В.А., Ломакина О.Е. Правовая медиация в разрешении конфликтов и споров (компаративно-правовой анализ зарубежного и отечественного опыта): учеб.-метод. пособие. – Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2010. – 48 с.

326. Лингвокультурная и транскультурная медиация как межкультурный феномен: вопросы теории и практики / ред. Э.М. Рянская, М.А. Степанова. – Уфа: АЭТЕРНА, 2018. – 116 с.

327. Лисицын В.В. Судебное примирение: важное направление развития современного гражданско-процессуального законодательства // Мировой судья. – 2015. – № 2. – С. 25–30.

328. Литвинова Е.В., Данилова В.А., Проблемы и перспективы применения процедуры медиации в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Сервис Plus. – 2018. – Т.12. – № 4. – С. 3–14. DOI: 10.24411/2413-693X-2018-10401.

329. Лэйни Ф.К. Когда следует обратиться к медиатору для разрешения конфликта? [Электронный ресурс]. – URL: https://mediation- eurasia.pro/blogi/kogda-sleduet-obratitsja-k-mediatoru/ (дата обращения: 27.03.2023).

330. Лютикова В.Д. Языковая личность: идеолект и диалект: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Екатеринбург, 2000. – 316 с.

331. Маврин О.В. Технологии урегулирования конфликтов (медиация как эффективный метод разрешения конфликтов): учеб. пособие. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. – 96 с.

332. Мазилов В.А. Методология в психологической науке: история и современность. – Ярославль: Изд-во Ярослав. гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского, 2017. – 435 с.

333. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.

334. Максимов И.Л. Процедура медиации в системе здравоохранения // Вести научных достижений. Экономика и право. – 2019. – № 1. – С. 30–32. DOI: 10.36616/2686-9837-2019-1-30-32.

335. Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – М., 2002. – 413 с.

336. Максудов Р.Р. Базовые элементы концепции восстановительной медиации // Психология и право. – 2012. – № 4. – С. 165–175.

337. Максудов Р.Р. Восстановительная медиация: на пути к разработке концепции // Вестник восстановительной юстиции. – 2010. – № 7. – С. 7–17.

338. Максудов Р.Р. Восстановительная медиация: организация и навыки работы медиатора (практическое руководство для тренеров) // Вестник восстановительной юстиции. – 2013. – № 10. – С. 121–129.

339. Максудов Р.Р. Заметки о восстановительной медиации как социальной инженерии // Восстановительный подход и медиативные технологии в образовании: опыт, проблемы, перспективы: сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф.; Липецк, 22 мая 2020 г. / ред. Углов Д.В., Фурсова Л.В.; ГАУДПО Липецкой области «Институт развития образования». – Липецк, 2020. – 142 с.

340. Малыгина Л.Е. Трансформация жанров телевизионного промодискурса в новой технологической среде: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.01.10 – Журналистика. Политические науки. – Краснодар, 2020. – 40 с.

341. Малышева Е.В. Особенности восприятия информации посредством невербальных систем взаимодействия // Психолингвистика и лексикография: сб. науч. тр. / Науч. ред. А.В. Рудакова. Т. 4. – Воронеж: «Изд-во Ритм», 2017. – С. 51–58.

342. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Омск, 2011. – 46 с.

343. Малышок И.Г., Свойкина Е.Д. профессиональные медиаторы: да или нет? // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 78. – С. 86–88.

344. Мамонтов А.С., Жукова А.Г., Столярова А.Г. Концепт «прошлое» в русской языковой картине мира // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 464. – С. 42–50. DOI: 10.17223/15617793/464/5.

345. Манина И.И. Медиация в профессиональной деятельности: урегулирование споров. – [б. м.]: Издательские решения, 2022. – 120 с.

346. Марголина Т.И., Суровяткина П.А. Барьеры и стимулы развития медиации (примирительных процедур) в социальной сфере // Вестник Перм. ун-та.

Сер. Философия. Психология. Социология. – 2020. – № 3. – С. 494–505. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-494-505.

347. Маркова Л.А. Субъект как наблюдатель // Вопросы философии. – 2011. – № 4. – С. 84–94.

348. Марковичева Е.В. Потенциальные возможности института медиации в ускорении российского уголовного судопроизводства // Современное право. – 2009. – № 11. – С. 114–116.

349. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.

350. Медведева В.Е. Эмоциональная устойчивость как профессионально значимое качество будущего конфликтолога в структуре конфликтологической компетентности // Конфликтология. – 2015. – № 3. – С. 223–240.

351. Медиативные технологии в работе специалистов, оказывающих услуги женщинам, находящимся в трудной жизненной ситуации, социально опасном положении, подвергшихся семейному насилию / Сост. Л.А. Бездольная, И.Ф. Хабирова. – Сургут, 2020. – 44 с.

352. Медиация – ключ к миру. Методические рекомендации по практическому применению медиации / сост. Кирьянова Л.В. – Сыктывкар: ГБУ РК «РЦСТ», 2017. – 72 с.

353. Медиация в образовании: учебно-метод. пособие / М.А. Юферова, О.А. Коряковцева, Т.В. Бугайчук, А.И. Стрелова. – Ярославль: Изд-во РИО ЯГПУ, 2018. – 67 с.

354. Медиация в практике нотариуса / отв. ред. С.К. Загайнова, Н.Н. Тарасов, В.В. Ярков. – М.: Инфотропик Медиа: б. и., 2012. – 336 с.

355. Медиация: учебник / под ред. А.Д. Карпенко, А.Д. Осиновского. – СПб.: Изд-во журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2016. – 470 с.

356. Медиация. Новый подход к разрешению конфликтов (дайджест). – Пермь: Изд-во Перм. холдинг. комп. «Ресурс». – Пермь, 2009. – 120 с.

357. Мета Г. Медиация – искусство разрешать конфликты // Медиация. Новый подход к разрешению конфликтов (дайджест). – Пермь: Изд-во Перм. холдинг. комп. «Ресурс», 2009. – С. 35–50.

358. Мешкова Е. Специфика семейного посредничества // Медиация: современность, инновационность, технологичность: материалы междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф.; Санкт- Петербург, 16 апреля 2019 г. – СПб: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2020. – С. 121–129.

359. Милованова М.С. Аксиологические аспекты семантики состояния // Общая и русская лингвоаксиология: монография / М.С. Милованова (отв. ред.), К.Я. Сигал, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Б.И. Фоминых, Н.А. Боженкова, Л.М. Гончарова, А.Н. Матрусова, Р.Р. Шамсутдинова; ИЯз РАН, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. – М.; Ярославль: Канцлер, 2022. – С. 148–194.

360. Митягина В.А., Махортова Т.Ю. Дискурсивные реализации жанра: приветственная речь // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2013. – № 3 (19). – С. 128–134.

361. Митяева А.М. Конфликтологическая компетентность будущего специалиста как предмет научного исследования // Ученые записки Орлов. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 2 (46). – С. 273–280.

362. Мишанкина Н.А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык, 10.02.19 – Теория языка. – Томск, 2010. – 43 с.

363. Мишланов В.А., Каджая Л.А., Кузнецова Ю.М. Лингвистические маркеры эмоционального состояния субъекта речи (к проблеме автоматического мониторинга текстов сетевой коммуникации) // Медиалингвистика. – 2020. – Т. 7. – № 4. – С. 428–444. DOI: 10.21638/spbu22.2020.405.

364. Мишланова С.Л. Термин в медицинском дискурсе: образованеи, функционирование, развитие: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – М., 2003. – 392 с.

365. Мкртычян С.В. Управленческие коммуникативные стили в социально-стратифицированном дискурсе: на материале русского языка: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Тверь, 2012. – 46 с.

366. Монжиевская В.В. Общение в профессиональной деятельности: сущность, функции, критерии функционирования // Известия Иркутск. гос. ун-та. Сер. Психология. – 2015. – Т. 11. – С. 37–45.

367. Моногарова А.Г. Ключевые аспекты комплексного подхода к унификации терминов медиации // Juvenis Scientia. – 2017 (а). – № 11. – С. 46–49. DOI: 10.15643/jscientia.2017.11.014.

368. Моногарова А.Г. Особенности стратегической организации переговоров (на примере современного англоязычного дискурса медиации) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2018. – № 11. – С. 52–61.

369. Моногарова А.Г. Принципы построения многоаспектной классификации терминов медиации // Вестник Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. – 2016 (а). – № 4. – С. 49–53.

370. Моногарова А.Г. Проблема референтной сферы в медиации. Требования к речи медиатора // Актуальные вопросы филологических наук: материалы IV Междунар. науч. конф.; Казань, 20–23 октября 2016 года. – Казань: Бук, 2016 (б). – С. 37–40.

371. Моногарова А.Г. Проблема синонимических рядов в терминологиии медиации. определение доминанты // Вестник Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. – 2016 (в). – № 3. – С. 146–151.

372. Моногарова А.Г. Современный англоязычный дискурс медиации: терминологическая составляющая и система прагматических стратегий: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. – Германские языки. – Пятигорск, 2017 (б). – 213 с.

373. Моногарова А.Г. Современный англоязычный дискурс медиации: терминологическая составляющая и система прагматических стратегий: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. – Германские языки. – Пятигорск, 2017 (в). – 28 с.

374. Моногарова А.Г. Типология способов дефинирования терминов в современном дискурсе медиации // Вестник Пятигорск. гос. ун-та. – 2017 (г). – № 4. – С. 138–142.

375. Моногарова А.Г. Требования к лексикографическому определению термина медиации // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2017 (д). – № 10. – С. 45–53.

376. Моногарова А.Г., Кобышева Е.И. Обеспечение единства терминологии медиации: лингвистические требования к терминам процедуры // Вестник Пятигорск. гос. ун-та. – 2017. – № 4. – С. 143–148.

377. Моногарова А.Г., Кобышева Е.И. Статус транстерминов в терминосистеме медиации // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф.; Чебоксары, 26 сентября 2016 г. Вып. 3. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та им. И.Н. Ульянова, 2016 (а). – С. 98–104.

378. Моногарова А.Г., Кобышева Е.И. Стратегическая организация речи медиатора в англоязычном дискурсе медиации // Juvenis Scientia. – 2016 (б). – № 5. – С. 12–16. DOI: 10.15643/jscientia.2016.5.171.

379. Моногарова А.Г., Кобышева Е.И. Транстерминологизация в языке медиации. Условия целесообразности использования транстерминов // Juvenis Scientia. – 2016 (в). – № 6. – С. 22–25. DOI: 10.15643/jscientia.2016.6.197.

380. Морковкин В.В. Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М., 1997. – 414 с.

381. Морозова Е.В., Емтыль Ф.А. Медиация в России и зарубежный опыт // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 6 (150). – С. 85–89.

382. Мосиенко Л.В. Ценностное самоопределение студентов в пространстве университетской молодежной субкультуры: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования. – Оренбург, 2012. – 44 с.

383. Москвичев В.В. Нарративная терапия: реализация практики уважения // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru.– 2010. – № 5. – С. 218–227.

384. Мощева С.В. Интенциональность речевого поведения: система средств интенсификации (на материале коммерческого и некоммерческого рекламного дискурса): автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – М., 2019. – 52 с.

385. Мурзин Л.Н. Полевая структура языка: фатическое поле (текст лекций) // Фатическое поле языка (памяти профессора Л.Н. Мурзина): межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – С. 9–14.

386. Мыскин С.В. Введение в теорию профессионального языкового сознания. – Москва: Сам Полиграфист, 2015. – 331 с.

387. Мыскин С.В. Проблема конфликтогенности общения в современном мире // Речь и языки общения в конфликтогенном мире: материалы междунар. науч.-практ. конф.; Москва, 17–18 декабря 2021 г. / редкол.: С.В. Мыскин (отв. ред.), Е.Ф. Тарасов, В.Т. Кудрявцев. – Москва: Агентство социально-гуманитарных технологий, 2021. – С. 12–14.

388. Мыскин С.В. Стратегия обобщения как фактор конфликтогенности общения // Организационная психолингвистика. – 2022. – № 1 (17). – С. 10–24.

389. Мыскин С.В. Языковая профессиональная личность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12 (30): в 2 ч. Ч. I. – С. 150–157.

390. Наседкина Н.И. Медиация, медиатизация, медиализация: соотношение терминов и понятий // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации / ГрГУ им. Я. Купалы. – Гродно: Изд-во Гроднен. гос. ун-та им. Янки Купалы, 2018. – С. 132–136.

391. Национальный корпус русского языка. 2003–2022 [Электронный ресурс]. – URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 06.03.2023).

392. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. – М.: Изд-во Моск. гос. лингвист. ун-та, 1996. – С. 112–116.

393. Нестерова О.Б. Многоаспектность языковой личности политика в англоязычных текстах: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 – Германские языки. – М., 2021. – 259 с.

394. Никитина Ю., Таран К. Мировые практики медиации в конфликтах в цифровую эпоху // Пути к миру и безопасности. – 2021. – № 1 (60). – С. 11–28. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-1-11-28.

395. Николаева Н.Н. Резюмирование как эффективный прием обучения деловой коммуникации на английском языке в вузе // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой структуры. – 2016. – № 10. – С. 14.

396. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – 504 с.

397. Носырева Е.И. Становление института медиации в России // Развитие медиации в России: теория, практика, образование: сб. ст. / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. – М.: Инфотропик Медиа; Берлин, 2012. – С. 1–13.

398. О медиации // Арбитражный суд Иркутской области [Электронный ресурс]. – URL: https://irkutsk.arbitr.ru/arbitrazhnyj-process/mediaciya/o-mediacii/ (дата обращения: 31.03.2023).

399. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 18.01.2023).

400. Об утверждении программы подготовки медиаторов: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 14 февраля 2011 г. № 187 [Электронный ресурс]. – URL: http:// www.rg.ru/2011/03/23/mediacia-dok.html (дата обращения: 25.04.2023).

401. Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области медиации (медиатор)»: приказ от 15 декабря 2014 г. № 1041н [Электронный

ресурс]. – URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/07.001.pdf?ysclid=liptnadofq707990275 (дата обращения: 10.06.2023).

402. Обозов Н.Н., Щекин Г.В. Психология работы с людьми: Советы руководителю. – Киев: Политиздат Украины, 1990. – 203 с.

403. Овчаренко Т.В. Медиация как альтернативная форма разрешения споров: сущность, преимущества, принципы // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Право. – 2010. – № 1 (8). – С. 180–187.

404. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений / под общ. ред. Л.И. Скворцова. – М.: Мир и образование, 2015. – 1375 с.

405. Олешков М.Ю. Системное моделирование институционального дискурса: на материале устных дидактических текстов: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Н. Тагил, 2007. – 42 с.

406. Основные направления и перспективы развития медиации в образовательной и социальной сферах: материалы всерос. науч.-практ. конф.; Владивосток, 2–3 апреля 2018 г. / под общ. ред. Т.К. Волковой, Е.И. Свириденко. – Владивосток: Изд-во ПК ИРО, 2018. – 125 с.

407. Основы подготовки медиатора: метод. пособие / Р.А. Бачков, Д.З Магомедов, П.О. Омарова, Е.Ю. Барабаш / ПРМО ООБФ «Российский благотворительный фонд “Нет алкоголизму и наркомании”». – Ставрополь, 2016. – 95 с.

408. Особенности использования технологий медиации в разрешении семейных конфликтов с участием подростков / П.П. Попов, К.А. Литвинов, Г.М. Никитин, А.С. Мамбеталина, В.К. Игнатович, С.С. Игнатович // Образование и право. – 2020. – № 9. – С. 138–147. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10922.

409. Осокина С.А. Лексикографические истоки лингвистической концепции тезауруса // Известия Алтайск. гос. ун-та. – 2011. – № 2-2 (70). – С. 159–166.

410. Осокина С.А. Основания лингвистической теории тезауруса: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Челябинск, 2015. – 55 с.

411. Павлова Е.К. Политический дискурс в глобальном коммуникативном пространстве: на материале английских и русских текстов: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. – М., 2010. – 45 с.

412. Палашевская И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Волгоград, 2012. – 40 с.

413. Памятка для медиаторов по проведению онлайн-медиации [Электронный ресурс]. – URL: https://mediator.kg/wp-content/uploads/2021/07/Pamyatka-dlya-mediatorov-po-provedeniyu-onlajn- mediatsii-12052021.pdf (дата обращения: 05.05.2023).

414. Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – М., 2004. – 393 с.

415. Петрова Е.С., Статеева Е.В. Перевод и коммуникативная языковая медиация: границы понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 9-2 (39). – С. 121–126.

416. Петрова И.Э., Плотникова Е.С. Проблематизация медиации в системе образования Нижегородской области // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. – 2017. – № 4 (48). – С. 144–150.

417. Пикер Г., Рюкерт К. Размышления об обучении медиации // Медиация – искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методом и профессиональными технологиями / сост.: Г. Мета, Г. Похмелкина; пер. с нем. Г. Похмелкиной. – М.: VERTE, 2004. – 309–312 с.

418. Пиханова С.А. Управление личными коммуникациями: электронное учеб. пособие. – Хабаровск: Изд-во ХГАЭП, 2015. – 109 с.

419. Плеханова Ю.В., Степанова М.А. Феномен лингвокультурной и транскультурной медиации: концепция стран Европейского союза // Лингвокультурная и транскультурная медиация как межкультурный феномен:

вопросы теории и практики: монография / ред. Э.М. Рянская, М.А. Степанова. – Уфа: АЭТЕРНА, 2018. – С. 7–40.

420. Плотников А.Д. Этномедиация как фактор урегулирования споров в межнациональных отношениях: теория, современный опыт и практические технологии / Общероссийская общественная организация «Ассамблея народов России». – М., 2016. – 30 с.

421. Поваренков Ю.П. Определение и виды возраста профессионала // Ярославский педагогический вестник. – 2022. – № 1 (124). – С. 150–161. DOI: 10.20323/1813-145X-2022-1-124-150-161.

422. Полиева О.М. Принцип гласности и информационная открытость в современной системе российского правосудия // Terra economicus. – 2009. – Т. 7. – № 4-3. – С. 67–70.

423. Пономарева О.С. История правового признания медиативного соглашения споров в Российской Федерации // Пробелы в Российском законодательстве. – 2018. – № 3. – С. 235–239.

424. Попов П.П. Конфликты в ЖКХ: путь мирного урегулирования // Правосудие. Медиация. Социальная справедливость: материалы науч.-практ. конф.; Москва, 10 ноября 2016 г. / отв. ред. О.П. Вечерина. – М.: Изд-во ФГБУ «ФИМ», 2016. – С. 104–110.

425. Правосудие. Медиация. Социальная справедливость: сб. материалов науч.-практ. конф.; Москва, 10 ноября 2016 г. / отв. ред. О.П. Вечерина. – М.: Изд-во ФГБУ «ФИМ», 2016. – 168 с.

426. Прийма Т.И. Медиаторные стратегии в ситуации общественного раскола // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 4(55). – С. 142–144.

427. Программы восстановительного правосудия: опыт города Москвы и Пермского края: метод. пособие / под ред. Л.М. Карнозовой, Р.Р. Максудова, Л.А. Соболевой. – Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, – 2009. – 232 с.

428. Пронина Е.В., Попова (Смолик) С.Ю. Психологические основы медиации: новый способ решения проблем: учеб. пособие. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2015. – 101 с.

429. Профессиональный стандарт. Специалист в области медиации (медиатор) [Электронный ресурс]. – URL: https://classinform.ru/profstandarty/07.001-spetcialist-v-oblasti-mediatcii.html (дата обращения: 21.03.2024).

430. Прохорова О.А. Дискурс медиации: диахронический аспект // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2016. – № 34. – С. 308–313.

431. Прохорова О.А. Дискурс медиации: стратегии и тактики речевого поведения медиатора // Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике: сб. науч. тр.: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Д.Н. Новиков. – М.: Изд-во Моск. гос. ин-та междунар. отнош. (ун-т) Мин-ва иностр. дел РФ, 2017. – С. 120–125.

432. Прохорова О.А. Дискурсивные маркеры в структуре дискурса медиации // Современные исследования социальных проблем. – 2022. – Т. 14, № 4. – С. 141–154. DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-141-154.

433. Прохорова О.А. Манипуляция в медиации – норма или нонсенс? // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура: сб. науч. тр.; Калининград, 15–17 мая 2023 г. – Калининград: Балт. федер. ун-т им. Иммануила Канта, 2023. – С. 231–233.

434. Прохорова О.А. Медиация: перспективы дискурсивного исследования // Медиация в образовании: поликультурный контекст: материалы I Междунар. конф.; Красноярск, 24–26 октября 2019 г. – Красноярск: Изд-во Сибир. федерал. ун-та, 2019. – С. 299–306.

435. Психология человека от рождения до смерти: Младенчество, детство, юность, взрослость, старость: учебник / В.А. Аверин, Ж.К. Дандарова, А.А. Деркач и др.]; под общ. ред. А.А. Реана. – СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Нева, 2001. – 652 с.

436. Пустарнакова А., Смолицкий Г. Конфликты в сфере ЖКХ будут решать медиаторы [Электронный ресурс] // Известия – 22 августа 2011 г. – URL: https://iz.ru/news/498133 (дата обращения: 02.05.2023).

437. Радюк А.В., Храмченко Д.С. Речевые маркеры идентичности в экономическом дискурсе // Вестник Перм. нац. исслед. политехн. ун-та. Проблемы языкознания и педагогики. – 2018. – № 4. – С. 53–65. DOI: 10.15593/2224-9389/2018.4.5.

438. Разбегаева Л.П. Аксиологическая среда и гуманитарное образование // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2005. – № 1 (11). – С. 3–7.

439. Развитие медиации в России: теория, практика, образование: сб. ст. / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. – М.: Инфотропик Медиа; Берлин, 2012. – 320 с.

440. Ракитина С.В. Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Волгоград, 2007. – 44 с.

441. Распопова Н.И. Медиация: учеб. пособие для вузов. – М.: Юрайт, 2022. – 222 с.

442. Рачковская Н.А., Ефименко В.Н. Школьная медиация: проблемы и перспективы // Гуманитарные науки. – 2018. – № 1 (41). – С. 85–93.

443. Реген В. Медиация как специфическая форма самоорганизации в экономике // Экономическое возрождение России. – 2013. – № 4 (38). – С. 188–196.

444. Рекомендации по проведению онлайн-медиации [Электронный ресурс]. – URL: https://mediation-eurasia.pro/wp- content/uploads/2021/03/rekomendacii-po-provedeniju-onlajn-mediacii.pdf?ysclid=lha5fttobi876452261 (дата обращения: 05.05.2023).

445. Ремнева В.В. Психологическое содержание понятия гармоничной личности // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2008. – № 82-2. – С. 152–156.

446. Рисс Х. Эффект эмпатии: 7 ключей к сверхъестественной проницательности: пер. с англ. В. Шкоды. – М.: Эксмо, 2021. – 288 с.

447. Рогочая Г.П., Савва Е.В., Улько Е.В. Этничность как контекст конфликтного взаимодействия: психологический и социально-политический аспекты // Человек. Сообщество. Управление. – 2018. – Т. 19. – № 1. – С. 61–75.

448. Розенберг М. Язык жизни. Ненасильственное общение. – М.: София Медиа, 2015. – 205 с.

449. Романова Е.А. Основные виды и модели медиации: сравнительный анализ // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 6. – № 2. – С. 44–47.

450. Романова К.С. Трансформация ценностей как индикатор изменения общества и личности // Научный ежегодник Ин-та филос. и права УрО РАН. – 2008. – № 8. – С. 165–179.

451. Романова Н.М. Основы медиации: учеб. пособие для студ. факультетов психологии, обучающихся по спец. 37.04.01 «Психология». – Саратов: Наука, 2017. – 68 с.

452. Романова Н.Н. Профессиональная подготовка медиаторов: обобщение практики // Перспективы становления и развития медиации в регионах: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф.; Саратов, 14 декабря 2018 г. – Саратов: Наука, 2019. – С. 101–105.

453. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 721 с.

454. Русско-якутский конфликтологический словарь медиатора / Институт психологии СВФУ им. М.К. Аммосова, Торгово-промышленная палата Республики Саха (Якутия), РОМЦ в сфере нац. отношений Дома дружбы народов им. А.Е. Кулаковского, РОО «Эйгэ» (Окружение). – Якутск: Северо-Вост. федерал. ун-т им. М.К. Аммосова, 2020. – 64 с.

455. Рыженко С.К., Маркова Л.М. Служба школьной медиации: практическое руководство: учеб.-метод. пособие. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2017. – 47 с.

456. Рябова М.Э. Аксиологические доминанты немецкого и мордовского этносов: общее и особенное // Томск. журнал лингвист. и антропологич. исследований. – 2014. – № 4 (6). – С. 74–77.

457. Савельева И.В. Непрофессиональный политический дискурс как новое коммуникативное явление: лингвопрагматический и лингвоперсонологический

аспекты моделирования: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Кемерово, 2022. – 43 с.

458. Савельева Н.Н. Инновационная тактика (техника) коммуникативного взаимодействия // Совершенствование образовательных программ, планирование и реализация учебного процесса: материалы всерос. учеб.-метод. конф., посв. 100-лет. со дня образ. Омской акад. МВД России; Омск, 28 февраля 2020 г. / под ред. В.А. Гусева, М.С. Десятова. Вып. 4. – Омск: Изд-во Омск. акад. Мин-ва внутр. дел РФ, 2020. – С. 4–9.

459. Садовникова М.Н., Анищенко А.С. Требования, предъявляемые к медиатору: современные подходы и тенденции развития института // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 4 (87). – С. 114–118.

460. Салимгареев Д.И. Социальная ценность медиации как механизма профилактики и разрешения конфликтов в современном обществе // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 12 (68). – С. 58–63. DOI: 10.24158/fik.2019.12.9.

461. Самсонова Н.В., Долгушина Ю.В. Проблемы востребованности медиации как основа просветительской деятельности с населением // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 3 (88). – С. 294–297. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-388-294-297.

462. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2015620418 РФ. Русскоязычная терминология медиации : № 2014621610: заявл. 25.11.2014: опубл. 02.03.2015 / А.Г. Чернышенко; заявит. ФГБОУ ВПО «Пятигорск. гос. лингвист. ун-т» (ФГБОУ ВПО «ПГЛУ»).

463. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2016621674 РФ. Многоаспектная англо-русская база данных терминологии медиации: № 2016621292: заявл. 03.10.2016 : опубл. 16.12.2016 / А.Г. Моногарова; заявит. ФГБОУ ВО «Пятигорск. гос. ун-т» (ФГБОУ ВО «ПГУ»).

464. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2017620029 РФ. Англо-русская база данных стратегической организации речевого поведения в медиации: стратегии, тактики, термины: № 2016621498 : заявл.

14.11.2016: опубл. 10.01.2017 / А. Г. Моногарова; заявит. ФГБОУ ВО «Пятигорск. гос. ун-т» (ФГБОУ ВО «ПГУ»).

465. Седов К.Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык, 10.02.19 – Теория языка. – Саратов, 1999. – 436 с.

466. Седых А.П. Этнокультурные характеристики языковой личности: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Белгород, 2005. – 418 с.

467. Сейранян М.Ю. Конфликтный дискурс как интеграция стратегического и коммуникативного действий // Казанская наука. – 2012. – № 7. – С. 183–185.

468. Селезнева Е.В., Трифонова А.В., Чирковская Е.Г. Половые и возрастные особенности в структуре управленческих ролей // Государственное управление. Электронный вестник. – 2021. – № 85. – С. 142–166. DOI: 10.24412/2070-1381-2021-85-142-166.

469. Селезнева Л.В. Параметрическая модель PR-дискурса: прагматика, семантика, аксиология: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Тверь, 2018. – 33 с.

470. Сенен Ф.К. Судебное примирение и медиация как механизмы мирного урегулирования споров в современном гражданском процессе: общие и отличительные черты // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Право. – 2017. – № 2 (29). – С. 109–114.

471. Сентенберг И.В. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. – Волгоград, 1994. – С. 14−25.

472. Сергеев С.С. Кооперативный потенциал конфликта (антропологический подход) // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2017. – № 1-2 (28-29). – С. 40–50.

473. Сергеева О.В. Языковая личность педагога: статика и динамика: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Майкоп, 2013. – 20 с.

474. Серова Т.С. Информация, информированность и инновации в межкультурном профессиональном общении в сфере науки и техники. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2016. – 529 с.

475. Серова Т.С. Психологические и лингводидактические аспекты обучения профессионально-ориентированному иноязычному чтению в вузе. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 227 с.

476. Серова Т.С. Тезаурусно-целевой подход к организации и подаче лексики при обучении профессионально-ориентированному чтению на иностранном языке // Иностранные языки в высшей школе. – 1985. – № 18. – С. 109–115.

477. Серова Т.С., Шишкина Л.П. Иноязычный экологический лексикон тезаурусного типа как средство формирования категориально-понятийного аппарата будущих специалистов // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 2. – С. 117–132.

478. Серова Т.С., Шишкина Л.П. Экологический немецко-русский лексикон-тезаурус: словарь. – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2009. – 358 с.

479. Серова. Т.С., Шишкина Л.П. Двуязычный лексикон тезаурусного типа как средство формирования переводческого билингвизма // Вестник Нижегород. гос. лингвист. ун-та им. Н.А. Добролюбова. – 2011. – № 14. – С. 222–232.

480. Синельникова Л.Н. О дискурсологии в модульном измерении: размышления о проблемах, рассмотренных в рамках юбилейного заседания Ялтинского дискурсологического кружка (25–27 сентября 2019 года) // Дискурс Пи. – 2019. – № 4 (37). – С. 131–148. DOI: 10.24411/1817-9568-2019-10409.

481. Синицына А.О. Сопоставительный анализ практики культурной медиации в музеях Франции и музейной педагогики в России // Педагогическое образование и наука. – 2019. – № 3. – С. 62–69.

482. Сиротинина О.Б. Следствия коммуникативной некомпетентности в разных сферах общения и в жизни страны // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2011. – Вып. 11. – С. 5–11.

483. Сиротинина О.Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб.

науч. тр. Вып. 2 / под ред. М.А. Кормилицыной. – Саратов: Изд-во Саратов. нац. исслед. гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского, 2003. – С. 3–20.

484. Сиротинина О.Б. Языковая личность и факторы, влияющие на ее становление // Термин и слово: межвуз. сб., посвящ. 80-летию проф. Б.Н. Головина / Нижегор. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, каф. соврем. рус. яз. и общ. языкознания; [редкол.: Р. Ю. Кобрин (отв. ред.) и др.]. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1997. – С. 7–12.

485. Скаженик Е.Н. Деловое общение. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. радиотехн. ун-та, 2006. – 180 с.

486. Словарь медиатора (а) [Электронный ресурс]. – URL: https://len.dod95.ru/upload/docs/slovar-mediatora-pdf645379f2a59bb1683192306.pdf?ysclid=ltwsqeghl6930893084 (дата обращения: 18.03.2024).

487. Словарь медиатора (б) [Электронный ресурс]. – URL: https://mediacia.com/library/vocabulary-2/?ysclid=ltwt28x0hb700527309 (дата обращения: 18.03.2024).

488. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН; Ин-т лингвист. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

489. Словарь школьного медиатора [Электронный ресурс]. – URL: https://t60245g.sch.obrazovanie33.ru/upload/site_files/5g/Словарь.pdf (дата обращения: 18.03.2024).

490. Словарь-справочник терминов процедуры медиации / под ред. А.Г. Моногаровой. – Казань: Бук, 2017. – 138 с.

491. Смирнов Е.Р., Бочкарева А.В. Институт медиации в России в исторической ретроспективе // Приволжский научный вестник. – 2015. – № 12-2 (52). – С. 114–119.

492. Смолянинова О.Г., Груздева Е.А. Онлайн-медиация в России и зарубежных странах // Новые образовательные стратегии в современном информационном пространстве: сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф.; Санкт-Петербург, 09–25 марта 2020 г. – СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена, 2020. – С. 84–91.

493. Смолянинова О.Г., Иванов Н.А. Обзор практик профессиональной подготовки медиаторов: контекст гуманитаризма // Управление образованием: теория и практика. – 2022. – № 2 (48). – С. 133–140. DOI: 10.25726/e7691-3585-1354-e.

494. Солнышкина М.И. Асимметрия структуры языковой личности в русском и английском вариантах морского профессионального языка: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. – Казань, 2005. – 53 с.

495. Солнышкина М.И. Тезаурус профессионального подъязыка и его пополнение // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2006. – № 5. – С. 57–61.

496. Соловьева С.В. Интерактивные методы обучения медиации и медиативному подходу // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 1. – С. 175–181.

497. Соловьева С.В. Применение медиативных технологий в образовательном пространстве: к вопросу о подготовке кадров // Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии / под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2016. – С. 811–815.

498. Сорокоумова С.Н., Исаев В.П. Специфика профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 4. – С. 186–190.

499. Стандарты восстановительной медиации [Электронный ресурс]. – URL: https://magistr54.ru/wp-content/uploads/2019/06/standarty-vosstanovitelnoj-mediacii.pdf?ysclid=lh8ytopeaj500934811 (дата обращения: 04.05.2023).

500. Статеева Е.В. Коммуникативная языковая медиация в лингвокультурологическом аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014 (а). – № 12 (42): в 3 ч. – Ч. III. – С. 160–163.

501. Статеева Е.В. Перевод и коммуникативная языковая медиация как навыки устного общения // Ученые записки Междунар. банковского ин-та. – 2014 (б). – № 8-1. – С. 141–146.

502. Статеева Е.В. Роль коммуниканта-медиатора в художественном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6-1 (24). – С. 198–202.

503. Стеблецова А.О. Национальная специфика делового дискурса в сфере высшего образования (на материале англоязычной и русскоязычной письменной коммуникации): автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. – Тверь, 2015. – 43 с.

504. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.

505. Стернин И.А. Деловое общение: учеб. пособие для старшеклассников и студентов. – Воронеж: Родная речь, 2009. – 200 с.

506. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. – Воронеж: Гарант, 2000 (а). – 52 с.

507. Стернин И.А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000 (б). – С. 4–20.

508. Стребков А.И. Предисловие // Медиация: учебник / под ред. А.Д. Карпенко, А.Д. Осиновского. – СПб.: Изд-во журнала «Третейский суд», 2016. – С. 16–20.

509. Сулейманова А.К. Терминосистема нефтяного дела и ее функционирование в профессиональном дискурсе специалиста: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Уфа, 2006. – 459 с.

510. Татаурова Д.М. Дискурс медиации в полилогической коммуникации // Вестник МГПУ. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2019. – № 1(33). – С. 100–105. DOI: 10.25688/2076-913X.2019.33.1.13.

511. Телегина В.А. Значение нравственных начал в становлении и развитии института медиации в России // Вестник Саратов. гос. юрид. акад. – 2015. – № 1 (102). – С. 96–99.

512. Терехова Е.В. Статус и функционирование рекуррентных конструкций в политическом дискурсе современного английского языка: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.04 – Германские языки. – М., 2011. – 46 с.

513. Тимофеев В.П. Профессиональное общение и его развитие с помощью видеотренинга: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05 – Социальная психология. – М., 1994. – 42 с.

514. Тимофеева М.К. Интроспекция в лингвистике и в языке // Вопросы языкознания. – 2015. – № 6. – С. 33–53.

515. Толковый словарь по социологии [Электронный ресурс]. – URL: https://sociology_dictionary.academic.ru (дата обращения: 07.03.2023).

516. Томильцева Д.А., Красавин И.В., Вагнер А.К. Национальное примирение в России: трансформации религиозных традиций: учеб. пособие [Электронный ресурс]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013.

517. Трымбовецкий Э. Переговоры за минуту: экспресс-курс делового общения. – М.: Альпина ПРО, 2022. – 192 с.

518. Тульчинский Г.Л. Личность как проект и бренд // Наука телевидения. – 2011. – № 8. – С. 241–255.

519. Туровская Е.С. Эффективность различных моделей медиации // Медиация в современном образовательном пространстве: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред..: П.А. Сергоманов, И.И. Манина, Т.А. Попова. – М.: Изд-во Психологич. ин-та РАО, 2020. – С. 67–71.

520. Тхакушинова Ж.Б. Речевые особенности политика как сильной/слабой языковой личности: лингвопрагматический и лингвокультурный аспекты (на материале русского и английского языков: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Майкоп, 2010. – 22 с.

521. Тхорик В.И. Языковая личность: лингвокультурологический аспект: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Краснодар, 2000. – 304 с.

522. Усманова Е.Ф. Особенности и техники семейно-медиативной технологии // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2019. – № 4 (7). – С. 36–43.

523. Усмонов Р.А. Лингвокультурологичсекая специфика текстов публичных выступлений в современном русском политическом дискурсе: на примере выступлений должностных лиц Таджикистана: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – М., 2012. – 34 с.

524. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. – М.: Дом славянской кн., 2008. – 959 с.

525. Фадеева О.А. Дискурс профессионального знания: профессиональное становление и формирование профессиональной идентичности будущего специалиста // Высшее образование сегодня. – 2016. – № 4. – С. 2–5.

526. Федеральный закон о рекламе [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 23.05.2023).

527. Федоров А.В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. – М.: Изд-во МОО «Информация для всех», 2014. – 64 с.

528. Федорова Д.С. Прагматический потенциал высказываний медиатора // От слова к дискурсу: взаимодействие форм и (не)предсказуемость смыслов : тез. междунар. науч. конф.; Минск, 12–13 мая 2023 г. – Минск: Изд-во Минск. гос. лингвист. ун-та, 2023. – С. 244–245.

529. Федотова О.С. Истоки представления об интроспекции персонажа // Вестник Челябинск. гос. ун-та. – 2009. – № 34 (171). – С. 131–135.

530. Федулова М.Н. Интерпретационная природа дискурса в социокультурном и коммуникативном измерениях (на материале английских и русских текстов судебной риторики): автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – М., 2020. – 44 с.

531. Фейгенберг И.М. Человек Достроенный и этика. Цивилизация как этап развития жизни Земли. – М.: Медицин. информац. агентство, 2011. – 128 с.

532. Фомин А.Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Барнаул, 2004. – 357 с.

533. Фотиева И.В. Научный статус коммуникативистики: проблемы гибридных дисциплин // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 3-1. – С. 289–291.

534. Хавкина А.Л. Технологии медиации как инструмент урегулирования конфликтов в социальной сфере // Правосудие. Медиация. Социальная справедливость: сб. материалов науч.-практ. конф.; Москва, 10 ноября 2016 г. / отв. ред. О.П. Вечерина. – М.: Изд-во ФГБУ «ФИМ», 2016. – С. 157–163.

535. Ханина Ю.Ю., Звездина Г.П. Коммуникативный потенциал личности в контексте профессиональной деятельности: обзор исследований // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. – 2023. – Т. 6, № 4. – С. 25–32. DOI: 10.23947/2658-7165-2023-6-4-25-32.

536. Хасан Б.И., Полещук Ю.О. Критерии медиабельности конфликтовв юридической практике // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Сер. Право. – 2020. – Т. 11. – № 1. – С. 207–222. DOI: 10.21638/spbu14.2020.115.

537. Хватов С.А. Русский язык делового общения в современном культурном и образовательном пространстве // Труды Санкт-Петербург. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – Т. 196. – С. 71–80.

538. Храмов С.М. Использование рефрейминга в качестве одного из инструментов медиации // Медиация в образовании: социокультурный контекст: материалы IV Междунар. конф.; Красноярск, 14–15 окт. 2022 г. – Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева, 2022. – С. 51–56.

539. Худойкина Т.В., Миронова Е.А. Техника ведения переговоров // European science. – 2015. – № 3 (4). – С. 67–69.

540. Цветкова С.А. Организация работы по внедрению примирительных процедур в Арбитражном суде Свердловской области // Практика медиации в России: проблемы, трудности, решения: материалы III Междунар. науч.-практ. конф.; Липецк, 14–15 ноября 2015 г. / отв. ред. И.И. Марков, С.К. Загайнова – Липецк: ИП Иващенко А.Б., 2015. – С. 96–99.

541. Цвык В.А. Профессионализация как социальный процесс // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Социология. – 2003. – № 4-5. – С. 258–269.

542. Цой Л.Н. (а) Вызовы современного мира: конфликты и развитие [Электронный ресурс]. – URL: http://conflictmanagement.ru/ vyizovyi-sovremennogo-mira-konfliktyi-i-razvitie (дата обращения: 24.03.2023).

543. Цой Л.Н. (б) Стереотипы о конфликтах. Отношение к конфликту [Электронный ресурс]. – URL: https://conflictmanagement.ru/ konfliktyi-cherez-prizmu- stereotipov-2/ (дата обращения: 24.03.2023).

544. Цой Л.Н. Практическая конфликтология. Кн. 1. – М.: Изд-во Социол. школы конфликтологии, 2001. – 231 с.

545. Цой Л.Н., Иванов О.Б. Медиация и конфликтология: методологические и предметно-содержательные различия // Власть. – 2016. – Т. 24. – № 10. – С. 69–75.

546. Цуциева М.Г. Актуализация языковой личности политика в современном немецком политическом дискурсе: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.04 – Германские языки. – СПб., 2019. – 40 с.

547. Черевко И.М., Никонович С.Л., Шаевич А.А. Психологические основы коммуникативной стороны профессиональной деятельности следователя // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7 (69): в 2 ч. Ч. 1. – С. 198–201.

548. Черкасова М.А. Институциональный дискурс – продукт профессиональной языковой личности // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2013. – № 6. – С. 116–122.

549. Чернышенко А.Г. Границы терминосистемы медиации. Критерии выделения терминов. Содержательные пересечения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015 (а). – № 11 (53): в 3 ч. Ч. 3. – С. 200–204.

550. Чернышенко А.Г. Дискурс медиации. Проблемы терминологии: учебное пособие. – Пятигорск: ИП Бугаев С.Н.: Изд-во «E-lit», 2015 (б). – 66 с.

551. Чернышенко А.Г. К вопросу о функционировании и систематизации молодых профессиональных терминологий (на примере терминологии медиации) // Современные проблемы науки и образования. – 2015 (в). – № 2-2. – С. 284.

552. Чернышенко А.Г. Об основных характеристиках терминологии медиации // Университетские чтения – 2015: материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ; Пятигорск, 13–14 января 2015 г. Ч. 3. – Пятигорск: Изд-во Пятигорск. гос. лингвист. ун-та, 2015 (г). – С. 57–61.

553. Чернышенко А.Г. Основные характеристики терминосистемы медиации // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2015 (д). – № 8. – С. 119–126.

554. Чернышенко А.Г. Семантические модели терминологии медиации // Вестник Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. – 2015 (е). – № 4. – С. 99–103.

555. Чернышенко А.Г. Систематизация терминологии медиации. Структурные и словообразовательные модели терминов // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2015 (ё). – № 3(19). – С. 72–78.

556. Чернышенко А.Г. Современный англоязычный дискурс медиации: основные прагматические стратегии и тактики коммуникантов // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр.; Орел, 15 мая – 01 октября 2014 года / отв. ред. А.Г. Пастухов. Вып. 12. – Орел: Изд-во Орлов. гос. ин-та искусств и культуры, 2014 (а). – С. 139–150.

557. Чернышенко А.Г. Специфика дискурсивных стратегий. Стратегии дискурса медиации // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2014 (б). – № 7. – С. 113–119.

558. Чернышенко А.Г. Специфика лингвистических параметров дискурса медиации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12-1 (30). – С. 209–213.

559. Чернышенко А.Г., Алимурадов О.А. Прикладная терминосистема с функциональной точки зрения: терминологический компонент англоязычного дискурса медиации // Вестник Брянск. гос. ун-та. – 2014. – № 2. – С. 408–415.

560. Чернышенко А.Г., Головченко И.Ф. К вопросу о структуре дискурса медиации // Вестник Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. – 2014. – № 2. – С. 163–167.

561. Чернышенко А.Г., Головченко И.Ф. Приемы стратегического маневрирования в процессе юридической медиации // Вестник Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. – 2013. – № 3. – С. 316–319.

562. Чернышенко А.Г., Лату М.Н. Системные отношения внутри терминосистем прикладного характера (на материале терминологии информационных технологий и терминологии медиации) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 1-2(43). – С. 202–206.

563. Чернышова Т.В. Понятие и виды примирения в российском праве // Журнал российского права. – 2010. – № 12 (168). – С. 116а–124.

564. Чхартишвили Д.А. Медиация в России: институционализация и развитие медиативных практик: автореф. дис. … канд. социолог. наук: 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы. – Ростов-н/Д, 2018. – 33 с.

565. Шабалина С.Д. Коммуникативный тренинг как форма интерактивного обучения // Вестник Югорск. гос. ун-та. – 2016. – № 1 (40). – С. 158–161.

566. Шамликашвили Ц.А. Медиативный подход и его возможности в развитии человеческого капитала и совершенствовании общественных отношений // Вестник Федерал. ин-та медиации. – 2017 (а). – № 3. – С. 10–25.

567. Шамликашвили Ц.А. Медиативный подход как способ деэскалации конфликта // Кочеровские чтения. Психология и право в современной России: сб. тез. участ. всерос. конф. по юрид. психологии с междунар. участ.; Москва, 07–09 ноября 2018 г. – М.: Изд-во Моск. гос. психол.-пед. ун-та, 2018. – С. 312–314.

568. Шамликашвили Ц.А. Медиация – современный метод внесудебного разрешения споров. – М.: Изд-во Межрегион. центра управленч. и полит. консультирования, 2017 (б). – 77 с.

569. Шамликашвили Ц.А. Медиация – это способ сделать наш мир немного лучше и безопаснее // Вестник Федерал. ин-та медиации. – 2017 (в). – № 1. – С. 10–29.

570. Шамликашвили Ц.А. Медиация в вопросах и ответах. – М.: Изд-во Межрегион. центра управленч. и полит. консультирования, 2017 (г). – 95 с.

571. Шамликашвили Ц.А. Медиация в современной правовой практике // Психологическая наука и образование. – 2014 (а). – № 2. – С. 15–25.

572. Шамликашвили Ц.А. Медиация в современной России. Структура метода, особенности и перспективы развития // Бюллетень Федерального Института Медиации. 2013 г. / науч. ред. Ц.А. Шамликашвили. – М.: Изд-во ООО «Межрегион. центр управленч. и политич. консультирования», 2013. – С. 8–23.

573. Шамликашвили Ц.А. Медиация как междисциплинарная наука и социально значимый институт // Психологическая наука и образование. – 2014 (б). – № 2. – С. 5–14.

574. Шамликашвили Ц.А. Профессия медиатор как форма служения обществу: онлайн-интервью [Электронный ресурс]. – URL: http:// www.consultant.ru/edu/news/interview/professii/professiya_mediator/ shamlikashvili/ (дата обращения: 22.03.2024).

575. Шамликашвили Ц.А., Харитонов С.В. Основания медиации (медиация как область научных исследований) // Вестник Федерал. ин-та медиации. – 2017. – № 1. – С. 30–50.

576. Шанаева Ф. Как осуществляется медиация дистанционно: возможно ли это [Электронный ресурс]. – URL: http://sminews.ru/39583?ysclid= lh9iu1l94v215561423 (дата обращения: 05.05.2023).

577. Шарков Ф.И., Комарова Л.В. Коммуникация: деловое общение, коммуникативные техники и технологии // Коммуникология. – 2014. – Т. 6, № 4. – С. 13–26.

578. Шаронов И.А. Междометия в языке, в тексте и в коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – М., 2009. – 38 с.

579. Шаталова Л.С. Тезаурусный подход при создании учебного терминологического словаря // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. – 2013. – № 1. – С. 129–134.

580. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык, 10.02.19 – Теория языка. – Волгоград, 2000. – 431 с.

581. Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 – Русский язык. – Волгоград, 2003. – 514 с.

582. Ширяева Т.А. Когнитивное моделирование институционального делового дискурса: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. – Краснодар, 2008. – 51 с.

583. Шишкина Л.П. Контекст как структурный компонент лексикона тезаурусного типа // Язык и культура. – 2010. – № 3 (11). – С. 99–107.

584. Шишкина Л.П. Формирование лексикона при обучении профессионально-ориентированному чтению на иностранном языке (немецкий язык, начальный этап): автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания. – М., 1993. – 18 с.

585. Шлычков В.Р., Шлычкова О.Н. Формирование профессиональных деформаций и развитие аддиктивных форм поведения личности (взаимосвязь, диагностика, коррекция) // Акмеология. – 2015. – № 4 (56). – С. 199–208.

586. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – 1997. – № 1. – С. 88–98.

587. Шумова К.А. Доверие как принцип медиации // Вестник Владимир. юрид. ин-та. – 2014. – № 1 (30). – С. 203–205.

588. Щербина А.В. Коммуникативная парадигма в конфликтологии // Дискурс. – 2017. – № 4. – С. 103–112.

589. Щукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 746 с.

590. Энциклопедия медиации [Электронный ресурс]. – URL: http://nadschool1.ru/mediacia/ehnciklopendija_mediacii.pdf (дата обращения: 18.03.2024).

591. Южанинова Е.Е. Речевая техника – один из важных компонентов деловой коммуникации // Мир науки, культуры, образования. – 2008. – № 1 (8). – С. 96–98.

592. Юнгус Г.А. Медиабельность конфликтов: социально-философский анализ // Дискурс-Пи. – 2018. – № 2 (31). – С. 177–185. DOI: 10.17506/dipi.2018.30.1.177185.

593. Юнгус Г.А. Медиация: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 – Социальная философия. – Хабаровск, 2019. – 147 с.

594. Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / под ред. Н.Д. Голева и Н.Н. Шпильной. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 640 с.

595. Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Вып. 2 / под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Мельник и С.В. Оленева. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 432 с.

596. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

597. Яковлева Ю.А. Вопросы реализации образовательных программ в сфере медиации и примирительных процедур // Медиация как культура согласия: диалог в изменяющихся условиях: сб. науч. ст. и материалов междунар. науч.-практ. конф.; Пермь, 14–15 мая 2019 г. / отв. ред. Т.И. Марголина, В.А. Леденцова. – Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2019. – С. 95–97.

598. Яковлева Ю.А. Медиация как инструмент разрешения социальных противоречий // Конфликтология. – 2014. – № S. – С. 332–334.

599. Якубовская В.Н. Феномен директивности в рамках медиативного направления деятельности юридических клиник // Современные тенденции развития права, государства и интеграционных образований: материалы междунар. науч. конф. студ., магистр. и аспир.; Минск, 2–3 ноября 2018 г. / БГУ, юридический фак-т; редкол.: Т.А. Червякова (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Изд-во БГУ, 2019. – С. 442–444.

600. Anglès V. La communication, moteur de la confiance dans le cas extrême d'un partenariat sino-français // Management international / International Management / Gestiòn Internacional. – 2018. – Vol. 22, special issue. – P. 130–141. DOI: 10.7202/1062500ar.

601. Arborio S., Letz G. Vers une éthique de la relation de communication avec les personnes atteintes du syndrome d'Angelman // Nouvelles perspectives en sciences sociales. – 2023. – Vol. 18, № 2. – P. 139–171. DOI: 10.7202/1101833ar.

602. Chernyshenko A.G. Frame analysis of the mediation terminology // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 12-6. – P. 746–747.

603. Gordon T. Leader effectiveness training: proven skills for leading today's business into tomorrow. – New York: A Peridee Book; Berkley Pub. Group, 2001. – 307 p.

604. Grinder J., Bandler R. Reframing: Neurolinguistic programming and the transformation of meaning. – Moab, UT: Real People Press, 1982. – 208 p.

605. Hategan V. Communication perspectives in mediation and conflict resolution // International journal of communication. – 2000. – № 10 (3). – P. 303–308.

606. Martín M., Phelan M. Interpreters and Cultural Mediators – Different but Complementary Roles [Электронный ресурс] // Translocations: Migration and Social Change. – 2010. – No 6. – URL: https://www.researchgate.net/publica- tion/279358214 (дата обращения: 05.03.2023).

607. Ostapenko Y. Scientific-theoretical essence of communicative competences of future nurses // The sources of pedagogical skills. – 2023. – № 31. – P. 283–392. DOI: 10.33989/2075-146x.2023.31.283392.

608. Parrini-Alemanno S. Communication organisationnelle et groupe de discussion // Recherches qualitatives – 2011. – Vol. 29, № 3. – P. 33–56. DOI: 10.7202/1085872ar.

609. Prokhorova O.A. Mediation: Focus on Discourse Modeling // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2019. – Vol. 12, No. 1. – P. 117–127. DOI: 10.17516/1997-1370-0384.

610. Simonet R. Les techniques d’expression et de communication: évolution – fondement – pratiques. – Paris: Éditions L’Harmattan, 1985. – 236 p.

611. SMM для медиатора: как продавать услуги медиации через социальные сети [Электронный ресурс]. – URL: https://медиатор.рф/pro/smm-dlya-mediatora-kak-prodavat-uslugi-mediatsii-cherez-sotsialnye-seti/?ysclid=lf3hggvfk0169797073 (дата обращения: 11.03.2023).

612. Tremblay D. Lorsque la communication se bute au secret: l’intervention psychosociale et la violence familiale // Éducation et francophonie. – 2003. – Vol. 31, № 1. – P. 7–21. DOI: 10.7202/1079513ar

613. Valero-Garcés C. Mediation as Translation or Translation as Mediation? [Electronic resource]. – 2018. – URL: https://www.uah.es/ otrosweb/traduccion (дата обращения: 05.03.2023).

614. Vyushkina E.G., Khizhnyak S.P. Mediation terminology as a secondary terminological system // Russian linguistic bulletin. – 2017. –№ 1 (9). – P. 35–37. DOI: 10.18454/RULB.9.03

615. Wang C. Interpreters = Cultural Mediators? // TranslatoLogica: A Journal of Translation, Language, and Literature. – 2017. – № 1. – P. 93–114.

Приложение А

(обязательное)

Список иллюстративного материала

Видео-материалы

1. Богданов К. Что такое электронная форма медиации [Электронный ресурс]. – URL: https://dzen.ru/video/watch/66eab987e7b33775f3b19ecb?f=d2d

2. Вебинар председателя Всероссийской ассоциации восстановительной медиации, заведующего кафедрой «Медиация» Академии социальных технологий Р.Р. Максудова [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/14919020170102130463

3. Демо-версия медиации по семейному спору [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/5589324565261846592

4. Зачем перефразировать сказанное в медиации [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/b8213677accb8564cbc52cd5ad613954/

5. Звинчукова О.Н. Дополнительная профессиональная программа (профессиональная переподготовка) «Медиация» [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/12165335586410835346

6. Иванова Е.Н. Заключение и проверка соглашения [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/e0f76ac545ecd2e31a85ec39dddb69dc/

7. Иванова Е.Н. Кокус [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/1855bac9a9a03986b095a237c9d160b7/

8. Иванова Е.Н. Обмен впечатлениями между сторонами [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/7214f19ed7bd0f36ecaadc4871b4c43a/

9. Иванова Е.Н. Обсуждение и генерация вариантов [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/4c8d2d0175f9a17ae500b341f47df8d3/

10. Иванова Е.Н. Повестка [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/ae6f0ba5365de291ec4dcab40081f65e/

11. Иванова Е.Н. Премедиация [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/14ad12d7d6aa255200cfb38d66258550/

12. Иванова Е.Н. Примирительные процедуры: медиация для школьников [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/12227971141929784663

13. Иванова Е.Н. Психологические методы в медиации [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/76984479271376566

14. Иванова Е.Н. Рассказ сторон о ситуации [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/0eb0655b6e8316915f6ac9d28ee8086e/

15. Иванова Е.Н. Составление повестки дня [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/f3c0d61cf7bd809760f154fed7783359/

16. Иванова Е.Н. Техника «безобвинительное общение» [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/7758912395050833156

17. Инструменты и техники медиатора в процессе проведения восстановительных программ [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/7e6da9de25d25ac2457fbe251a7663dc/

18. Интервью с медиатором Я.В. Стюф [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/16179399316518968844

19. Интервью с Президентом АНО ДПО «Центр переговоров и урегулирования споров (медиации) Е.В. Морозовой [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/7802835522818169769

20. Киселев Е. Вводное слово медиатора [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/74fd03840ef0fe626d82794f8696840d/

21. Киселев Е. Медиация [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/3444617783272784690

22. Коммуникативные инструменты, применяемые в процедуре медиации [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/d0c901f851eceb22368dd32efd31efc9/

23. Коммуникации в медиации [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/e962e7a62391e550716ff943ed5baaec/

24. Коммуникации в медиации. Техники вопросов [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/0cc1ca15ac630e3423652810ede76e10/

25. Коновалов А.Ю. Актуальность создания школьных служб примирения [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/880e3b1ddae838e4fa5e0edead8418e9/

26. Коновалов А.Ю. Создание школьных служб примирения [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/15122191352257163 36

27. Коновалов А.Ю., Максудов Р.Р. Восстановительная медиация: работа медиатора с трудными ситуациями [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/5268565750356341025

28. Максудов Р.Р. Истоки восстановительного правосудия [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/12915270706735909861

29. Максудов Р.Р. Работа с чувствами в медиации [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/4296493078746128003

30. Медиация – королева переговоров: лекция О.В. Аллахвердовой [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/7503354070300641767

31. Медиация позволяет всем сторонам конфликта выйти из него победителями: интервью с судьей арбитражного суда города Москвы Лидией Агеевой [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/ddff8a9ea15d3bd5a9a8f63f234a1475/

32. Морозова Е.В. (медиатор, тренер по медиации, Руководитель Центра медиации в Краснодаре) [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/12936997167505875664

33. Никитина Е.А. Медиация как альтернативная форма урегулирования споров [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/17577878725532300525

34. Онлайн-конференция с медиаторами-практиками. 06.12.2024 [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/5d912de554869c3940749289e1b8ada7/

35. Основные техники медиации [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/977c37d3290a4f3d1d108ad201cb5570/

36. Основы медиации в образовании [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/11353235781787923475

37. Основы медиации знать нужно всем: интервью с Е. Фроловой, преподавателем Высшей школы арбитража, медиации и права [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/afe0a7b6ad49d681dd3336bc718eee0d/

38. Поговорим о роли медиаторов в разрешении конфликтов: встреча с тренером медиаторов С. Гараевым [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/d4fd91cad76c04151c78bf6ae1da1dac/

39. Профессия медиатор: особенности и рабочие инструменты: встреча с Евгением Киселевым, генеральным директором Союза профессиональных медиаторов M2B. 19.04.2019 [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/12940479694159084602

40. Процедура медиации [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/14631206301613268802

41. Решение спора о содержании детей [Электронный ресурс]. – URL: https://disk.yandex.ru/d/XFED3tESIuMOTg

42. Соловьева Е. Что такое медиация? [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/13349892560648548444

43. Техники медиатора. Рефрейминг [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/7fbdbf705c4afef1b6d0a91d0409b50d/

44. Търговска медиация: учебен филм [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/7651355745805270371

45. Учебная бизнес-медиация: коммерческая медиация, вступительное слово (Беляева Т.) [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/7166788293104424735

46. Учебная медиация «Разбитый телефон» [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/12482153584349650 48

47. Учебная медиация (Киселев Е.Э.) [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/6928608698541852852

48. Учебная медиация (Романовская С.Ю.) [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/3764582626344362790

49. Учебная медиация (Семенова Л.) [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/910a1ba31f632b7b716de649d2a2ccbe/

50. Учебная семейная медиация (Лепешкина В.) [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/4542696693749833696

51. Хаванский С. Вебинар по техникам медиации в работе с аудиторией при проведении публичных выступлений [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/video/8d80eb1936a5a38e8567f2b0ebdacf40/

52. Час с психологом: школьные службы примирения (Коновалов А.Ю.) [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/11750071861933119644

53. Шихалев В. Медиация – как не доводить споры до суда [Электронный ресурс]. – URL: https://video.sibnet.ru/rub/24506/video4181626-Telekanal_Habarovsk__Vladimir_SHihalev__mediatsiya__kak_ne_dovodit_sporyi_do_suda__s_surdoperevodom_/

54. Шульга О.К. Феномен доверия в медиации: онлайн-семинар [Электронный ресурс]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=oh45_IR5PTU

55. Юлия Яковлева (руководитель представительства НП «Лига медиаторов» г. Пермь) о медиации [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/16802036528271650018

56. Юлия Яковлева о медиации [Электронный ресурс]. – URL: https://thewikihow.com/video_BZtCYK_nFsk?ysclid=lgyspb2qvc636421288

57. Яковлева Ю. Медиация. Базовый курс или разрешение споров [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/12360122026326967699

Блоги медиаторов

1. Видяева Юлия – https://vk.com/yuliavidiaeva
2. Вохмина Елена – https://vk.com/id686652360
3. Горшенина Екатерина – https://vk.com/evgorshenina
4. Ждан-Пушкина Дарья – https://vk.com/zhdanpushkina
5. Капштык Юрий – https://vk.com/stels70
6. Киселев Евгений – https://rutube.ru/channel/24779643/videos/?ysclid=m3pxrwzf7p483961458
7. Колотильщикова Елена – https://vk.com/elena_kolotilshchikova
8. Коновалов Антон – https://konovalov-a.narod2.ru
9. Коновалов Антон – https://vk.com/id19544996?ysclid=m3q1sgr79y482012550
10. Коркина Наталья – https://vk.com/nataliakorkina
11. Медиаторы Сахалина – https://vk.com/sakhmediator
12. Морозова Елена – https://vk.com/mediaciakrasnodar
13. Первухина Светлана – https://vk.com/svetlana_pervukhina
14. Рогочая Галина – https://vk.com/id208813285
15. Служба семейной медиации г. Вологда – https://vk.com/id702201032
16. Стюф Яна – https://dzen.ru/id/5e4e93406e1cd54e7a5cf958?ysclid=m3q0qq4313687297550
17. Стюф Яна – https://vk.com/stiuf_media?ysclid=m3q0rdlel9980637618
18. Ширяева Юлия – https://vk.com/mediatorshiryaeva?ysclid=m4kydw9fkb852242451
19. Яковлева Юлия – https://vk.com/id8499161?ysclid=m3q0t44t9u601137694
20. Profmediatorcom – https://vk.com/profmediatorcom

Приложение Б

(обязательное)

Фрагмент части тезауруса

«Алфавитный указатель ключевых слов с дефинициями»

Введение в процесс медиации (вступительное слово медиатора, открытие медиативной сессии) – первая стадия медиативной сессии, на которой медиатор знакомится со сторонами и представляется сам, разъясняет сторонам их права, знакомит их с принципами и правилами медиации, объясняет свои функции и роль в переговорах, рассказывает о стадиях медиации.

Вменяемость сторон в медиации – способность действовать сознательно и нести ответственность за свои действия; один из важных критериев для определения медиабельности конфликта/спора.

Восстановительная медиация – процесс, в котором медиатор создает условия для восстановления способности людей понимать друг друга и договариваться о приемлемых для них вариантах разрешения проблем (при необходимости – о заглаживании причиненного вреда), возникших в результате конфликтных или криминальных ситуаций.

Вступительное слово медиатора – стадия процесса медиации, на которой медиатор открывает медиацию, подготавливает стороны для ведения переговоров, разъясняя им порядок проведения медиации, ее принципы, правила поведения, и решает совместно со сторонами ряд процедурных вопросов.

Выход из медиации – завершающий этап медиативной сессии. Цель этапа – создание понимания у сторон о их действиях в будущем после завершения процедуры медиации.

Выход из медиации (завершение медиации) – стадия медиации, на которой происходит подписание медиативного соглашения и подводятся итоги медиации.

Дееспособность сторон в медиации – способность лица своими действиями приобретать гражданские права и нести обязанности; один из важных критериев для определения медиабельности конфликта/спора.

Деятельность по проведению процедуры медиации (в узком смысле) – осуществление медиатором действий по проведению непосредственно самой процедуры медиации.

Деятельность по проведению процедуры медиации (в широком смысле) – комплекс мероприятий, проводимых организацией, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации.

Дисбаланс сил в переговорах – объективное или субъективное неравенство участников переговоров.

Дискуссия по выработке вопросов – стадия медиации, на которой стороны могут вступить в прямой контакт друг с другом и обсудить услышанное на предыдущей стадии (стадии презентации). Цель Д. п в. в. – формулирование вопросов для переговоров.

Дискуссия по выработке предложений (общая сессия, общая переговорная сессия) – стадия медиации, этап собственно переговоров в медиации. Цель Д. п. в. п. – выработка вариантов предложений для урегулирования конфликта.

Дискуссия сторон – стадия медиации, на которой каждой стороне предоставляется возможность уточнить у другой стороны ее позиции и интересы, а также совместно сформулировать вопросы для переговоров (повестка дня).

Игнорирование (см. Уход)

Индивидуальная беседа (см. Кокус).

Классическая медиация (содействующая, способствующая, фасилитативная) – самый известный и самый применяемый в России стиль медиации. К. м. построена на так называемой «гарвардской модели» переговоров, предполагающей ориентацию на потребности и интересы сторон в процессе поиска приемлемого решения конфликта (а не на их позиции).

Кокус (индивидуальная беседа) – встреча медиатора со стороной в процессе медиации без присутствия другой стороны. Цель К. – подготовить стороны к дальнейшим конструктивным переговорам.

Компромисс – стратегия поведения субъектов в конфликте, ориентированная на определенные взаимные уступки.

Консенсус (*от лат.* consensus – согласие, сочувствие, единодушие) – в медиации победа обеих сторон, основанная на удовлетворении их истинных интересов и потребностей.

Консилиация – способ ведения переговоров без непосредственной встречи сторон за одним столом, аналогично «челночной дипломатии» в международных переговорах или методу «одного списка». К. применяется при сильной эмоциональной отягощенности конфликта.

Конфликт – явление, возникающее в результате столкновения противоположных действий, взглядов, интересов, стремлений, планов различных людей или мотивов, потребностей одного человека; процесс столкновения и противоборства индивидов или групп, характеризующийся взаимным нанесением ущерба с целью защиты реальных или вымышленных интересов.

Конфликтогены – слова, действия (или отсутствие действий), которые могут привести к конфликту, вызывают возмущение, ярость, злость и другие отрицательные эмоциональные состояния.

Конфликтологическое консультирование – работа с одной из сторон в случае невозможности привлечения или нежелания второй стороны участвовать в какой бы то ни было процедуре разрешения ситуации. Цель К. к. – попытка разрешения проблемы за счет более адекватного понимания ситуации, осознания истинных интересов и изменения поведения одной из сторон, вовлеченных в конфликт.

Медиабельность конфликта – свойство конфликта, в силу которого он может быть урегулирован в процедуре медиации.

Медиабельность конфликта/спора – возможность урегулирования конфликта/спора посредством медиации, определяемая в результате анализа конфликта; диагностика конфликта/спора на предмет возможности применения технологии медиации; свойство правового спора, в силу которого он может быть урегулирован в процедуре медиации.

Медиативная (медиационная сессия) – время проведения одной процедуры медиации.

Медиативная оговорка – это условие об урегулировании спора в процедуре медиации, которое включается в текст договора между сторонами; соглашение сторон, заключенное в письменной форме до возникновения спора или споров.

Медиативная сессия – эпизод процедуры медиации длящийся 2,5–3 часа. Для эффективного ведения переговоров процесс медиации со сторонами разбивается на несколько М. с.

Медиативное соглашение – соглашение, достигнутое сторонами в результате применения процедуры медиации к спору или спорам, к отдельным разногласиям по спору и заключенное в письменной форме.

Медиативное соглашение – соглашение, достигнутое сторонами в результате применения процедуры медиации к спору или спорам, к отдельным разногласиям по спору и заключенное в письменной форме.

Медиативное соглашение – соглашение, достигнутое сторонами в результате применения процедуры медиации к спору или спорам, к отдельным разногласиям по спору и заключенное в письменной форме.

Медиативное соглашение – соглашение, заключенное сторонами по результатам переговоров.

Медиативный (медиационный) – относящийся к медиации.

Медиативный подход – подход, основанный на принципах медиации, предполагающий владение навыками позитивного осознанного общения, создающими основу для предотвращения и (или) эффективного разрешения споров и конфликтов в повседневных условиях без проведения медиации как полноценной процедуры.

Медиатор, медиаторы – независимое физическое лицо, независимые физические лица, привлекаемые сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора. М. оказывает сторонам содействие на основе определенной техники ведения переговоров.

Медиаторский – относящийся к медиатору, медиации; медиативный, медиационный.

Медиационные компетентности – совокупность профессиональных знаний и навыков в области медиации, эффективной коммуникации, в анализе структуры конфликта, в организации и ведении переговоров.

Медиационные компетентности – совокупность профессиональных знаний и навыков в области медиации, эффективной коммуникации, в анализе структуры конфликта, в организации и ведении переговоров.

Медиация – альтернативный суду способ урегулирования споров (альтернативное разрешение споров, АРС; alternative dispute resolution, ADR), добровольные переговоры конфликтующих сторон с участием независимого посредника – медиатора.

Медиация – процесс внесудебного решения споров и проведения переговоров с помощью специального нейтрального посредника (медиатора).

Медиация оценочная (оценивающая) – медиация с расширенными полномочиями медиатора, который может высказывать свое мнение по существу спора. Целью М. о. является заключение соглашения, которое было бы максимально приближено к наиболее вероятному судебному решению в том случае, если бы спор рассматривался в суде. М. о. является «нестандартной разновидностью» медиации, наиболее часто используется на досудебном или судебном этапе урегулирования имущественных, трудовых и иных гражданских споров.

Нарративная медиация – стиль медиации, при котором медиаторы и участники конфликта оказывают продолжительное влияние друг на друга в ходе диалога. Н. м. базируется на практике нарративной терапии и выглядит как процесс, где участники излагают свой взгляд на происходящее. Стороны в Н. м. рассматриваются как эксперты в своей собственной жизни, которым необходимо помочь найти более предпочитаемые истории о себе и своей идентичности.

Обследование – анализ конфликта, проводимый после обращения одной из сторон, заключающийся в знакомстве с историей конфликта и выявлении всех его участников. Цель О. – сбор полной информации для выделения сторон, которых необходимо пригласить за стол переговоров.

Онлайн-медиация (e-mediation, разрешение споров онлайн) – модель медиации, реализуемая в цифровой среде: при помощи обмена электронными письмами, аудио- и видеозвонками, посредством общения в чате.

Организация, осуществляющая деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, – юридическое лицо, одним из основных видов деятельности которого является деятельность по организации проведения процедуры медиации, а также осуществление иных действий, предусмотренных Федеральным законом «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

Организация, осуществляющая деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, – юридическое лицо, одним из основных видов деятельности которого является деятельность по организации проведения процедуры медиации, а также осуществление иных действий, предусмотренных Законом о медиации.

Переговоры – это процесс, в котором принимают участие, как минимум, два человека, направленный на обсуждение идей и возможных решений спора или конфликта на базе консенсуса.

Повестка дня – список важных для сторон спорных вопросов, требующих рассмотрения и обсуждения.

Подготовка проекта соглашения – стадия медиации, на которой подводится итог достигнутых договоренностей. Цель П. п. с. – составление работающего соглашения.

Посредник – лицо или организация, при участии которых ведутся переговоры между сторонами.

Посреднический – относящийся к посреднику и посредничеству.

Посредничество – содействие соглашению, сделке или примирению между сторонами.

Презентации сторон – стадия процесса медиации, на которой поочередно предоставляется возможность сторонам рассказать о том, что произошло, как они видят свою ситуацию и чего ожидают в результате переговоров.

Презентация сторон – стадия медиации после вступительного слова медиатора, заключающаяся в свободном рассказе каждой из сторон своего видения конфликта. Цель П. с. – предоставление возможности сторонам рассказать о том, что произошло, и как они видят свою ситуацию конфликта, спора.

Премедиация – комплекс действий организатора медиации по анализу и подготовке конфликта/спора для его дальнейшего урегулирования посредством переговоров с участием нейтрального посредника (медиации), а также организации проведения непосредственно процедуры медиации.

Премедиация (предмедиация) – подготовка к проведению медиации, предварительная встреча сторон с медиатором, которая происходит до начала самого процесса медиации, на которой медиатор разъясняет сторонам правила ее проведения, согласовывает условия проведения медиации, решает организационные вопросы.

Примирение – прекращение спора на согласованных сторонами условиях, юридически закрепленное в мировом соглашении или в ином правовом инструменте.

Примирительная процедура – порядок содействия примирению, восстановлению согласия, обсуждения условий прекращения спора. Переговоры спорящих сторон об условиях прекращения спора.

Принцип добровольности – правило, согласно которому начало и проведение примирительной процедуры, а также заключение и исполнение медиативного соглашения осуществляются на основе взаимного волеизъявления участников медиации.

Принцип конфиденциальности – правило, согласно которому сам факт проведения процедуры медиации, а также сведения и документы (в том числе устная информация), используемые при проведении медиации, не подлежат раскрытию, если иное не установлено соглашением сторон.

Принцип независимости и беспристрастности медиатора – правило, согласно которому медиатор в ходе проведения примирительной процедуры стремится к равному и справедливому отношению к сторонам, а также не

находится в организационной, функциональной и (или) иной прямой или опосредованной зависимости от сторон.

Принцип равноправия сторон – правило, согласно которому ни одна из сторон не имеет преимуществ по отношению к другой стороне, стороны имеют равные возможности на совершение всех процедурных действий.

Принцип сотрудничества – правило, согласно которому стороны при осуществлении поиска вариантов урегулирования спора должны содействовать друг другу с целью достижения конечного результата.

Принципы проведения медиации – фундаментальные, наиболее общие начала организации и осуществления примирительной процедуры с участием посредника; основополагающие правила поведения, морально-этические нормы и процессуальные основы конструктивного взаимодействия, которым должны следовать стороны спора и медиатор (посредник).

Профессиональная этика медиаторов – обязательные для каждого медиатора правила поведения при проведении процедуры медиации, основанные на нравственных критериях, целях и задачах медиативного урегулирования споров.

Процедура медиации – альтернативная процедура урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора; способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения; правила и порядок действий по урегулированию спора при содействии медиатора, в качестве процедуры медиацию регулируют законодательно.

Саморегулируемые организации – некоммерческие организации, созданные в целях саморегулирования, основанные на членстве, объединяющие субъектов предпринимательской деятельности, исходя из единства отрасли производства товаров или рынка произведенных товаров, либо объединяющие субъектов профессиональной деятельности определенного вида.

Служба школьной медиации – служба, созданная в образовательной организации и состоящая из работников образовательной организации, учащихся и

их родителей, прошедших необходимую подготовку и обучение основам метода школьной медиации и медиативного подхода.

Соглашение о применении процедуры медиации – соглашение сторон, заключенное в письменной форме до возникновения спора или споров (медиативная оговорка) либо после его или их возникновения, об урегулировании с применением процедуры медиации спора или споров, которые возникли или могут возникнуть между сторонами в связи с каким-либо конкретным правоотношением.

Соглашение о проведении процедуры медиации – соглашение сторон, с момента заключения которого начинает применяться процедура медиации в отношении спора или споров, возникших между сторонами.

Соперничество – стратегия поведения в конфликте, характеризующаяся стремлением одержать победу над соперником.

Сотрудничество – стратегия поведения в конфликте, характеризующаяся стремлением противоборствующих сторон совместными усилиями разрешить возникшую проблему.

Спор – это проблема, или конфликт, заключающаяся в различии мнений, носящая юридический или технический характер и переданная на рассмотрение комитету по урегулированию споров, арбитру или в суд.

Стадии медиативной сессии – взаимосвязанные этапы процедуры медиации с конкретными целями и задачами в четко организованном алгоритме встречи медиатора и сторон конфликта (спора). Традиционно выделяют следующие С. м. с.: открытие медиативной сессии, презентация сторон, дискуссия по выработке вопросов (тем для обсуждения), индивидуальные беседы со сторонами конфликта (кокусы), общая сессия (дискуссия по выработке предложений), подготовка проекта соглашения, завершение медиации (выход из медиации).

Стороны – субъекты отношений, желающие урегулировать спор с помощью процедуры медиации.

Технология медиации – специальная технология переговоров для работы с конфликтом. В качестве технологии медиация не подлежит регламентации, представляя собой набор специальных приемов, навыков и умений.

Трансформативная медиация (трансформационная, преобразующая) – стиль медиации, в котором роль медиатора заключается в содействии восстановлению отношений между сторонами и в предоставлении им ресурсов для разрешения спора. Отличительной особенностью Т. м. является возможность сторон самим определять ход медиации, а не следовать указаниям медиатора; урегулирование спора здесь не является основным критерием успешности медиации.

Третьи лица, не участвующие в процедуре медиации, – иные, помимо сторон спора участники, на чьи права и обязанности может повлиять принимаемое медиативное соглашение.

Уступка – стратегия поведения в конфликте, характеризующаяся стремлением уйти от конфликта при восприятии предмета конфликта как не существенного для себя и значимого для соперника.

Уход (игнорирование) – стратегия поведения в конфликте, характеризующаяся стремлением уйти от конфликта при восприятии предмета конфликта в качестве не существенного как для себя, так и для соперника.

Фасилитация – искусство руководить собеседниками в процессе какой-либо встречи, дискуссии или коллективного принятия решений для достижения благоприятного исхода (в частности, в ситуациях постановки целей, принятия решений или подписания соглашения).

Школьная медиация – инновационная технология медиации, расчитанная на использование во всех институтах, принимающих участие в формировании личности ребенка. Ш. м. реализуется в так называемых «школьных службах примирения» (см. Школьные службы примирения).

Этномедиация (этнокультурная медиация) – модель медиации, используемая в практике урегулирования конфликтов в условиях межэтнической напряженности.

Язык медиации – язык, используемый при проведении медиации.

Приложение В

(справочное)

Текст Федерального закона о медиации

Федеральный закон
«Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»

Принят Государственной Думой	7 июля 2010 года
Одобрен Советом Федерации	14 июля 2010 года

(В редакции федеральных законов от 02.07.2013 № 185-ФЗ, от 23.07.2013 № 233-ФЗ, от 26.07.2019 № 197-ФЗ)

Статья 1. Предмет регулирования и сфера действия настоящего Федерального закона

1. Настоящий Федеральный закон разработан в целях создания правовых условий для применения в Российской Федерации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора (процедуры медиации), содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений.

2. Настоящим Федеральным законом регулируются отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений. *(В редакции Федерального закона* от 26.07.2019 № 197-ФЗ*)*

3. Если споры возникли из иных, не указанных в части 2 настоящей статьи, отношений, действие настоящего Федерального закона распространяется на отношения, связанные с урегулированием таких споров путем применения процедуры медиации только в случаях, предусмотренных федеральными законами.

4. Процедура медиации может применяться после возникновения споров, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства, административного судопроизводства и судопроизводства в арбитражных судах. *(В редакции Федерального закона* от 26.07.2019 № 197-ФЗ*)*

5. Процедура медиации не применяется к коллективным трудовым спорам, а также спорам, возникающим из отношений, указанных в части 2 настоящей статьи, в случае, если такие споры затрагивают или могут затронуть права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы.

6. Положения настоящего Федерального закона не применяются к отношениям, связанным с оказанием судьей или третейским судьей в ходе судебного или третейского разбирательства содействия примирению сторон, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Статья 2. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе

Для целей настоящего Федерального закона используются следующие основные понятия:

1) стороны – желающие урегулировать спор с помощью процедуры медиации субъекты отношений, указанных в статье 1 настоящего Федерального закона;

2) процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения;

3) медиатор, медиаторы – независимое физическое лицо, независимые физические лица, привлекаемые сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора;

4) организация, осуществляющая деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, – юридическое лицо, одним из основных видов деятельности которого является деятельность по организации проведения процедуры медиации, а также осуществление иных предусмотренных настоящим Федеральным законом действий;

5) соглашение о применении процедуры медиации – соглашение сторон, заключенное в письменной форме до возникновения спора или споров (медиативная оговорка) либо после его или их возникновения, об урегулировании с применением процедуры медиации спора или споров, которые возникли или могут возникнуть между сторонами в связи с каким-либо конкретным правоотношением;

6) соглашение о проведении процедуры медиации – соглашение сторон, с момента заключения которого начинает применяться процедура медиации в отношении спора или споров, возникших между сторонами;

7) медиативное соглашение – соглашение, достигнутое сторонами в результате применения процедуры медиации к спору или спорам, к отдельным разногласиям по спору и заключенное в письменной форме.

Статья 3. Принципы проведения процедуры медиации

Процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора.

Статья 4. Применение процедуры медиации при рассмотрении спора судом или третейским судом

1. В случае, если стороны заключили соглашение о применении процедуры медиации и в течение оговоренного для ее проведения срока обязались не обращаться в суд или третейский суд для разрешения спора, который возник или может возникнуть между сторонами, суд или третейский суд признает силу этого обязательства до тех пор, пока условия этого обязательства не будут выполнены, за исключением случая, если одной из сторон необходимо, по ее мнению, защитить свои права.

2. Если спор передан на рассмотрение суда или третейского суда, стороны могут применить процедуру медиации в любой момент до принятия решения по спору соответствующим судом или третейским судом. Отложение рассмотрения дела о споре в суде или третейском суде, а также совершение иных процессуальных действий определяется процессуальным законодательством.

Статья 5. Конфиденциальность информации, относящейся к процедуре медиации

1. При проведении процедуры медиации сохраняется конфиденциальность всей относящейся к указанной процедуре информации, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами, и случаев, если стороны не договорились об ином.

2. Медиатор не вправе разглашать информацию, относящуюся к процедуре медиации и ставшую ему известной при ее проведении, без согласия сторон.

3. Стороны, организации, осуществляющие деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, медиатор, а также другие лица, присутствовавшие при проведении процедуры медиации, независимо от того, связаны ли судебное разбирательство, третейское

разбирательство со спором, который являлся предметом процедуры медиации, не вправе ссылаться, если стороны не договорились об ином, в ходе судебного разбирательства или третейского разбирательства на информацию о:

1) предложении одной из сторон о применении процедуры медиации, равно как и готовности одной из сторон к участию в проведении данной процедуры;

2) мнениях или предложениях, высказанных одной из сторон в отношении возможности урегулирования спора;

3) признаниях, сделанных одной из сторон в ходе проведения процедуры медиации;

4) готовности одной из сторон принять предложение медиатора или другой стороны об урегулировании спора.

4. Истребование от медиатора и от организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, информации, относящейся к процедуре медиации, не допускается, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами, и случаев, если стороны не договорились об ином.

Статья 6. Условие раскрытия медиатором информации, относящейся к процедуре медиации

В случае, если медиатор получил от одной из сторон информацию, относящуюся к процедуре медиации, он может раскрыть такую информацию другой стороне только с согласия стороны, предоставившей информацию.

Статья 7. Условия применения процедуры медиации

1. Применение процедуры медиации осуществляется на основании соглашения сторон, в том числе на основании соглашения о применении процедуры медиации. Ссылка в договоре на документ, содержащий условия урегулирования спора при содействии медиатора, признается медиативной оговоркой при условии, что договор заключен в письменной форме.

2. Процедура медиации может быть применена при возникновении спора как до обращения в суд или третейский суд, так и после начала судебного разбирательства или третейского разбирательства, в том числе по предложению судьи или третейского судьи.

3. Наличие соглашения о применении процедуры медиации, равно как и наличие соглашения о проведении процедуры медиации и связанное с ним непосредственное проведение этой процедуры, не является препятствием для обращения в суд или третейский суд, если иное не предусмотрено федеральными законами.

4. Проведение процедуры медиации начинается со дня заключения сторонами соглашения о проведении процедуры медиации.

5. Если одна из сторон направила в письменной форме предложение об обращении к процедуре медиации и в течение тридцати дней со дня его направления или в течение иного указанного в предложении разумного срока не получила согласие другой стороны на применение процедуры медиации, такое предложение считается отклоненным.

6. Предложение об обращении к процедуре медиации должно содержать сведения, указанные в части 2 статьи 8 настоящего Федерального закона.

7. Предложение об обращении к процедуре медиации может быть сделано по просьбе одной из сторон медиатором или организацией, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации.

Статья 8. Соглашение о проведении процедуры медиации

1. Соглашение о проведении процедуры медиации заключается в письменной форме.

2. Соглашение о проведении процедуры медиации должно содержать сведения:

1) о предмете спора;

2) о медиаторе, медиаторах или об организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации;

3) о порядке проведения процедуры медиации;

4) об условиях участия сторон в расходах, связанных с проведением процедуры медиации;

5) о сроках проведения процедуры медиации.

Статья 9. Выбор и назначение медиатора

1. Для проведения процедуры медиации стороны по взаимному согласию выбирают одного или нескольких медиаторов.

2. Организация, осуществляющая деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, может рекомендовать кандидатуру медиатора, кандидатуры медиаторов или назначить их в случае, если стороны направили соответствующее обращение в указанную организацию на основании соглашения о проведении процедуры медиации.

3. Медиатор, выбранный или назначенный в соответствии с настоящей статьей, в случае наличия или возникновения в процессе проведения процедуры медиации обстоятельств, которые могут повлиять на его независимость и беспристрастность, незамедлительно обязан сообщить об этом сторонам или в случае проведения процедуры медиации организацией, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, также в указанную организацию.

Статья 10. Оплата деятельности по проведению процедуры медиации

1. Деятельность по проведению процедуры медиации осуществляется медиатором, медиаторами как на платной, так и на бесплатной основе, деятельность организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, – на платной основе.

2. Оплата деятельности по проведению процедуры медиации медиатора, медиаторов и организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, осуществляется сторонами в равных долях, если они не договорились об ином.

Статья 11. Порядок проведения процедуры медиации

1. Порядок проведения процедуры медиации устанавливается соглашением о проведении процедуры медиации.

2. Порядок проведения процедуры медиации может устанавливаться сторонами в соглашении о проведении процедуры медиации путем ссылки на правила проведения процедуры медиации, утвержденные соответствующей организацией, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации.

3. В правилах проведения процедуры медиации, утвержденных организацией, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, должны быть указаны:

1) виды споров, урегулирование которых проводится в соответствии с данными правилами;

2) порядок выбора или назначения медиаторов;

3) порядок участия сторон в расходах, связанных с проведением процедуры медиации;

4) сведения о стандартах и правилах профессиональной деятельности медиаторов, установленных соответствующей организацией, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации;

5) порядок проведения процедуры медиации, в том числе права и обязанности сторон при проведении процедуры медиации, особенности проведения процедуры медиации при урегулировании отдельных категорий споров, иные условия проведения процедуры медиации.

4. В соглашении о проведении процедуры медиации стороны вправе указать, если иное не предусмотрено федеральным законом или соглашением сторон (в том числе соглашением о проведении процедуры медиации), на самостоятельное определение медиатором порядка проведения процедуры медиации с учетом обстоятельств возникшего спора, пожеланий сторон и необходимости скорейшего урегулирования спора.

5. Медиатор не вправе вносить, если стороны не договорились об ином, предложения об урегулировании спора.

6. В течение всей процедуры медиации медиатор может встречаться и поддерживать связь как со всеми сторонами вместе, так и с каждой из них в отдельности.

7. При проведении процедуры медиации медиатор не вправе ставить своими действиями какую-либо из сторон в преимущественное положение, равно как и умалять права и законные интересы одной из сторон.

Статья 12. Медиативное соглашение

1. Медиативное соглашение заключается в письменной форме и должно содержать сведения о сторонах, предмете спора, проведенной процедуре медиации, медиаторе, а также согласованные сторонами обязательства, условия и сроки их выполнения.

2. Медиативное соглашение подлежит исполнению на основе принципов добровольности и добросовестности сторон.

3. Медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной после передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, может быть утверждено судом или третейским судом в качестве мирового соглашения в соответствии с процессуальным законодательством или законодательством о третейских судах, законодательством о международном коммерческом арбитраже.

4. Медиативное соглашение по возникшему из гражданских правоотношений спору, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, представляет собой гражданско-правовую сделку, направленную на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей сторон. К такой сделке могут применяться правила гражданского законодательства об отступном, о новации, о прощении долга, о зачете встречного однородного требования, о возмещении вреда. Защита прав, нарушенных в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения такого медиативного соглашения, осуществляется способами, предусмотренными гражданским законодательством.

5. Медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, в случае его нотариального удостоверения имеет силу исполнительного документа. *(Часть введена – Федеральный закон* от 26.07.2019 № 197-ФЗ*)*

Статья 13. Сроки проведения процедуры медиации

1. Сроки проведения процедуры медиации определяются соглашением о проведении процедуры медиации. При этом медиатор и стороны должны принимать все возможные меры для того, чтобы указанная процедура была прекращена в срок не более чем в течение шестидесяти дней.

2. В исключительных случаях в связи со сложностью разрешаемого спора, с необходимостью получения дополнительной информации или документов срок проведения процедуры медиации может быть увеличен по договоренности сторон и при согласии медиатора.

3. Срок проведения процедуры медиации не должен превышать сто восемьдесят дней, за исключением срока проведения процедуры медиации после передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, не превышающего шестидесяти дней.

Статья 14. Прекращение процедуры медиации

Процедура медиации прекращается в связи со следующими обстоятельствами:

1) заключение сторонами медиативного соглашения – со дня подписания такого соглашения;

2) заключение соглашения сторон о прекращении процедуры медиации без достижения согласия по имеющимся разногласиям – со дня подписания такого соглашения;

3) заявление медиатора в письменной форме, направленное сторонам после консультаций с ними по поводу прекращения процедуры медиации ввиду нецелесообразности ее дальнейшего проведения, – в день направления данного заявления;

4) заявление в письменной форме одной, нескольких или всех сторон, направленное медиатору, об отказе от продолжения процедуры медиации – со дня получения медиатором данного заявления;

5) истечение срока проведения процедуры медиации – со дня его истечения с учетом положений статьи 13 настоящего Федерального закона.

Статья 15. Требования к медиаторам

1. Деятельность медиатора может осуществляться как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе.

2. Осуществлять деятельность медиатора на непрофессиональной основе могут лица, достигшие возраста восемнадцати лет, обладающие полной дееспособностью и не имеющие судимости. Осуществлять деятельность медиатора на профессиональной основе могут лица, отвечающие требованиям, установленным статьей 16 настоящего Федерального закона.

3. Деятельность медиатора не является предпринимательской деятельностью.

4. Лица, осуществляющие деятельность медиаторов, также вправе осуществлять любую иную не запрещенную законодательством Российской Федерации деятельность.

5. Медиаторами не могут быть лица, замещающие государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности государственной гражданской службы, должности муниципальной службы, если иное не предусмотрено федеральными законами.

6. Медиатор не вправе:

1) быть представителем какой-либо стороны;

2) оказывать какой-либо стороне юридическую, консультационную или иную помощь;

3) осуществлять деятельность медиатора, если при проведении процедуры медиации он лично (прямо или косвенно) заинтересован в ее результате, в том числе состоит с лицом, являющимся одной из сторон, в родственных отношениях;

4) делать без согласия сторон публичные заявления по существу спора.

7. Соглашением сторон или правилами проведения процедуры медиации, утвержденными организацией, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, могут устанавливаться дополнительные требования к медиатору, в том числе к медиатору, осуществляющему свою деятельность на профессиональной основе.

Статья 16. Осуществление деятельности медиатора на профессиональной основе

1. Осуществлять деятельность медиаторов на профессиональной основе могут лица, достигшие возраста двадцати пяти лет, имеющие высшее образование и получившие дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации. *(В редакции Федерального закона* от 02.07.2013 № 185-ФЗ*)*

11. Осуществлять деятельность медиаторов на профессиональной основе могут также судьи, пребывающие в отставке. Списки судей, пребывающих в отставке и изъявивших желание

осуществлять деятельность медиаторов на профессиональной основе, ведутся советами судей субъектов Российской Федерации. *(Часть введена – Федеральный закон* от 26.07.2019 № 197-ФЗ*)*

2. Организации, осуществляющие деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, могут создавать объединения в форме ассоциаций (союзов) и в иных предусмотренных законодательством Российской Федерации формах в целях координации своей деятельности, разработки и унификации стандартов и правил профессиональной деятельности медиаторов, правил или регламентов проведения процедуры медиации. Указанные организации могут быть членами саморегулируемых организаций медиаторов.

3. Процедура медиации по спорам, переданным на рассмотрение суда или третейского суда до начала проведения процедуры медиации, может проводиться только медиаторами, осуществляющими свою деятельность на профессиональной основе.

Статья 17. Ответственность медиаторов и организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации

Медиаторы и организации, осуществляющие деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, несут ответственность перед сторонами за вред, причиненный сторонам вследствие осуществления указанной деятельности, в порядке, установленном гражданским законодательством.

Статья 18. Саморегулируемая организация медиаторов

1. В целях разработки и установления стандартов и правил профессиональной деятельности медиаторов, а также порядка осуществления контроля за соблюдением требований указанных стандартов и правил медиаторами, осуществляющими деятельность на профессиональной основе, и (или) организациями, осуществляющими деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, могут создаваться саморегулируемые организации медиаторов.

2. Саморегулируемые организации медиаторов создаются в форме ассоциаций (союзов) или некоммерческих партнерств.

3. Организация приобретает статус саморегулируемой организации медиаторов со дня внесения сведений о ней в государственный реестр саморегулируемых организаций медиаторов и утрачивает статус саморегулируемой организации медиаторов со дня исключения сведений о ней из указанного реестра. Ведение государственного реестра саморегулируемых организаций медиаторов осуществляется федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством Российской Федерации.

4. Организация включается в государственный реестр саморегулируемых организаций медиаторов при условии ее соответствия следующим требованиям:

1) объединение в составе саморегулируемой организации медиаторов в качестве ее членов не менее чем ста физических лиц, осуществляющих деятельность медиаторов на профессиональной основе, или не менее чем двадцати организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации. Допускается объединение в составе одной саморегулируемой организации медиаторов физических лиц, осуществляющих деятельность медиаторов на профессиональной основе, и организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, в количестве не менее ста указанных физических лиц и организаций в совокупности. Указанные физические лица и организации должны соответствовать установленным настоящим Федеральным законом требованиям к членству в такой организации; *(В редакции Федерального закона* от 23.07.2013 № 233-ФЗ*)*

2) наличие утвержденного порядка осуществления контроля за качеством работы членов саморегулируемой организации медиаторов и принятого кодекса профессиональной этики медиаторов;

3) соответствие саморегулируемой организации требованиям, предусмотренным Федеральным законом от 1 декабря 2007 года № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (далее – Федеральный закон «О саморегулируемых организациях»).

5. Для осуществления деятельности в качестве саморегулируемой организации медиаторов в указанной организации должны быть созданы специализированные органы, осуществляющие контроль за соблюдением членами саморегулируемой организации медиаторов требований настоящего Федерального закона, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, стандартов и правил саморегулируемой организации медиаторов, условий членства в саморегулируемой организации медиаторов, а также рассмотрение дел о применении в отношении членов саморегулируемой организации медиаторов мер дисциплинарного воздействия.

6. Саморегулируемая организация медиаторов наряду с правами, определенными Федеральным законом «О саморегулируемых организациях», имеет право устанавливать в отношении ее членов требования, дополнительные к предусмотренным указанным Федеральным законом требованиям и обеспечивающие ответственность ее членов при осуществлении деятельности медиаторов.

7. Саморегулируемая организация медиаторов не может являться членом другой саморегулируемой организации медиаторов.

8. Медиатор, осуществляющий деятельность на профессиональной основе, и организация, осуществляющая деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, могут быть членами только одной саморегулируемой организации медиаторов.

9. Саморегулируемая организация медиаторов при приеме в свои члены медиаторов, осуществляющих деятельность на профессиональной основе, и организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, вправе предъявлять к ним дополнительные требования, связанные с осуществлением деятельности медиатора и не противоречащие настоящему Федеральному закону, другим федеральным законам.

10. Члены постоянно действующего коллегиального органа управления и специализированных органов саморегулируемой организации медиаторов могут совмещать исполнение функций членов этих органов с деятельностью медиаторов.

Статья 19. Основные функции саморегулируемой организации медиаторов

Саморегулируемая организация медиаторов осуществляет следующие основные функции:

1) разрабатывает и устанавливает условия членства медиаторов, осуществляющих деятельность на профессиональной основе, и организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, в саморегулируемой организации медиаторов;

2) устанавливает и применяет меры дисциплинарного воздействия в отношении своих членов;

3) ведет реестр членов саморегулируемой организации медиаторов;

4) представляет интересы членов саморегулируемой организации медиаторов в их отношениях с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, а также с международными профессиональными организациями медиаторов;

5) разрабатывает и утверждает стандарты и правила профессиональной деятельности медиаторов;

6) разрабатывает и утверждает правила деловой и профессиональной этики медиаторов, в том числе кодекс профессиональной этики медиаторов;

7) разрабатывает правила проведения процедуры медиации;

8) разрабатывает стандарты подготовки медиаторов;

9) осуществляет контроль за профессиональной деятельностью своих членов в части соблюдения ими требований настоящего Федерального закона, других федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, стандартов и правил саморегулируемой организации медиаторов, условий членства в саморегулируемой организации медиаторов;

10) организует информационное и методическое обеспечение своих членов в сфере осуществления деятельности медиаторов;

11) осуществляет иные функции, установленные Федеральным законом «О саморегулируемых организациях».

Статья 20. Вступление в силу настоящего Федерального закона

Настоящий Федеральный закон вступает в силу с 1 января 2011 года.

Президент Российской Федерации Д. Медведев

Москва, Кремль
27 июля 2010 года
№ 193-ФЗ

Приложение Г

(справочное)

Образцы документов медиатора

СОГЛАШЕНИЕ О ПРОВЕДЕНИИ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ*

г. Москва 10 февраля 2021 г.

(Фамилия Имя Отчество), паспорт ……, выдан ……., код подразделения …….., именуемый в дальнейшем **«Сторона 1»**, с одной стороны, и **(Фамилия Имя Отчество)**, паспорт ……, выдан …….., код подразделения …….., именуемый в дальнейшем **«Сторона 2»**, с другой стороны, вместе именуемые **«Стороны»**, медиатор Национальной ассоциации профессиональных медиаторов «Паритет» **Дубинина Ю.А.**, именуемая в дальнейшем **«Медиатор»**, заключили настоящее соглашение о проведении процедуры медиации и договорились о нижеследующем:

1. Предмет соглашения

1.1. В целях урегулирования возникшего между Сторонами спора Стороны в соответствии с настоящим соглашением дают свое согласие на участие в процедуре медиации.

1.2. Сторона 1 и Сторона 2 поручают и оплачивают, а Медиатор принимает на себя обязательство оказать услуги по проведению процедуры медиации, целью которых является разрешение существующего спора между Сторонами.

1.3. Предмет и описание спора, который Стороны готовы разрешить с использованием процедуры медиации: **Долговые обязательства, возникшие у стороны 2 перед Стороной 1 по договору займа от** (дата)**, заключенного между Сторонами**.

Данный спор в настоящее время рассматривается в ……. суде г. Москвы, дело № ……., судья (Фамилия И.О.).

Проведение процедуры медиации осуществляется в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника» и Правилами проведения процедуры медиации Национальной ассоциации профессиональных медиаторов «Паритет» (далее – Ассоциация «Паритет»).

1.4. Место и время проведения процедуры медиации: определяется индивидуально.

1.5. Услуга считается надлежащим образом оказанной Медиатором в случае заключения Сторонами между собой медиативного соглашения в его присутствии, а также в нижеперечисленных случаях:

1) заключения Сторонами медиативного соглашения, меморандума о взаимопонимании – со дня подписания такого соглашения / меморандума;

2) заключения соглашения Сторон о прекращении процедуры медиации без достижения согласия по имеющимся разногласиям – со дня подписания такого соглашения;

3) письменного заявления Медиатора о прекращении процедуры медиации ввиду нецелесообразности ее дальнейшего проведения – в день направления данного заявления;

4) письменного заявления Сторон, направленного Медиатору, об отказе от продолжения процедуры медиации – со дня получения Медиатором данного заявления;

5) истечения срока проведения процедуры медиации – со дня его истечения.

* Источник: Дубинина Ю.А. Медиатор. – М.: Проспект, 2021. – 224 с.

2. Представители сторон

(при наличии представителей)

2.1. В процедуре медиации со Стороны 1 вправе участвовать (Фамилия Имя Отчество), действующий на основании доверенности, выданной нотариусом г. Москвы (Фамилия И.О.).

В процедуре медиации со Стороны 2 вправе участвовать (Фамилия Имя Отчество), действующий на основании доверенности, выданной нотариусом г. Москвы (Фамилия И.О.).

2.2. Каждая из Сторон подтверждает, что ее представитель имеет все полномочия по участию в процедуре медиации (и принятию решений относительно урегулирования спора от ее имени) (если имеет). Каждая из Сторон должна незамедлительно уведомить Медиатора и другую Сторону в случае изменения вышеуказанных представителей.

3. Обязанности и права сторон

3.1. Обязанности Стороны 1 и Стороны 2:

3.1.1. Предоставить Медиатору до начала проведения процедуры медиации материалы, необходимые для надлежащего оказания услуг.

3.1.2. Оплатить услуги Медиатора в соответствии с условиями настоящего соглашения.

3.1.3. Соблюдать Правила и принципы проведения процедуры медиации (Приложение 1) и нести ответственность за их нарушение.

Правила проведения процедуры медиации являются неотъемлемой частью настоящего соглашения.

3.2. Обязанности Медиатора:

3.2.1. Надлежащим образом оказать услуги по проведению процедуры медиации.

3.2.2. Строго соблюдать принципы процедуры медиации.

3.2.3. По окончании проведения процедуры медиации уничтожить материалы, относящиеся к процедуре проведения медиации и спору, вернуть Сторонам переданные ему документы.

3.3. Права сторон:

3.3.1. Стороны имеют право предоставлять Медиатору любые материалы в период проведения им процедуры медиации.

3.4. Стороны обязаны воздерживаться от действий или поведения в отношении друг друга и Медиатора, которые могут осложнить ход процедуры медиации или создать препятствия для достижения согласия по спору.

3.5. Стороны вправе ходатайствовать об отложении разбирательства в суде или третейском суде / арбитраже, рассматривающем дело / принявшем к рассмотрению иск, предмет которого совпадает или связан с предметом спора, подлежащего урегулированию при проведении процедуры медиации в соответствии с настоящим соглашением в течение срока, определенного п. 2.4. настоящего соглашения.

3.6. Каждая из Сторон вправе в любой момент прекратить процедуру медиации на основании направленного Медиатору соответствующего письменного заявления. Процедура медиации может быть прекращена в связи с обстоятельствами, установленными законодательством Российской Федерации.

4. Ответственность Медиатора

4.1. Медиатор не вправе вносить предложения о способах урегулирования спора.

4.2. Роль Медиатора, специфика проведения процедуры медиации разъясняется Сторонам в Памятке о процедуре медиации, являющейся неотъемлемой частью настоящего соглашения.

4.3. Медиатор не несет ответственности как за содержание медиативного соглашения, заключенного Сторонами, так и за последствия, порождаемые заключенным Сторонами Медиативным соглашением.

4.4. Медиатор несет ответственность исключительно за соответствие проведения процедуры медиации Правилам проведения процедуры медиации (Приложение 1) и кодексу профессиональной этики, принятым Ассоциацией «Паритет», и требованиям законодательства Российской Федерации.

5. Конфиденциальность информации,
полученной в результате процедуры медиации

5.1. Сторонам известно, что сведения, полученные ими в ходе процедуры медиации, являются конфиденциальными, и они не вправе ссылаться на них в случае передачи для рассмотрения спора в суд / третейский суд / арбитраж.

В том числе:

– о предложении одной из Сторон об использовании процедуры медиации, а равно о согласии другой Стороны на участие в данной процедуре;

– о мнениях или предложениях, высказанных каждой из Сторон в отношении возможного урегулирования спора;

– о признаниях, сделанных каждой из Сторон в ходе процедуры медиации;

– о готовности одной из Сторон принять предложение другой Стороны о способах урегулирования спора.

5.2. Медиатор не вправе раскрыть одной из Сторон информацию, полученную от другой Стороны, без согласия Стороны, сообщившей эту информацию.

5.3. Медиатор не может быть допрошен судом по обстоятельствам, ставшим ему известными в данной процедуре медиации.

5.4. Медиативное соглашение, заключенное Сторонами, передается в материалы дела № ……

6. Стоимость услуг, порядок расчетов

6.1. Стороны несут расходы по оплате услуг Медиатора в равных долях (если не договорились иначе).

6.2. Стоимость услуг Медиатора по настоящему соглашению определяется Прайсом Ассоциации «Паритет», который является неотъемлемой частью данного соглашения (Приложение 2).

6.3. Стороны обязуются осуществить предоплату услуг в виде регистрационного взноса в размере пять тысяч рублей до начала проведения процедуры медиации. Регистрационный взнос является невозвратным в случае полного исполнения Медиатором работ, определенных перечнем обязательных работ по регистрационному взносу, указанному в Прайсе Ассоциации «Паритет».

6.4. Стороны обязуются полностью оплатить стоимость услуг Медиатора путем перечисления денежных средств на расчетный счет Медиатора (Ассоциации «Паритет»), указанный в настоящем соглашении, в следующем порядке:

– регистрационный взнос – в момент подачи заявления;

– оплата кокусов (индивидуальных встреч) – по выставленному счету, после подписания Акта выполненных работ;

– оплата медиативного соглашения – по выставленному счету, после подписания Акта выполненных работ.

6.5. Оплата производится в течение трех банковских дней после заключения медиативного соглашения или иного способа завершения спора, указанного в п. 1.4.

6.6. Стороны обязуются дополнительно возместить все расходы Медиатора, связанные с исполнением своих обязательств по соглашению (стоимость билетов, телефонных переговоров и т.д.). Стоимость дополнительных услуг определяется счетом, выставленным Медиатором Сторонам.

6.7. При отказе от услуг Медиатора любой из Сторон Стороны оплачивают фактически проведенную работу Медиатора.

7. Ответственность Сторон
и порядок разрешения споров

7.1. Стороны несут ответственность в соответствии с действующим законодательством РФ.

7.2. Все споры и разногласия, вытекающие из настоящего соглашения или в связи с ним, подлежат урегулированию с помощью процедуры медиации, проводимой Национальной ассоциацией профессиональных медиаторов «Паритет» в соответствии с ее Правилами. Стороны

обязуются прибегнуть к указанной процедуре прежде, чем обратиться к любому другому способу разрешения споров (арбитраж, суд, третейский суд и т.д.).

7.3. В случае если Стороны не могут прийти к соглашению, все споры и разногласия, касающиеся исполнения обязательств, предусмотренных данным соглашением, подлежат рассмотрению в соответствии с действующим законодательством РФ.

8. Расторжение и исполнение соглашения

8.1. Право на досрочное расторжение соглашения возможно в следующих случаях:

8.1.1. Любая из Сторон отказывается от оказания для нее услуги, подав официально Заявление о выходе из процедуры медиации.

8.1.2. Медиатор принимает решение о том, что продолжение проведения процедуры медиации не может завершиться заключением медиативного (мирового) соглашения или иного способа разрешения спора, удовлетворяющего интересы Сторон.

8.2. Любая из Сторон имеет право расторгнуть настоящее соглашение, письменно предупредив об этом другую Сторону и Медиатора за два дня до даты расторжения с указанием причины расторжения соглашения.

9. Заключительные положения

9.1. Настоящее соглашение может быть изменено или расторгнуто по соглашению Сторон или по требованию одной из Сторон.

9.2. В случае возникновения споров между Сторонами в связи с исполнением настоящего соглашения Стороны примут все меры к разрешению их путем переговоров.

9.3. Во всем, что не предусмотрено настоящим соглашением, Стороны руководствуются законодательством РФ.

9.4. Все письменные уведомления направляются:

Стороне 1 по e-mail: _____;

Стороне 2 по e-mail: _____;

Медиатору по e-mail: _____.

9.5. При изменении данных, указанных в п. 9.4 настоящего соглашения, Стороны информируют об изменениях друг друга и посредника в письменной форме в течение трех дней.

9.6. Настоящее соглашение составлено в 3-х экземплярах, имеющих одинаковую юридическую силу, по одному для каждой Стороны и один для Медиатора (организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации).

9.7. Все Приложения, изменения и дополнения к настоящему соглашению действительны лишь в том случае, если они совершены в письменной форме и подписаны всеми Сторонами соглашения.

10. Дополнительные условия

(могут отсутствовать)

10.1. Сторона 1 и Сторона 2 договорились не начинать судебные разбирательства по делу № …….. раньше 60 (Шестидесяти) дней со дня заключения настоящего соглашения.

Сторона 1 с Прайсом _____(название организации) и Правилами проведения процедуры медиации ознакомлена _____(Ф.И.О.)

Сторона 2 с Прайсом _____(название организации) и Правилами проведения процедуры медиации ознакомлена _____(Ф.И.О.)

МЕДИАТИВНОЕ СОГЛАШЕНИЕ*

г. Москва **«11» июля 2024 года**

ФИО_____(_____ г.р., паспорт _____, выдан _____, адрес регистрации____), далее именуемая «Мать», с одной стороны,

ФИО_____(_____г.р., паспорт _____, выдан _____, адрес регистрации: _____), далее именуемый «Отец»,

являющиеся Сторонами процедуры медиации, далее по тексту при совместном упоминании именуемые «Стороны», и каждая по отдельности - «Сторона»,

при содействии медиатора, работающего на профессиональной основе, Ширяевой Юлии Викторовны, далее именуемой **«Медиатор»**,

с целью мирного урегулирования спора по делу № 02-_____/2024, рассматриваемого Бутырским районным судом города Москвы, заключили настоящее Медиативное соглашение (далее - «Соглашение») о нижеследующем:

1. Процедура медиации осуществлялась в рамках работы комнаты примирения Бутырского районного суда города Москвы в соответствии с Федеральным законом № 193-ФЗ от 27.07.2010 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации на основании Соглашения о проведении процедуры медиации №_____от _____.

Медиатором Стороны избрали Ширяеву Юлию Викторовну (свидетельство медиатора № 2092 от 07.07.2011, диплом № 6032 от 07.08.2023).

2. Предметом процедуры медиации является спор, находящийся в производстве Бутырского районного суда города Москвы в рамках дела № 02-_____2024 об определении места жительства несовершеннолетнего ребенка и порядка общения с ребенком.

3. В ходе процедуры медиации установлено, что брак между Сторонами расторгнут _____. В браке рождена дочь _____ (свидетельство о рождении IX-МЮ № 543026).

4. По итогам процедуры медиации Стороны договорились о следующем:

……..

4.8. Срок действия настоящих договоренностей – до достижения несовершеннолетней возраста 10 лет.

5. Соглашение утверждается в качестве Мирового соглашения в соответствии с пунктом 3 статьи 12 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в соответствии с процессуальным законодательством.

Стороны подтверждают, что им известно о том, что мировое соглашение исполняется лицами, его заключившими, добровольно в порядке и в сроки, которые предусмотрены этим соглашением.

Мировое соглашение, не исполненное добровольно, подлежит принудительному исполнению на основании исполнительного листа, выдаваемого судом по ходатайству Стороны.

* Источник: https://crimea-mediatio.ru/data/documents/MEDIATIVNOE-SOGLAShENIE-fiz-lico.docx

6. Соглашение не нарушает права и законные интересы других лиц и не противоречит закону.

7. В случае возникновения вопросов, связанных с уточнением порядка исполнения настоящего соглашения, Стороны обращаются к Медиатору для их урегулирования.

8. Соглашение составлено в 4 (четырех) экземплярах, имеющих равную юридическую силу: по одному экземпляру для Сторон Соглашения, Бутырского районного суда города Москвы, Медиатора.

9. Настоящее Соглашение вступает в силу с момента его утверждения Бутырским районным судом города Москвы в качестве мирового соглашения.

Подписи Сторон и Медиатора:

Мать:_____ /_____/

Отец: _____/_____/

Медиатор _____/_____/